АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

М. П. ИРОШНИКОВ

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ И НАРОДНЫЕ КОМИССАРИАТЫ

ОКТЯБРЬ 1917 г. – ЯНВАРЬ 1918 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1966

Ответственный редактор
С. Н. ВАЛК

1-6-4
22-66

Матери моей —
Фаине Михайловне
ИРОШНИКОВОЙ
посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет своей целью изучение истории Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов в период с 25 октября 1917 г. до февраля 1918 г., который, как известно, был охарактеризован В. И. Лениным как первый этап пролетарской революции, время триумфального шествия Советской власти. На основе привлеченных к исследованию печатных и архивных материалов в работе предпринята попытка с возможно большей определенностью выяснить главные моменты этой истории и охарактеризовать связанные с нею основные сюжеты. По вполне понятным причинам, однако, автор не ставил своей целью полное и всестороннее изучение всех вопросов начальной истории СНК и народных комиссариатов, теснейшим образом связанной со всей историей Советского государства и общества в первый период его существования. Главной задачей настоящего исследования является рассмотрение одной только стороны этой сложной и обширной темы, а именно — истории создания Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов и организации их аппарата в первые месяцы после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Автор стремился при этом показать огромную роль, которую сыграли в строительстве центрального аппарата управления Советской власти большевистская партия, ее Центральный комитет, В. И. Ленин, Петроградская, а также Московская партийные организации. Особое внимание в работе уделено характеристике активного и широкого участия в создании советского государственного аппарата лучших представителей трудящихся, направленных в распоряжение Советского правительства, народных комиссаров и помогавших им Военно-революционного и Военно-морского революцион-

миссариатов в помещениях бывших министерств. И, наконец, в четвертой, заключительной, главе этой части и всего исследования в целом подведены первые итоги по ликвидации организованного массового чиновничьего саботажа и созданию советских народных комиссариатов.

В процессе работы автор уже опубликовал по теме исследования ряд статей.[2]

[2] См.: Первые декреты в Совете Народных Комиссаров. Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М. —Л., 1963; Опубликование Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных дипломатических документов. «Археографический ежегодник за 1963 год», М., 1964; Из истории организации Народного комиссариата иностранных дел. «История СССР», 1964, № 1; Начальная история советских народных комиссариатов. Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.—Л., 1964; О тексте ленинского декрета «О земле». Исследования по отечественному источниковедению. М. —Л., 1964; В. И. Ленин и создание рабочего аппарата Совета Народных Комиссаров (октябрь 1917—январь 1918 г.). «Советское государство и право», 1965, № 4.

ВВЕДЕНИЕ

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России был создан принципиально новый государственный аппарат управления — советские организации во главе с Советским правительством. «Опыт СССР доказал, — говорится в принятой XXII съездом новой Программе КПСС, — что основным орудием социалистического преобразования общества служит **социалистическое государство.** Оно организует и сплачивает массы, осуществляет плановое руководство экономическим и культурным строительством, обеспечивает защиту революционных завоеваний народа».[1]

Изучение того, каким образом решалась в начальный период существования Советской власти вставшая перед большевистской партией во главе с В. И. Лениным важнейшая задача «организовать *управление* Россией»,[2] представляет поэтому научный и практический интерес. Вполне понятно, что история создания и налаживания деятельности центрального аппарата управления Советского государства всегда привлекала к себе внимание отечественных исследователей-историков, а также ученых — юристов, экономистов, философов.

В первые после победы Октябрьской революции годы и в последующий период 20—30-х годов в литературе преобладали работы, в которых обычно давалась общая характеристика истории революции и строительства Советской власти в центре и на местах. В отдельных из этих работ содержались интересные материалы по начальной истории центральных органов Советского государства — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), Совета Народных Комиссаров (СНК, Совнарком), народных комиссариатов. Таковы, например, подготовленная по постановлению Президиума ВЦИК в ознаменование пятилетия Великого Октября книга «Пять лет власти Советов», изданные

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 331.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 172.

в 1925—1926 гг. под редакцией П. И. Стучки тома «Энциклопедии государства и права», опубликованный в 1928 г. первый том труда «Гражданская война 1918—1920 гг.».[3] Некоторые сведения по истории организации отдельных органов центрального советского государственного аппарата были приведены также в работах, предметом изучения которых была главным образом политика Советской власти в той или иной области государственного управления. К числу таких работ можно отнести, например, работы Н. Орлова «Продовольственная работа Советской власти» и Л. Крицмана «Организация народного хозяйства в Советской России».[4]

Немногочисленные специальные исследования по интересующей нас теме, опубликованные за это время, принадлежали в основном историкам права и юристам. Одной из первых таких работ явилась напечатанная в 1922 г. в журнале «Советское право» статья В, Н. Дурденевского «Совет Народных Комиссаров». Как видно из текста статьи, автор поставил перед собой задачу «дать правильный подход к накопившемуся за четыре года материалу и его правильную систематизацию».[5] Решить эту задачу В. Н. Дурденевскому, однако, удалось далеко не в полной мере. На его Статье, содержавшей ряд интересных наблюдений, сказалось влияние буржуазной историко-правовой науки. Историю организации и деятельности Рабочего и Крестьянского правительства Советской России автор рассматривает на основании одних только законодательных материалов (преимущественно по сборникам «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства»), изолированно от конкретной исторической обстановки. Формально-юридический подход и приемы исследования позволили В. Н. Дурденевскому, например, установить даже некоторые отдельные внешние признаки сходства между Временным правительством и Советским правительством первого периода его существования.[6]

В следующем, 1923 г. была опубликована статья С. А. Пионтковского «Ленин в октябрьские дни 1917 г.».[7] Ее автором, круп-

[3] См.: Пять лет власти Советов. Под общей редакцией А. С. Енукидзе и др. М., 1922; Энциклопедия государства и права, тт. I—III. Под редакцией П. И. Стучки. М., 1925—1926; Гражданская война в 1918—1920 гг., т. I. Под общей редакцией А. С. Бубнова и др. М., 1928.

[4] Н. Орлов. Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М., 1918; Л. Крицман. Организация народного хозяйства в Советской России. В кн.: Ю. Ларин, Л. Крицман. Очерки хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России (1 ноября 1917—1 июля 1920 гг.). М., 1920.

[5] В. Н. Дурденевский. Совет Народных Комиссаров. «Советское право», 1922, № 1, стр. 36. Рецензию на эту работу см.: «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 29—30, стр. 30—31.

[6] В. Н. Дурденевский, ук. соч., стр. 41.

[7] С. А. Пионтковский. Ленин в Октябрьские дни 1917 г. «Молодая гвардия», М., 1923, № 9—10.

ным советским историком, много сделавшим для исследования истории Октябрьской революции, была предпринята попытка начать «детальное изучение и восстановление всей конкретной картины событий».[8] С. А. Пионтковский имел в виду при этом исследовать прежде всего, каким образом был решен в Октябрьские дни коренной вопрос революции — вопрос о власти; как затем, после ее победы, была начата организация нового прав.ительственного аппарата и какова была во всем этом роль В. И. Ленина. Статья С. А. Пионтковского хотя несколько и устарела, но, как и другая его работа — «Ленин в Совнаркоме (от II до III съезда Советов)», опубликованная позднее, в 1934 г.,[9] до сих пор не утратила своего научного значения. Главным достоинством этих работ С. А. Пионтковского, основанных на внимательном изучении прежде всего трудов В. Л. Ленина и первых советских декретов, а также мемуарной литературы и периодической печати, является правильная характеристика огромной роли руководителя большевистской партии и главы Рабочего и Крестьянского правительства В. И. Ленина в обеспечении успеха Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и в создании Советского государства.

В конце 20-х годов появились также работы 3. Серебрянского, в которых рассматривались вопросы истории саботажа чиновников и служащих старой буржуазной государственной машины и первых шагов пролетарской диктатуры по созданию нового советского государственного аппарата. В 1926 г. в журнале «Пролетарская революция» была напечатана его небольшая, но содержательная статья «Саботаж и создание нового государственного аппарата». В измененном и несколько дополненном виде эта работа 3. Серебрянского вошла в качестве одного из разделов во вторую часть его книги «От керенщины к пролетарской диктатуре», вышедшей в свет спустя два года, в 1928 г.[10]

В 1935 г. была издана работа В. Ундревича и М. Каревой «Пролетарская революция и государственный аппарат», состоявшая из двух разделов: 1) Советы и государственный аппарат буржуазии от Февраля к Октябрю и 2) Октябрьская революция и государственный аппарат.[11] М. П. Карева, автор второго из указанных разделов (автором первого был В. Ундревич), помимо сочинений В. И. Ленина, официальных правительственных документов и документов большевистской партии, использовала в своей

[8] Там же, стр. 88.

[9] С. А. Пионтковский. Ленин в Совнаркоме (от II до III съездов Советов). «Борьба классов», 1934, № 1.

[10] 3. Серебрянский. 1) Саботаж и создание нового государственного аппарата. «Пролетарская революция», 1926, № 10 (57), стр. 5—17; 2) От керенщины к пролетарской диктатуре (очерки по истории 1917 года). М.—Л., 1928.

[11] В. Ундревич и М. Карева. Пролетарская революция и государственный аппарат (очерки борьбы за госаппарат в 1917—1918 гг.). М., 1935.

работе также некоторые опубликованные к этому времени в журналах и специальных изданиях архивные материалы, мемуарную литературу, периодическую печать, а также отдельные работы предшественников (например, указанную выше книгу З. Серебрянского). М. П. Карева изложила основные положения марксистско-ленинской теории по вопросу о ликвидации старого и создании нового государственного аппарата и показала, как осуществлялась эта теория в процессе Октябрьской революции и последующего строительства советского государственного аппарата в Петрограде, Москве и некоторых других районах страны. Специальный параграф работы был посвящен борьбе буржуазии за сохранение своего аппарата и роли соглашательских партий, выступивших в этой борьбе пособниками буржуазии. Оригинальное исследование М. П. Каревой, не избежавшее, конечно, недостатков, общих для всей литературы того периода, а также имевшее отдельные фактические неточности и противоречия (по вопросам, например, о времени перехода комиссий Совета Народных Комиссаров из Смольного в помещения бывших министерств, о конечных сроках ликвидации Советской властью аппарата местного самоуправления), в целом сохраняет, как нам представляется, свою научную ценность и в настоящее время.[12]

Наряду с указанными исследованиями в советской литературе рассматриваемого периода нельзя не отметить наличия еще одной группы работ, в которых в той или иной степени также затрагивались различные вопросы из истории организации Совнаркома и народных комиссариатов. Все эти работы (статьи, брошюры, выступления) носили мемуарный или полумемуарный характер, что определило их двойственное значение: не только со стороны историографической, но и как особого рода источника сведений, в ряде случаев незаменимых. Понятно, что именно вторая сторона этих работ самым существенным образом повлияла на их общее значение и место в исторической литературе, где они прежде всего и главным образом рассматриваются как особого рода источник. Поэтому представляется целесообразным и правильным более подробно остановиться на этих работах в следующем разделе настоящего исследования, посвященном обзору источников.

Первые после победы Октябрьской революции и последующие — 20-е годы в научной разработке интересующей нас темы явились, как видим, начальным, подготовительным периодом. В это время, по справедливому замечанию одного из названных выше авторов, З. Серебрянского, изучение истории первых месяцев Советской власти находилось «преимущественно в стадии

[12] Примерно в это же время (в 1936 г.) в журнале «Борьба классов» М. П. Каревой были опубликованы две небольшие статьи, посвященные истории ВЦИК в первые годы (1917—1922) Советской власти. См.: «Борьба классов», 1936, № 11, стр. 20—32, № 12, стр. 59—68.

собирания документов и мемуарного освещения эпохи».[13] При почти полном отсутствии работ монографического характера в литературе преобладали книги, брошюры и статьи, которые были написаны в популярной форме и имели своей главной целью ознакомить трудящихся с историей Великого Октября, рождения Советского государства и первых его важнейших мероприятий. В немногочисленных специальных исследованиях, как и в большинстве опубликованных в это время работ по истории первого этапа пролетарской диктатуры, изучение начального процесса строительства Советского государства и отдельных его звеньев производилось в явно недостаточной связи с их конкретной политической и экономической деятельностью.[14] Работы ряда авторов содержали немало фактических ошибок, страдали декларативностью и поверхностным изображением событий. Именно в 20-е годы коммунистической партии и первым немногочисленным тогда кадрам историков и юристов, стоявшим на марксистских позициях, пришлось выдержать острую борьбу с буржуазными, меньшевистскими и троцкистскими фальсификаторами истории Октябрьской революции и Советского государства за победу ленинской концепции ключевых проблем начальной истории советского общества.[15] Весьма существенно давала себя также знать узость источниковедческой основы литературы рассматриваемого периода. Как уже отмечалось выше, наиболее часто используемым источником тогда были законодательные акты, а также произведения мемуарной и полумемуарной литературы. Совершенно недостаточно привлекались документы большевистской партии. В малой степени использовались также и сведения, содержавшиеся в периодической печати, — советских, буржуазных и соглашательских газетах и журналах конца 1917—начала 1918 г. Почти неиспользованными остались, к сожалению, богатейшие архивные материалы. Для успешного решения основных вопросов интересующей нас темы необходима была дальнейшая глубокая и всесторонняя исследовательская работа.

В последующий период — со второй половины 30-х по начало 50-х годов эта работа в должной мере не была осуществлена. Определенное значение, правда, имел выход в свет в 1942 г. второго тома «Истории гражданской войны в СССР», переизданного затем в 1947 г. Специальный раздел главы об организации власти

[13] З. Серебрянский. От керенщины к пролетарской диктатуре, стр. 3.

[14] См.: Е. Н. Городецкий. Октябрьская революция и создание социалистического государства в освещении советской исторической литературы. В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, стр. 341.

[15] Подробный анализ историографии 20-х годов по интересующей нас теме см.: П. П. Никифорак. Историография создания и развития советской государственности (1917—1920 гг.). В кн.: Некоторые проблемы истории советского общества (историография). М., 1964.

был посвящен вопросам слома буржуазного аппарата власти и создания советского государственного аппарата и, как и весь том, во многом основывался на впервые привлеченных архивных документах.[16] В 1949 г. были опубликованы созданные коллективом научных сотрудников Всесоюзного института юридических наук «Очерки по истории органов Советской государственной власти», представлявшие собой, как указывали в предисловии авторы, первую попытку освещения истории организации этих органов с 1917 по 1947 г. (работа имела также подзаголовок: «Материалы к изучению советского государства и права»). Однако «Очерки» не преследовали, да и не могли дать сколько-нибудь подробное изложение, а тем более исследование истории органов Советского государства. Достаточно сказать, что характеристика всей истории организации Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов в 1917—1918 гг. изложена на 12 страницах.[17] Следует отметить изданную в том же 1949 г. работу Д. А. Чугаева «Первая конституция Советского государства». В главе первой данного исследования, основанного на изучении большого количества разнообразных источников, имелся также параграф о первых шагах строительства советского государственного аппарата.[18]

К этому времени относится появление первых работ, специально посвященных истории создания и деятельности отдельных важнейших звеньев центрального советского государственного аппарата. Таковы работы Е. И. Песикиной, М. И. Барсукова, А. А. Воронецкой, С. С. Хесина, Н. И. Шатагина.[19] Однако на этих ценных исследованиях, как и на других работах, вышедших в свет после издания в 1938г. «Краткого курса истории ВКП(б)», сказалось, к сожалению, отрицательное влияние культа личности И. В. Сталина, господствовавшего в те годы в изложении исторических событий. Именно поэтому в советской исторической литературе 30-х—начала 50-х годов при освещении истории Октябрьской революции и первых шагов Советской власти в области государственного строительства, как и в изучении всей истории советского общества, были допущены серьезные ошибки, а в ряде

[16] История гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1947, стр. 539—557.

[17] Очерки по истории органов Советской государственной власти. М., 1949, стр. 20—32.

[18] Д. А. Чугаев. Первая конституция Советского государства. М., 1949, стр. 10—26.

[19] Е. И. Песикина. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917—1918 гг. М., 1950; М. И. Барсуков. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения (октябрь 1917—июль 1918 гг.). М., 1951; А. А. Воронецкая. Организация Высшего совета народного хозяйства и его роль в национализации промышленности. «Исторические записки», 1953, т. 43; С. С. Хесин. Военные моряки в борьбе за власть Советов. М., 1953; Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1954.

случаев даже грубые искажения.[20] В соответствии с изложенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)» ошибочной концепцией Октябрьской революции в это время недостаточно глубоко показывалась огромная организаторская работа большевистской партии, ее Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным, Петроградской и Московской организаций; слабо освещалось активное участие в событиях Великого Октября лучших представителей революционных трудящихся России и их массовых организаций; незаслуженно замалчивались многие видные партийные и советские работники, которые активно участвовали в колоссальной работе по созданию невиданного еще в истории государства нового социалистического типа.

Решающие изменения в разработке истории Октябрьской революции и, в частности, в исследовании различных вопросов начальной истории Советского государства и его центрального аппарата произошли после состоявшегося в феврале 1956 года XX съезда КПСС.[22] Тесно связанные с общими успехами в изучении отечественной истории советского периода, эти изменения нашли свое выражение прежде всего в подготовке и опубликовании таких обобщающих трудов, как «История Коммунистической партии Советского Союза», «В. И. Ленин. Биография», «История СССР. Эпоха социализма», «История гражданской войны в СССР» (тт. III—IV), «Всемирная история» (т. VIII), «Советская историческая энциклопедия» (тт. I—VIII), «Краткая история СССР» (в двух частях).

Появился также целый ряд специальных исследований по истории создания и строительства государственного аппарата пролетарской диктатуры, ее высших (ВЦИК, СНК) и других важнейших центральных органов.

Предметом изучения работ Д. А. Чугаева, Б. М. Морозова, Е. Г. Гимпельсона, Г. С. Калинина явился общий процесс слома буржуазно-помещичьей государственной машины и строительства советского государственного аппарата в центре и на местах.

[20] См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964, стр. 35—67 и др.

[21] Г. Н. Голиков. Октябрьское вооруженное восстание 1917 года в советской историографии. В сб.: Материалы к Всесоюзной научной сессии, посвященной 45-летию Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Тез. докл. и сообщ., М., 1962, стр. 7.

[22] Подробнее см.: В. Г. Русляков а. Разработка истории Октябрьской революции после XX съезда КПСС. «Вопросы истории», 1960, № 5; Г. Н. Голиков. Об изучении истории Октябрьской революции. «Коммунист», 1960, № 10; Е. Н. Городецкий, ук. соч.

[23] Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины и создание советского государственного аппарата. В кн.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957, стр. 414—474; Б. М. Морозов. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 г.—март 1919 г.). М., 1957; Е. Г. Гимпельсон. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г.—июль 1918 г.). М., 1958; Г. С. Калинин.

Различным вопросам этой же темы посвящены напечатанные в периодических изданиях университетов и институтов Москвы, Ленинграда и других городов статьи И. В. Дубровиной, С. С. Гуревича, К. М. Мамаевой, М. О. Малышева, В. С. Петрова, А. С. Баринова, М. Н. Лучкина.[24]

Наряду с изучением процесса создания Советского государства в целом началось также более интенсивное исследование начальной истории отдельных наиболее важных его звеньев. Понятно, что особое внимание исследователей привлекли созданный в ходе Октябрьской революции чрезвычайный ее орган — Петроградский военно-революционный комитет (ВРК) [25] и образованные Вторым всероссийским съездом Советов высшие органы нового советского государственного аппарата — ВЦИК и СНК. Уже опубликован ряд работ, содержание которых сводится к характеристике истории создания и организации деятельности Рабочего и Крестьянского правительства в первые месяцы после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и огромной роли во всем этом В. И. Ленина.[26] О неослабевающем интересе советских исто-

Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства. М., 1959.

[24] И. В. Дубровина. Из истории создания советского государственного аппарата (октябрь 1917 г.—январь 1918 г.). «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. LX, вып. 4, 1958; С. С. Гуревич. Создание советского государственного аппарата (ноябрь 1917 г.—январь 1918 г.). «Ученые записки Дальневосточного университета», вып. 2, 1958; М. О. Малышев. Некоторые вопросы организации государственного аппарата в период становления Советской власти. «Ученые записки Ленинградского университета им. А. А. Жданова», № 255, сер. юридич. наук, вып. 10, 1958; В. С. Петров. Слом буржуазного аппарата — необходимое условие возникновения государства социалистического типа. «Ученые записки Ленинградского университета им. А. А. Жданова», № 255, сер. юридич. наук, вып. 10, 1958; К. М. Мамаева. Из истории создания советского государственного аппарата (октябрь 1917 г.—январь 1918 г.). «Ученые записки Рижского педагогического института». VII, 1958; А. С. Баринов. Из истории борьбы за слом буржуазного аппарата власти и создание центральных органов советского государственного аппарата (октябрь 1917 г.—январь 1918 г.). «Ученые записки Московского библиотечного института», вып. X, 1960; М. Н. Лучкин. Из истории борьбы с контрреволюционным саботажем. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. XCV, Труды Кафедры истории КПСС, вып. 8, 1961.

[25] Определенные итоги в изучении истории Петроградского ВРК подведены на Всесоюзной научной сессии, посвященной 45-летию Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде (см.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 144—201, 476—478, 485—502 и др.) и в соответствующем разделе новейшей монографии Е. Н. Городецкого (см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965, стр. 109—144).

[26] Е. П. Подвигина. Первые дни работы Совета Народных Комиссаров (1917 г.). В кн.: 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Материалы научной сессии ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. М., 1958; М. Н. Лучкин. Организация работы Совнаркома под руководством В. И. Ленина в первые месяцы после победы Октябрьской революции. «Ученые записки

риков к этой важнейшей теме свидетельствует одновременное появление в апрельских номерах журналов «Вопросы истории» и «Вопросы истории КПСС» за 1963 г. статей Э. В. Клопова и В. С. Орлова.[27] Э. В. Клопов также опубликовал в 1961 г. небольшое по объему, но содержательное исследование об одном из самых первых заседаний Советского правительства.[28]

Вопросы истории организации и деятельности Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета II созыва в большей или меньшей степени рассматривались во многих из указанных выше[29] и других[30] работах. Помимо этого, они получили также обстоятельное освещение в изданном в 1957 г. монографическом исследовании К. Г. Федорова «ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917—1920 гг.». Основанная на широком использовании фактического и в первую очередь законодательного и архивного материала, книга К. Г. Федорова, как отмечалось в печати, представила собой в целом успешную попытку всестороннего исследования темы.[31] По начальной истории ВЦИК за последнее время появились еще две содержательные работы. В 1961 г. Е. Н. Городецкий и Ю. П. Шарапов опубликовали книгу о жизни и деятельности крупнейшего организатора и строителя большевистской партии и Советского государства председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.[32] Написанная на основе многочисленных печатных источников и архивных документов, эта книга, точнее ее вторая часть,

Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 70, вып. 7. 1958; И. А. Ушаков. Образование Совета Народных Комиссаров на Втором съезде Советов. «Известия высших учебных заведений», Правоведение, 1959, № 4; М. О. Малышев. В. И. Ленин — организатор Советского правительства (от II до III Всероссийского съезда Советов). «Вестник ЛГУ», 1960, № 20, сер. ист. яз. и литературы, вып. 4; И. В. Загоскина и Ю. А. Ахапкин. В. И. Ленин — глава первого Советского правительства. М., 1960.

[27] Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров (ноябрь 1917—март 1918 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1963, № 4, стр. 7—19; В. С. Орлов. В. И. Ленин и создание аппарата первого в мире рабоче-крестьянского правительства. «Вопросы истории», 1963. № 4, стр. 12—27.

[28] Э. В. Клопов. Первый день деятельности В. И. Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров. «История СССР», 1961, № 2. Во время нахождения настоящей книги в производстве вышла в свет новая работа Э. В. Клопова, посвященная изучению государственной деятельности В. И. Ленина в октябре 1917—марте 1918 г. См.: Э. В. Клопов. Ленин в Смольном. М., 1965.

[29] См. работы Д. А. Чугаева, Б. М. Морозова, Е. Г. Гимпельсона, Г. С. Калинина, К. М. Мамаевой и др.

[30] См., например: А. С. Баринов. Слом буржуазного аппарата власти и борьба коммунистической партии за создание высших органов Советского государства (ВЦИК, СНК). «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. XLVI, вып. 4, 1956.

[31] См.: Ю. И. Авдеев, В. М. Клеандрова, О. И. Чистяков. Из истории Советского государства. «Вестник МГУ», 1960. № 1, стр. 67.

[32] Е. Н. Городецкий, Ю. П. Шарапов. Свердлов. Жизнь и деятельность. М., 1961.

излагающая послеоктябрьский период жизни и деятельности Я. М. Свердлова, содержит также ряд интересных наблюдений и сведений, относящихся к истории ВЦИК Советов II созыва. Особенно ценной в этом отношении представляется посвященная становлению центральных органов Советского государства вторая глава вышедшей в свет в 1965 г. монографии Е. Н. Городецкого, которая позволяет еще более полно восстановить картину организации и налаживания деятельности высшего советского государственного органа в первый период его существования.[33]

За последние годы отечественная литература существенно пополнилась и исследованиями, в которых рассматриваются вопросы истории организации и деятельности других важнейших органов центрального советского государственного аппарата — ВСНХ, Наркомфина и Государственного банка, Наркомата путей сообщения и Наркомпроса, ВЧК и Наркоминдела, Наркомвоена и Советского военно-морского флота. Это прежде всего работы С. Р. Гершберга, Е. Н. Городецкого, А. А. Нелидова, Б. П. Орлова, И. С. Смирнова, П. Г. Софинова, С. Ю. Выгодского, А. М. Гиндина, С. М. Кляцкина, Р. Н. Мордвинова.[34] История строительства центрального советского государственного аппарата в период проведения Октябрьской революции и упрочения Советской власти получила освещение в вышедшем в свет в 1962 г. коллективном труде научных сотрудников Института истории

[33] См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 145—212. В конце 1964 г. была опубликована еще одна работа, представляющая несомненный интерес для правильного и всестороннего освещения начальной истории ВЦИК Советов. См.: А. С. Покровский. Значение протоколов Президиума ВЦИК для изучения государственного строительства (ноябрь 1917 г.—июль 1918 г.). В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964, стр. 64—97.

[34] С. Р. Гершберг. В. И. Ленин и создание ВСНХ. «Вопросы истории», 1958, № 7; Е. Н. Городецкий. Демобилизация армии в 1917—1918 гг. «История СССР», 1958, № 1; А. А. Нелидов. Образование и начало деятельности Народного комиссариата продовольствия РСФСР и его местных органов (ноябрь 1917—апрель 1918 гг.). «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 13, 1959; Б. П. Орлов. Железнодорожный транспорт в первый год Советской власти. В кн.: Очерки по истории народного хозяйства СССР. М., 1959; И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917—лето 1918 г.). М., 1960; П. Г. Софинов. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1922 гг.). М., 1960; С. Ю. Выгодский. В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1960; А. М. Гиндин. 1) Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961; 2) Как большевики национализировали частные банки. М., 1962; С. М. Кляцкин. Начальный период строительства армии Советского государства (октябрь 1917—январь 1918 гг.). «История СССР», 1962, № 2; Р. Н. Мордвинов. Курсом «Авроры». Формирование Советского военно-морского флота и начало его боевой деятельности (ноябрь 1917—март 1919 гг.). М., 1962. Подробнее о литературе по истории советских народных комиссариатов см.: Е. Н. Городецкий. Октябрьская революция и создание социалистического государства в освещении советской исторической литературы, стр. 340—353.

АН СССР[35] и учебных пособиях, изданных тогда же МГУ им. М. В. Ломоносова и Московским государственным историко-архивным институтом.[36] В первой из этих работ, представляющей собой, как уже указывалось в нашей печати, «определенный шаг на пути исследования проблем социалистической революции в России», революционным преобразованиям в политической и экономической жизни страны в конце 1917—начале 1918 г. уделено большое место.[37] Однако эта в целом удачная книга, по словам самих авторов, является научно-популярным изданием, и поэтому, понятно, в ней не дано исчерпывающего изложения всех вопросов Октябрьской революции, и в том числе вопросов интересующей нас темы.[38] Из двух других работ, созданных, как уже указывалось, в учебных целях, следует отметить полезную, хотя и несколько перегруженную фактическим материалом книгу А. А. Нелидова, в которой, помимо сочинений В. И. Ленина, трудов Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина и других видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, партийных документов и советских законодательных актов, широко использованы также ведомственные издания различных органов центрального советского государственного аппарата, публикации документальных материалов и специальная литература. Вторая из этих двух работ — учебник по истории Советского государства и права — оказалась малоудачной и, как уже отмечалось в печати, содержит целый ряд серьезных теоретических и методологических ошибок.[39]

И, наконец, совсем недавно, в 1965 г. была опубликована неоднократно уже отмечавшаяся выше монография Е. Н. Городецкого, явившаяся результатом его многолетней работы по изучению истории Октябрьской революции и Советского государства.[40] Избрав для своего исследования весьма актуальную и интересную тему, Е. Н. Городецкий поставил перед собой задачу показать путем раскрытия последовательного хода острой политической борьбы в период триумфального шествия Советской власти, как происходило становление советской государственной системы в целом — от местных Советов до центральных органов диктатуры про-

[35] История Великой Октябрьской социалистической революции. Под редакцией П. Н. Соболева и др. М., 1962.

[36] История государства и права СССР. Ч. II. История советского государства и права. (Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для юридических институтов и факультетов). Под общей редакцией К. А. Софроненко. М., 1962; А. А. Нелидов. История государственных учреждений СССР. 1917—1939 гг. (Учебное пособие). М., 1962.

[37] См.: А. Кучкин, К. Гусев, А. Константинов. Книга по истории Великого Октября. «Коммунист», 1963, № 12, стр. 123—125.

[38] См.: История Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 5.

[39] См.: Ф. Петров, З. Двойрис. Серьезные методологические просчеты. «Коммунист», 1964, № 3, стр. 121—124.

[40] Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства.

летариата.[41] В центре внимания автора важные, неразрывно связанные с созданием советского государственного строя вопросы, такие как процесс превращения Советов из органов вооруженного восстания в единственные в стране органы власти, II и III Всероссийские съезды Советов, выработка в ходе революционной борьбы основ Советской конституции. Одновременно Е. Н. Городецкий предпринял рассмотрение истории строительства главных органов рабоче-крестьянской власти — ВЦИК и СНК, нового аппарата руководства экономикой страны и органов защиты революции и борьбы с контрреволюцией. Основанная на обширном архивном и печатном материале, живо и интересно написанная, книга Е. Н. Городецкого — первое в советской литературе и, на наш взгляд, удачное в целом монографическое исследование обобщающего характера, посвященное начальному периоду истории Советского государства. Наличие в книге спорных положений и отдельных фактических неточностей, на некоторых из которых мы в дальнейшем будем специально останавливаться при изложении соответствующих вопросов, понятно, не может существенно повлиять на общую положительную ее оценку. Монография Е. Н. Городецкого представляет собой новый шаг вперед в изучении ранней истории Советского государства.

В результате творческой активности советских историков в последовавший после XX съезда КПСС период в научной разработке начальной истории Советского государства и его центрального аппарата произошли, как видим, значительные сдвиги.

Решения XX и XXII съездов КПСС, направленные на утверждение ленинских норм в государственной и общественной жизни, выход в свет ряда до этого не публиковавшихся работ В. И. Ленина, принятие Центральным Комитетом КПСС постановлений по идеологическим вопросам — все это создало условия для повышения научно-теоретического уровня работ советских историков и исправления допущенных ранее в литературе ошибок методологического и конкретно-исторического характера. Открытие для историков доступа к материалам архивных фондов и широко развернувшееся в это время издание архивных документов, мемуарной литературы и других важных источников способствовали расширению источниковедческой основы большинства современных исторических исследований и в том числе ряда указанных выше работ.

Однако, несмотря на успехи, достигнутые в разработке истории рождения центрального советского государственного аппарата, как и в изучении других проблем истории СССР, исследование этой важной в политическом и научном отношении темы не завершено. Имеющуюся в настоящее время исследовательскую литературу о сломе в процессе Октябрьской революции старой буо-

[41] Там же, стр. 42.

жуазной государственной машины и создании нового советского государственного аппарата можно, как мы уже видели, подразделить на три основные группы работ: 1) по истории этого процесса в целом, 2) по истории высших советских государственных органов — ВЦИК и СНК и *3)* по истории других важнейших органов центрального советского государственного аппарата — ВСНХ, ВЧК и различных народных комиссариатов.

В большинстве из работ последней, третьей, группы исследуются главным образом политика Советской власти в той или иной области государственного управления и деятельность соответствующих народных комиссариатов, причем нередко это делается в широких хронологических рамках (по 20-е годы).[42] При этом, если об организации военных наркоматов, ВСНХ, ВЧК стало теперь известно несколько больше, то почти не получила специального освещения в исторической литературе история организации и налаживания деятельности народных комиссариатов Иностранных дел, Юстиции, Торговли и промышленности, Почт и телеграфов, Социального обеспечения, Государственного контроля. Недостаточно исследованы эти же вопросы применительно к истории народных комиссариатов Здравоохранения, Земледелия, Труда, Внутренних дел, Путей сообщения, По делам национальностей.

С другой стороны, многие работы первой группы излагают историю строительства Советского государства в целом, как в центре, так и на местах, и имеют, следовательно, несколько общий характер. В связи с этим рассмотрению истории народных комиссариатов в первые месяцы их существования уделено в большинстве из них сравнительно мало места. К тому же в работах этой группы обычно приводятся в качестве примера сведения об организации отдельных народных комиссариатов, а характеристика начальной истории всех остальных комиссариатов сводится к двум-трем общего характера абзацам, в которых без каких-либо ссылок на источники, как правило, отмечается, например, что в организации Наркоминдела участвовали рабочие завода «Сименс-Шуккерт»[43] и моряки Балтийского флота, Наркомвнудела — рабочие Путиловского завода, Народного комиссариата путей сообщения — рабочие Петроградского и Московского железнодорожных узлов, и т. д.[44] Объясняется это, по-видимому,

[42] См., например, указанные выше работы Н. И. Шатагина, П. Г. Софи-Вова, С. Ю. Выгодского и др.

[43] Это указание, кстати говоря, само по себе нуждается в уточнении, Так как в Петрограде в это время было два связанных с электромашиностроением завода «Сименс-Шуккерт». Один находился на Васильевском острове (ныне завод «Электроаппарат»), а другой (ныне завод «Электросила») — на Московском шоссе. К истории Наркоминдела самое прямое отношение имели, как увидим далее, рабочие первого из этих заводов.

[44] См., например: Е. Г. Гимпельсон, ук. соч., стр. 37—38; А. С. Баринов, ук. соч., стр. 14; К. М. Мамаева, ук. соч., стр. 31.

не только Некоторой спецификой тематики таких работ, но и явно недостаточным использованием архивных материалов, имеющихся в фондах народных комиссариатов Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР) и Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ЦГАНХ), в различных фондах архивохранилищ Ленинграда — Ленинградского партийного архива (ЛПА), Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО), а также ЦГАВМФ — Центрального государственного архива военно-морского флота. Единственным, пожалуй, фондом народного комиссариата (если не считать имеющихся в указанной выше работе Г. С. Калинина одной-двух ссылок на фонды Наркомюста и Наркомпрода ЦГАОР), на который можно найти ссылки в работах данной группы, является фонд *393* ЦГАОР — фонд Наркомвнудела.[45] В этом отношении следует выделить лишь новейшую книгу Е. Н. Городецкого и отмечавшуюся уже выше статью Д. А. Чугаева, в которых широко использованы материалы целого ряда фондов различных центральных архивохранилищ. Конкретно-историческое изучение истории организации народных комиссариатов в первые месяцы существования Советской власти нельзя поэтому считать завершенным. Между тем еще Н. К. Крупская отметила особый интерес, который представляет история первых шагов Советской власти в области создания нового аппарата управления, в деле налаживания работы наркоматов.[46]

Несмотря на недавнее опубликование упоминавшихся уже статей Э. В. Клопова и В. С. Орлова, нельзя также считать достаточным (это уже отмечалось в литературе) [47] и число специальных исследований, посвященных начальной истории Совета Народных Комиссаров; тем более что в некоторых из этих работ не использованы архивные источники, и они, понятно, содержат мало нового материала,[48] а в других рассматриваются лишь отдельные вопросы темы.[49] Следует выделить статьи М. Н. Лучкина, Е. П. Подвигиной и брошюру И. В. Загоскиной и Ю. А. Ахапкина. Эти работы, как и новейшие статьи Э. В. Клопова и В. С. Орлова, опираются на тщательное изучение хранящихся в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР материалов Совнаркома, а также и других источников и привлекают к себе внимание обстоятельным

[45] См., например, указанные выше работы А. С. Баринова и М. Н. Лучкина.

[46] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 337.

[47] См. Е. Н. Городецкий. Октябрьская революция и создание социалистического государства в освещении советской исторической литературы, стр. 343.

[48] Таковы указанные выше работы С. С. Гуревича и М. О. Малышева.

[49] См., например, указанную выше статью И. А. Ушакова.

изложением основных вопросов начальной истории Совнаркома.[50] Однако при всех своих достоинствах указанные работы имеют сравнительно небольшой объем, и уже в силу этого в них не могла быть в достаточно полной мере раскрыта интересующая их авторов тема.

В посвященной становлению центральных органов Советского государства второй главе отмеченной выше книги Е. Н. Городецкого ее автор, основываясь на тщательном изучении трудов В. И. Ленина, печатной литературы и материалов ЦПА ИМЛ, высказывает целый ряд интересных соображений об основных этапах начальной истории Совета Народных Комиссаров, выработке названия и структуры Советского правительства, формировании его состава, времени первого заседания СНК. Особое внимание Е. Н. Городецкий уделяет вопросу о возникновении и развитии такой важной особенности социалистической государственной системы, как соединение в Советах законодательной и исполнительной функций. Исходя из ленинских высказываний по данному вопросу, Е. Н. Городецкий характеризует в этом плане взаимоотношения ВЦИК и СНК в октябре 1917—январе 1918 гг. и совершенно правильно подчеркивает, что руководимый В. И. Лениным Совнарком осуществлял в своей практической деятельности эту принципиально важную черту Советов, как нового государственного аппарата.[51] Со всеми наблюдениями и выводами Е. Н. Городецкого по указанным и некоторым другим вопросам нам придется в дальнейшем постоянно считаться. Но, к сожалению, непосредственно относящиеся к истории создания и организации деятельности Совета Народных Комиссаров страницы занимают в данной Книге небольшое место,[52] так как ее автор, естественно, и не ставил своей задачей осуществить специальное конкретно-историческое рассмотрение всех основных вопросов начальной истории Совнаркома и его аппарата.

Все это подтверждает справедливость сделанного сравнительно недавно в журнале «Вопросы истории» указания на отсутствие Должного числа работ советских историков, в которых бы «шаг за шагом, этап за этапом был прослежен» путь создания и развития Советского государства.[53] Начальный этап этого пути, и, в частности, история организации центрального аппарата управления Советского государства, также требует своего дальнейшего изучения. Необходимость подготовки новых исследований, «обоб-

[50] На имеющихся в некоторых из этих работ отдельных неверных или требующих уточнения положениях мы в дальнейшем будем в необходимых случаях останавливаться специально.

[51] См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 178—179.

[52] Там же, стр. 145—159, 177—181, 184.

[53] М. П. Ким. О задачах изучения исторического опыта социалистического строительства в СССР в свете решений XXII съезда КПСС. «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 6.

щающих богатейший опыт развития Советского государства и показывающих выдающуюся роль В. И. Ленина в создании и развитии советской государственности», совсем недавно была отмечена в «Коммунисте».[54] Научная важность всестороннего раскрытия данной темы усугубляется непосредственно практическим интересом, который она вызывает в настоящее время.[55]

Нужны новые, специально посвященные этой теме исследовательские работы, в которых на основе глубокого изучения различных и в первую очередь архивных источников была бы воссоздана правдивая конкретно-историческая картина того, как в первые месяцы после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде происходило создание Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов и организация их аппарата.

* *
*

Для правильного подхода к изучению интересующей нас темы и исследования имеющегося по ней широкого круга разнообразных источников первостепенное значение представляют труды руководителя большевистской партии и основателя Советского государства В. И. Ленина. В месяцы, непосредственно предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин, по воспоминаниям Н. К. Крупской, неустанно думал и писал «о том, как надо перестроить весь государственный аппарат, как по-новому организовать массы, как по-новому переткать всю общественную „ткань", как выражался Ильич».[56]

Развивая марксистскую теорию государства и социалистической революции, В. И. Ленин открыл Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как новый, высший по сравнению с парламентарной демократической республикой тип политической формы диктатуры пролетариата,[57] и в созданных им в августе-сентябре 1917 г. трудах («Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Один из коренных вопросов революции», «Задачи революции», «Удержат ли большевики государственную власть?») разработал и определил программу первых основных шагов социалистической революции в области государственного строительства.[58] В связи с этим небезынтересно будет привести «суждение» распространенной буржуазной газеты того времени «День» по поводу последней из указанных ленинских

[54] «Коммунист», 1965, № 1, стр. 33.

[55] Об этом свидетельствует, например, появление статьи О. Олтяну «Слом старого и создание нового государственного аппарата на Кубе» («Известия высших учебных заведений», Правоведение, 1962, № 1).

[56] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 301.

[57] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 115, 162—163 и др.

[58] Там же, т. 33, стр. 1—120; т. 34, стр. 151—199, 200—207, 229—238, 287—339.

15 ноября (к которому относится протокол СНК №1), протоколы ведутся постоянно, на каждом заседании Советского правительства, и обычно содержат обозначение времени заседания, состава его участников, повестку дня и, наконец, записи о принятых решениях.

Особую ценность этим протоколам, подготавливавшимся секретарями СНК Н. П. Горбуновым, М. Н. Скрыпник и Е. К. Кокшаровой, придает то обстоятельство, что в их составлении деятельное участие принимал сам председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин, который руководил работой Советского правительства на всех заседаниях, на которых он присутствовал, формулировал его решения и постановления («. , .если только Ленин председательствовал, — свидетельствует, в частности, Е. К. Кокшарова, — то. . . все решения сформулированы им обязательно») [71] и затем просматривал и подписывал их.[72] Подготовленный протокол заседания СНК на следующий день обязательно представлялся управляющим делами В. Д. Бонч-Бруевичем на подпись В. И. Ленину.[73] Подлинники протоколов Совета Народных Комиссаров вместе с другими ленинскими документами хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 2 и ф. 19, оп. 1); копии протоколов СНК за интересующий нас период и последующее время находятся в ЦГАОР (ф. 130, оп. 1 и 2).

Участие В. И. Ленина в составлении протоколов СНК, его постоянный внимательный контроль, указания и требования определили не только чрезвычайную тщательность их подготовки, но и некоторое своеобразие — исключительную краткость и лаконичность как формулировок, так и самой протокольной записи, в которой, помимо времени заседаний и состава их участников, отмечались только внесенные в повестку вопросы и принятые по ним решения. О требованиях, предъявлявшихся В. И. Лениным к составителям протоколов СНК, и о порядке их подготовки ценные сведения сообщает Е. К. Кокшарова: «Владимир Ильич требовал, чтобы протоколы сразу оформлялись, и сразу давал формулировки. Оригиналом считался тот самый, который был составлен на самом заседании. Владимир Ильич не любил никаких черновиков и никаких дополнительных записей. Он просил записывать только то, что он формулировал. . . — „Записывайте только

Советской власти. М., 1933, стр. 104 и сл. См. также: Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 3. М., 1961, стр. 187—189.

[71] Стенограмма беседы с группой бывших сотрудников секретариата В. И. Ленина и группой работников коммутатора 5 июля 1946 г. (далее: Стенограмма). Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине, л. 9.

[72] Е. К. Кокшарова. Воспоминания о работе вторым секретарем Совнаркома в 1917—1918 гг. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2225, л. 6. См. также об этом: А. М. Коллонтай. Ленин в Смольном. В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, стр. 220.

[73] Стенограмма, л. 5; Е. К. Кокшарова, ук. соч., л. 6,

то, что подлежит внесению в официальном порядке“».[74] Стенографирования заседаний СНК не производилось, за все время пребывания Советского правительства в Петрограде была составлена одна единственная стенограмма его заседания от 5 марта 1918 г.[75] В связи со всеми этими обстоятельствами в протоколах СНК рассматриваемого времени не отражены, к сожалению, ни выступления докладчиков по внесенным в повестку вопросам, ни имевшийся, как правило, по этим вопросам обмен мнениями между народными комиссарами и другими участниками заседания, ни выступления, реплики и заключительное слово руководившего работой Совнаркома В. И. Ленина. О подготовительной работе к заседаниям Совнаркома можно судить по материалам, сохранившимся в приложениях к каждому из его протоколов — различным ленинским документам, проектам декретов и постановлений, докладным и пояснительным запискам народных комиссариатов и т. п., сосредоточенными в основном в ф. 19 ЦПАИМЛ. В Центральном партийном архиве ИМЛ имеются также другие, исключительно важные для исследования начальной истории Совнаркома, материалы. Хранящиеся в различных делах мало еще изученного и недостаточно используемого в литературе ф. 461 ЦПА ИМЛ, эти материалы (имеются в виду документы, содержащиеся в делах, с которыми мы имели возможность ознакомиться) относятся к первым послеоктябрьским месяцам и включают в себя главным образом обширную входящую корреспонденцию, адресованную в Совнарком и лично его председателю В. И. Ленину (письма, отношения, докладные записки, проекты смет, анкетные и справочные листы, заявления и т. д.), и разнообразные документы, связанные с созданием и организацией работы Управления делами СНК и прежде всего его секретариата (переписка, в частности, по вопросам подбора работников правительственного аппарата и налаживания его делопроизводства, различные списки, графики дежурств и т. д.).[76]

Для раскрытия интересующей нас темы вместе с тем большую ценность представляют многочисленные и разнообразные материалы ф. 130 (Совет Народных Комиссаров) ЦГАОР, отражающие как историю организации СНК и его аппарата, так и напряженную работу нового правительства в разных областях советского государственного строительства и, в частности, громадную переписку СНК и его председателя В. И. Ленина с различ-

[74] Стенограмма, л. 5.

[75] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 5432. Э. В. Клопов, обративший на это внимание, вместе с тем почему-то трижды указывает (не приводя при этом никаких дополнительных пояснений) иную дату данного заседания — 4 марта 1918 г. (см.: Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров, стр. 13—14).

[76] Из всех изученных нами материалов фонда 461 ЦПА ИМЛ наибольший интерес в этом отношении представляют сведения, содержащиеся в делах №№ 32989 и 32995,

ными ведомствами и учреждениями, организациями и предприятиями, частями армии и флота, собраниями и отдельными лицами. Выяснению основных моментов процесса формирования аппарата Совета Народных Комиссаров существенно способствует наличие в составе ф. 130 ЦГАОР большого количества материалов Управления делами СНК и в том числе таких документов, как например отношения Управления делами в Продовольственный отдел Петроградского ВРК в ноябре 1917 г., требовательная ведомость на выдачу заработной платы служащим Управления делами за весь период пребывания Совета Народных Комиссаров в Петрограде и, наконец, список лиц и отделов СНК, подлежавших эвакуации из Петрограда в Москву в начале марта 1918 г.[77] Имеющиеся в указанных фондах ЦПА ИМЛ и ЦГАОР материалы являются основным источником сведений по начальной истории Совнаркома и в сопоставлении с данными других источников позволяют с большей определенностью восстановить картину создания и организации работы Совнаркома и его аппарата.

Для изучения истории создания народных комиссариатов, помимо указанных уже источников (протоколов СНК, конечно, прежде всего), первостепенное значение также имеют отложившиеся в фонде Совнаркома ЦГАОР в виде отдельных дел материалы, непосредственно связанные с организацией и деятельностью почти всех народных комиссариатов (большой интерес, в частности, представляет д. 11 этого фонда, содержащее постановления, материалы, переписку, связанные с деятельностью НКИД в ноябре—первой половине декабря 1917 г.). Не менее важное значение для исследования начальной истории народных комиссариатов имеют фонды материалов этих учреждений, сосредоточенные главным образом в ЦГАОР (здесь хранятся фонды народных комиссариатов Внутренних дел, Юстиции, По делам национальностей, Труда, Просвещения) и ЦГАНХ (фонды ВСНХ, народных комиссариатов Финансов, Земледелия, Продовольствия, Почт и телеграфов, Путей сообщения). В числе изученных и использованных нами материалов указанных архивных фондов протоколы и журналы заседаний руководящих органов комиссариатов — их коллегий; обзоры, отчеты и исторические справки о деятельности комиссариатов за рассматриваемый период; штатные расписания, перечни и списки отделов комиссариатов и их сотрудников; приказы, положения, инструкции и циркуляры, изданные в комиссариатах по различным вопросам; и, наконец, материалы обширной переписки комиссариатов с СНК, ВЦИК, ВРК и между собой. Особое внимание было, естественно, уделено изучению материалов о борьбе с контрреволюционным чиновничьим саботажем и налаживании деятельности комиссариа-

[77] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 45, лл. 99—99 об., 107—107 об.; д. 99, лл. 1—5; оп. 2, д. 73, лл. 7—11.

тов во главе с их коллегиями, складывании организационной структуры комиссариатов и формировании состава новых работников их аппарата.

Существенную помощь исследователю, занимающемуся историей создания советских народных комиссариатов, оказывают имеющиеся научные публикации некоторых документальных материалов, связанных с деятельностью отдельных из этих комиссариатов. Таковы публикации ценных документальных источников по начальной истории Наркомвнудела (напечатанный Ф. В. Чебаевским «Доклад о деятельности Народного комиссариата внутренних дел»), Наркомвоена (составленная в декабре 1918 г. Н. М. Потаповым «Краткая справка о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции», опубликованная Е. Н. Городецким и С. М. Кляцкиным), Наркоминдела (сб. «Документы внешней политики СССР»), ВЧК (сб. документов «Из истории ВЧК»).[78] Для характеристики первых шагов Советского правительства в области внешней политики, направленных на достижение всеобщего справедливого демократического мира и выхода России из империалистической войны, и начальной истории Наркоминдела особый интерес представляют первенцы советской археографии, изданные в конце 1917—начале 1918 г. — сборники секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел.

Наряду с указанными выше архивными и опубликованными документами, отложившимися в процессе непосредственной деятельности Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов, в настоящей работе использованы также другие документальные источники. Это прежде всего документы, связанные с деятельностью II и III всероссийских съездов Советов, ВЦИК II созыва, ВРК и Военно-морского революционного комитета (ВМРК). Из напечатанных материалов следует выделить такие известные и широко используемые исследователями источники, как «Протоколы ВЦИК II созыва», различные издания материалов II и III съездов Советов, «Документы Великой пролетарской революции», «Донесения комиссаров Петроградского ВРК». Ценные, в ряде случаев впервые публикуемые источники по истории создания центрального аппарата Советской власти и деятельности СНК, ВЦИК и ВРК в области советского государственного строительства содержат такие фундаментальные издания, как подготовленный к 40-летию Великого Октября сборник документов и материалов «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» и вышедший в свет в 1963 г. сборник документов «Триумфальное шествие Советской власти» (в двух частях). В этих изданиях со-

[78] См.: «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 63—87; 1962, № 1, стр. 81—93; Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957; Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917—1921 гг. М., 1958.

держатся также интересные материалы об активном участии в борьбе с контрреволюционными чиновниками, разрушении старой государственной машины и создании нового советского государственного аппарата лучших представителей рабочего класса и революционного крестьянства, районных Советов Петрограда, фабрично-заводских комитетов и профсоюзных организаций, революционных частей армии и флота. При изучении деятельности Советов Петрограда в этой области особенно важное значение приобретают также ценные сведения, имеющиеся в опубликованных в 1927 г. в журнале «Красная летопись» протоколах Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов за ноябрь—декабрь 1917 г. и трехтомном издании документов «Районные Советы Петрограда в 1917 году».

Помимо этого, в данной работе использованы также материалы следующих фондов архивохранилищ Москвы и Ленинграда: ВЦИК, ВРК, Следственной комиссии Революционного трибунала при Петроградском Совете и Центрального совета фабзавкомов (ЦС ФЗК) ЦГАОР; Военно-морского революционного комитета и Народного комиссариата по морским делам ЦГАВМФ; Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Петроградского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Исполкома Петроградского губернского совета крестьянских депутатов и Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района Петрограда ГАОРСС ЛО; Воспитательного общества благородных девиц и Александровского института ГИА ЛО; Н. М. Потапова и Ю. С. Шпунта Отдела рукописных фондов Института истории АН СССР. При изучении материалов названных архивных фондов удалось обнаружить некоторые новые, до сих пор не приводившиеся в литературе документы, что позволило более обстоятельно охарактеризовать основные моменты начальной истории Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов, сделав при этом в ряде случаев необходимые уточнения.

Для характеристики действий контрреволюции в послеоктябрьское время, в частности в области организации и поддержки антисоветского чиновничьего саботажа, из документальных источников в настоящей работе привлечены: материалы, помещенные в напечатанном в 1918 г. сборнике «Октябрьский переворот. Факты и документы», опубликованные в 20-х годах в издаваемом Центрархивом журнале «Красный архив», протоколы ВЦИК I созыва и «подпольного» Временного правительства, а также некоторые документы Исполкома Всероссийского железнодорожного союза (ВикЖеля), напечатанные в изданном Комиссией по изучению истории Профессионального движения на транспорте (Истпрофтраном) в 1924 г. сборнике «Очерки по истории союза 1917 г.». В этих же целях использованы хранящиеся в Рукописном отделе ГПБ Имени М. Е. Салтыкова-Щедрина «Стенографические отчеты засе-

Дании Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г.» и документы Центрального комитета общественной безопасности и Союза инженеров, находящиеся соответственно в фондах Петроградской городской общественной управы и Петроградского губернского совета профсоюзов ГАОРСС ЛО.

Различные документальные материалы, опубликованные и находящиеся в архивохранилищах, представляют собой, конечно, главный, но в то же время не единственный источник, имеющийся в распоряжении исследователя, работающего над изучением интересующей нас темы. Другими видами источников, без использования которых нельзя, пожалуй, обойтись при исследовании данной темы, являются законодательные и другие официальные акты и материалы Советской власти за первые послеоктябрьские месяцы, обширная мемуарная литература и, наконец, советская и буржуазная периодическая печать рассматриваемого периода.

Чрезвычайно важным источником для исследования первых шагов в области строительства центрального аппарата Советского государства являются прежде всего декреты Советской власти, а также постановления, приказы и другие официальные документы, изданные по отдельным народным комиссариатам. Выражая политику руководимой В. И. Лениным большевистской партии, направленной на уничтожение буржуазно-помещичьего строя и закрепление завоеваний социалистической революции, первые декреты были в руках Советской власти важным орудием, с помощью которого, в частности, осуществлялся слом старой государственной машины эксплуатации и насилия, создавался одновременно с этим новый аппарат управления страной. Использование этого важнейшего источника во многом облегчено наличием серьезных научных изданий, специально посвященных законодательной деятельности Советской власти в начальный период ее существования. Мы имеем в виду опубликованный еще в 1933 г. известный сборник «Декреты Октябрьской революции» и изданный впоследствии, в 1957 г., т. I «Декретов Советской власти». Для характеристики деятельности Советской власти, главным образом в области разрушения старой государственной машины и организации отдельных народных комиссариатов, нами привлечены законодательные акты и другие официальные документы, содержащиеся в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» за 1917—1918 гг. Наряду с этим в настоящей работе использованы официальные материалы, помещенные в различных ведомственных и систематических изданиях, таких, например, как «Сборник приказов и циркуляров по флоту и морскому ведомству» (№№ 32—34 за 1917 г. и №№ 1—5 за 1918 г.) и «Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию» (вып. первый, М., 1919), а также отчетные материалы, изданные отдельными народными комиссариатами (таковы, например, материалы сборника «Народный

комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности 1 ноября 1917 г.—20 июня 1918 г.». М., 1918).

При обзоре довоенной литературы по теме исследования уже отмечалось наличие большого числа работ мемуарного или полумемуарного характера. Все эти работы принадлежали участникам происшедших в октябре 1917 г. и в последующий период величайших в истории по своей значимости событий. Большинство из авторов таких работ либо сами принимали участие (и нередко весьма активное) в событиях, о которых они рассказывали, либо писали о них со слов других очевидцев. Наибольшее количество работ такого рода связано с личностью В. И. Ленина. И это неудивительно, ибо мимо громадной и чрезвычайно разносторонней деятельности руководителя большевистской партии и главы первого в истории Рабочего и Крестьянского правительства, естественно. не мог пройти никто из тех, кто так или иначе, больше или меньше. но соприкасался с В. И. Лениным в интересующий нас период. Таковы прежде всего работы и воспоминания первых народных комиссаров, членов возглавляемого В. И. Лениным правительства — А. В. Луначарского, А. Г. Шлихтера, А. М. Коллонтай, П. И. Стучки, Г. И. Оппокова (А. Ломова), В. И. Невского и др.; ответственных сотрудников аппарата Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, Н. П. Горбунова, М. Н. Скрыпник, Е. К. Кокшаровой; ряда других руководителей и организаторов деятельности различных народных комиссариатов — Д. П. Боголепова, М. Я. Лациса, С. С. Пестковского, Ю. Ларина (М. А. Лурье), Я. Х. Петерса, В. Н. Мещерякова, Я. С. Ганецкого и др. Особый интерес представляют воспоминания близких В. И. Ленину людей, и в первую очередь Н. К. Крупской и А. И. Елизаровой, имевших возможность постоянно встречаться с В. И. Лениным и повседневно наблюдать его громадную разностороннюю деятельность по руководству большевистской партией и Советским государством. Во многих из работ всех указанных и Других авторов имеются, как" правило, ценные фактические сведения, чрезвычайно важные для изучения начальной истории центрального советского государственного аппарата управления. В некоторых случаях эти сведения бывают даже подкреплены сохранившимися у авторов различными документами.[79] Все эти работы и воспоминания публиковались как в различных журналах и газетах, в виде статей и выступлений на вечерах, организованных по случаю связанных с Октябрьской революцией юбилейных Дат, так и отдельными брошюрами и книгами. Значительная часть их напечатана на страницах издававшихся Комиссией по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпартом) в Москве и Ленинграде исторических журналов «Пролетарская ре-

[79] Это имеет место, например, в работах В. П. Милютина, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Я. Лациса, Д. П. Боголепова, И. А. Залкинда.

волюция» и «Красная летопись»,[80] различных ведомственных изданий (таких, как «Народное хозяйство», «Почтово-телеграфный журнал», «Вестник путей сообщения», «Сельскохозяйственная жизнь»), а также некоторых общественно-политических и литературных журналов (например, «Коммунистический интернационал», «Прожектор», «Огонек»).

Из произведений мемуарной литературы, вышедших в свет отдельными изданиями, следует отметить содержащие существенно важные для раскрытия интересующей нас темы сведения сборник статей и воспоминаний «Ленин в первые месяцы Советской власти» (1933 г.), воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича «На боевых постах Февральской и Октябрьской революции» (1931 г.), В. П. Милютина «О Ленине» (1924 г.), М. Н. Скрыпник «Воспоминания об Ильиче» (1928 г.), А. Г. Шлихтера «Из воспоминаний о Ленине» (1934 г.).

Нельзя также не указать на напечатанное в т. 41 седьмого издания «Энциклопедического словаря Гранат» (чч. 1, 2 и 3) особое приложение к циклу статей «Союз Советских социалистических республик», содержащее весьма ценный источник — автобиографии и биографии многих видных партийных и советских деятелей, активно участвовавших в событиях Великого Октября и строительстве нового государственного аппарата диктатуры пролетариата. В настоящей работе использованы, в частности, сведения, содержащиеся в автобиографиях и просмотренных биографиях В. А. Антонова-Овсеенко, Н. П. Авилова-Глебова, А. М. Коллонтай, Н. К. Крупской, Н. В. Крыленко, П. А. Красикова, А. П. Серебровского, И. А. Теодоровича и ряда других организаторов и руководителей различных народных комиссариатов и иных центральных советских государственных органов.

Особенно широко издание мемуарной литературы о событиях, связанных с Великой Октябрьской социалистической революцией и деятельностью руководителя большевистской партии и основателя Советского государства В. И. Ленина, развернулось за последние годы. Наибольшую ценность из всей этой литературы представляет осуществленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издание воспоминаний о В. И. Ленине в 3 частях (первые две части были опубликованы уже в 1956—1957 гг., третья часть сборника вышла в свет в 1961 г.). Нельзя не присо-

[80] Таковы, например, «Воспоминания об Октябрьском перевороте: 1) заседание участников Октябрьского переворота в Петербурге, состоявшееся 7 ноября 1920 г. и 2) дополнение к воспоминаниям», опубликованные в № 10 журнала «Пролетарская революция» за 1922 г.; специальная подборка целого ряда воспоминаний в посвященном Октябрьской революции № 6 журнала «Красная летопись» за 1923 г.; помещенные в различных номерах журнала «Пролетарская революция» воспоминания А. И. Елизаровой, Г. И. Ломова, М. Я. Лациса, Д. П. Боголепова.

единиться вместе с тем к высказанному Э. Б. Генкиной сожалению о том, что в этом ценном сборнике, объединившем в основном многие ранее уже публиковавшиеся воспоминания, отсутствуют ссылки на первую дату и источник публикации, а также оговорки о допущенных при перепечатке некоторых из них купюрах.[81]

Следует выделить подготовленный также сотрудниками Института марксизма-ленинизма сборник «От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции», в котором содержатся важные сведения по различным вопросам интересующей нас темы.[82]

Из остальной обширной литературы, опубликованной в основном в связи с 40-летием Октябрьской революции, отметим напечатанный в 1956 г. Институтом истории партии при Ленинградском обкоме КПСС интересный сборник воспоминаний петроградских рабочих «Ленин — вождь Октября».[83] Новым ценным вкладом в «Лениниану», как уже было отмечено в печати,[84] явился выпущенный в свет в 1963 г. Госполитиздатом сборник воспоминаний «О Владимире Ильиче Ленине». Для нас, в частности, особый интерес представляют впервые публикуемые в составе этого сборника содержательные воспоминания А. М. Коллонтай «Ленин в Смольном», С, И. Шульги «В. И. Ленин в Петроградском Военно-революционном комитете», Е. К. Кокшаровой «В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году» и Д. М. Соловей «Выясните, как на местах относятся к лозунгам большевиков».[85]

Наряду со всеми указанными произведениями мемуарной литературы в настоящей работе использованы широко известные книги об Октябрьской революции Д. Рида и А. Р. Вильямса, являвшихся, как известно, очевидцами описываемых ими событий, и связанные с именами Д. Рида, Л. Брайянт и А. Р. Вильямса материалы напечатанного в 1927 г. сборника «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. (Официальный отчет Овермэновской комиссии)». Привлечены также изданные в 1923 г. «Записки о революции» (книга седьмая) известного деятеля меньшевистской партии Н. Н. Суханова, «Записки о подпольном Вре-

[81] См.: Э. Б. Генкина. В. И. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах. М., 1960, стр. 11.

[82] От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. Подготовили к печати Р. А. Лавров, В. Т. Логинов, В. Н. Степанов и З. Н. Тихонова. М., 1957. Ряд аналогичных материалов напечатан также в № 5 журнала «Исторический архив» за 1957 г.

[83] Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Подготовили к печати Т. П. Бондаревская, Г. Д. Быков, А. Я. Великанова, С. П. Князев, А. П. Константинов, Г. И. Копанев. Л., 1956.

[84] Ф. Зауэолков. Живые черты Ильича. «Коммунист», 1964, № 6, стр. 118—121.

[85] См.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. Под редакцией Ф. Н. Петрова, Е. Д. Стасовой и др. М., 1963, стр. 218—220, 269, 270, 199-306, 307—315.

менном правительстве» бывшего товарища министра юстиции А. А. Демьянова и воспоминания Н. П. Карабчевского «Что глаза мои видели», помещенные в вышедших в свет в 1925—1926 гг. сборниках мемуаров «Октябрьская революция» и «Февральская революция».

Опубликованные воспоминания и работы, носящие мемуарный характер, являются вместе с тем лишь частью использованной для изучения начальной истории Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов мемуарной литературы.

Другую ее часть, не менее значительную, как по объему, так и по ценности сообщаемых ею сведений, составляют воспоминания, хранящиеся в различных фондах архивохранилищ Москвы и Ленинграда. Мы имеем в виду мемуарные материалы, находящиеся в ф. № 70 (Истпарт ЦК РКП(б)) ЦПА ИМЛ, ф. № 4000 (воспоминания отдельных лиц) Ленинградского партийного архива, ряде фондов ГАОРСС ЛО (фонды №№ 4591, 6255 и 6276), связанных с деятельностью Комиссии по изучению истории рабочего и профессионального движения (Истпрофа) и, наконец, в фонде воспоминаний о В. И. Ленине Научно-справочного кабинета Сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС. Имеющиеся в этих фондах многочисленные, в большинстве своем еще мало изученные и недостаточно использованные воспоминания отдельных лиц (как видных деятелей большевистской партии и Советского государства, так и рядовых участников событий Великого Октября — революционных рабочих и крестьян, солдат и матросов) вместе со стенограммами и записями вечеров воспоминаний активных участников Октябрьской революции и приложенными к отдельным воспоминаниям другими материалами (переписка, анкеты и т. д.) представляют исключительный интерес, существенно восполняют пробелы, связанные с отсутствием в иных источниках сведений по различным вопросам истории организации и налаживания деятельности Совнаркома и народных комиссариатов.

Последним, наконец, из видов источников, положенных в основу настоящей работы, является периодическая печать рассматриваемого периода.[86]

Наряду с печатным органом большевистской партии — «Правдой», центральными советскими официальными изданиями — «Газетой Временного Рабочего и Крестьянского правительства» (далее: «Газета»), «Известиями Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (далее: «Известия») и другими советскими и большевистскими газетами («Рабочий и солдат», «Деревенская правда»,

[86] Работа велась главным образом по материалам газетно-журнальных собраний Библиотеки Академии наук СССР, Гос. Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ленинградского гос. музея Великой Октябрьской социалистической революции.

«Армия и флот Рабочей и Крестьянской России», «Солдатская правда» и др.) — нами использованы также левоэсеровские, мелкобуржуазные и буржуазные газеты и журналы: «Знамя труда», «Новая жизнь», «Дело народа», «Воля народа», «Рабочая газета», «День», «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов», «Трибуна государственных служащих». Как и произведения мемуарной литературы, сведения, сообщаемые периодической печатью, служат существенным дополнением к данным источников документального характера. Имея возможность быстро откликаться на текущие события, газеты и журналы нередко помещали на своих страницах материалы, содержащие важные конкретные факты и детали, во многом способствующие восстановлению живой картины изучаемых событий. В ряде случаев данные периодической печати (корреспонденции, интервью, информационные сообщения и заметки и др.) являются единственным источником сведений, не сохранившихся в других материалах.

В основу настоящей работы положен, таким образом, достаточно обширный круг разнообразных источников. Автор стремился производить исследование, опираясь по возможности на весь их комплекс, так как правильное научное раскрытие избранной темы невозможно на основании данных какого-либо одного вида источников. Стараясь поэтому изучать историю создания СНК и народных комиссариатов во внимательном сопоставлении сведений источников различного рода, автор также имел в виду необходимость тщательного критического подхода к этим сведениям, и в первую очередь к сведениям, содержащимся в произведениях мемуарной литературы и материалах периодической печати, и стремился во всех необходимых случаях подвергнуть данные, вызывающие те или иные сомнения, дополнительной проверке и уточнению. Этим, в частности, объясняется наличие в научно-справочном аппарате настоящей работы в целом ряде случаев ссылок не на один какой-либо источник, а на несколько (и. как правило, различного рода), которые в той или иной степени подтверждают или отрицают факты и положения, о которых идет речь в тексте.

Из приведенного выше обзора источников видно, что в распоряжении исследователя, изучающего проблему уничтожения старой государственной машины и строительства нового государственного аппарата Советской власти, имеется громадный и разносторонний материал. Весьма положительный сам по себе факт обилия разнообразных источников, во многом слабо еще обобщенных и недостаточно подчас используемых, создает вместе с тем определенные трудности в изучении проблемы, так как исследователю приходится проделывать значительную предварительную работу по выявлению, отбору и систематизации источников по специальной, более частной теме. В то же самое время имеется еще одно обстоятельство совершенно иного рода, определяющее в це-

лом ряде случаев чрезвычайную сложность раскрытия именно интересующей нас темы. Это обстоятельство состоит в безусловно наименьшей обеспеченности источниками, и в особенности источниками делопроизводственного характера, начальной истории Совнаркома и народных комиссариатов, что объясняется совершенно особыми условиями, в которых находилась Советская власть и прежде всего ее правительственный аппарат в первые послеоктябрьские месяцы.

составить тезисы по вопросу об организации власти.[9] В один из последующих дней, когда в Петрограде уже началось Октябрьское вооруженное восстание (по-видимому, не позднее 25 октября),[10] выполняя это поручение Центрального комитета партии, В. И. Ленин и сделал, вероятно, свои широко известные заметки об организации нового аппарата управления Россией. В ленинских заметках была прежде всего отмечена исключительная важность создания Советского правительства в кратчайший срок: «Немедленное создание... *комиссий* народных комиссаров... (м[инист]ры и т[овари]щи м[инист]ра)».[11] В. И. Ленин счел при этом необходимым подчеркнуть классовый характер нового Советского правительства, принципиально отличающий его от всех предыдущих правительств России. Эта мысль В. И. Ленина нашла свое выражение в тексте заметки, содержавшей предполагаемое название будущего правительственного печатного органа: «...*Ве[стник] р[абочего] и кр[естьянского] прав[ительст]ва*». Изложенная в ленинском наброске основная схема организации нового аппарата управления страной, помимо будущего рабоче-крестьянского правительства и его главы («министра-председателя»), намечала также создание и других центральных правительственных органов (комиссии революционного порядка, комиссии законодательных предположений и ряда комиссий по различным отраслям государственной жизни страны). Наряду с этим В. И. Ленин указал в своем наброске несколько кандидатур (в их числе были, в частности, А. В. Луначарский, Н, К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич) на некоторые ответственные государственные посты и наметил программу деятельности будущего правительства как в общем виде — «введ[ение] немедл[енно] прогр[аммы]-мин[имум] (с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал-д[емократов])», так и в виде первых его шагов по решению отдельных важных вопросов внутренней и внешней политики (организация братанья на всех фронтах, ограничение размеров жалованья государственных служащих и др.).[12]

В ночь с 24 на 25 октября в Смольном под председательством В. И. Ленина состоялось заседание Центрального комитета РСДРП(б), на котором обсуждались вопросы о построении выс-

[9] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958, стр. 118.

[10] Подробнее см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 150.

[11] Ленинский сборник, XXI, стр. 91; Э. В. Клопов. Ленин в Смольном, стр. 27.

[12] Небезынтересно отметить, что В. И. Ленин вместе с тем не упустил из виду и такой, казалось бы, второстепенный вопрос, как создание технического аппарата нового правительства. Об этом убедительно свидетельствует одна из сделанных им тогда же заметок: «2 стенографистки для диктовок *и диктов[альная] машина*» (Ленинский сборник, XXI, стр. 91—92).

шего исполнительного органа Советской власти — будущего советского правительства, и о его названии.

В дни проведения Октябрьского вооруженного восстания и работы Второго Всероссийского съезда Советов ЦК РСДРП(б) собирался, как красочно описывал впоследствии А. В. Луначарский, «в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола».[13] Во многом сходные с описанием А. В. Луначарского воспоминания об этой «комнатушке» оставили также и другие видные советские государственные и партийные деятели; причем в некоторых из этих воспоминаний содержатся новые, дополнительные сведения. Так, по словам Э. Рахья комната эта находилась «в нижнем этаже Смольного»; еще более определенно высказывается В. П. Милютин, который прямо указывает, что она имела номер *36* и располагалась на первом этаже; на самом же деле комнатой, которую называют не только В. П. Милютин, но и некоторые другие активные участники Октябрьских событий в Петрограде, вероятнее всего являлась комната № *38,* где тогда помещалась большевистская фракция.[14] Именно в этом помещении, исключительно удачно расположенном — рядом с комнатой председателя ЦИК (№ *39)* и Белым (Актовым) залом, где проходили заседания Второго съезда Советов и Петроградского Совета, удобнее всего было работать ЦК РСДРП(б) в те напряженные и ответственные дни. Это предположение подтверждается воспоминаниями председателя технического комитета Царскосельской радиостанции, члена большевистской партии Н. Р. Дождикова, который, прибыв в Смольный с донесением утром 25 октября, застал В. И. Ленина именно в комнате № *38,* охраняемой двумя вооруженными красногвардейцами.[15]

В комнате № *38* в ночь с 24 на 25 октября и состоялось, вероятно, указанное выше заседание ЦК большевистской партии, на котором были приняты важнейшие решения о создании Совет-

[13] А. В. Луначарский. Смольный в великую ночь. В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, ч. I. М., 1956, стр. 628.

[14] Э. Рахья. 1) Мои воспоминания о Владимире Ильиче. В кн.: Ленин в первые месяцы Советской власти. М., 1933, стр. 38; 2) Мои предоктябрьские и послеоктябрьские встречи с Лениным. «Новый мир», книга первая, М., январь, 1934, стр. 36; В. П. Милютин. 1) О Ленине. Л., 1924, стр. 4; 2) Первые шаги. «Сельскохозяйственная жизнь», 1928, № 7, стр. 29; Ю. Ларин. У колыбели. «Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 16; Первый народный календарь на 1919 г. Пгр., 1919, стр. 82.

Это видно из хранящихся в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР списков комнат Смольного с указанием занимавших их советских и партийных органов (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11); в комнате же № 36 второго этажа здания в то время находилась главная регистратура Смольного.

[15] Н. Р. Дождиков. Воспоминания бывшего техника Царскосельской радиостанции о революционных событиях в 1917 г. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1352, л. 76.

ского правительства и его наименовании, а также намечен предварительный список возможных кандидатов в состав будущего правительства. Заседание проходило в напряженной обстановке продолжавшихся еще революционных боев. «Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто...», — писал об этом заседании в своем дневнике один из его участников В. П. Милютин. — Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не решен — на нашей ли стороне победа или нет; но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне».[16] Прежде всего было решено отменить старое обозначение членов правительства — «министры». Решение было единодушным: правительство Советов должно отличаться и по названию от правительства буржуазии. В полном соответствии с ленинскими заметками было решено поставить во главе управления отдельными отраслями государственной деятельности комиссии,[17] председатели которых — народные комиссары — и должны были составить новое, Рабочее и Крестьянское, правительство — Совет Народных Комиссаров.

Продолжая в дальнейшем руководить деятельностью ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного комитета по успешному проведению Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, В. И. Ленин одновременно не переставал обдумывать и готовить проекты первых основополагающих советских декретов, и в том числе декрет об организации нового правительства. Н. И. Подвойский, сообщивший В. И. Ленину ночью 26 октября о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства, пишет в своих воспоминаниях, что он застал Владимира Ильича «чрезвычайно сосредоточенным. Он сидел за столом, на котором лежали листки бумаги, и писал. Ленин был настолько углублен в работу, что не заметил моего появления. Он готовил проекты новых декретов о мире, о земле, о Советском правительстве. Выслушав мой рассказ, Ленин продолжал работать».[18] Важнейшим результатом этой напряженной творческой работы ленинской мысли и стал, в частности, проект постановления об образовании Рабочего и Крестьянского правительства России, написанный В. И. Лениным 26 октября и явившийся развернутым воплощением одной из упоминавшихся выше известных ленинских заметок («Немедленное создание... комиссий народных комиссаров (м[инист]ры и т[ова-

[16] В. П. Милютин, ук. соч., стр. 4—5.

[17] Как свидетельствует в своих «Записках» Н. Н. Суханов, решение это было принято, по-видимому, не без учета опыта Парижской коммуны, «Коллегии будут управлять как в Конвенте...», — так, по словам Н. Н. Суханова, ответил мимоходом на заданный им вопрос («Скажите, как вы будете управлять?!») один из участников упомянутого выше заседания ЦК РСДРП(б) (см.; Ник. Суханов. Записки о революции. Книга седьмая. Берлин—Петербург—Москва, 1923, стр. 237—238).

[18] Н. И. Подвойский. Ленин в 1917 году. «Октябрь», 1957, № 5, стр. 158. См. также: Летопись Великого Октября. М., 1958, стр. 290.

ри]щи м[инист]ра)»). В тексте постановления нашли свое выражение настойчивые поиски В. И. Лениным новых форм организации правительственной власти, его стремление создать такой центральный аппарат управления, который при удачном сочетании принципов коллегиальности и единоначалия был бы теснейшим образом связан с массовыми организациями трудящихся.[19] Учрежденные постановлением комиссии, которым поручалось «заведование отдельными отраслями государственной жизни», должны были обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы «в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих».[20] Правительственную власть в стране, согласно постановлению, надлежало осуществлять коллегии председателей этих комиссий — Совету Народных Комиссаров.

Предварительный список возможных кандидатов в состав будущего Советского правительства, намеченный на заседании ЦК РСДРП(б) в ночь с 24 на 25 октября, вскоре (днем 26 октября) был уточнен окончательно.[21] Как вспоминал А. В. Луначарский, подобрать членов будущего Совнаркома — «руководителей обновленной России» было нелегко.[22] Вот что писал впоследствии об этом один из членов первого Совета Народных Комиссаров Г. И. Оппоков (А. Ломов): «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима, который в них существовал. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств».[23] Опасаясь не справиться с ответственнейшей и гигантской по объему работой, кое-кто из намечавшихся в народные комиссары стал отказываться, оправдываясь своей неподготовленностью, отсутствием опыта подобной работы. «В. И. Ленин расхохотался, — вспоминал в связи с одним из таких случаев Э. Рахья. — „А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!“».[24] Весьма примечательно в связи с этим другое выска-

[19] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 320.
[20] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 28.
[21] Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 319.
[22] А. В. Луначарский, ук. соч., стр. 628.
[23] Г. И. Ломов. В дни бури и натиска. «Пролетарская революция», 1927, № 10, стр. 171, 172.
[24] Цит. по: Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 320. См. также: Г. И. Ломов, ук. соч., стр. 172; А. Г. Шляпников. К Октябрю. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 31.

зывание В. И. Ленина, приведенное в воспоминаниях А. В. Луначарского: «Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: „Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить"».[25]

Левые эсеры (сотрудничество с которыми В. И. Ленин считал возможным[26] и с которыми днем 26 октября состоялись переговоры о вхождении их представителей в Совет Народных Комиссаров) упорно настаивали на создании единого социалистического правительства из представителей всех партий, включая и ушедших с заседания съезда 25 октября меньшевиков и правых эсеров.[27] «В оглашенном здесь списке членов нового правительства, — признал один из левоэсеровских лидеров В. А. Карелин, выступая на вечернем заседании съезда 26 октября, — могло бы быть и несколько левых с.-р. Но если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы этим углубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все части демократии».[28] Тем самым левые эсеры хотели, по меткому определению Н. К. Крупской, «впрячь в советскую телегу лебедя, рака и щуку, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места».[29] Договоренности с ними не удалось достичь, и по предложению В. И. Ленина на должности социалистических министров были выдвинуты одни большевики. Второй съезд Советов, как подчеркивал впоследствии В. И. Ленин, *«этот список чисто большевистского правительства одобрил»*.[30] И, как показало дальнейшее развитие событий, Советское правительство, составленное из представителей ленинской партии рабочего класса, с честью оправдало доверие громадного

[25] А. В. Луначарский, ук. соч., стр. 628.

[26] Как свидетельствует в своих воспоминаниях рабочий «Треугольника» Н. Дмитриев, являвшийся в октябрьские дни 1917 г. членом Нарвского районного комитета РСДРП(б) и членом Центрального совета фабзавкомов и почти все время находившийся вместе с представителями других районов 24—25 октября в Смольном, В. И. Ленин заявил об этом на состоявшемся в ночь на 25 октября объединенном заседании большевистских фракций Петроградского Совета, ЦИК и II съезда Советов, считая, в частности, возможным сразу же предоставить левым эсерам пост народного комиссара земледелия (Воспоминания Н. Дмитриева, хранящиеся в материалах Ленинградского Истпрофа и Истпарта. См.: ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 63, лл. 9—10; д. 90, лл. 5—6; ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 7, лл. 31—32).

[27] См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 132—139.

[28] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Подготовил к печати К. Г. Котельников. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М.—Л., 1928, стр. 26.

[29] Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 319.

[30] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 73.

большинства трудящихся России, последовательно проводя в жизнь «программу, одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму».[31]

Избранное II Всероссийским съездом Советов в результате победы пролетарской революции первое Рабочее и Крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров коренным образом, естественно, отличалось от царского и буржуазных правительств старой России. Вместе с тем первое Советское правительство по способу своего создания имело определенное отличие и от всех последующих составов СНК, каждый из которых, как известно, формировался на заседаниях ВЦИК соответствующего созыва, избранного в свою очередь съездом Советов. «Такая исключительность в способе образования правительства на II съезде Советов, — совершенно справедливо отмечает Е. Н. Городецкий, — объяснялась условиями революционного переворота, необходимостью немедленно приступить к работе, еще до того как сконструируется ВЦИК».[32]

В состав руководимого В. И. Ульяновым (Лениным) Рабочего и Крестьянского правительства вошли 14 народных комиссаров, которые и возглавили деятельность учрежденных декретом съезда одного комитета по делам военным и морским (В. А. Овсеенко-Антонов, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко) и двенадцати народных комиссариатов (в тексте декрета они именовались комиссиями): По внутренним делам (А. И. Рыков), Земледелия (В. П. Милютин), Труда (А. Г. Шляпников), По делам торговли и промышленности (В. П. Ногин), Народного просвещения (А. В. Луначарский), Финансов (И. И. Скворцов-Степанов), По делам иностранным (Л. Д. Бронштейн-Троцкий), Юстиции (Г. И. Оппоков-Ломов), Продовольствия (И. А. Теодорович), Почт и телеграфов (Н. П. Авилов-Глебов), По делам национальностей (И. В. Джугашвили-Сталин).[33] Пост народного комиссара по делам железнодорожным был временно оставлен незамещенным (в связи с заявлением Викжеля о принятии им на себя общего руководства всем ведомством путей сообщения).[34]

Совет Народных Комиссаров начал свою работу в составе, определенном декретом 26 октября, кроме не вступивших в должности народных комиссаров финансов и юстиции И. И. Скворцова-Степанова и Г. И. Оппокова (А. Ломова), первый из которых находился в Москве, а второй был направлен туда же спе-

[31] Там же, стр. 76.

[32] Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 158.

[33] Декреты Советской власти, т. I, № 14. Число комиссариатов соответствовало количеству бывших министерств, новым учреждением была Комиссия (комиссариат) по делам национальностей.

[34] См.: Декреты советской власти, т. I, № 14; П. Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники. М., 1924, стр. 16—17; Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 88.

циальным решением ЦК РСДРП(б).[35] Руководство деятельностью Комиссариата финансов было поручено поэтому В. Р. Менжинскому, Комиссариата юстиции — П. И. Стучка, которые вскоре официально были назначены временными заместителями народных комиссаров.[36]

Состав Совнаркома, однако, в дальнейшем подвергся новым изменениям. В ноябре 1917 г. был заполнен остававшийся до этого в составе правительства вакантным пост народного комиссара по делам железнодорожным: по инициативе В. И. Ленина временным заместителем народного комиссара путей сообщения был назначен большевик, один из видных деятелей железнодорожного движения в России М. Т. Елизаров.[37] Назначения на другие посты получили вскоре Н. В. Крыленко (Брам А.) и В. А. Антонов-Овсеенко, первый из которых был назначен верховным главнокомандующим вместо отстраненного СНК от исполнения обязанностей главковерха генерала Духонина, а второй — сначала главнокомандующим по обороне Петрограда и командующим Петроградским военным округом, а затем главнокомандующим советскими войсками, действовавшими на юге страны против контрреволюционных войск Каледина.[38] Образованный ранее в составе СНК Комитет по военным и морским делам уже в ноябре был преобразован в самостоятельные комиссариаты По военным и По морским делам, во главе которых встали Н. И. Подвойский и П. Е. Дыбенко.[39]

Специальными актами ВЦИК и СНК были также учреждены в октябре 1917 г. — Комиссариат общественного призрения (переименованный в апреле 1918 г. в Наркомат социального обеспечения), в ноябре того же года — Наркомат государственного контроля, в начале декабря — Высший совет народного хозяйства, в январе 1918 г. — Совет врачебных коллегий (преобразованный

[35] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 121; В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, стр. 129—130; От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, стр. 234.

[36] Декреты Советской власти, т. I, стр. 581, 583.

[37] Там же, стр. 581; Встречи с Лениным. (Воспоминания железнодорожников). М., 1962, стр. 4.

[38] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 42; Декреты Советской власти, т. 1, стр. 64—65, 593; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 10 (Антонов-Овсеенко В. А., автобиография), стлб. 246 (Крыленко Н. В., автобиография); От Февраля к Октябрю, стр. 399, 410; В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти. Биографическая хроника (далее: В. И. Ленин. . . Биографическая хроника). «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 143.

[39] ЦГАОР, ф. 13 оп1, д. 2, л. 22 и др.; От Февраля к Октябрю, стр. 158; Н.И. Подвойский. Год 1917. М., 1958, стр. 181—183; Из истории военного строительства Советской республики в первые месяцы после Октября. Подготовили к печати Е. Н. Городецкий и С. М. Кляцкин. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 85; Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины. . ., стр. 434 и сл.

затем в Народный комиссариат здравоохранения).[40] В связи с этим в дополнение к декрету об образовании Совета Народных Комиссаров А. М. Коллонтай была назначена 30 октября народным комиссаром общественного призрения, 19 ноября во главе Народного комиссариата государственного контроля был поставлен Э. Э. Эссен, 12 декабря председателем ВСНХ на правах народного комиссара по организации и регулированию производства был утвержден В. В. Оболенский (Н. Осинский) и, наконец, 31 января 1918 г. членом Совнаркома с правом совещательного голоса в качестве представителя Совета врачебных коллегий был утвержден доктор А. Н. Винокуров.[41]

В ноябре 1917 г. в составе Совета Народных Комиссаров произошли также изменения, связанные с выступлением группы оппозиционеров по вопросу о правительственной власти. Как известно, Советской власти в это время пришлось вести борьбу с развязанными контрреволюционными силами антисоветскими мятежами в Петрограде и Москве и наступлением Керенского—Краснова на революционную столицу. Именно в эти дни, когда шла исключительно напряженная борьба за само существование Советской власти, против ленинской политики ЦК РСДРП(б) и СНК выступила группа оппозиционеров. А. Б. Каменев, участвовавший по поручению ЦК РСДРП(б) в организованных Викжелем переговорах с представителями других партий, вместо разоблачения правых эсеров и меньшевиков, требовавших в первую очередь отстранения В. И. Ленина с поста главы правительства и прекращения военных действий против войск Керенского—Краснова, занял капитулянтскую позицию. Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и поддержавшие их некоторые члены Совнаркома (В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин) решили уступить требованию меньшевистско-эсеровского блока о создании так называемого однородного социалистического правительства.[42] На ультимативное требование большинства ЦК РСДРП(б) «подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции товарища Ленина», оппозиционеры ответили дезертирством из состава ЦК (Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин) и СНК (Рыков, Ногин, Милютин).[43] С ними солидаризировались также народный

[40] Декреты Советской власти, т. I, №№ 120, 122, 123, 271 и стр. 584; «Правда», № 174, 31 октября 1917 г.; Новые документы В. И. Ленина. «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 5.

[41] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 4, л. 3; ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, л. 17; Декреты Советской власти, т. I, № 149; Новые документы В. И. Ленина, стр. 65.

[42] Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. Депутатов II созыва, М., 1918 (далее: Протоколы ВЦИК), стр. 21—22; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 133—137.

[43] Протоколы ВЦИК, стр. 27; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 133—134.

комиссар по продовольствию И. А. Теодорович, народный комиссар труда А. Г. Шляпников и заведующий Отделом законодательных предположений Комиссариата труда Ю. Ларин (М. А. Лурье). А. Г. Шляпников и И. А. Теодорович, однако, не сложили с себя обязанности народных комиссаров и продолжали в дальнейшем работать в составе Советского правительства. В связи со всем этим деятели контрреволюции ликовали. Выражая общие их надежды, газета «День» поспешила объявить о «провале» власти Совета Народных Комиссаров: «Дело накануне краха, и это сознают друзья Ленина. Понимает ли это Ленин?».[44]

Ставшая впервые в истории правящей партией трудящихся, ленинская партия рабочего класса России дала быстрый и решительный ответ. Утром 7 ноября на страницах «Правды» было опубликовано обращение ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России, автором которого был В. И. Ленин.[45] «В России не должно быть иного правительства, кроме *Советского правительства»,* — подчеркивалось в обращении. И далее разъяснялось: «Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством».[46] «Страна ответила громом негодования, — писал впоследствии Джон Рид... — Народ негодовал на дезертиров, и это негодование заливало ЦИК. Несколько дней Смольный буквально затоплялся яростными делегациями и целыми комитетами от фронтов, от Поволжья, от петроградских заводов».[47] В эти дни, например, В. И. Ленина посетила делегация от первой конференции женщин — работниц Петрограда в составе К. Самойловой, Н. Николаевой, Л. Сталь и др., которые от имени 80 тыс. петроградских работниц заявили о своем осуждении раскольников и о полной поддержке ленинского большинства в ЦК РСДРП(б) и СНК в вопросе об организации власти.[48]

Твердая позиция руководимых В. И. Лениным ЦК РСДРП(б) и СНК была решительно поддержана большевиками Петрограда. Еще во время состоявшегося 2 ноября заседания ЦК партии, осудившего правооппортунистическую соглашательскую линию группы оппозиционеров, В. И. Ленин, по-видимому, написал в Петроградский комитет РСДРП(б) специальную записку: «В ПК. Очень прошу ПК тотчас вынести решение против согла-

[44] «День», № 201, 7 ноября 1917 г.
[45] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 72—76.
[46] Там же, стр. 72.
[47] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959, стр. 224.
[48] См.: «Известия», № 218, 7 ноября 1917 г.; Л. Сталь. Работница в Октябре. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 299—301; М. Черкасова. Воспоминания о первых днях Октябрьской революции и первой женской конференции. «Красная летопись», 1926, № 6, стр. 367—368; ГАОРСС ЛО, ф. 6255, оп. 17, д. *3,* л. 82 (воспоминания делегата конференции работницы-текстильщицы О. Ф. Чернышевой).

шательства и принести в ЦК».[49] Записка В. И. Ленина была зачитана на заседании Петроградского комитета партии. В принятой по текущему моменту резолюции, направленной в ЦК партии, Петроградский комитет РСДРП (б) подчеркнул, что правительство в пролетарской республике должно быть Советским правительством, задачей которого является осуществление революционной программы, выдвинутой большевиками, и никакие отступления от нее недопустимы.[50] Аналогичное решение приняла и созванная в эти напряженные дни экстренная общегородская конференция большевиков столицы.[51] О своей поддержке ленинской политики Совета Народных Комиссаров заявили также городской и районные Советы Петрограда. «Правительство должно быть правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с программой, выдвинутой большевиками еще 7 месяцев тому назад и принятой за основу Вторым съездом Советов, — постановил, например, 4 ноября Выборгский районный Совет. . . — Примирение же и соглашение с партиями или группами, идущими на поводу у буржуазии, отнимает решительность у правительства, приковывает его к буржуазной колеснице».[52] Специальную резолюцию по вопросу о соглашении с другими партиями принял 6 ноября Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Указав, что предлагаемые меньшевиками и правыми эсерами условия так называемого соглашения означают на деле «признание свободы действия за буржуазными заговорщиками и развязывают руки калединцам в их борьбе с революционными рабочими, солдатами, матросами и крестьянами», Петросовет потребовал «полного прекращения переговоров о соглашении» и одновременно обратился к левым эсерам с призывом «решительно присоединиться к рабочей и крестьянской революции и войти в состав Совета Народных Комиссаров».[53] Как сообщала 7 ноября «Правда», встречи и обмен мнениями с лидерами левых эсеров по вопросу о вхождении их представителей в возглавляемое В. И. Лениным Советское правительство в это время продолжали иметь место.[54] Но, как и раньше, в дни работы Второго съезда Советов из-за постоянных колебаний левоэсеровского руководства и его боязни порвать со «всей остальной демократией» осуществлявшиеся в интересах сплочения всех революционных сил переговоры на этом этапе не были успешно завершены.

На покинутые оппозиционерами государственные посты Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет РСДРП(б), опи-

[49] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 2.
[50] Там же, стр. 402; Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М.—Л., 1927, стр. 340—342.
[51] См.: «Рабочий и солдат», № 17, 6 ноября 1917 г.
[52] Районные Советы Петрограда в 1917 году, т. I. М.—Л., 1964, стр. 158.
[53] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 7, д. 9, л. 2.
[54] «Правда», № 182, 7 ноября 1917 г. См. об этом также: «Новая жизнь», №№ 166, 171 и 176, 29 октября, 3 и 9 ноября 1917 г.

раясь на поддержку местных партийных организации, в первую очередь петроградской и московской, и революционных масс трудящихся всей России, выдвинули испытанных ленинцев. 13 ноября временным заместителем народного комиссара земледелия вместо В. П. Милютина был назначен работавший ранее в Московском губернском земстве один из старейших большевиков А. Г. Шлихтер, ставший в дальнейшем, в декабре 1917 г., народным комиссаром по продовольствию вместо уехавшего в Сибирь в связи с болезнью И. А. Теодоровича. 17 ноября народным комиссаром по Министерству внутренних дел вместо А. И. Рыкова назначается видный деятель партии, бывший член IV Государственной думы Г. И. Петровский. 19 ноября народному комиссару труда А. Г. Шляпникову было поручено также временно возглавить руководство деятельностью Народного комиссариата торговли и промышленности. Еще раньше — 8 ноября вместо Л. Б. Каменева, отстраненного по решению Центрального Комитета РСДРП(б) от председательства в ЦИК с принципиальной мотивировкой — «несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева», — по предложению В. И. Ленина председателем Центрального Исполнительного Комитета Советов был избран Я. М. Свердлов.[55]

В успешном преодолении сопротивления группы оппозиционеров чрезвычайно велика была роль В. И. Ленина, который провел громадную работу по укреплению Совнаркома и пополнению его состава лучшими представителями партии. По инициативе и при непосредственном участии прекрасно знавшего партийные кадры В. И. Ленина в первые же послеоктябрьские дни и в последующее время к работе Советского правительства и коллегий народных комиссариатов были привлечены испытанные революционеры и опытные организаторы — А. С. Бубнов, Д. П. Боголепов, Ф. Э. Дзержинский, М. Т. Елизаров, А. М. Коллонтай, П. А. Козьмин, Ю. М. Лещинский, В. Р. Менжинский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, Н. И. Подвойский, Г. И, Петровский, А. Г. Шлихтер, Г. В. Чичерин, А. Д. Цюрупа, Э. Э. Эссен, В. Н. Яковлева и многие другие видные партийные деятели. «Ленин, — писал Г. И. Ломов, — энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий не было».[56]

Выступив за объединение всех трудящихся России под руководством рабочего класса и учитывая влияние левых эсеров на значительные массы крестьянства, большевики еще в дни работы

[55] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8 об.; Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 146; Протоколы ВЦИК, стр. 40; «Известия», № 260, 24 декабря 1917 г.; Декреты Советской власти, т. I, стр. 583—586; Энциклопедический словарь Гранат, седьмое издание, т. 41, ч. 3, стлб. 144 (Теодорович Иван Адольфович, автобиография).

[56] Г. И. Ломов, ук. соч., стр. 172.

II Всероссийского съезда Советов предлагали им участвовать в Советском правительстве. Но это предложение о сотрудничестве было отвергнуто тогда фракцией левых эсеров, «не пожелавших, — как указывал В. И. Ленин, — разделить со своими соседями слева ответственность в эти тяжелые, критические дни».[57] В своем выступлении 14 ноября на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов В. И. Ленин указывал, что «левые эсеры и до сих пор подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец».[58] Однако после слияния ВЦИК с Исполнительным комитетом, избранным Чрезвычайным всероссийским крестьянским съездом, принятия резолюций объединенного заседания ВЦИК, Чрезвычайного всероссийского крестьянского съезда и Петроградского Совета об одобрении законов о мире, земле, рабочем контроле и провала попыток сформировать «однородное социалистическое правительство», боясь окончательно потерять пошатнувшееся уже доверие трудового крестьянства, левые эсеры решили участвовать в Совете Народных Комиссаров. Первоначально специальным постановлением ВЦИК от 17 ноября об изменении состава СНК левым эсерам при наличии представителя большевиков было передано руководство Комиссариатом земледелия.[59] 24 ноября ВЦИК утвердил левого эсера А. Л. Колегаева наркомом земледелия. Представители левых эсеров вводились также во все коллегии при СНК. В дальнейшем (после завершения 10 декабря работы II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, одобрившего деятельность СНК и избравшего новый состав ЦИК Советов крестьянских депутатов, вошедший во ВЦИК вместо временного состава, избранного Чрезвычайным всероссийским крестьянским съездом) в результате переговоров СНК с ЦК партии левых эсеров в ночь с 9 на 10 декабря было достигнуто соглашение о вхождении семи представителей левых эсеров в состав Советского правительства. А. Л. Колегаев остался наркомом земледелия, И. З. Штейнберг занял пост народного комиссара юстиции, П. П. Прошьян — пост народного комиссара почт и телеграфов. Во главе созданных в связи с этим соглашением двух новых комиссариатов встали В. Е. Трутовский (Комиссариат по местному самоуправлению) и В. А. Карелин (Комиссариат имуществ республики), два представителя левых эсеров

[57] В. И. Ленин напомнил об этом, выступая на заседании ВЦИК 4 ноября, когда обсуждался запрос левых эсеров о праве издания Советом Народных Комиссаров декретов без предварительного рассмотрения их во ВЦИК (см.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56),

[58] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 94.

[59] По вопросу о том, когда было достигнуто соглашение большевиков с левыми эсерами, в литературе до сих пор отсутствует единая точка зрения. Нам представляется более обоснованной позиция Е. Н. Городецкого, совершенно справедливо указывающего, что впервые правительственный блок этих двух партий был оформлен именно 17 ноября 1917 г. (см.: Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 203).

(одним из которых был В. А. Алгасов) в качестве наркомов без портфелей были введены с правом решающего голоса в коллегию Комиссариата внутренних дел.[60]

Соглашение было достигнуто на основе социалистической платформы большевиков. Лидеры левых эсеров обязались проводить в своей деятельности общую политику Совета Народных Комиссаров.[61] И руководимое В. И. Лениным большинство Совнаркома, осуществляя гибкую, но вместе с тем принципиальную политику, всячески стремилось к дальнейшему укреплению товарищеского сотрудничества двух партий в интересах социалистической революции и упрочения союза трудового крестьянства и рабочего класса. В рассматриваемый период в целом этого удалось достигнуть. Выступая 11 января 1918 г. на III съезде Советов с отчетом о деятельности Советского правительства, В. И. Ленин отметил это, заявив под дружные аплодисменты делегатов съезда: «...на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное».[62]

Однако вхождение представителей левых эсеров в состав СНК вместе с тем во многом усложнило его деятельность. Как вспоминала второй секретарь Совета Народных Комиссаров М. Н. Скрыпник, «они всегда были оппозиционно настроены».[63] По ряду вопросов левые эсеры противопоставляли линии большевиков свою установку.[64] При решении этих вопросов народным комиссарам-большевикам во главе с В. И. Лениным приходилось поэтому преодолевать упорное сопротивление представителей левых эсеров в Совнаркоме, заявлявших в каждом случае свое «особое мнение». Будучи в Советском правительстве в абсолютном меньшинстве, левые эсеры пытались прежде всего укрепить и поставить в особое положение возглавляемые ими комиссариаты, противопоставив их другим органам центрального советского государственного аппарата. Особенно усиленно они добивались всемерного расширения компетенции комиссариатов Юстиции и Местного самоуправления, а также Комиссариата почт и телеграфов. Одиннадцать раз на протяжении только двух месяцев (де-

[60] См. об этом: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. *2,* лл. *34, 35, 36;* Декреты Советской власти, т. 1, №№ 25, 27, 34, 61, 62, 69, 71, 139, 148; Джон Рид, ук. соч., стр. 248; «Голос трудового крестьянства», № 18, 10 декабря 1917; «Знамя труда», № *93,* 12 декабря 1917.

[61] Декреты Советской власти, т. I, № 139, прим.

[62] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. *35,* стр. 264; Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Петербург, 1918, стр. 23.

[63] М. Н. Скрыпник. Воспоминания об Ильиче. М.—Л., 1928, стр. 40.

[64] Н. П. Горбунов. Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров. В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, ч. *3,* стр. 192; Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году. В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1909—1922 годы. М., 1963, стр. 310—311.

кабрь 1917—январь 1918 гг.) Совет Народных Комиссаров вынужден был рассматривать различные спорные вопросы, связанные с деятельностью Народного комиссариата юстиции, левоэсеровские руководители которого вмешивались и пытались поставить под непосредственный контроль Наркомюста деятельность Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и следственных комиссий Революционного трибунала и Петроградского Совета.[65] Пытаясь противопоставить Народный комиссариат местного самоуправления Наркомвнуделу, левые эсеры всячески стремились, чтобы новый комиссариат способствовал укреплению и сохранению городских и земских учреждений, а не постепенной ликвидации их с передачей административного и хозяйственного аппарата местным Советам.[66] Завуалированной попыткой получить возможность оказывать влияние на деятельность местных Советов явился выдвинутый 2 января 1918 г. левыми эсерами проект учреждения при Советском правительстве Иногороднего отдела — «В целях тесного делового единения Совета Народных Комиссаров с Московским и провинциальными Советами».[67] Немедленное учреждение этого отдела предлагалось поручить возглавлявшемуся в то время левыми эсерами Народному комиссариату почт и телеграфов. «Означенный отдел, — говорилось в написанном 29 декабря 1917 г. И. З. Штейнбергом проекте, — рассылает всем Советам Республики постановления и декреты и, по мере возможности, проекты административной и законодательной работы провинциальных Советов».[68] Потерпев неудачу в своих планах противопоставить Наркомвнуделу Комиссариат по местному самоуправлению и создать при СНК Иногородний отдел (руководимый В. И. Лениным Совнарком принял по этому вопросу решение «удовлетвориться состоянием Иногороднего отдела при ЦИК и Комиссариате внутренних дел и устройством радио при Смольном»),[69] левые эсеры позднее, в конце февраля—первых числах марта 1918 г., предприняли новую попытку в этом направлении. На этот раз орудием, с помощью которого они надеялись осу-

[65] Это имело место на заседаниях Совнаркома, состоявшихся 19, 21, 30 декабря 1917 г. и 14, 16, 17, 21, 24, 28, *30* и 31 января 1918 г. (см.: Ленинский сборник, XXI, стр. 110—117; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 47, 51, 62, 81, 82; оп. 2, д. 1, лл. 13, 21, 25, 40, 45, 46, 61, 75, 81, 96, 111). Разногласия между большевистскими и левоэсеровскими представителями в коллегии Наркомюста по различным вопросам организации и деятельности этого комиссариата продолжались и в дальнейшем. См., например, ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, дд. 199 и 200.

[66] См.: Д. А. Чугаев. Триумфальное шествие Советской власти. В кн.: Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг. М., 1953. стр. 60; К. В. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963, стр. 118. Подробнее о Комиссариатах местного самоуправления и имуществ республики см. во второй части настоящей работы.

[67] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 39, лл. 10, 25.

[68] Там же.

[69] Там же, л. 3.

ществить свои планы, должен был стать Иногородний отдел ВЦИК. Заведовавший этим отделом П. Бухарцев от имени фракции левых эсеров в адресованном Президиуму ВЦИК специальном письме потребовал в спешном порядке обсудить вопрос об этом отделе, настаивая на «необходимости концентрации при ВЦИК всех дел, касающихся организации, укрепления и идейного руководства Советов...» и угрожая в противном случае сложить с себя ответственность за деятельность отдела.[70]

Приведенные факты, понятно, не исчерпывают всех разногласий ленинского большинства и представителей левых эсеров в Совнаркоме. Оппозицию народных комиссаров — левых эсеров приходилось преодолевать и по целому ряду других принципиальных вопросов. Как и в первые ноябрьские дни, когда представители фракции левых эсеров выступили во ВЦИК с резкой критикой декрета Совета Народных Комиссаров о печати, в связи с протестом левых эсеров против арестов ряда кадетов — членов Учредительного собрания Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету пришлось 1 декабря 1917 г. обсуждать принятый Совнаркомом 28 ноября декрет об аресте вождей гражданской войны против революции.[71] Левые эсеры выступили против руководимого В, И. Лениным Совнаркома и в вопросе о его взаимоотношениях с Украинской Центральной радой.[72] Они также неоднократно выступали с нападками на В. А. Антонова-Овсеенко, развернувшего энергичную деятельность против контрреволюционеров на юге страны, добивались пересмотра принятого СНК 31 января 1918 г. известного постановления по вопросу о ликвидации саботажа, предложенного В. И. Лениным.[73] В дни, предшествовавшие III Всероссийскому съезду Советов, левоэсеровская фракция в Совете Народных Комиссаров, не удовлетворяясь сложившимся положением и стремясь лишить ВЦИК и особенно Совнарком права издавать законодательные акты, выступила с еще одним, противоречившим интересам революции и социалистического строительства, проектом. При рассмотрении в Совете Народных Комиссаров представленных В. И. Лениным тезисов о роспуске Учредительного собрания, на основе которых СНК и ВЦИК приняли затем соответствующий декрет, А. Л. Колегаев и И. З. Штейнберг внесли предложение включить в порядок дня III съезда Советов вопрос о создании постоянного федеративного законодательного советского органа.[74] Мелкобуржуазная неустойчивость и шатания левых эсеров имели своим логическим концом

[70] См.: ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. *38,* л. 1.
[71] См.: Декреты Советской власти, т. I, №№ 32 и 111, прим.
[72] См.: Г. И. Петровский. Великое начало. М., 1957, стр. 24; Декреты Советской власти, т. I, №№ 179 и 207.
[73] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 62; оп. 2, д. 1, лл. 18, 113, 121. Ленинский сборник, XXI, стр. 98. См. также: Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров, стр. 18.
[74] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 41, лл. 7, 9,

выход их представителей из состава Совнаркома в середине марта 1918 г. в знак протеста против ратификации IV Чрезвычайным всероссийским съездом Советов Брестского мирного договора.[75] Но, как и все предыдущие, и эта попытка левых эсеров выступить против ленинского курса Советского правительства оказалась безуспешной. Наличие в Рабочем и Крестьянском правительстве твердого ленинского большинства, опиравшегося на неизменную поддержку большевистской партии и революционных масс трудящихся России, обеспечило последовательное принятие мер, нужных для осуществления провозглашенной II Всероссийским съездом Советов программы, в том числе и в области создания центрального аппарата управления Советской власти. Направленные ЦК РСДРП(б) на ответственные государственные посты Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, М. Т. Елизаров, А. М. Коллонтай, В. Р. Менжинский, В. В. Оболенский, Г. И. Петровский, Н. И. Подвойский, П. И. Стучка, А. Г. Шлихтер, Э. Э. Эссен вместе с избранными II съездом Советов в состав Совнаркома П. Е. Дыбенко, А. В. Луначарским, И. В. Сталиным, А. Г. Шляпниковым и другими возглавили важнейшие участки государственной жизни страны и под руководством В. И. Ленина осуществили основную работу по организации зашиты завоеваний Великой Октябрьской революции и строительства в России основ социализма.

[75] См.: К. В. Гусев, ук. соч., стр. 151 и л.; А. О. Чубарьян, Брестский мир. М., 1964, стр. 241—242.

Глава 2

ОБРАЗОВАНИЕ АППАРАТА СОВНАРКОМА. НАЛАЖИВАНИЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Первое в истории Рабочее и Крестьянское правительство было создано. Однако, выражая надежды объединившихся в те дни в едином антисоветском блоке всех контрреволюционных сил, газета «Новая жизнь» 4 ноября 1917 г. предрекала крах Советскому правительству: «Без государственного механизма, без аппарата власти вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней, вертеться — вертится, но работы не производит».[1] Как известно, жизнь убедительно опровергла этот прогноз.

На первых порах Совет Народных Комиссаров выполнял свои обязанности по руководству страной, опираясь на содействие органов вооруженного восстания и прежде всего Петроградского ВРК, осуществлявшего до избрания II съездом Советов СНК и ВЦИК функции руководящего органа новой государственной власти в стране.[2] Активно участвуя в деятельности Военно-революционного комитета и фактически руководя ею, В. И. Ленин,[3] став с 26 октября председателем Совнаркома, широко и умело использовал для выполнения правительственных распоряжений и поручений налаженный аппарат ВРК и его многочисленных комиссаров. Этим, в частности, объясняется чрезвычайно напряженная, разносторонняя и громадная по объему работа, которую пришлось провести Петроградскому ВРК в первые после победы Октябрьского вооруженного восстания дни. Достаточно

[1] «Новая жизнь», № 172, 4 ноября 1917 г.

[2] См.: А. А. Иоффе. Первое пролетарское правительство. «Коммунистический интернационал», 1919, № 6, стлб. 780; С. И. Шульга. В. И. Ленин в Петроградском Военно-революционном комитете. В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, стр. 304 и сл.

[3] В фонде Петроградского ВРК ЦГАОР недавно удалось обнаружить ряд новых документов, убедительно характеризующих теснейшую связь В. И. Ленина с Петроградским ВРК. См.: С. И. Шульга. В. И. Ленин в Петроградском Военно-революционном комитете; Новые документы В. И. Ленина, стр. 4—5.

сказать, что в до сих пор, к сожалению, не обнаруженном журнале его исходящих бумаг за 25—28 октября 1917 г., т. е. всего за четыре дня, было зарегистрировано более полутора тысяч документов, в числе которых были многочисленные записки — распоряжения, мандаты, поручения, написанные или подписанные В. И. Лениным.[4] Таковы, например, собственноручно написанные В. И. Лениным полномочие ВРК от 26 октября Семенову доставить в Смольный В. Р. Менжинского и мандат С. В. Косиору от *30* октября, удостоверявший, что он является представителем Военно-революционного комитета и пользуется правом реквизиции предметов, необходимых для нужд армии и ВРК, а также подписанные В. И. Лениным полномочие Совета Народных Комиссаров Г. И. Чудновскому от 29 октября для переговоров с Измайловским и другими полками в целях обороны Петрограда от контрреволюционных войск и удостоверение о назначении А. М. Коллонтай народным комиссаром общественного призрения от 30 октября.[5] Первый и последний из этих документов представляют особый интерес, так как каждый из них (выданное А. М. Коллонтай удостоверение прямо, а ленинская записка рабочему завода «Эриксон» А. Семенову косвенно) свидетельствует о том, что уже в самые первые дни революции В. И. Ленин, используя Военно-революционный комитет, проводил напряженную работу, связанную с поисками наиболее подходящих кандидатов на оставшиеся еще по разным причинам незамещенными ответственные посты руководителей некоторых народных комиссариатов, и в том числе наркоматов финансов и социального обеспечения.[6] Показательно также и то, что некоторые правительственные постановления и распоряжения этого времени скреплялись печатью Военного отдела Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и печатались на бланках Военно-революционного комитета.[7]

Но для выполнения Советским правительством своих функций по управлению страной в дальнейшем этого, разумеется, было недостаточно. Для обеспечения эффективной и непрерывной деятельности Совета Народных Комиссаров необходимо было в кратчайшие сроки организовать его собственный технический аппарат. Решение этой важной задачи было начато уже в ходе Октябрьского вооруженного восстания. «В то время, когда на улицах

[4] См. об этом: С. И. Шульга, ук. соч., стр. 302—303 и др.; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 122.

[5] Новые документы В. И. Ленина, стр. 4—5.

[6] Интересную и, на наш взгляд, удавшуюся попытку воссоздать и проанализировать обстоятельства написания В. И. Лениным 26 октября указанной выше записки А. Семенову осуществил Е. Н. Городецкий (см.: Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 112—113).

[7] Декреты Советской власти, т. I, стр. 539; Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 122.

Петрограда и Москвы происходили еще революционные бои, — вспоминал впоследствии Н. П. Горбунов, — Владимир Ильич уже со всей энергией организовывал правительство».[8]

Действительно, деятельность главы Рабочего и Крестьянского правительства В. И. Ленина, его указания и требования сыграли решающую роль в организации аппарата Совета Народных Комиссаров и налаживании его работы. Наметив в известных заметках об организации аппарата управления основную схему построения нового правительственного аппарата и несколько кандидатур на различные государственные посты, В. И. Ленин, по-видимому, тогда же — в один из первых дней социалистической революции — возложил непосредственную организацию технического аппарата СНК на энергичного и опытного организатора, видного работника большевистской партии В. Д. Бонч-Бруевича (в упоминавшихся выше ленинских заметках он намечался на должность заведующего делами или народного комиссара революционного порядка).[9] В один из последних октябрьских дней В. И. Ленин специально беседует с В. Д. Бонч-Бруевичем о необходимых мерах для образования аппарата СНК. «Было совершенно очевидно, — вспоминал впоследствии В. Д. Бонч-Бруевич об этой беседе с В. И. Лениным, — что схема всего управления страной у него давно продумана и, можно сказать, отчеканена, так как на каждый вопрос он немедленно давал ясный и точный ответ.

«Вы беритесь за весь управленческий аппарат, — сказал он мне, — необходимо создать мощный аппарат Управления делами Совета Народных Комиссаров. . .».[10] 1 ноября за подписью В. И. Ленина принимается постановление об утверждении В. Д. Бонч-Бруевича в должности управляющего делами СНК, обязанности которого он фактически уже исполнял несколько дней.[11] В последних же числах октября (не позднее 30 октября) В. И. Ленин назначил секретарем Совета Народных Комиссаров,

[8] Н. П. Горбунов. Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров, стр. 186.

[9] Ленинский сборник, XXI, стр. 91. Накануне Октябрьского вооруженного восстания и в процессе его проведения В. Д. Бонч-Бруевич являлся одним из руководителей большевистской партийной организации Рождественского района Петрограда (см.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957, стр. 352—353; В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. III, стр. 73)

[10] В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах. . ., стр. 131; В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 175. Указанная в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича дата беседы (в ночь с 30 па 31 октября) нуждается, на наш взгляд, в уточнении. Разговор состоялся, по-видимому, несколько раньше, так как уже 30 октября (об этом свидетельствуют и архивные, и печатные материалы) в аппарате СНК работал привлеченный В. Д. Бонч-Бруевичем, несомненно после и в соответствии с полученными от В. И. Ленина указаниями, первый сотрудник Управления делами СНК — секретарь Совета Н. П. Горбунов. См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 8, лл. 26—30; Декреты Советской власти, т. I, №№ 22, 23, легенды.

[11] Декреты Советской власти, т. I, стр. 581.

заведовавшего до этого времени справочным столом Смольного, молодого питерского большевика Н. П. Горбунова (ему было тогда всего 25 лет), рекомендованного ему знавшим Н. П. Горбунова по совместной партийной работе В. Д. Бонч-Бруевичем.[13]

Как уже отмечалось, в дни проведения Октябрьского вооруженного восстания и работы Второго Всероссийского съезда Советов Центральный комитет РСДРП(б) собирался в Смольном, в помещении большевистской фракции (комната № *38* второго этажа здания), где, в частности, были приняты важнейшие решения о создании Советского правительства, его наименовании и составе. И хотя, кроме вышеупомянутого свидетельства Ю. Ларина, мы не располагаем в настоящее время какими-либо иными, более точными данными о первоначальной деятельности народных комиссаров в этом помещении, вполне возможно, что именно здесь ранним утром 27 октября, сразу же после завершения работы Второго съезда Советов, и состоялось первое заседание Совнаркома.[14]

По-видимому, в течение 27 или 28 октября (во всяком случае, не позднее 28 октября) для Председателя Совета Народных Комиссаров было подготовлено специальное помещение — небольшая угловая комната № 67, находившаяся на третьем этаже Смольного, в правом его крыле (если стоять лицом к зданию). Это видно из того, что уже 28 октября В. И. Ленин вместе с управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем внимательно осмотрел ту часть Смольного, где разместился Совет Народных Комиссаров, и подробно интересовался тем, каков порядок выдачи пропусков и т. д.[16] У входа в «кабинет Ленина», как тогда, по свидетельству А. М. Коллонтай, называли комнату № 67, сразу же было организовано дежурство красногвардейцев-рабочих с Путиловского и Трубочного заводов, для которых В. И. Ленин написал вскоре (между 27 и 30 октября) специальную инструкцию — «Обязанности часового при Председателе Совета Народных Комиссаров»:

«1. Не пропускать никого, кроме *Народных комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения, от них).

[12] См. об этом: С. М. Гитина. О работе в бюро пропусков в Смольном в 1917 г. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1315, л. 1.

[13] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 186—187. Примерно через две недели, 14 ноября, В. И. Ленин подписывает удостоверение Н. П. Горбунову в том, что он является секретарем Совета Народных Комиссаров (см.: В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № *3,* стр. 151),

[14] См. об этом стр. 195 следующей главы.

[15] А. М. Коллонтай. Ленин в Смольном, стр. 219; Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 307.

[16] В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 170.

«2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

«3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

«4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой».[17]

В комнате № 67 Смольного, где работал В. И. Ленин, происходили также и заседания Совета Народных Комиссаров. Вот что

[17] Ленинский сборник, XXXV, стр. 7. См. также об этом: Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 308; В. И. Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Л., 1956, стр. 214—217, 223—231 (воспоминания

писала о Совнаркоме первых недель его существования А. М. Коллонтай: «Обстановка заседаний Совнаркома была самая деловая и даже более чем деловая, недостаточно удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик Н. П. Горбунова, секретаря СНК, который вел протоколы. Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться, но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!».[18]

В первые дни Н. П. Горбунов был фактически единственным сотрудником аппарата СНК. Дополнительно к секретарским обязанностям (о которых он, по собственному признанию, не имел почти никакого представления) Н. П. Горбунову из-за полного отсутствия машинисток «довольно долго самому приходилось двумя пальцами выстукивать бумаги».[19] В хранящихся в ЦГАОР материалах Совнаркома имеются три самых ранних из известных нам документов Управления делами СНК, в изготовлении которых принимал участие Н. Горбунов. Все они датированы 30 октября, имеют исходящие номера (№№ 4, 6 и 7) и адресованы в Бюро печати.[20] Последний из этих документов был связан с напечатанным 30 октября в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета» протестом секретаря фракции РСДРП(б) — объединенцев против «захвата» помещения данной фракции в Смольном фракцией эсеров-максималистов. «В действительности, — пояснял в этом документе Н. П. Горбунов, подписавшийся под его текстом как «секретарь управляющего делами Правительства», — дело было так. Никакого захвата, конечно, не было. Фракция эсеров-максималистов была переведена в комнату № 24 по распоряжению управляющего делами Совета Народных Комиссаров ввиду того, что помещение, до этого занимаемое товарищами с-р.-максималистами, экстренно потребовалось для надобностей правительства... Очевидно, в суматохе произошло просто недоразумение. Конечно, в Смольном институте всегда найдется помещение для каждой фракции, входящей в Совет съезда или Петроградского Совета».[21]

рабочих Путиловского завода И. Ф. Еремеева и М. И. Лондарского и рабочего Трубочного завода С. Ф. Соколова); ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, Д. 20, лл. 29—29 об. (воспоминания рабочего Трубочного завода Г. Неклюдова).

[18] А. М. Коллонтай, ук. соч., стр. 219.

[19] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 187.

[20] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 8, лл. 26—30. См. об этом также: Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров, стр. 11.

[21] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 8, л. 30.

В направленном на следующий день, 31 октября, в Продовольственный отдел ВРК требовании об отпуске продуктов («...прошу отпустить для Народных К[омиссаров] 10 ф. хлеба») Н. П. Горбунов подписался уже как «секретарь тов. Ульянова».[22] К 31 октября относится также другой интересный документ, являющийся, несомненно, реализацией полученных из Совнаркома указаний, направленных на возможно скорейшее налаживание в правительственном аппарате нормального делопроизводства. Это — написанная на бланке типографии «Труд» товарищества «Рабочая Печать» доверенным лицом этого товарищества расписка в получении 1 тыс. руб. «на покупку бумаги для бланков Совета Народных Комиссаров, его секретариата и народн. комиссара по М[инистерству] ф[инансов]».[23] Уже в первых числах ноября (не позднее 5 ноября) заказанные для Управления делами СНК бланки были готовы. К этому времени была также, по-видимому, изготовлена и первая печать Управления делами Совнаркома. Об этом свидетельствует датированный 5 ноября 1917 г. подлинник «Ответа» Председателя Совета Народных Комиссаров на запросы крестьян о переходе власти к Советам и о задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов, предназначенный для крестьян и местного гарнизона г. Режицы и его уезда, Витебской губернии, который был выполнен на бланке: «Совет Народных Комиссаров. Петроград» — и имел печать: «Управление делами Крестьянск. и Рабоч. правительства Республики России».[24] Небезынтересно отметить, что некоторые другие относящиеся к этому времени документы Управления делами СНК заверялись печатью народного комиссара финансов. Так, текст направленного 9 ноября управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем в Военно-революционный морской комитет отношения с просьбой немедленно передать по радиотелеграфу воззвание о перемирии был скреплен печатью народного комиссара по Министерству финансов.[25] Сохранившийся в материалах ЦПА интереснейший документ — набросок карандашом текста, представляющего собой, по-видимому, проект заказа на изготовление разнообразных печатей и штампов для секретариата СНК, относится, вероятно, к декабрю 1917 г.[26] В первые же послеоктябрьские дни на всю канцелярию Управления делами СНК имелся всего один стол, не

[22] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 66, л. 280. См. также: Э. В. Клопои, ук. соч., стр. 11.

[23] Заверенная штампом товарищества подпись читается, к сожалению, не очень ясно — Г. А. Русинов (?) (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32995). Вдоль левой стороны текста расписки имеется сделанная синим карандашом пометка: «Возвратить бумагу тов. Евстафьеву».

[24] См.: Декреты Советской власти, т. I, № 35, легенда.

[25] ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 2, л. 3.

[26] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989.

хватало бумаги, карандашей и других самых простейших канцелярских принадлежностей.[27]

Необходимо было поэтому найти в Смольном помещение, удобное для деятельности Совнаркома и его аппарата (а сделать это было не так уж легко: «Помещение Смольного было неудобно для всех этих учреждений, — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — так как комнаты были очень огромны, без перегородок»),[28] оборудовать его для работы и, главное, — подобрать в состав аппарата Управления делами СНК сотрудников.

К приступившим к решению всех этих организационных вопросов В. Д. Бонч-Бруевичу и Н. П. Горбунову («Начали мы, — писал впоследствии Н. П. Горбунов, — с установления наличия учреждений, возникавших стихийно в Смольном») [29] в первые ноябрьские дни стали присоединяться новые сотрудники. По приглашению В. Д. Бонч-Бруевича в аппарат Управления делами в это время поступила член Рождественского районного комитета большевистской партии М. Н. Скрыпник, которая сначала работала в основном по приему делегаций к Председателю СНК, а затем, по личному указанию В. И. Ленина, была назначена вторым секретарем Совнаркома.[30] 3 ноября к работе в аппарате СНК приступила машинистка Н. Н. Горлова, 7 ноября — делопроизводитель А. П. Кизас, 10 ноября — машинистка П. А. Шахунова.[31] Однако в Управлении делами Советского правительства в те дни по-прежнему ощущалась острая нужда в работниках. «Ввиду чрезвычайно спешной работы по делам Совета Народных Комиссаров, — обращался к Военно-революционному комитету 7 ноября Н. П. Горбунов, — очень прошу Вас уступить нам на несколько часов одну из товарищей машинисток. Наша машинистка сегодня

[27] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 187; А. Ю. Иткин. В управлении делами Совнаркома в октябре 1917 г. «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 162—163.

[28] В. Д. Бонч-Бруевич, уК. соч., стр. 132.

[29] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 187. Небезынтересно отметить, что В. И. Ленин в дальнейшем (13 декабря) лично поручил Н. П. Горбунову собрать сведения о каждом отделе и каждой комнате Смольного с указанием работающих в них сотрудников, их адресов, телефонов и т. д. (См. В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 6, стр. 148). В связи с этим невольно напрашивается мысль о том, что и указанная выше Н. П. Горбуновым работа была начата, вероятно, не без указания или по крайней мере с санкции Председателя СНК. В результате проведения этой работы (по-видимому, с участием справочного отдела Смольного, заведующим которого, как уже отмечалось выше, до перехода в Управление делами СНК, был Н. П. Горбунов) и были составлены, в частности, хранящиеся в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР списки комнат Смольного с указанием занимавших их советских и партийных органов (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11).

[30] Стенограмма. Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине, л. 8; М. Н. Скрыпник. Воспоминания об Ильиче, стр. 14.

[31] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99.

Ме пришла».[32] Одной из машинисток, выделявшихся ВРК в таких и аналогичных случаях для оказания содействия аппарату СНК, была, в частности, В. Екимова, работавшая в Смольном с 26 октября 1917 г.[33]

Деятельность Петроградского ВРК имела для только создававшегося тогда правительственного аппарата особо важное значение. Из руководящего органа восстания Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов практически стал в первые послеоктябрьские недели главным исполнительным органом в руках нового правительства. Это было четко зафиксировано в постановлении ВРК о программе его деятельности от 30 октября, в котором прежде всего подчеркивалось: «1) Военно-революционный комитет выполняет дела, порученные ему [Советом] Народных Комиссаров».[34] Именно под руководством ВРК обеспечивалась прежде всего в те напряженные дни охрана деятельности Совета Народных Комиссаров. В адресованном коменданту Смольного специальном письме ВРК от 2 ноября говорилось: «Военно-революционный комитет ставит Вам на вид, что охрана 3-го этажа д[олжна] быть улучшена».[35] Через два дня, 4 ноября, комендант Смольного П. Д. Мальков получил подписанное Ф. Э. Дзержинским отношение ВРК в Кронштадтский морской комитет с просьбой «назначить семь человек матросов для обслуживания Смольного института».[36] И уже 10 ноября четверо революционных моряков-балтийцев, выделенных, по-видимому, в ответ на это письмо, были на дежурстве в Совнаркоме.[37] В дальнейшем, 20 *ноября,* Совет Народных Комиссаров, обсудив на своем заседании вопрос об охране Смольного института, специальным решением поручил ВРК обеспечить его революционную охрану.[38] Через ВРК осуществлялась также связь со штабом Красной гвардии Петрограда, направлявшим для несения караульной службы в занимавшееся СНК помещение в Смольном рабочих-красногвардейцев.[39] Чрезвычайно большую помощь оказал Военно-революционный комитет и в подборе других сотрудников Управления делами. Обратившись 27 октября 1917 г. ко всем пролетарским организациям и рабочим Петрограда с призывом оказать поддержку Советской власти в сформировании и налажи-

[32] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 2.

[33] См.: В. Екимова. Воспоминания о работе машинисткой Военно-революционного комитета в 1917 г. ЛПА, ф. 400, оп. 5, д. 2226, л. 1.

[34] Документы Великой пролетарской революции, т. 1. (Б. м.), 1938, стр. 112 (далее — Документы).

[35] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 35, л. 29.

[36] Там же, л. 34. Под текстом письма имеется расписка: «Подлинник получил. Комендант Мальков».

[37] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99.

[38] Подробнее об этом решении Совнаркома см.: Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 131.

[39] См., например: ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 3.

вании работы аппарата Рабочего и Крестьянского правительства, ВРК в дальнейшем развернул в этом направлении громадную организационную работу, непосредственно занимаясь в то же время привлечением работников для Управления делами СНК. Так, с утверждения ВРК «для заведования хозяйственной частью Смольного, которая занимается Правительством», к его Управлению делами не позднее 9 ноября был прикомандирован Н. Г. Косюра. Аналогичным образом к Управлению делами Советского правительства был прикомандирован первый из мальчиков-курьеров М. Васильев, начавший работать в аппарате СНК уже 1 ноября.[40] Военно-революционный комитет направил также для работы в Управление делами своего сотрудника И. В. Духвинского, который с 4 декабря 1917 г. стал одним из секретарей приемной Совнаркома.[41]

К середине ноября 1917 г. в число сотрудников аппарата Рабочего и Крестьянского правительства входит уже 21 человек (не считая управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича).[42] Это видно из адресованного в Продовольственный отдел Военно-революционного комитета отношения от 15 ноября за подписью секретаря Совета Н. П. Горбунова об отпуске ежедневного довольствия для сотрудников Управления делами СНК, в котором указаны их фамилии и занимаемые должности. В аппарате СНК в это время работали Н. П. Горбунов, М. Н. Скрыпник, А. П. Кизас, машинистки Н. Н. Горлова, В. П. Стендер, П. А. Шахунова, бухгалтер А. Д. Погрузов и его помощник С. Д. Грудский, заведующий помещением Н. Г. Косюра с двумя помощниками (А. Акимов и П. Никифоров), четверо вестовых (П. Дмитриев, Е. Воронцов, П. Половинкин, С. Желтышев), пять уборщиц (А. Болтрукевич, Э. Виленсон, С. Симак, Е. Хинканен, Б. Болтрукевич) и мальчик-курьер М. Васильев.[43] К 18 ноября число сотрудников увеличилось еще на 5 человек.[44]

[40] Там же, ф. 130, оп. 1, д. 45, л. 107—107 об. и д. 99.

[41] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99; И. В. Духвинский-Осипов. Мои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В кн.: К годовщине смерти В. И. Ленина. Под общей редакцией А. Ф. Ильина-Женевского. Л., 1925, стр. 155. Ряд материалов И. В. Духвинского, подтверждающих указанное выше (автобиография, выданные ему в Управлении делами пропуска и удостоверения и др.), хранится в ЛПА (ф. 4000, оп. 5, д. 2092, лл. 67 об., 78, 82).

[42] Иную цифру указывает Д. А. Чугаев, который пишет: «При управлении делами была организована канцелярия, состоявшая к концу ноября 1917 г. из секретаря Совнаркома и 18 сотрудников» (см.: Д. А. Чугаев. История создания и упрочения Советского государства. Доклад, обобщающий содержание научных трудов, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964, стр. 19).

[43] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 45, лл. 107—107 об.

[44] Это видно из направленного Н. Горбуновым в этот день также в Продовольственный отдел ВРК отношения, аналогичного указанному выше письму от 15 ноября (см.: там же, лл. 99—99 об.)

В первой половине ноября для Совета Народных Комиссаров и его аппарата было найдено в Смольном помещение, в котором Рабочее и Крестьянское правительство работало в дальнейшем вплоть до переезда в Москву. В ГИА ЛО сохранились материалы, содержащие интересные сведения о том, как это было сделано.[45] Еще 1 ноября начальнице Смольного института княгине Голицыной[46] было послано следующее предписание, подписанное В. Д. Бонч-Бруевичем и Н. П. Горбуновым: «Управление делами Правительства предлагает Вам не позже утра пятницы освободить пустующее помещение III этажа, занятое складом мебели».[47] В ответ на это княгиня Голицына 2 ноября направила во ВЦИК отношение, в котором заявила, что она отказывается выполнять эти предписания, так как подчиняется только распоряжениям Главного управления Ведомства учреждений императрицы Марии.[48] 3 ноября Голицына обратилась также в это Главное управление, заявив, что требование об освобождении помещения исходит от «какой-то организации, называющейся Управлением делами Правительства Народных Комиссаров», и что она не считает возможным вступать с ним в официальные сношения.[49] 6 ноября исполнявший должность члена Совета по хозяйственной части Смольного института барон Мирбах направил в Главное управление ведомства учреждений императрицы Марии другое отношение. В нем сообщалось, что в субботу, 4 ноября, к Голицыной явились представители Управления делами Совнаркома и, заявив, что они занимают все помещение, включая и подвальный этаж, предложили освободить его в недельный срок, а все имущество перенести в Александровский институт.[50]

Именно в этой, освободившейся в последующие дни части III этажа Смольного и расположился в дальнейшем Совнарком со своим аппаратом.

Как вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, «...удалось найти две смежные комнаты, одну меньшую, другую большую, в которых мы и обосновались».[51] Новое помещение Совнаркома находилось

[45] За сообщение этих материалов приношу глубокую благодарность проф. А. Л. Фрайману.

[46] С 1 июля 1917 г. здание Смольного было по вертикали (по всем трем этажам) разделено между Институтом и Исполкомом Петроградского Совета (см.: ГИА ЛО, ф. 2, оп. 2, д. 359, 2. 2).

[47] ГИА ЛО, ф. 2, оп. 2, д. 359, л. 4. На следующий день, 2 ноября, В. Д. Бонч-Бруевич и Н. П. Горбунов предложили также княгине Голицыной «оставить в помещении освобождаемого... III этажа Смольного института все казенные стулья, столы, шкапы, 15 кроватей (лучших), 15 матрацов, все электрические лампы, составить список оставляемых вещей» (там же, л. *3).*

[48] ГИА ЛО, ф. 2, оп. 2, д. 359, л. 2.

[49] Там же, л. 1.

[50] Там же, л. 5. Практическая работа по освобождению помещений верхнего этажа Смольного от вещей Института была начата в тот же день, 4 ноября (см.: там же, л. 1).

[51] В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 132; см. также: Ленинский сборник, IV, стр. 349.

в противоположном левом крыле III этажа Смольного и, как это видно из относящихся к 20-м числам ноября списков комнат Смольного с указанием работавших в них советских и партийных органов, имело номер 81.

В имеющейся в ЦПА ИМЛ машинописной копии такого списка, датированного 21 ноября, против номера 81 значится только следующее: «Народные комиссары по гражданским делам. Земледелия, почт и телеграфов, путей сообщения, просвещения, национальностей и вероисповед».[52] Значительно больший интерес представляет собой перечень, хранящийся в фонде ВРК ЦГАОР, в котором, помимо номеров комнат Смольного и названий занимавших их учреждений (эти сведения совпадают с данными списка ЦПА ИМА), имеются и дополнительные сведения, в частности фамилии всех сотрудников с указанием выполняемой ими работы. Из этого перечня видно, что комната № 81 Смольного (против этого номера написано «Служащие народных комиссаров по гражданским делам») представляла собой собственно несколько комнат: № 5-а (в ней помещались бухгалтерия и финансовый отдел СНК), № 5-б (здесь располагался временный аппарат Наркомнаца — его секретарь С. С. Пестковский и один делопроизводитель), № 4-а (в этой комнате, по-видимому, помещался секретариат СНК, так как именно в ней вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем, Н. П. Горбуновым и М. Н. Скрыпник работали делопроизводители и машинистки, велась регистрация посетителей, находились экспедиция, вестовые и охрана),[53] № 7 (здесь располагалась совнаркомовская столовая — с заведующей А. Болтрукевич и тремя уборщицами — С. Симак, Е. Хинканен и Э. Виленсон) и, наконец, «приемная комната 81 Правительства» (так написано в тексте списка), где находился стол справок. Думается, можно с уверенностью полагать, что приведенные сведения вполне достоверны. Неоспоримым свидетельством этому является впервые опубликованное недавно собственноручное письмо В. И. Ленина американскому послу Дэвиду Р. Френсису, обратившемуся к Председателю Совета Народных Комиссаров с просьбой принять его и весь дипломатический корпус. В написанном 1 января 1918 г. письме,

[52] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989.

[53] Эти сведения, в частности, подтверждаются хранящимися в ЛПА воспоминаниями Ю. П. Сергеевой, а также приложенным к этим воспоминаниям ее письмом к В. Д. Бонч-Бруевичу, по приглашению которого Ю. П. Сергеева и пришла в один из ноябрьских дней 1917 г. работать в занимавшуюся Управлением делами СНК комнату № 81 Смольного (см: ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3476, л. 16). «Неподалеку от кабинета Владимира Ильича, — пишет, Ю. П. Сергеева в своем письме, — стоял стол Анны Петровны Кизас, рядом с ним стол Горбунова, затем Ваш и мой. Экспедиция, машинистки Горлова и Максимова (имеется в виду, вероятно, В. Г. Максименко, — *М. И.*), — все это было в одной большой комнате, через которую потоком проходили люди к Владимиру Ильичу» (ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3476, л. 42).

[54] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, лл. 49—50. См. также: ЛПА, ф. 1, оп 1, д. 115, л. 207.

представляющем собой ответ на эту просьбу, В. И. Ленин писал: «Сэр, не будучи в состоянии связаться с Вами по телефону в 2 часа, как было условлено, я пишу, чтобы сообщить Вам, что я был бы рад встретиться с Вами в моем кабинете — Смольный институт, комната 81 — сегодня в 4 часа дня».[55]

Прежде всего был оборудован кабинет В. И. Ленина, которым, по описанию Е. К. Кокшаровой, стала «небольшая угловая комната с тремя окнами. Одно окно было обращено к главному подъезду Смольного, а два других — к Лафонской площади. В кабинете стоял письменный стол, за которым работал В. И. Ленин, простое жесткое кресло венского типа, этажерка с 4-мя полками и несколько венских стульев».[56] Тут же, за недоходившей до потолка перегородкой был сразу же установлен небольшой коммутатор для телефонной связи через Центральную телефонную станцию Петрограда. Возле коммутатора все время дежурил один из надежных рабочих-красногвардейцев, выполнявший одновременно обязанности личной охраны Председателя СНК.[57] Старшим среди них являлся рабочий-металлист П. Половинкин, один из самых первых служащих Управления делами СНК.[58] В числе других красногвардейцев, постоянно дежуривших у телефонного коммутатора Председателя СНК, был рабочий Трубочного завода П. Д. Дмитриев, переведенный в распоряжение секретаря СНК Н. П. Горбунова по рекомендации всего отряда рабочих-красногвардейцев этого завода.[59]

Первый управделами Советского правительства В. Д. Бонч-Бруевич подробно рассказывает о том, как сотрудники СНК приспосабливали помещение Смольного для работы его аппарата: «Мы стали устанавливать столы, табуретки, скамейки, сделали барьер и перегородку, преграждавшие вход в ту часть залы, где мы работали, устроили две приемные комнаты».[60]

Приехавший в те ноябрьские дни по вызову В. И. Ленина из Москвы А. Г. Шлихтер приводит в своих воспоминаниях яркое описание этих двух примыкавших к кабинету Председателя СНК комнат (приемной и секретариата), «необычайная простота» которых, равно как и «необычайная доступность советского персонала для просителей и посетителей» остались у него отчетливо в памяти. Приемная представляла собой большую проходную

[55] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 24.
[56] Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 308.
[57] В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 132; М. Н. Скрыпник, ук. соч., стр. 17; Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 308.
[58] В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. III, стр. 163.
[59] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3470, лл. 2, 8 об. (воспоминания П. Д. Дмитриева, бывшего личного телефониста В. И. Ленина). См. также: П. Дмитриев. Память об Ильиче не умрет в сердцах рабочих всего мира. В кн.: К годовщине смерти В. И. Ленина. Под общей редакцией А. Ф. Ильина-Женевского. Л., 1925, стр. 176.
[60] В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах. . ., стр. 133.

комнату, перегороженную низким деревянным барьером на две неравные части. «Простой стол с чернильницами, диван и несколько венских стульев — вот и вся обстановка совнаркомовской приемной в те дни, — писал А. Г. Шлихтер... — Но зато сколько радости и удовольствия должна была оставлять эта простота обстановки в душе рабочего, который приходил в Смольный по разным делам к "своему" , "рабочему правительству». Из приемной дверь вела в секретариат, большую комнату, непосредственно примыкавшую к кабинету В. И. Ленина (в упомянутом выше перечне комнат Смольного, хранящемся в фонде ВРК ЦГАОР, эта комната имеет № 4-а). «Три простых канцелярских стола, один столик с пишущей машинкой, два шкафа, несколько стульев, да простая, наскоро сколоченная вешалка у двери в кабинет т. Ленина, на которой обыкновенно вешали пальто...», — вот и все, что имелось тогда в секретариате Советского правительства.[62] Большая комната секретариата вначале служила также местом проведения заседаний Совета Народных Комиссаров, который затем (с декабря 1917 г.) собирался в специальном зале заседаний, так называемом Красном зале Смольного, расположенном в том же левом крыле здания.[63]

В связи с напряженной обстановкой (контрреволюционеры не раз пытались в то время организовать нападение на Смольный) у барьера в приемной и у дверей, ведущих в кабинет В. И. Ленина, были постоянно установлены посты из рабочих-красногвардейцев,[64] революционных моряков-балтийцев,[65] у окон секретариата дежурили около двух пулеметов солдаты-пулеметчики.[66] С конца ноября 1917 г. охрана Смольного и прежде всего работавшего в нем Совнаркома во главе с В. И. Лениным осуществлялась главным образом латышскими стрелками. Созданный в этих целях согласно приказа верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко сводный батальон латышских стрелков был сформирован в 20-х числах ноября из лучших солдат и офицеров, имевшихся в армии девяти латышских стрелковых полков. На собраниях, прошедших в ротах, командах и взводах каждого из этих полков, для охраны Советского правительства были

[61] А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине. Партиздат ЦК КП(б)У, 1934, стр. 37—38.

[62] Там же, стр. 38. См. также: Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 308.

[63] Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 308; В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 135.

[64] Вместе с рабочими-красногвардейцами Путиловского и Трубочного заводов кабинет В. И. Ленина в Смольном охраняли и представители других заводов — Балтийского, «Новый Лесснер», «Новый Парвиайнен» (см.: ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1332, лл. *3* об., 5; оп. 6, д. 180, лл. 6—8).

[65] Стенограмма, л. 6; В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № *3,* стр. 154; Ф. Е. Мельников. Воспоминания об участии в охране Смольного в 1917 г. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1728, л. 1.

[66] М. Н. Скрыпник, ук. соч., стр. 17; Е. К. Кокшарова, ук соч., стр. 309,

отобраны наиболее достойные кандидатуры, в первую очередь члены большевистской партии.[67] Это была именно такая воинская часть, которая, по словам коменданта Смольного П. Д. Малькова, была нужна для надежной охраны Смольного — весь ее личный состав сочетал в себе беззаветную преданность делу революции с опытом и знаниями кадровых военных.[68] Наряду с несением караульной службы у входов в Смольный, в кабинет председателя СНК В. И. Ленина и других помещений, в которых располагались тогда руководящие партийные и советские органы, охраной лестниц и коридоров Смольного, отряды латышских стрелков, выполняя задания В. И. Ленина, СНК и ВРК, участвовали также в борьбе с контрреволюцией и обеспечении революционного порядка в Петрограде.[69] Всего в составе сводного батальона, командиром которого был Я. Х. Петерсон, а его помощником П. Ванаг, к концу пребывания Советского правительства в Петрограде насчитывалось около 500 человек, больше половины из которых были членами большевистской партии.[70] Вместе с петроградскими рабочими-красногвардейцами и балтийскими моряками латышские стрелки с честью выполнили свой революционный долг по охране первой резиденции Советского правительства — Смольного. И именно им, неоднократно на деле доказавшим свою беззаветную преданность революции и Советской власти, было в дальнейшем поручено охранять Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным при его переезде из Петрограда в Москву.[71]

Начиная с конца ноября и в декабре 1917 г. число сотрудников Управления делами Совета Народных Комиссаров несколько выросло. Для успешного налаживания деятельности правительственного аппарата Советской власти в распоряжение Совета Народных Комиссаров лучших своих представителей направили городская и районные организации РСДРП(б), городской и районные Советы Петрограда, профсоюзы и фабзавкомы, Социалистический союз рабочей молодежи и студенческая организация при ПК РСДРП(б), Красная гвардия и революционные части армии и флота. В Совет Народных Комиссаров и лично его Председателю В. И. Ленину в это время приходили сотни и тысячи писем и телеграмм от собраний и общественных организаций, предприятий и учреждений, воинских частей и отдельных лиц, в которых выражалась поддержка Советской власти и изъявлялась готовность принять посильное участие в налаживании работы ее центрального аппарата, высказывались самые различные

[67] См.: Я. Каймінь. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1961, стр. 365—366.
[68] П. Д. Мальков. Записки коменданта Московского кремля. М., 1959, стр. 59.
[69] Я. Каймінь, ук. соч., стр. 367—376.
[70] Там же, стр. 366, 368.
[71] Там же, стр. 379—380.

проекты и предложения, направленные на защиту завоеваний Октябрьской революции.[72]

В одном из составленных в то время списков желающих поступить на работу в советский правительственный аппарат, хранящихся сейчас в материалах СНК ЦГАОР,[73] против № 108, например, сделана такая запись: «...Социалист. Союз Рабочей молодежи предлагает работников. Фонтантка 201».[74] Народному правительству предлагались испытанные работники, за которых ручалось Правление Союза; их подбором занималась, в частности, одна из организаторов комсомола, активный работник Петроградской комсомольской организации, являвшаяся членом Правления Союза, Е. М. Герр.[75]

При направлении в аппарат Совнаркома своих работников или хорошо известных им лиц организации, предприятия и революционные части армии и флота обычно снабжали их специальными рекомендациями или удостоверениями. В материалах ЦПА ИМЛ и ЦГАОР сохранились некоторые такие документы: «В качестве опытного работника по конторской части», например, был направлен в «Бюро Совета Народных Комиссаров» комитетом латышского района Петербургской организации РСДРП(б) А. И. Тирзит; удостоверением за подписью Б. С. Генгута, члена Совета старост типографии «Копейка» и одновременно члена I городской районной организации РСДРП(б), была снабжена Л. М. Пино, в котором она была охарактеризована «как честная и вполне надежная для службы в учреждениях Совета Народных Комиссаров».[76]

Сотрудниками Управления делами Совнаркома стали лучшие представители революционных масс трудящихся из профессиональных революционеров, рабочих, матросов, солдат и передовой интеллигенции. Так, по направлению Рождественского районного комитета РСДРП(б) Петрограда начала работать в Смольном Е. К. Кокшарова (сначала в его главной регистратуре, а затем в Управлении делами правительства, в качестве секретаря СНК);

[72] Подробнее об этом см.: И. В. Духвинский-Осипов, ук. соч., стр. 158; Е. П. Подвигина. Первые дни работы Совета Народных Комиссаров, стр. 122—123, 126—128; В. С. Орлов. В. И. Ленин и создание аппарата первого в мире рабоче-крестьянского правительства, стр. 22—23.

[73] В этих списках («Тетрадь поступающих на работу», «Адреса желающих получить работу» и др.) указаны фамилии, имена и отчества, адреса и профессии или должности, в которой могли быть использованы поступавшие на работу, а также названия и адреса различных организаций, предлагавших своих работников (см.: ЦГАОР, ф. 130. оп. 1, д. 47, лл. 207—266).

[74] ЦГАОР, ф. 130 оп. 1, д. 47, л. 222.

[75] Это видно из имеющегося в тех же материалах ЦГАОР письма Социалистического Союза Рабочей молодежи Петрограда, направленного в Совет Народных Комиссаров специально по этому вопросу. См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 215.

[76] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, дд. 32995 и 34989; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, Д. 47, л. 251. См. об этом также: В. С. Орлов, ук. соч., стр. 16—17.

делопроизводителем Управления делами стала работница-красногвардеец Ю. П. Сергеева, активно участвовавшая ранее под руководством М. С. Урицкого и В. Д. Бонч-Бруевича в распространении среди рабочих и солдат большевистской печати; вместе с другими революционными солдатами и моряками-балтийцами, дежурили в Совнаркоме и несли рассыльную службу солдат пулеметной команды Волынского полка С. Желтышев и А. Жужжалов, матрос с миноносца № 129 Балтийского флота.[77]

Об общем количестве сотрудников аппарата Совета Народных Комиссаров в это время в литературе имеются различные сведения. Так, Е. К. Кокшарова, например, пишет, что к концу декабря в Управлении делами СНК насчитывалось 23 сотрудника; в новейших работах Э. В. Клопова и В. С. Орлова число сотрудников совнаркомовского аппарата на конец 1917 г. определено иными цифрами: 48 (у Э. В. Клопова) и 65 (у В. С. Орлова).[78] Имеющиеся, однако, источники позволяют попытаться несколько уточнить эти цифры. В материалах Совета Народных Комиссаров ЦГАОР хранится подлинная требовательная ведомость на выдачу жалованья служащим Управления делами СНК за период с 25 октября 1917 г. по 1 марта 1918 г., подписанная В. Д. Бонч-Бруевичем и бухгалтером СНК М. Е. Алексеевым, которая содержит весьма важные сведения по интересующему нас вопросу: порядковый перечень фамилий сотрудников Управления делами с указанием занимаемых ими должностей, времени поступления на работу в аппарат СНК, размеров их окладов, а также денежных сумм, подлежащих выплате с ноября 1917 по февраль 1918 г. (за каждый месяц отдельно), размеров итоговых сумм, выданных авансов и, наконец, расписки в их получении. Из этой ведомости совершенно ясно видно, что на 1 января[79] 1918 г. в штате Управления делами Совнаркома было 32 постоянных сотрудника, в том числе работники секретариата, приемной, экспедиции, бухгалтерии, столовой, дежурные матросы и выполнявшие обязанности связных военные самокатчики.[80] И хотя, помимо этого, в аппарате СНК в ноябре—декабре 1917 г. выполнялись также и временные работы, оплачивавшиеся по счетам,[81] именно

[77] Стенограмма, лл. 4, 8; ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99; Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 307; Ленин — вождь Октября, стр. 264, 270 (воспоминания Ю. П. Сергеевой).

[78] Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 309; Э. В. Клопов, ук. соч., стр. 11; В. С. Орлов, ук. соч., стр. 17.

[79] Как свидетельствует эта же ведомость, 1 января 1918 г. число сотрудников СНК увеличилось еще на 4 человека.

[80] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99.

[81] См.: там же, д. 72. Ресконтро служащих управления делами СНК с алфавитом к ресконтро. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1917 г. (*Ресконтро — вспомогательная бухгалтерская книга, состоящая из частных лицевых счетов,* — Словарь иностранных слов. М., 1954, стр. 605).

эту цифру (с некоторым, вероятно, уточнением) [82] следует, на наш взгляд, считать наиболее соответствующей действительности.

Образованный при Совете Народных Комиссаров аппарат В. И. Ленин сумел превратить, несмотря на его малочисленность, в четкий и оперативный орган, с помощью которого быстро решались самые разнообразные вопросы государственной политики. Объем работы, которую приходилось выполнять Управлению делами СНК, был чрезвычайно велик, «...так как, кроме ежедневных заседаний Совнаркома и Малого Совнаркома, который вскоре был создан, в функции аппарата входило: прием всех посетителей, разговоры от имени Владимира Ильича согласно инструкциям, которые он делал, с отдельными делегациями, телеграфная переписка с местами, которые обращались в центр за директивами».[83] Кроме этого, необходимо было также делать выписки из решений Советского правительства, быстро рассылать их во все народные комиссариаты и другие центральные советские и партийные органы, а также проверять их выполнение.[84] Всю работу по ведению протоколов Совнаркома (а в дальнейшем и Малого СНК), изготовлению оригиналов и копий правительственных декретов и постановлений, выписок из решений СНК и другую текущую канцелярскую работу выполнял секретариат Управления делами, в котором вместе с известными нам Н. П. Горбуновым, М. Н. Скрыпник, А. П. Кизас, Ю. П. Сергеевой, Н. Н. Горловой, В. П. Стендер, П. А. Шахуновой работали также секретарь СНК Я. III. Агранов, делопроизводители Л. Я. Озеревская и С. Г. Марьяновский, экспедиторы Б. Я. Беленькая и Г. Р. Федюшин, машинистки В. Г. Максименко и С. М. Лившиц и другие новые сотрудники.

Наряду с секретариатом другим важнейшим отделом аппарата СНК являлась его приемная, начавшая функционировать с первых же дней деятельности Советского правительства. «Это было время неудержимого паломничества к Ленину, — вспоминала М. Н. Скрыпник. — С разных концов необъятной Руси ехали

[82] Так, в ведомости почему-то не значится, например, М. Н. Скрыпник, которая, как известно, с первых чисел ноября 1917 г. работала в секретариате Рабочего и Крестьянского правительства. (Это, по-видимому, объясняется тем, что в момент составления ведомости М. Н. Скрыпник уже не являлась сотрудником аппарата СНК, так как она уехала на Украину, куда ЦК РСДРП(б) по просьбе украинских большевиков направил в январе 1818 г. ее мужа — известного деятеля большевистской партии Н. А. Скрыпника).

[83] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 193.

[84] См.: Стенограмма, л. 6. В связи с изложенным выше нельзя не присоединиться к высказанным уже Е. Н. Городецким критическим замечаниям в адрес в целом содержательной и полезной статьи М. Н. Лучкина, в которой, к сожалению, вместе с тем чрезмерно преувеличивается объем и значение деятельности технического аппарата Совнаркома (см. Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 153).

[85] См. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99.

в Смольный рабочие, крестьяне и матросы повидать Ленина, услышать из его уст совет, как действовать в дни великого переворота».[86] В Смольный шли не только крестьянские ходоки и делегации от рабочих и солдат-фронтовиков. В приемную Рабочего и Крестьянского правительства в это время приходили также представители буржуазии, интеллигенции, корреспонденты отечественных и зарубежных газет, деятели социалистических и демократических партии других стран, иностранные дипломаты. Обратиться в приемную СНК мог каждый. «С первый дней установлен был такой порядок, — пишет Е. К. Кокшарова, — что каждый посетитель, получивший пропуск в Смольный, мог свободно зайти в помещение Совета Народных Комиссаров, чтобы заявить о своей просьбе или жалобе. Это было указание Владимира Ильича».[88] Среди посетителей в приемной Советского правительства всегда преобладали рабочие, крестьяне, солдаты, матросы. Встречам и беседам с представителями трудящихся России В. И. Ленин придавал первостепенное значение. «Ленин сам тысячами нитей был связан с широчайшими массами рабочих и крестьян, — вспоминает работавший в то время в экспедиции и приемной СНК Б. Коротков. — По разговору с отдельными рабочими и крестьянами умел он почувствовать, узнать, о чем думает народ, чем он живет, в чем нуждается».[89] Поэтому так настойчиво стремились попасть на прием именно к Председателю Совета Народных Комиссаров сотни и тысячи простых людей, безгранично веривших В. И. Ленину и видевших в нем надежного защитника интересов трудового народа. И именно поэтому рабочий кабинет В. И. Ленина в Смольном (а затем и в Кремле), по меткому определению видного американского публициста А. Р. Вильямса, действительно был «величайшей в мире приемной».[90]

[86] См.: Стенограмма, л. 8.

[87] Так, например, 15 ноября 1917 г. председатель СНК дал первое интервью иностранному журналисту — американскому корреспонденту агентства «Ассошиэйтед Пресс» Г. М. Ярросу (см.: Г. Ярос. Первое интервью В. И. Ленина иностранному корреспонденту. «За рубежом», 1963, 20 апреля, № 16, стр. 5—6). 8 ноября В. И. Ленин принял ученых-академиков А. А. Шахматова и С. Ф. Ольденбурга, профессоров А. В. Васильева и Н. И. Кутлера; между 24 и 29 ноября — шведских социалистов Цета Хеглунга и Карла Чильбума; в ночь с 5 на 6 декабря — члена французской военной миссии в России капитана Ж. Садуля; 8 декабря — начальника американской миссии Красного креста полковника Р. Робинса (см.: В. И. Ленин... Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 143—144; 1960, № 4, стр. 155; № 6, стр. 138—139, 142). См. об этом также: И. В. Духвинский-Осипов, ук. соч., стр. 155; Ленин — вождь Октября, стр. 271 (воспоминания Ю. П. Сергеевой).

[88] Е. К. Кокшарова, ук соч., стр. 309.

[89] Ленин — вождь Октября, стр. 283.

[90] См.: А. Р. Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 68.

В числе многих посетителей приемной СНК, обращавшихся к В. И. Ленину с просьбами и жалобами по личным делам,[91] пришел 31 октября 1917 г. в Смольный один крестьянин (его фамилия, к сожалению, осталась неизвестной), просивший об уплате ему денежной компенсации за лошадь, реквизированную на военные нужды незадолго перед Февральской революцией. По ленинской записке, адресованной А. М, Коллонтай, этому крестьянину было выдано первое пособие из Народного комиссариата по социальному обеспечению.[92]

Особенно частыми посетителями в приемной самого «главного большевика» (как тогда называли В. И. Ленина многие крестьяне) были представители местных Советов и организаций РСДРП(б), многочисленные крестьянские ходоки, приходившие с наказами своих односельчан из разных районов и областей страны, и, конечно, делегации рабочих и солдат, выполнявшие поручения своих предприятий и воинских частей. Обилие материалов (и в первую очередь воспоминаний) об этих встречах Председателя Совнаркома В. И. Ленина с представителями трудящихся России может послужить основой для специального, до сих пор, к сожалению, не осуществленного изучения. Ограничимся поэтому приведением лишь нескольких примеров из числа подобных встреч. Так, 5 ноября 1917 г. В. И. Ленин принял делегацию Совета г. Сердобока (Саратовская губ.). Членам этой делегации Ф. Сидякину, А. Климову и А. Шишкину в соответствии с собственноручной запиской В. И. Ленина, адресованной В. Д. Бонч-Бруевичу и Н. П. Горбунову («Дайте подателям *всю* литературу и мое письмо. Ленин»),[93] был вручен экземпляр «Ответа» Председателя Совета Народных Комиссаров на запросы крестьян о переходе власти к Советам и о задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов. Отпечатанный на машинке и подписанный собственноручно В. И. Лениным текст «Ответа» (как уже отмечалось выше, его подлинник предназначался для крестьян и гарнизона г. Режицы и его уезда Витебской губ.) в дальнейшем обязательно выдавался на руки всем многочисленным крестьянским ходокам, обращавшимся в приемную Совнаркома.[94] Ознакомившись с протоколом и постановлением общего схода крестьян Гутовской волости (Лепель-

[91] Так, например, 11 ноября в Министерство государственного призрения было отправлено подписанное В. И. Лениным отношение Совнаркома с просьбой оказать помощь инвалиду И, И. Шихонову (см.: Новые документы В. И. Ленина, стр. 6).

[92] См.: В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 175.

[93] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 273—274.

[94] Декреты Советской власти, т. I, № 35, прим. и легенда; В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 181 М. Н. Скрыпник. Крестьяне-ходоки у Ильича в Смольном. Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, стр. 89—93.

ский уезд Витебской губ.), доставленным их делегатом И. И. Духовым, В. И. Ленин 8 ноября подписывает разъяснение о правах земельных комитетов.[95]

В первых же числах ноября (не позднее 9 ноября) на приеме у Председателя СНК побывал Г. И. Петровский, направленный в Петроград партийными и советскими организациями Донбасса. 10 ноября В. И. Ленин принял представителя большевистской организации г. Буя (Костромская губ.) Н. И. Налетова, в середине ноября — рабочих фабрики товарищества Ликинской мануфактуры (Владимирская губ.) И. С. Морозкина и А. Тимофееву, 26 ноября — делегацию оренбургских железнодорожников, в конце ноября—начале декабря — группу революционных моряков-балтийцев, в 20-х числах декабря — представителя Лысьвенского Совета (Пермская губ.) С. И. Белостоцкого.[96] В каждой из таких встреч В. И. Ленин внимательно выслушивал обратившихся к нему за помощью и советом, выяснял существо вопроса и, как правило, сразу же принимал практические меры для быстрейшего и успешного его решения.[97]

Исключительно внимателен и чуток был В. И. Ленин к нуждам и просьбам трудящихся. При непосредственном содействии Председателя Совета Народных Комиссаров рабочие и служащие многих заводов, фабрик и других предприятий и учреждений страны (в их числе были, например, рабочие Металлического завода и заводов «Анчар» и арматурно-электрического общества в Петрограде, Енакиевского завода, Государственной типографии и Экспедиции заготовления государственных бумаг) получили в то трудное время необходимую денежную помощь.[98] По личному указанию В. И. Ленина в соответствии с просьбой рабочих-путиловцев в прекрасном особняке с садом на Рижском проспекте (ныне проспект Огородникова) Петрограда была вскоре открыта первая в стране заводская музыкальная студия для детей рабочих.[99]

Обеспечить быстрое и вместе с тем внимательное обслуживание множества посетителей, обращавшихся в то время в Совнарком и лично к его Председателю, было возможно лишь при чрез-

[95] В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 143.

[96] Там же, стр. 145, 147, 152; 1960, № 4, стр. 159; 1960, № 5, стр. 137; 1961, № 2, стр. 126.

[97] См., например, об этом: Ленин — вождь Октября, стр. 278—283 (воспоминания Б. Л. Короткова).

[98] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 30—31. 38, 44, В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС». 1960, № 5, стр. 135, 138; 1960, № 6, стр. 137; 1961, № 2, стр. 131; Ленин — вождь Октября, стр. 296—300, 305—308 (воспоминания рабочего завода «Анчар» П. П. Александрова и рабочего Металлического завода И. К. Ложечникова).

[99] Ленин — вождь Октября, стр. 316—318 (воспоминания рабочего Путиловского завода А. А. Фомина).

ычайно четкой работе приемной СНК, в которой вместе с М. Н. Скрыпник работали старший секретарь по приему Е. З. Утевский, секретари по приему С. В. Глотов, И. В. и В. В. Духвинские и помогавшие им Б. Л. Коротков, А. Ф. Самородкина и А. Федоров (в приеме посетителей принимали также участие работники секретариата Ю. П. Сергеева и Б. Я. Беленькая).[100] И В. И. Ленин, сам исключительно организованный и аккуратный в работе, своим личным примером учил этому сотрудников аппарата. «Когда наступало время приема посетителей, — вспоминал Б. Коротков, — Ленин приостанавливал всю свою остальную работу. Он не допускал в эти часы никаких заседаний и совещаний».[101] Председатель СНК принимал посетителей точно в назначенное им время. Так, например, в 12 часов дня 22 ноября он принял делегацию Совета рабочих и солдатских депутатов г. Льгова; вечером 5 декабря — представителей Центрального совета фабрично-заводских комитетов Богословского горного округа.[102] Как вспоминал И. В. Духвинский, «многие из посетителей Совнаркома оставляли здесь письменные прошения и письма, последние сдавались М. Н. Скрыпник для соответствующего доклада тов. Ленину. Ильич очень интересовался этими прошениями, и приходится только удивляться, когда он выбирал время просматривать эти вороха бумаг и накладывать на них свою резолюцию».[103] Такого же чуткого и внимательного отношения к каждому посетителю, быстрого и ясного ответа на все интересовавшие их вопросы требовал В. И. Ленин от всех сотрудников Управления делами, и в первую очередь — от работников его секретариата и приемной. В этих целях в Управлении делами СНК уже в то время составлялись графики ежедневных дежурств его сотрудников. В материалах ЦПА ИМЛ сохранился один из таких графиков, а точнее, по-видимому, его черновой текст, имевший следующий заголовок: «Дежурство принимающих просителей в Совете Народных Комиссаров». Из этого документа (он был составлен на вторую декаду декабря 1917 г.), в частности, видно, что в эти дни дежурство в приемной СНК начиналось с 10 или 11 часов утра и осуществлялось обычно двумя сотрудниками.[104] Отсутствие в графике указания на время окончания дежурств вполне объяснимо. Как известно, прием посетителей в Смольном в то время осуществлялся на протяжении всего дня и часто продолжался до позднего вечера.

[100] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99; ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; Ленин — вождь Октября, стр. 277 и сл. (воспоминания Б. Л. Короткова).

[101] Ленин — вождь Октября, стр. 287.

[102] См.: В. И. Ленин... Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, стр. 151—152; 1960, № 5, стр. 138; 1960, № 6, стр. 138.

[103] И. В. Духвинский-Осипов, ук. соч., стр. 155.

[104] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989.

Чрезвычайно важное место в работе приемной и секретариата СНК занимала также переписка с местными советскими и партийными организациями, различными предприятиями, учреждениями и отдельными лицами. Достаточно сказать, что только за полтора месяца (начиная с 23 ноября 1917 г.) в Управление делами Совнаркома поступило свыше 1740 разного рода корреспонденций.[105] Сохранившиеся в архивах документы и имеющиеся многочисленные воспоминания очевидцев убедительно свидетельствуют о том, какой большой интерес проявлял к телеграммам, письмам и запросам с мест В. И. Ленин и как настойчиво он добивался, чтобы каждый из этих сигналов не оставался без ответа и исполнения.[106] По свидетельству М. Н. Скрыпник и И. В. Духвинского, в приемной СНК производился опрос посетителей и отбор тех из них, которых действительно нужно было пропустить к В. И. Ленину.[107] Несомненно, что аналогичным образом систематизировалась и просматривалась обширная корреспонденция, поступавшая в Совнарком. В связи с этим, вероятно, в конце января 1918 г. внутри совнаркомовской приемной была выделена специальная часть или отдел ее — своеобразный филиал, разместившийся рядом с аппаратом ВЦИК в комнате № 48 Таврического дворца,[108] куда в дальнейшем, по-видимому, и поступала вся входящая корреспонденция, адресованная на имя Совета Народных Комиссаров, и где она разбиралась для последующей ее передачи в Совнарком или в соответствующие народные комиссариаты и другие центральные учреждения.

Распубликование декретов и постановлений Советской власти и иных официальных правительственных материалов и прежде всего публикация их в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» в рассматриваемый период осуществлялись, как увидим в дальнейшем, при помощи Петроградского телеграфного агентства (ПТАг) и радиостанций Царскосельской и «Новая Голландия», непосредственно Управлением делами Совета Народных Комиссаров.[110] Особенно часто В. И. Ленин использовал радио для опубликования важнейших советских декретов после

[105] См.: В. С. Орлов, ук. соч., стр. 23.

[106] См., например, об этом: Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 314—315; Е. П. Подвигина, ук. соч., стр. 125—128; В. С. Орлов, ук. соч., стр. 23.

[107] Стенограмма, л. 12; И. В. Духвинский-Осипов, ук. соч., стр. 155.

[108] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 88, лл. 73 об., 74 об., 75 об., 76.

[109] Об этом можно судить, в частности, по направленному в Главный почтамт Петрограда отношению ВЦИК № 223 от 31 января, в котором содержалась просьба «всю корреспонденцию, адресованную на имя Совета Народных Комиссаров и Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, впредь направлять не в Смольный институт, а в Таврический дворец, ком. 18 (главная регистратура)» (см.: ЦГАОР, ф. 1236, оп. 93, д. 36, л. 19).

[110] Подробнее см. об этом в третьей и четвертой главах настоящей части работы.

налаживания прямой телеграфной связи между Смольным и Царскосельской радиостанцией, что было осуществлено по его личному заданию в первых числах января 1918 г. под руководством члена большевистской партии, председателя технического комитета Царскосельской радиостанции Н. Р. Дождикова, который до этого времени, с первых дней Октябрьской революции, получал в необходимых случаях от В. И. Ленина радиограммы И постановления Советского правительства и отвозил их для передачи в эфир на указанную радиостанцию.[111] Комната, в которой были установлены аппараты «Морзе» (так называемая «аппаратная»), находилась через коридор, почти напротив входной двери в приемную кабинета В. И. Ленина.[112] «С установлением прямого провода все радиограммы, — вспоминает Н. Р. Дождиков, — обменивались посредством этой проволочной связи, принимаемые же из-за границы сводки штабов командований на фронтах, официальные сообщения и сообщения прессы по-прежнему доставлялись в Смольный нарочным».[113] Совместным решением технического и командного комитетов Царскосельской радиостанции для обслуживания оборудованного в Смольном телеграфного пункта при Председателе Совета Народных Комиссаров были выделены посменно дежурившие у аппаратов радиотелеграфисты Г. П. Лютер и И. И. Соболев, которые были включены в число сотрудников Управления делами, работали и жили в Смольном (тут же в «аппаратной») до отъезда Советского правительства в Москву, после чего они вместе с рядом сотрудников аппарата СНК также переехали в Кремль для работы в новом телеграфном переговорном пункте Советского правительства.[114]

Вскоре после начала деятельности Советского правительства стала также очевидной необходимость создания в составе аппарата СНК специального органа по вопросам печати, который смог бы систематически снабжать представителей отечественной и зарубежной прессы необходимой политической информацией и прежде всего официальными сведениями о деятельности Советского правительства. В связи с этим при Совете Народных Комиссаров уже в ноябре 1917 г. было организовано специальное Бюро печати, разместившееся в комнатах № 48 и 49 Смольного вместе с редакциями газет «Известия» и «Рабочий и солдат».[115]

[111] Н. Р. Дождиков, ук. соч., лл. 54—92. К сожалению, эти обстоятельные и содержащие целый ряд новых ценных сведений воспоминания опубликованы лишь в небольшой своей части (см.: «Известия», № 262, 3 ноября 1962 г.).

[112] Н. Р. Дождиков, ук. соч., л. 92; Г. П. Лютер. Воспоминания бывшего телеграфиста СНК о встречах с В. И. Лениным в Смольном и Кремле. ЛПА, ф. 4000, оп. 12, д. 35, л. 3; там же, ф. 1, оп. 1, д. 115, л. 207.

[113] Н. Р. Дождиков, ук. соч., л. 92.

[114] Там же; Г. П. Лютер, ук. соч., лл. 3—5; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99.

[115] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; И. С. Смирнов. Ленин и советская культура, стр. 129.

23 декабря 1917 г. по вопросу об информации о заседаниях правительства (п. 16 повестки заседания) Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление, в котором было записано: «Поручить секретарю Совета составлять небольшое expose о заседаниях Совета и после утверждения их Председателем Совета сдавать к опубликованию».[116] На следующий день, 24 декабря, СНК уточнил это постановление. Согласно новому решению СНК (оно было принято по внесенному Н. П. Горбуновым вопросу о допущении на заседания Совета ответственного корреспондента из Бюро печати для составления отчетов об этих заседаниях для печати), заведующему Бюро печати Т. Л. Аксельроду было предложено присутствовать на всех заседаниях правительства («кроме случаев, когда на то будет особое постановление»).[117] Бюро печати поручалось составлять отчеты о заседаниях СНК для опубликования их в печати.

В постановлении СНК от 24 декабря был подробно изложен порядок составления таких отчетов. Составленные в Бюро печати отчеты должны были передаваться на рассмотрение секретаря Совета, а затем на утверждение Председателя Совета Народных Комиссаров. Отчеты подлежали опубликованию только после утверждения их главой Советского правительства.[118] Недопустимость проникновения в печать иных сведений, кроме содержавшихся в подготовленных Бюро печати при СНК отчетах, была в дальнейшем подчеркнута Совнаркомом, принявшим 21 января 1918 г. особое решение относительно присутствия на заседаниях правительства, помимо народных комиссаров, других лиц и, в частности, лиц, приглашенных в СНК только по своим вопросам.[119]

В конце 1917—начале 1918 г. информационные материалы, подготовленные в Бюро печати при СНК (в составе Бюро, находившегося в это время в комнате № 8 Таврического дворца, работали сотрудники, корректоры, машинистки, курьеры),[120] рассылались не только в центральные организации и газеты Петрограда, но и во многие другие города и районы России. Помимо центральных газет («Известия Всероссийского ЦИК», «Правда», «Известия Московского областного Совета», «Беднота», «Знамя труда», «Голос трудового крестьянства» и др.), народных комиссариатов и других центральных организаций (комиссариаты Просвещения, Финансов, Иностранных дел, Юстиции; Отдел по формированию Красной армии, Телефонное бюро Петроград—Москва и др.), информационные материалы Бюро печати

[116] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 54 об.
[117] Там же, л. 55.
[118] Там же.
[119] Там же, оп. 2, д. 1, лл. 61—62. См. также об этом: И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 129.
[120] См.: ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 88, лл. 73—76; оп. 93, д. 41, л. 125.

Совнаркома рассылались ряду местных партийных, советских и революционных организаций. Их получали, в частности, Воронежский Совет рабочих и солдатских депутатов, Комитет большевистской партии слободы Елань Саратовской губ., Совет станицы Тихорецкой Кубанской области, Великолукский военно-революционный комитет, Совет Новочеркасска, Нижегородский Совет и др. Информационные материалы Бюро печати СНК вместе с тем направлялись в различные печатные издания и органы («Киевская мысль», «Циня» и «Бривайс Стрельнекс»; Бюро печати при Ярославском Совете; «Наши дни», Мамадыш Казанской губ.; «Известия» Вологодского Совета; Агитационный отдел Торжокского Совета Тверской губ.; «Власть труда», Иркутск, «Искра», Рязань, Бюро печати Пензенского Совета; «Известия» Кронштадтского Совета и др.), а также Комитету журналистов, объединявшему корреспондентов буржуазной печати, обслуживавших Смольный при ЦИК I созыва, и Соединенной американской прессе.[121]

Для быстрого и эффективного пресечения контрреволюционной деятельности буржуазных газет и успешной реализации советских декретов о печати и о введении государственной монополии на объявления в первой половине ноября [122] при Совете Народных Комиссаров была учреждена также должность комиссара по делам печати, выполнять обязанности которого было поручено члену большевистской партии А. Е. Минкину.[123] В адресованном в СНК письме А. Е. Минкина от 22 ноября об ассигновании комиссариату печати средств, нужных для содержания необходимого штата сотрудников,[124] было указано, в частности, и на необходимость наличия в составе комиссариата «. . . одного товарища для ежедневного просмотра газет, который дает опровержения на всякие, не отвечающие истине заметки в газетах. . .».[125]

[121] Об этом свидетельствует один интереснейший машинописный документ — «Список газет, получающих материал из Бюро печати при Совете Народных Комиссаров», имеющийся в одном из дел ЦГАОР, содержащих материалы за период с 6 ноября по 30 декабря 1917 г. (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 22, лл. 7, 8). И. С. Смирнов, впервые использовавший данные этого списка, датирует его апрелем 1918 г. (см.: И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 133).

[122] См.: ЦГАОР, ф. 393, оп. 1. д. 6-а, лл. 41—42; ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 14 об.; «Газета», № 14, 18 ноября 1917 г.; Декреты Советской власти, т. I, №№ 18 и 39.

[123] Подробнее о деятельности Комиссариата по делам печати при СНК и Ревтрибунале печати при Наркомюсте см.: И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 91 и сл. В этих же целях 18 декабря 1917 г. было принято постановление о создании при Народном комиссариате юстиции Революционного трибунала печати (И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 94).

[124] В 20-х числах ноября в занимавшейся комиссаром по делам печати комнате № 15 Смольного вместе с А. Е. Минкиным и его помощником Я. Янковским работало 8 сотрудников (см.: ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, л. 29).

[125] Это письмо, представляющее собой машинописный текст, выполненный на бланке СНК и собственноручно подписанный А. Е. Минкиным, хра-

В сложной и напряженной обстановке того времени необходимость постоянно следить за буржуазной печатью и опровергать всевозможные инсинуации и различного рода клевету, широко распространявшиеся антисоветской прессой, становилась с каждым днем все более настоятельной. И *3* декабря Совет Народных Комиссаров постановил в связи с этим организовать в помещении Смольного «. . . стол вырезок из буржуазных газет (инсинуации, клеветы)», который в дальнейшем превратился в специальное бюро вырезок при СНК.[126]

Помимо секретариата, приемной, телеграфного переговорного пункта, Бюро печати и Бюро вырезок, в составе Управления делами СНК имелась также, как уже отмечалось выше, бухгалтерия, организованная вскоре после начала деятельности Советского правительства.[127] Первое время бухгалтерией СНК руководили А. Д. Погрузов и С. Д. Грудский, затем (с 20 декабря) бухгалтер М. Е. Алексеев и помощник (товарищ) бухгалтера А. Ф. Маркелов.[128]

Выполняя декрет СНК от 17 ноября о временном порядке производства выплаты денег Петроградской конторой Государственного банка секретарь Совета Н. П. Горбунов и назначенный тогда правительственным комиссаром Госбанка В. В. Оболенский по прямому заданию В. И. Ленина в 3 часа того же дня, преодолев сопротивление контрреволюционной части чиновничества банка, получили из его кладовой первые 5 млн руб. из суммы в 25 млн руб., которую в соответствии с ранее принятым декретом от 13 ноября предписывалось выдать в порядке краткосрочного аванса Советскому правительству.[129]

Полученные в Госбанке 5 млн руб. были тогда же, 17 ноября, доставлены в Смольный, где, как свидетельствует Н. П. Горбунов, в одной из комнат Управления делами СНК, по соседству с кабинетом В. И. Ленина, «. . .отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового». И далее: «Особым декретом Совета Народных Комиссаров был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому *бюджету*».[130] Декретом, о котором писал Н. П. Горбунов, явилось постановление об организации Финансового отдела при СНК, проект которого был вскоре

нится в материалах к протоколу СНК за № 8 от 23 ноября (к п. 4 повестки заседания; ЦПА ИМЛ, ф. 19. оп. 1, д. 8). См. также об этом: И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 92—93.

[126] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 27.

[127] См.: там же, д. 45, лл. 99—99 об., 107—107 об.

[128] См.: там же, д. 99.

[129] Декреты Советской власти, т. I, №№ 55 и 73; А. М. Гиндин. Как большевики овладели Государственным банком, стр. 56—64.

[130] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 191,

дважды рассмотрен Советским правительством (20 и 21 ноября 1917 г.).[131]

Принятое в окончательном виде на заседании СНК 21 ноября, это постановление определило функции и структуру Финансового отдела, в составе которого были предусмотрены кладовая и касса. Выполнение всех бухгалтерских работ по Финансовому отделу СНК, как это специально отмечалось в ст. 15 постановления, должна была взять на себя уже организованная правительственная бухгалтерия. Постановление также установило подотчетность этого отдела Контрольной комиссии ЦИК и подробно регламентировало порядок хранения и расходования имеющихся денежных средств.[132] В соответствии с содержавшимися в постановлении 21 ноября положениями и осуществлялась в дальнейшем вся работа Финансового отдела при СНК (как видно из протоколов Совета народных Комиссаров, уже с 19 ноября на его заседаниях стали рассматривать просьбы об отпуске средств народным комиссариатам и другим центральным и местным организациям).[133] В должности заведующего Финансовым отделом при СНК, в составе которого первоначально было всего три сотрудника,[134] по предложению В. В. Оболенского, Советское правительство утвердило тогда же, 21 ноября, управляющего делами Совета В. Д. Бонч-Бруевича.[135]

Как уже отмечалось выше, по соседству с комнатами Смольного, в которых располагались указанные ранее отделы Управления делами СНК, находилась и совнаркомовская столовая. В отведенной под столовую СНК комнате № 7 (по внутренней нумерации), где находилось несколько длинных столов, покрытых клеенкой, за скромными даже по тому времени обедами, а еще чаще просто за стаканом горячего чая наряду с рядовыми сотрудниками аппарата СНК встречались и обсуждали важнейшие события прошедшего дня многие члены Советского правительства и в том числе его глава — В. И. Ленин.[136] Всю необходимую работу в совнаркомовской столовой первоначально выполняли А. М. Болтрукевич, С. О. Симак, Е. Хинканен, Э. В. Виленсон, которые с первых дней Октябрьской революции стали убирать занимавшееся Советским правительством в Смольном помещение. Заведование делами столовой СНК в разное время осуществляли А. М. Болтрукевич, С. П. Желтышев, Н. Н. Воронцова. Дея-

[131] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 9, 12 об.
[132] Декреты Советской власти, т. I, № 82.
[133] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 8, 9. См. также об этом: А. М. Гиндин, ук. соч., стр. 60—64.
[134] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, л. 49.
[135] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 12 об.
[136] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, л. 50; Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 309; Ленин — вождь Октября, стр. 298—299 (воспоминания рабочего завода «Анчар» П. П. Александрова).

тельное участие в организации в ней должного порядка и чистоты принимала, по свидетельству Н. К. Крупской, мать известного деятеля большевистской партии А. В. Шотмана.[137]

Для организации четкой и оперативной работы всего аппарата Управления делами Совета Народных Комиссаров громадное значение имели указания и требования В. И. Ленина, который, как справедливо отмечает Л. А. Фотиева, «сам показывал лучшие образцы высокой культуры труда, умения правильно распределять работу, организовывать свой рабочий день».[138] Руководя деятельностью Советского правительства, В. И. Ленин вместе с тем изо дня в день уделял чрезвычайно большое внимание обеспечению слаженной работы всех звеньев технического аппарата СНК. В рассматриваемый период это было особенно важно, так как, по свидетельству Е. К. Кокшаровой, «. . . аппарат был очень молодой; для нас все это было дело новое. Все только учились».[139]

В практической деятельности сотрудников Управления делами для В. И. Ленина не было мелочей. Это единодушно отмечают в своих воспоминаниях все работавшие в то время в аппарате Совнаркома. «Владимир Ильич, — рассказывает, в частности, Е. К. Кокшарова, — часто выходил из кабинета, подходил к столу экспедитора Федюшина и спрашивал — отправлен ли уже пакет, или же меня спрашивал — сделала ли я уже выписку; и он сам иногда наблюдал, как делали выписку. В. Д. Бонч-Бруевич. управделами СНК, меньше вмешивался в это дело, чем сам Ленин. Владимир Ильич, несмотря на свою колоссальную нагрузку, успевал заниматься даже этими техническими вопросами».[140]

Вникая во все детали работы Управления делами, В. И. Ленин много сил отдал воспитанию сотрудников аппарата СНК. Правильному ведению протоколов заседаний правительства, тому, как составлять повестки заседаний СНК, делать записи в различных делопроизводственных журналах, составлять и отправлять официальные бумаги и письма, — всему этому учил Председатель СНК молодых работников секретариата, приемной и других отделов Управления делами.[141] Вот как, например, описывает начало своей работы в совнаркомовской приемной Б. Л. Коротков: «Итак, товарищ Коротков, приступим к работе, — сказал Владимир Ильич.

[137] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, л. 50; ф. 130, оп. 1, д. 99; Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 333—334; Ленин — вождь Октября, стр. 304 (воспоминания солдата пулеметной команды Волынского полка С. П. Желтышева).

[138] Л. А. Фотиева. Как работал В. И. Ленин. В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, стр. 251.

[139] Стенограмма, л. 6.

[140] Там же.

[141] См. об этом, например: Е. К. Кокшарова, ук. соч., стр. 310.

— Сядьте в приемной, пропускайте ко мне по очереди, но предварительно каждого запишите — фамилия, звание, по какому делу. Если делегация — отметьте завод, учреждение. Если товарищи из деревни — не забудьте записать губернию и уезд.

«Все было так ясно, что за весь день я не сделал ни одной ошибки, хотя народ шел к Ленину без перерыва».[142]

Готовность всегда оказать необходимую помощь тем, кто в ней нуждался, сочеталась у В. И. Ленина с чувством искреннего уважения и внимания к честным и добросовестным работникам Управления делами. Вместе с тем для Председателя Совнаркома было характерно строгое требовательное отношение к нарушениям установленного в работе аппарата Совнаркома порядка. Особое внимание уделялось В. И. Лениным проверке исполнения, тому, как практически выполнялись решения Совета Народных Комиссаров и его личные указания. Нередко при этом В. И. Ленин лично звонил по телефону, чтобы проверить получение посланных им пакетов и выполнение его распоряжений.[143] «Об исполнении решений, — свидетельствует Е. К. Кокшарова, — секретарь Совета докладывал Владимиру Ильичу. К протоколу прилагался листок исполнения, в котором указывалось, что сделано по каждому пункту протокола».[144] В одном из таких листков исполнения, сохранившемся в материалах к протоколу № 32 СНК за 21 декабря 1917 г., против номеров пунктов повестки заседания Н. П. Горбуновым сделаны, например, следующие записи: «1) Передана резолюция Штейнбергу 7-го января и Дзержинскому 8-го января. . . *3)* Передано в печать 22/XII в 2 часа утра. . . 5) Сдано к опубликованию 22/XII в пять часов дня. 6) Сообщено по телефону в комиссию по Гос. контролю».[145]

Проделанная в сложнейших условиях рассматриваемого времени громадная работа по организации и налаживанию деятельности принципиально нового аппарата рабоче-крестьянского правительства, темпы которой, по признаниям участвовавших в ней, казались порой непостижимыми, во многом оказалась успешной благодаря большому и искреннему доверию, которое оказывал В. И. Ленин как ответственным, так и рядовым сотрудникам, как членам большевистской партии, так и многим беспартийным. «Это доверие, внимание, с которым Владимир Ильич прислушивался к мнениям товарищей, — писал Н. П. Горбунов, — та повышенная оценка, с которой он подходил к отдельным, даже рядовым работникам, возлагая на них зачастую очень ответственные

[142] Ленин — вождь Октября, стр. 277—278.

[143] Там же, стр. 287; Е. К. Кокшарова. Воспоминания о работе вторым секретарем Совнаркома в 1917—1918 гг., л. 7.

[144] Е. К. Кокшарова, ук. соч.

[145] ЦПА ИМЛ, ф. 19, д. *32, А. 22.*

задания, — все это создавало у всех соприкасавшихся с ним особый энтузиазм в работе».[146]

Настойчиво добиваясь всемерного улучшения работы советского правительственного аппарата, В. И. Ленин вместе с тем стремился сделать его возможно более простым, малочисленным и экономичным. Именно В, И. Ленин явился автором и инициатором принятия Совнаркомом 18 ноября 1917 г. постановления о размерах вознаграждения народных комиссаров и понижении жалования высшим служащим и чиновникам.[147] В соответствии с этим постановлением Председатель Совнаркома, как и все народные комиссары, получал в месяц жалованье размером в 500 руб. и, как известно, объявил строгий выговор В. Д. Бонч-Бруевичу и Н. П. Горбунову за попытку повысить ему месячный оклад в нарушение декрета Совета Народных Комиссаров.[148] В это же время в Управлении делами СНК, как и во всех народных комиссариатах и других центральных и местных советских государственных органах, были приняты меры по улучшению материального положения технического персонала и других служащих. В материалах ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС сохранился интересный машинописный документ — «Список окладов содержания сотрудников Управления делами Совета Народных Комиссаров». Из этого документа, в котором подробно перечислены все имевшиеся в то время в отделах аппарата СНК должности и соответствующие им оклады, видно, что мальчики-курьеры в Управлении делами СНК получали в месяц 200 руб.; военнослужащие — 150 руб.; курьеры-самокатчики — 275 руб.; личные курьеры В. И. Ленина, телеграфисты, уборщицы, служащие в столовой и сотрудницы в Бюро вырезок — 300 руб.; регистраторы, заведующая столовой, старший сотрудник в Бюро вырезок — 350 руб.; машинистки — 375 руб.; секретари по приему и экспедиторы — 400 руб.; делопроизводители, помощник старшего секретаря приемной, заведующие столами, помощники секретарей Совета — 450 руб.; кассиры, помощник бухгалтера, старшие секретари приемной — 500 руб.; второй секретарь Совета — 700 руб.; управляющий делами — 800 руб.[149]

В результате напряженной работы по организации отделов Управления делами и налаживанию их деятельности к концу января 1918 г. сложилась первоначальная структура аппарата

[146] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 193.

[147] См.: Декреты Советской власти, т. I, № 76; ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 64а, л. 88.

[148] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 78—79, 428. См., например, об этом: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. (Официальный отчет «Овермэновской комиссии» сената). М.—Л., 1927, стр. 67; Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 312.

[149] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989.

Совета Народных Комиссаров. Основными звеньями Управления делами являлись секретариат, приемная, Отдел экспедиции и информации, бухгалтерия с финансовым отделом, а также три специальных бюро — Переписки, Печати и Вырезок.[150] В числе сотрудников аппарата СНК имелись также телеграфисты, курьеры-самокатчики и личные курьеры Председателя СНК, уборщицы, служащие столовой и военнослужащие (революционные моряки, солдаты-пулеметчики и латышские стрелки), которые вместе с рабочими-красногвардейцами охраняли Советское правительство.

К этому времени был подобран также основной состав работников аппарата СНК — общее количество сотрудников Управления делами на 31 января 1918 г. равнялось (включая В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Горбунова) 58 чел.[151] За единичным исключением все входившие в это число сотрудники продолжали работать в аппарате СНК и в дальнейшем, на протяжении всего петроградского периода деятельности Совета Народных Комиссаров.[152]

К концу этого периода (на 3 марта 1918 г.) количество работников, состоявших в штате Управления делами, увеличилось, но незначительно: вместе с управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем и секретарем Совета Н. П. Горбуновым в числе сотрудников аппарата Советского правительства насчитывалось 65 чел. Это видно из хранящихся в ЦГАОР чрезвычайно интересных и ценных материалов, связанных с осуществлявшейся в начале марта 1918 г. подготовкой переезда Совета Народных Комиссаров и его технического аппарата из Петрограда в Москву.[153] Именно в связи с этим Ю. П. Сергеева, которой, по-видимому, было поручено предварительно подготовить совместно с руководителем бухгалтерии СНК М. Е. Алексеевым все необходимые для осуществления переезда материалы, направила 3 марта 1918 г. следующее письмо секретарю Совета Н. П. Горбунову.

[150] В связи с этим представляется неточным следующее указание Е. Н. Городецкого: «Структура СНК (имеется в виду, конечно, структура не самого СНК, а его аппарата, — *М. И.*) была предельно простой. Управление делами, Секретариат, Финансовый отдел, Отдел или бюро печати — таковы основные звенья аппарата СНК» (Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 152). Из приведенного выше текста следует, что Управление делами и секретариат являлись двумя особыми звеньями совнаркомовского аппарата, в то время как в действительности секретариат наряду с другими отделами входил в состав Управления делами СНК. Иного рода ошибку допускает, на наш взгляд, Д. А. Чугаев, который, говоря об Управлении делами СНК рассматриваемого времени, фактически сводит всю его структуру к одной лишь канцелярии (см.: Д. А. Чугаев, ук. соч., стр. 19).

[151] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99.

[152] Ср.: там же, ф. 130, оп. 2, д. 73, лл. 8—9.

[153] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 73, лл. 7—11. На титульном листе этих материалов имеется сделанная чернилами пометка: «Архивная папка Горбунова».

«Николай Петрович!

«Посылаем Вам списки; если Вас это удовлетворит, то я с т. Алексеевым приступлю к изготовлению ящиков.

«Прошу сообщить по телефону.

Уваж. Вас Сергеева.

3 марта 1918 г.».[154]

Помимо составленного в бухгалтерии СНК пофамильного списка служащих Управления делами СНК (из которого выше и была приведена общая цифра числа его сотрудников в начале марта 1918 г.),[155] к этому письму был также приложен «Список лиц и отделов, подлежащих эвакуации». Из последнего документа (в нем имелись графы: номера по порядку, названия отделов, число лиц и членов их семей, а также количество пудов клади) видно, в частности, что вместе с В. И. Лениным, В. Д. Бонч-Бруевичем и Н. П. Горбуновым предполагалось перевезти в Москву следующие отделы и их работников: секретариат (Е. К. Кокшарова, Ю. П. Сергеева, А. П. Кизас, Я. Ш. Агранов, Л. Я. Озеревская), бухгалтерия (М. Е. Алексеев и А. Ф. Маркелов), приемная (Е. 3. Утевский, А. Федоров), Отдел Экспедиции и информации (Б. Я. Беленькая и С. Г. Марьяновский — окончательное решение вопроса об этих кандидатурах предлагалось на усмотрение Н. П. Горбунова). Ю. П. Сергеева и М. Е. Алексеев предлагали также взять из Петрограда в Москву двух сотрудников из Бюро переписки (по усмотрению Н. П. Горбунова), двух сотрудников столовой СНК, одного мальчика-курьера (М. Васильева). Самое большое количество сотрудников предлагалось взять с собой из Бюро печати — 12 чел. (в списке приведена только общая цифра, без указания фамилий). И, наоборот, из состава Бюро вырезок предполагалось не брать ни одного сотрудника (при этом предусматривалось взять с собой папки с материалами работы Бюро вырезок). Решение вопроса об охране Совнаркома («Матросы и караул» — так было записано в списке) предлагалось на усмотрение Н. П. Горбунова; при этом, правда, указывалось на желательность выполнения обязанностей по охране правительства латышскими стрелками. Как видим, первоначально предусматривалось эвакуировать (не считая В. И. Ленина и указанных в этом списке некоторых членов Советского правительства — народных комиссаров, а также охрану) только 18 сотрудников аппарата СНК, почти все из которых были названы персо-

[154] Письмо представляет собой машинописный текст, подпись (Сергеева) и дата (3) написаны карандашом (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 73, л. 7).

[155] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 73, лл. 8—9. Под текстом этого списка М. Е. Алексеев сделал тогда же (3 марта) следующую пометку: «Этот список по минованию надобности прошу возвратить в бухгалтерию» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 73, л. 9 об.).

нально, а всего. вместе с работавшими в Бюро печати — 30 чел.[156] В списке было примерно указано также общее количество багажа, который должны были взять с собой различные отделы Управления делами (включая, например, несгораемые ящики и шкафы в бухгалтерии, телефонные аппараты — столовые и полевые, писчую бумагу и др.), что составляло в целом 70 ящиков клади весом около 50 пуд.[157]

Содержавшиеся в изложенных выше материалах сведения о сотрудниках аппарата СНК, подлежавших эвакуации при переезде Советского правительства в Москву, были, однако, в дальнейшем существенно уточнены. В действительности из Петрограда в Москву вместе с членами Совета Народных Комиссаров переехало во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем более 30 сотрудников основных отделов Управления делами против предусмотренных в указанном выше списке 18 чел.[158] В их числе были секретари Совета Е. К. Кокшарова, Я. Ш. Агранов и другие работники секретариата (А. П. Кизас, Ю. П. Сергеева, Л. Я. Озеревская, П. А. Шахунова и др.); приемной (Е. 3. Утевский, С. В. Глотов, А. Федоров); Отдела экспедиции (Б. Я. Беленькая, Г. Р. Федюшин, Б. Л. Коротков); бухгалтерии (М. Е. Алексеев, А. Ф. Маркелов, Е. А. Михайлова); военные телеграфисты И. И. Соболев и Г. П. Лютер, вошедшие в число сотрудников специально организованной в Москве при СНК телеграфной переговорной станции;[159] служащие столовой СНК и уборщицы (А. М. Болтрукевич, С. О. Симак, Э. Виленсон и др.) и ряд других сотрудников.[160]

Решение увеличить число подлежавших эвакуации вместе с Советским правительством сотрудников его аппарата было, вероятно, принято при участии (во всяком случае, с санкции) Председателя СНК В. И. Ленина, который лучше, чем кто-либо другой, понимал, что судьба социалистической революции во

[156] См.: там же, 10—10 об.

[157] Там же, лл. 10 об.—11.

[158] В указанном в данном случае количестве сотрудников Управления делами (30 чел.) не учтено число переехавших в Москву работников Бюро печати при СНК (а оно, как уже отмечалось выше, предполагалось довольно значительным — 12 чел.). Это объясняется тем, что при наличии относящегося к апрелю—началу мая 1918 г. именного списка служащих Бюро печати при СНК (в это время Бюро печати насчитывало в своем составе 38 чел. и попрежнему возглавлялось Т. Л. Аксельродом) мы, к сожалению, не располагаем какими-либо точными аналогичными данными, относящимися ко времени деятельности Бюро в Петрограде (см.: ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 41, л. 125).

[159] См.: ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 41, л. 123. См. также воспоминания Н. Р. Дождикова (ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1352, л. 92) и Г. П. Лютера (ЛПА, ф. 4000, оп. 12, д. 35, л. 3).

[160] Это видно из относящегося к апрелю—началу мая 1918 г. списка служащих при Управлении делами Совета Народных Комиссаров (ЦГАОР, Ф. 1235, оп. 93, д. 41, л. 117). Ср.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 99; ф. 130, оп. 2, д. 73, лл. 8—9.

многом зависит от того, как быстро и эффективно справится с громадной по объему работой во многом только еще складывавшийся тогда советский государственный аппарат, и прежде всего аппарат Совета Народных Комиссаров. Именно поэтому, вероятно, руководимый В. И. Лениным СНК признал необходимым сохранить для обеспечения в дальнейшем оперативной работы советского правительственного аппарата основной коллектив сотрудников Управления делами, сложившийся за время деятельности Совнаркома в Петрограде.

Переехав 10—11 марта 1918 г. вместе с ЦК РСДРП(б) из Петрограда в Москву, Совет Народных Комиссаров, опираясь в повседневной работе на содействие испытанных сотрудников технического аппарата, успешно продолжил свою деятельность по руководству защитой завоеваний Великого Октября и строительством в России основ социализма.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Первое заседание Совета Народных Комиссаров состоялось, вероятно, ранним утром 27 октября,[1] сразу после завершения работы II Всероссийского съезда Советов, в составе, определенном декретом съезда. Налицо были все члены СНК, кроме И. И. Скворцова-Степанова, который находился в Москве и так и не вступил в должность народного комиссара по делам финансов.[2] Заседание это было, по-видимому, посвящено организационным вопросам, так как уже днем 27 октября, также в Смольном, под председательством В. И. Ленина народные комиссары собрались снова, на второе свое совместное заседание, носившее уже рабочий характер. На этом заседании были, в частности, утверждены декрет о печати, постановление о созыве Учредительного собрания в назначенный срок и принят за основу правительственного законопроекта написанный В. И. Лениным «Проект положения о рабочем контроле».[3]

Нельзя не отметить в связи с этим имеющиеся в исторической литературе неточности, связанные с датировкой первых заседаний Совнаркома. Досадная ошибка допущена редакцией и составителями такого солидного издания, как «Триумфальное шествие Советской власти», в предисловии к которому в качестве даты пер-

[1] На указание об этом, содержащееся в известных воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича («Совет Народных Комиссаров в составе, определенном декретом 2-го Всероссийского съезда Советов, тотчас же собрался целиком, кроме И. И. Скворцова-Степанова. . .»), впервые обратил внимание Е. Н. Городецкий (см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 159).

[2] См.: В. Бонч-Бруевич. На боевых постах. . . стр. 129; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, часть 1, стлб. 339 (Г. И. Ломов-Оппоков, автобиография).

[3] См.: «Газета», № 2, 30 октября 1917 г.; Ю. Ларин. У колыбели, стр. 16; В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 167; Э. В. Клопов. Первый день деятельности В. И. Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров, стр. 117. См. также: «Правда», 12 апреля 1961 г., № 102.

вого заседания Совета Народных Комиссаров явно без достаточных оснований указано *30* октября.[4] Несколько иного рода ошибку сделал В. С. Орлов, который пишет о том, что второе заседание СНК состоялось *3* ноября 1917 г., а третье — 15 ноября.[5] Заседания Совета Народных Комиссаров 3 и 15 ноября действительно имели место, это совершенно очевидно, но для утверждения, что именно в эти дни Совнарком собирался во второй и третий раз, нам представляется, также нет никаких оснований.

В послеоктябрьские дни СНК собирался по мере надобности и далеко не всегда в полном составе, так как все народные комиссары были крайне загружены самой разнообразной практической работой.[6] На одном из этих заседаний, состоявшемся под председательством В. И. Ленина вечером *3* ноября, был заслушан и обсужден доклад приехавшего из Москвы В. П. Ногина о происходивших там событиях.[7] 15 ноября СНК принял особое постановление по вопросу о месте и времени его заседаний: «Совет Нар. Ком. остается в Смольном. Народные комиссары переносят свою работу в соответствующие министерства, назначая там определенные часы своего присутствия. К вечеру комиссары *собираются* в Смольном для совещания и для осуществления контакта с другими демократич[ескими] организациями».[8]

В дальнейшем (с 15 ноября) заседания правительства «происходили уже регулярно, почти каждый день, а то и по два раза в день».[9] Как правило, они проводились во второй половине дня, начинались в 5—8 часов и продолжались до позднего вечера.[10] Как вспоминает М. Н. Скрыпник, не раз в это время Советское правительство заканчивало свою работу глубокой ночью.[11] Кроме членов правительства — народных комиссаров, управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича и секретаря СНК Н. П. Горбунова, в заседаниях Совета Народных Комиссаров участвовали докладчики по вопросам повестки дня, а также вызывавшиеся

[4] См.: Триумфальное шествие Советской власти, ч. 1. М., 1963, стр. IX.
[5] См. В. С. Орлов. В. И. Ленин и создание аппарата первого в мире рабоче-крестьянского правительства, стр. 17—18.
[6] Н. П. Горбунов. Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров стр. 190; В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 130; Ю. Ларин, ук. соч., стр. 16.
[7] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 187—189; Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 308. См. также: Б. Ф. Малкин. Ленин и Викжель. «За индустриализацию», № 17, 21 января 1930 г., стр. 4.
[8] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 1.
[9] Н. П. Горбунов, ук. соч., стр. 192.
[10] И. В. Загоскина и Ю. А. Ахапкин. В. И. Ленин — глава первого Советского правительства, стр. 41; А. И. Елизарова. Страничка воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнаркоме. «Пролетарская революция», 1929, № 11, стр. 87.
[11] М. Н. Скрыпник. Воспоминания об Ильиче, стр. 237.

по случаю надобности специалисты и представители ведомств. 30 ноября СНК принял по внесенному П. И. Стучкой вопросу о конституции заседаний правительства постановление, в котором указывалось: «Писаной конституции не устанавливать. Разъяснить членам коллегий при комиссариатах, что обычно на заседаниях Совета Народных Комиссаров присутствуют представители тех комиссариатов, которых касается обсуждаемое дело».[12] В исключительно сложных и напряженных условиях того времени Совет Народных Комиссаров счел, по-видимому, нецелесообразной и несколько преждевременной строгую и точную фиксацию во многом еще не установившейся практики своей работы, продолжавшейся всего лишь около месяца. Вместе с тем представляется не совсем точным указание Е. Н. Городецкого о том, что попытки зафиксировать «внутреннюю конституцию» СНК в рассматриваемый период не завершились успехом.[13] Действительно, за это время Совнаркомом не был принят какой-то единый акт, оформивший всю структуру и порядок деятельности правительства и его аппарата. Однако, как увидим далее, Совет Народных Комиссаров и особенно его Председатель В. И. Ленин уже в самые первые месяцы существования Советской власти предприняли в этом направлении целый ряд шагов, и в том числе весьма существенных.

Именно в это время был решен не только самый неотложный из всех вопросов «внутреннего устройства» (о присутствии на заседаниях СНК представителей тех коллегий наркоматов, которых касалось обсуждаемое дело), как это признает Е. Н. Городецкий,[14] но и многие другие, первостепенно важные вопросы организации работы Советского правительства. Особым декретом 5 декабря народному комиссару по государственному контролю было предоставлено в СНК право решающего голоса по вопросам политического характера и совещательного — по вопросам финансово-экономического характера.[15] 23 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил написанное В. И. Лениным постановление о том, что при отсутствии наркомов на заседании правительства должны присутствовать их заместители с правом решающего голоса при условии, если они назначены постановлением СНК из состава членов коллегии соответственных комиссариатов.[16] Несколько позднее (в марте-апреле 1918 г.) В. И. Ленин написал секретарю Совнаркома специальную записку, которая убедительно свидетельствует о том, что Председатель СНК постоянно следил за точным и неуклонным выполнением работниками секретариата

[12] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 22 об.
[13] См. Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 157.
[14] Там же, стр. 158.
[15] Декреты Советской власти, т. I, № 122.
[16] Ленинский сборник, XXXV, стр. 15.

решений правительства по вопросу о составе участников его заседаний. «Здесь сидят, видимо, лица, приглашенные на *иной* вопрос, — писал в этой записке В. И. Ленин. — Выгонять их не надо. Но Вам и другим секретарям объявляю выговор: сто раз говорено, что приглашать можно *лишь* на соответственный вопрос».[17]

Придавая большое значение правильной организации работы правительства, В. И. Ленин лично составляет правила «о том, *как* ставить вопросы на повестку», т. е. правила подготовки заседаний Совнаркома: «От каждого Комиссара, вносящего какой бы то ни было вопрос в порядок дня Совета Нар[одных] Ком[иссаров], требовать предварительного *письменного* заявления с указанием:

а) в чем состоит вопрос (кратко) [это указание не может ограничиваться одной ссылкой («о том-то»), а должно состоять *в изложении содержания* вопроса].

б) Что именно предлагается Совету Нар[одных] Ком[иссаров]? (дать деньги; принять *такую-то* резолюцию и т. п. точные указания, *чего* хочет вносящий вопрос).

в) Затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения?».[18]

На заседании СНК 18 декабря по п. 8 повестки дня (о порядке внесения вопросов в порядок дня заседания правительства) принимается постановление, утверждавшее эту инструкцию В. И. Ленина и обязывающее народных комиссаров исполнять ее (причем взять с них подписку).[19] Позднее (в апреле 1918 г.) в Москве В. И. Ленин напомнил сотрудникам секретариата СНК о принятой еще в Петрограде инструкции и снова указал им, «что на повестку они не должны ставить вопросы без затребования от докладчика (или от вносящего вопрос) *подписки:*

«1) запрещено ли ведомство фин[ансов] (К[омисса]риат фин[ансов] + Контр[оль]), если дело касается расходов и ассигнований.

[17] В. И. Ленин, Полн. собр, соч., т. 50, стр. 54.

[18] Ленинский сборник, XXI, стр. 96. В связи с этим секретарь Совета Н. П. Горбунов направил народным комиссарам и другим советским государственным деятелям (в их числе были, например, Н. И. Подвойский и М. С. Урицкий) специальное письмо, в котором просил их при внесении какого бы то ни было вопроса в порядок дня Совета Народных Комиссаров предварительно представлять об этом письменные заявления, составленные в соответствии с подготовленными В. И. Лениным правилами. Подробнее см. об этом: Э. В. Клопов, В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров, стр. 13—14.

[19] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 43 об. В материалах к протоколу СНК № 29 от 18 декабря 1917 г. сохранился подлинник подписки, взятой во исполнение этого постановления, с подписями-автографами В. Д. Бонч-Бруевича, В. В. Оболенского, А. М. Коллонтай, М. Т. Елизарова, А. Г. Шлихтера и других народных комиссаров (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 29, л. 22).

«2) запрошены ли ведомства, *соприкасающиеся* с тем вопросом, о коем идет речь».[20]

О порядке составления повестки заседания СНК говорит специальное его постановление (принятое позднее — 7 августа 1918 г.), в основу которого несомненно *были* положены ленинские указания.[21]

Как видим, внесение вопроса, и в том числе проекта декрета, на рассмотрение Совета Народных Комиссаров должно было удовлетворять целому ряду требований; в частности, от народных комиссаров или других руководителей ведомств (различных комитетов, комиссий и отделов народных комиссариатов) требовалось предварительное внесение вопроса в письменной форме в повестку заседания СНК (что обычно оформлялось в виде записки или письма в секретариат Совета Народных Комиссаров). Такова, например, записка председателя ВСНХ В. В. Оболенского секретарю СНК Н. П. Горбунову от 28 декабря 1918 г.: «Прошу поставить на обсуждение в Совете Народных Комиссаров вопрос о порядке выдачи разрешений на экспорт и импорт товаров. Проект декрета будет представлен».[22]

Руководя работой Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленин в период деятельности правительства в Петрограде председательствовал почти на всех его заседаниях (на 73 из 77 запротоколированных заседаниях СНК, состоявшихся с 15 ноября 1917 г. до 10 марта 1918 г.).[23]

[20] Ленинский сборник, XXI, стр. 96—97.

[21] Вот это постановление: «Повестку СНК закрывать за сутки до назначения заседания СНК и никаких, даже экстренных, вопросов на нее не принимать. Экстренные вопросы, не внесенные в повестку, принимать к слушанию по личному заявлению членов СНК на самом заседании Совета и по его решению. Повестку рассылать во все Народные Комиссариаты утром того дня, на которое назначено данное заседание. Поручить всем наркомам довести до сведения всех специалистов и экспертов, вызываемых ими на заседания СНК, чтобы они, во избежание потери времени, не «ждали» момента слушания своего вопроса в Совете, за час до начала заседания созванивались с Секретариатом Совета и узнавали, будут ли фактически слушать их вопросы в данный день» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 22, л. *34).*

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. *36,* л. 11. В качестве других примеров можно привести собственноручные письма народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского («Прошу поставить в ближайшее заседание Совета Н. Комиссаров на повестку вопрос об ассигновании *30* млн для беженцев») и народного комиссара юстиции И. З. Штейнберга от 21 декабря («Прошу внести на завтрашнее заседание Совета Народных Комиссаров смету на содержание народных судов в Петрограде за декабрь в сумме 156 тыс. руб. Срочно»), а также адресованное секретарю СНК отношение А. К. Цветкова, секретаря народного комиссара государственного обеспечения от 18 декабря 1917 г. («Товарищ Коллонтай просит вас внести в порядок дня на понедельник 18 декабря: краткая мотивировка Коллонтай о декрете, подтверждающем уже совершившуюся ликвидацию общегосударственного комитета. Вопрос формального характера и займет *3* минуты») (см.: ЦПА ИМЛ, Ф. 19, оп. 1, д. *30,* л. 24; ф. 461, д. 32989).

[23] См.: Э. В. Клопов, ук. соч. стр. 13.

«Обычная картина заседаний Совнаркома, — вспоминал впоследствии первый советский нарком здравоохранения Н. А. Семашко, — была такова... Спешить попасть на заседание минута в минуту, без всякого опоздания. Владимир Ильич сам был точен, как часовая стрелка, такой же точности он требовал от всех нас».[24] Опоздание на заседание Совнаркома В. И. Ленин рассматривал как нарушение рабочей дисциплины и недопустимую потерю времени.[25] В целях более точного начала заседаний и экономии времени СНК 29 декабря по п. 11 повестки дня (об открытии заседания Совета в точно назначенное время) принял специальное постановление, которым был установлен штраф для опоздавших на заседания на полчаса и час в размере соответственно 5 и 10 рублей. Освобождались от штрафа лишь те народные комиссары, которые заранее представляли секретарю Совета соответствующие заявления с точным указанием причин опоздания или неявки. В материалах к протоколу № *36* СНК сохранилось уведомление секретаря Совета Н. П. Горбунова о принятии этого постановления с пометками об ознакомлении с его содержанием народных комиссаров А. В. Луначарского, В. Р. Менжинского, Г. И. Петровского и др.[26]

Ознакомление с вопросами повестки заседания, заранее составленной секретарем СНК, являлось, как правило, первоначальным моментом работы Совета Народных Комиссаров. Снятие вопросов или дополнение повестки, как и изменение ранее принятого порядка очередности в рассмотрении ее пунктов, осуществлялось по инициативе участников заседания. Снятие вопросов вызывалось разными причинами, главной из них была передача вопроса на рассмотрение ВЦИК, Малый Совнарком, ВСНХ. Так, например, стоявший на заседании СНК 19 ноября вопрос о революционных судах был снят с повестки ввиду того, что проект декрета был уже внесен во ВЦИК.[27] Дополнение повестки и изменение ранее принятого порядка очередности в рассмотрении ее пунктов часто вызывались чрезвычайными условиями обстановки, которая выдвигала на первый план то одни, то другие вопросы. Председатель СНК В. И. Ленин дополнял повестку почти каждого заседания правительства вопросами, требовавшими самого незамедлительного решения. Так, на повестке дня заседания 20 ноября В. И. Ленин делает пометки, дополняя ее пунктами: о положении дел в Оренбургской губернии (в связи с контрреволюционным мятежом Дутова), об отсрочке созыва Учредительного собрания, об обращении к мусульманам (ввиду чрезвычайной важности

[24] Н. А. Семашко. Ильич ведет заседание. «Известия», № *38,* 14 февраля 1960 г.

[25] Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 310.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. *36,* л. 15.

[27] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 7.

этого акта было решено «напечатать его в миллионах экземпляров на языках мусульман Востока и России») и др.[28]

Указания и требования главы первого Советского правительства нашли свое выражение и в ряде постановлений СНК, посвященных определению круга вопросов, решение которых должно было осуществляться без рассмотрения этих вопросов в Совете Народных Комиссаров.

В связи с исключительно сложными условиями, в которых оказалась молодая Советская республика, повестки заседаний Совета Народных Комиссаров все время оставались чрезвычайно насыщенными. В них одновременно включались многие важные вопросы политического, военного, хозяйственного и культурного характера. «На заседаниях Совнаркома, — писал Г. И. Петровский, — ставились все важнейшие вопросы первых шагов социалистического строительства и организации Советской власти в центре и на местах. Решались вопросы, связанные с ликвидацией всех буржуазных учреждений ... Намечались первые шаги социалистического производства и торговли».[29] Обычно на заседаниях Совета Народных Комиссаров рассматривалось по 15—20, а иногда и большее число вопросов. Так, на заседании СНК 15 ноября рассматривалось 20 вопросов, 16 ноября — 23 вопроса, 18 ноября — 12 вопросов, 19 ноября — 27 вопросов и т. д. Только за десять дней, с 15 по 25 ноября, на 11 заседаниях Совнаркома (21 и 23 ноября СНК собирался дважды) было рассмотрено 158 вопросов различных сторон государственной жизни страны.[30] Поэтому уже во второй половине ноября СНК принимает несколько постановлений, направленных на разгрузку повестки своих заседаний от вопросов второстепенного характера, которые в основном были связаны с ассигнованиями на те или иные нужды.

Ряд вопросов, вносившихся на рассмотрение СНК, В. И. Ленин считал возможным передать для решения соответствующим ведомствам. Так, рассмотрев на заседании 19 ноября заявление комиссара по делам беженцев о безработице среди печатников и типографских рабочих в связи с закрытием буржуазных газет и о необходимости организации общественных работ (п. 6 повестки дня), Совет Народных Комиссаров принял следующее решение по этому вопросу: «Передать вопрос и заявление в Комиссариат по внутренним делам и сделать указание тов. Горбунову впредь

[28] В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, стр. 149; Декреты Советской власти, т. I, № 80, прим. О дополнениях и изменениях, внесенных В. И. Лениным в повестки заседаний СНК 23, 24, 25, 30 ноября и 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 13 декабря, см.: В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС». 1960, № 4, стр. 150, 154, 156, 157; № 5, стр. 135, 138; № 6, стр. 135, 138, 140, 142, 144, 146, 149.

[29] Г. И. Петровский. Под руководством великого вождя. «Правда», № 110, 20 апреля 1955 г.

[30] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 1—18.

направлять подобные дела на предварительное рассмотрение в соответствующие комиссариаты».[31]

На заседании 27 ноября Совет Народных Комиссаров принял следующее постановление по внесенному П. Е. Дыбенко проекту положения о полковых комитетах интендантских продовольственных магазинов и учреждений Петрограда и его окрестностей: «Направить проект положения на утверждение в Комиссариат по военным делам и предложить секретарю Совета тов. Горбунову впредь отсылать подобные дела по соответствующим ведомствам, не загромождая ими Совета Народных Комиссаров».[32]

Первым постановлением СНК, устанавливавшим определенный порядок решения «вермишельных» вопросов, было постановление 20 ноября по пункту 11 повестки заседания о порядке удовлетворения финансовых требований. В постановлении говорится: «Все финансовые требования направляются в соответствующее министерство, потом в казначейство, далее в Министерство финансов, в Госконтроль и только после этого в Совет Народных Комиссаров».[33] В соответствии с этим решением внесенные 25 ноября проекты трех декретов (об отмене косвенного налога, о введении поимущественного налога, о введении налога на расточительство — п. 2 повестки) были переданы на рассмотрение Наркомата финансов. СНК снова указал, что будет обсуждать все проекты «только по рассмотрении их в соответствующих ведомствах; в частности, подобные только что заслушанным — по предварительном рассмотрении в коллегиях Финансовой и Экономической».[34] Через два дня Совет Народных Комиссаров, рассмотрев вопрос об отпуске ссуды в 250 тыс. руб. газете «Деревенская Беднота», отмечает в своем постановлении: «Впредь разрешать подобные мелкие дела вермишельного характера ведомственным путем. Поручить секретарю Совета Горбунову отметать все подобные дела и не ставить их на повестку».[35] Порядок решения «вермишельных» вопросов стоит отдельным пунктом (№ 2) на заседании правительства 4 декабря, по которому принимается специальное постановление: «Бесспорные вопросы, касающиеся финансов, решаются народными комиссарами соответствующего ведомства, Финансов, Госконтроля и вносятся в СНК за соответствующими подписями для утверждения, без дальнейшего рассмотрения».[36] Этим решением Совнарком поручил рассмотрение подобного рода вопросов так называемой «вермишельной» комиссии,

[32] Там же, д. 1, л. 18 об.
[33] Там же, д. 2, л. 9 об.
[34] Там же, л. 17.
[35] В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, стр. 161.
[36] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 26. В связи с этим, например, на представленном в СНК отношении Наркомпроса от 12 декабря об утверждении дополнительной сметы расходов этого комиссариата за ноябрь 1917 г. кем-то

деятельность которой в дальнейшем явилась предметом обсуждения СНК 18, 23 и 30 декабря. На заседании СНК 23 декабря было решено образовать состав «вермишельной» комиссии из представителей комиссариатов Труда, Военного и Продовольствия.[37] Однако уже через неделю, 30 декабря, учитывая перегруженность народного комиссара Н. И. Подвойского, являвшегося членом комиссии от Наркомвоена, СНК принял решение заменить его народным комиссаром местного самоуправления В. Е. Трутовским. Тогда же, 30 декабря, в постановлении Совнаркома «вермишельная» комиссия была впервые названа Малым Советом. СНК, в частности, постановил: «Секретарем Малого Совета назначается секретарь Большого Совета тов. Н. Горбунов с оставлением его в должности секретаря Большого Совета».[38]

О начальном периоде существования Малого СНК и роли В. И. Ленина в его деятельности ценные, но до сих пор, к сожалению, не опубликованные воспоминания в 1933 г. написа\ Д. П. Боголепов, который хотя и не входил первое время в состав Малого Совета, но присутствовал на некоторых его заседаниях, так как ему «в качестве члена Наркомфина, ведавшего как раз денежными вопросами. . ., очень часто приходилось давать заключения по подобным делам».[39] В связи с этим приведем далее подробные выдержки из этих представляющих несомненный интерес воспоминаний.

«Совершенно неверно мнение, — подчеркивает прежде всего Д. П. Боголепов, — что Малый Совнарком возник впервые в марте 1918 г.; тогда он был только восстановлен, так как первый действительно самый начальный период его деятельности относится приблизительно к декабрю 1917 г.».[40] «Самое его основание, — говорится далее в воспоминаниях, — было вызвано тем обстоятельством, что Б. Совнарком желал избавиться от „вермишели", как с легкой руки бывшего последнего председателя Государственной думы Родзянко принято было и при Советской власти называть мелкие дела. . . Но совершенно ясно, что подобные „верми-

из сотрудников Управления делами СНК сделана следующая пометка: «Вермиш[ельным] порядком. Нужны подписи Менжинского и Эссена» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, л. *32989).*

[37] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 53—53 об.

[38] Там же, л. 58 об.

[39] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком. Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина. ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине, л. 2.

[40] В связи с этим представляется ошибочным утверждение В. С. Орлова: «Первое указание на существование Малого Совета Народных Комиссаров имеется в протоколе заседания СНК № 4 от 19 ноября 1917 г.» (см.: В. С. Орлов, ук. соч., стр. 26). Решение СНК образовать междуведомственную комиссию для изучения экстренного требования рабочих Зеншеевского горнозаводского округа о предоставлении 500 тыс. руб. нельзя, на наш взгляд, считать достаточным основанием для вывода о наличии уже в то время Малого СНК.

шельные" вопросы нужно было все же где-нибудь разбирать и притом таким путем, чтобы они не ускользнули целиком от контроля Б. СНК или, по крайней мере, его председателя. Поэтому и было решено в декабре 1917 г. создать под председательством тов. Шляпникова Малый Совет Народных Комиссаров для разбора мелких вопросов».[41] «Этот Малый Совет, — продолжает далее Д. П. Боголепов, — насколько я припоминаю, заседал, всего один раз в неделю, по средам, и повестка его слагалась преимущественно из тех вопросов, которые снимались за их „вермишельностью" с повестки Большого СНК». В составе Малого СНК, первоначально включавшего в себя представителей комиссариатов Труда, Продовольствия и Местного самоуправления (вместо Комиссариата военных дел), в дальнейшем, по-видимому, произошло новое изменение: представитель Наркомпрода был заменен представителем Комиссариата финансов. Во всяком случае на первых трех из запротоколированных заседаний Малого СНК, помимо А. Г. Шляпникова и кого-либо из представителей левых эсеров (В. Е. Трутовский, И. З. Штейнберг и др.), третьим непременным участником был всегда представитель Наркомфина (В. Р. Менжинский, Д. П. Боголепов или А. Е. Аксельрод).[42] Протоколы с решениями М. СНК передавались на утверждение Совета Народных Комиссаров и в основной своей части, за исключением отдельных пунктов, обычно утверждались. В постоянном и внимательном просмотре и утверждении постановлений М. СНК и проявлялось прежде всего руководство его деятельностью со стороны В. И. Ленина.[43] Как свидетельствует Д. П. Боголепов, В. И. Ленин был фактически несменяемым руководителем Малого Совета, не имевшего своего постоянного председателя. «Является просто удивительным, — подчеркивал Д. П. Боголепов, — что столь мелкие дела, а именно только такие дела и были избранной специальностью М. Совета, брали так много внимания и самого тщательного наблюдения со стороны т. Ленина, у которого как будто и без этого было достаточно дел и забот».[44] Однако деятельность первого состава Малого СНК далеко не удовлетворяла тем требованиям, которые к ней предъявлялись. «Не говоря уже о том, что он заседал всего один раз в неделю, — пишет Д. П. Боголепов, — часто его вопросы снова вносились на заседания Большого СНК, и облегчение в работе последнего было, таким образом, незначительно».[45] Объяснялось это как отсутствием строго постоянного состава Малого СНК, так и тем, что участники его заседаний нередко сами не считали себя до-

[41] Д. П. Боголепов, ук. соч., лл. 1—2.
[42] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. *3*, лл. 1, 4, 5.
[43] См., например, об этом: Стенограмма, л. 5; Л. А. Фотиева. Как работал В. И. Ленин, стр. 256.
[44] Д. П. Боголепов, ук. соч., лл. 6, 16.

статочно авторитетными для решения тех или иных вопросов. Поэтому 7 января специальным постановлением правительства, принятым в связи с бездеятельностью Малого Совета Народных Комиссаров, всем народным комиссарам предлагалось присылать в последний для деловой работы членов коллегий, а народные комиссары — члены Малого Совета Народных Комиссаров или их заместители — обязывались присутствовать на его заседаниях. Спустя два дня, 9 января, состоялось первое запротоколированное заседание Малого Совета Народных Комиссаров. В числе трех вопросов, заслушанных на этом заседании, на котором присутствовали А. Г. Шляпников, В. Р. Менжинский и В. Е. Трутовский, был и вопрос о «способе работы Малого Совета». Принятое по этому вопросу постановление, отражая особенности деятельности Малого Совета, наглядно показывало, как повлияла на выработку порядка его работы установившаяся уже к этому времени практика деятельности Совета Народных Комиссаров. В постановлении говорится: «Считать заседание правомочным, если присутствуют двое из трех членов Малого Совета. Закрывать повестку дня за 48 часов до объявленного начала заседания, предоставляя, однако, право в случае экстренности вносить вопросы во время самого заседания. Требовать при внесении вопросов подробной исчерпывающей докладной записки с предоставлением всего фактического материала, касающегося вносимого вопроса. Считать необходимым присутствие на заседании докладчика и представителей тех ведомств, которых касается обсуждаемый вопрос; в случае отсутствия докладчика и представителей заинтересованных ведомств, а также непредставления достаточно полной докладной записки и фактического материала — снимать вопрос с обсуждения, перенося его в конец заседания; заседать не реже трех раз в неделю, определяя день и час следующего заседания в конце каждого заседания».[46] Последнее из 11 запротоколированных заседаний Малого СНК, состоявшихся за время пребывания Советского правительства в Петрограде, относится к 8 марта 1918 г.[47]

* *
*

В своей практической деятельности Советское правительство с самого начала последовательно осуществляло отмеченную В. И. Лениным еще до победы Великого Октября присущую Советам, как новому государственному аппарату, важнейшую особенность — соединение законодательных и исполнительных функций.

[46] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. *3, л.* 1.

[47] Там же, лл. 1—9. В дальнейшем, 26 марта 1918 г., несомненно при ближайшем участии В. И. Ленина, Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление, окончательно оформившее организацию и порядок деятельности Малого СНК (см.: Ленинский сборник, XXXV, стр. 18).

Новый государственный аппарат, — писал В. И. Ленин об этом принципиальном отличии Советов от буржуазного парламентаризма в своей известной работе «Удержат ли большевики государственную власть?» — «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и *исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение».[48] Именно этим прежде всего, а не только необходимостью придания актам нового рабоче-крестьянского правительства особого авторитета,[49] объясняется чрезвычайно активное законодательное творчество руководимого В. И. Лениным Совета Народных Комиссаров, опубликовавшего важнейшие декреты и постановления по всем коренным вопросам социалистической революции, во всех без исключения областях социально-экономической жизни страны.

Вопросам порядка осуществления законодательства и взаимоотношений Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, являвшихся главными постоянно действовавшими руководящими органами Советской власти в начальный период ее существования, непосредственно посвящено пять актов, основные положения которых сохраняли свою силу вплоть до принятия Конституции РСФСР 1918 г. Основное содержание этих документов было предопределено широко известными заметками В. И. Ленина об организации аппарата управления. Одна из этих заметок — «Немедленное создание. . . *комиссий* народных комиссаров. .. (м[инист]ры и т[овари]щи м[инист]ра)» — нашла, как уже отмечалось выше, свое воплощение сразу же после победы революции — в декрете II Всероссийского съезда Советов 26 октября об образовании Рабочего и Крестьянского правительства.

Три другие заметки В. И. Ленина касались вопросов создания Комиссии законодательных предположений при министре-председателе и издания «Вестника рабочего и крестьянского правительства» и «Собрания узаконений и распоряжений и актов правительства».[51] Эти ленинские наметки получили свое законодательное оформление в другом акте Совета Народных Комиссаров, опубликованном через четыре дня — 30 октября.[52]

[48] В. И. Ленин. *Полн.* собр. соч., т. 34, стр. 304—305.

[49] Е. Г. Гимпельсон. Из истории строительства Советов, стр. 33.

[50] Несколько подробнее об этом, явно недостаточно еще изученном в историко-правовой литературе вопросе, см.: Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 178—180.

[51] Ленинский сборник, XXI, стр. 91—92.

[52] «Газета», № 2, 30 октября 1917 г. О некоторых обстоятельствах издания этого декрета см.: Ю. Ларин, ук. соч., стр. 16; Е. Н. Городецкий, ук. соч., стр. 178. Одно из двух предположений В. И. Ленина, касав-

Этим актом, установившим порядок законодательства в первый период существования Советской власти, явился декрет о порядке утверждения и опубликования законов.[53] Текстом этого декрета определен весь путь прохождения закона начиная с изготовления его в виде законопроекта и кончая порядком его опубликования и вступления в законную силу. Следует подчеркнуть, что в ст. 1 Совету Народных Комиссаров предоставлялось «право составления и опубликования законов». При этом (как и в декрете 26 октября) в ст. 6 нового декрета особо оговаривалось, что ЦИК «во всякое время имеет право приостановить, изменить или отменить всякое постановление правительства». Согласно ст. 2, на рассмотрение правительства законопроекты должны были вноситься из «соответствующего министерства» за подписью «надлежащего народного комиссара» или из «стола законодательных предположений» за подписью его заведующего.

В изученных материалах Совнаркома не удалось обнаружить каких-либо сведений об образовании при СНК такого «стола» или отдела, и мы присоединяемся поэтому к высказанному С. Н. Валком [54] предположению о том, что упомянутый в ст. 2 декрета «стол», по-видимому, был организован позднее и не при самом Совете Народных Комиссаров, а в качестве II отдела Народного комиссариата юстиции. Что же касается замечания Д. А. Чугаева о создании при СНК Комиссии законодательных предположений во главе с Ю. Лариным, то оно, к сожалению, не имеет ссылки на источники и, следовательно, нуждается в уточнении.[55] В связи с этим, в частности, небезынтересно также отметить, что, как указывается в автобиографии проф. М. А. Рейснера, последний после Октябрьской революции «по предложению тов. Ленина (разрядка наша, — *М. И.)* вошел в качестве заведующего Отделом законодательных предположений в Народный комиссариат юстиции, каковой отдел и был им создан».[56] Несмотря на наличие в этих сведениях некоторых неточностей (как свидетельствуют архивные документы, М. А. Рейснер был в рассматриваемый период не заведующим Отделом законодательных предположений, а редактором Отделения государственного права в составе этого отдела Наркомюста), их достоверность в целом не вызывает каких-либо особых сомнений, так как в первые послеоктябрьские

шихся порядка публикации законов, было осуществлено двумя днями раньше самим выходом первого номера «Газеты».

[53] Декреты Советской власти, т. I, № 21.

[54] С. Н. Валк. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания. «Архивное дело», 1939, № 3,

[55] См.: Д. А. Чугаев. 1) Слом буржуазной государственной машины..., стр. 426; 2) История создания и упрочения советского государства, стр. 19—20.

[56] Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, часть вторая, стлб. 204 (Рейснер М. А., автобиография).

месяцы вся деятельность Отдела законодательных предположений Комиссариата юстиции по существу сводилась к работе небольшой группы сотрудников Отделения государственного права, руководителем которой и являлся М. А. Рейснер.[57]

О создании «Отдела законодательных предположений и кодификации» говорит только приказ временного заместителя народного комиссара юстиции П. Стучки от 12 декабря.[58] Имеющиеся протоколы заседаний отдела, начиная с первого, состоявшегося 12 декабря, а также обзор его деятельности позволяют утверждать, что в интересующий нас период почти ни один из декретов Советской власти не был связан с этим органом.[59] Самым ранним из актов Совета Народных Комиссаров, принятых на основе одного из самостоятельно изготовленных отделом за период пребывания Советского правительства в Петрограде законопроектов, является принятый 20 января декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах.[60]

Дальнейшим моментам прохождения законопроекта посвящена ст. 3 декрета 30 октября. После утверждения правительством рассмотренного им проекта декрета он «в окончательной редакции» подписывался «именем Российской Республики Председателем Совета Народных Комиссаров или за него внесшим его на рассмотрение Правительства народным комиссаром». Принятый таким образом декрет надлежало теперь опубликовать «во всеобщее сведение». В следующих трех статьях (4, 5, 6) говорилось о порядке опубликования и условиях вступления правительственного постановления в законную силу. Органами официального распубликования законодательных актов являлись «Газета» и «Собрание узаконений и распоряжений правительства». Наряду с этим ст. 6 отменялся узаконенный при царском и Временном правительствах порядок опубликования законов через Сенат.[61] Распубликование служило основанием для вступления закона в силу. В отношении последнего декрет устанавливал три возможных срока: 1) день опубликования акта официальной «Газетой»; [62] 2) иной срок, указанный в постановлении; *3)* день опубликования на месте соответствующей телеграммы (в случаях введения закона в действие по телеграфу).[63]

[57] См.: ЦГАОР, ф. *353,* оп. 1, д. 4, лл. 21, 27—30, 114; д. 5, лл. 1—9; ф. 130, оп. 1, д. 19, лл. 30—32, 43.

[58] ЦГАОР, ф. 353, оп. 1, д. 4, л. 80; «Газета», № *33,* 15 декабря 1917 г.

[59] Там же, д. 5, лл. 1—9; д. 4, лл. 21, 27—30.

[60] Там же, д. 4, лл. 27—28, Декреты Советской власти, т. I, № 248. Ср.: Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, часть вторая, стлб. 204.

[61] Правительствующий Сенат со всеми департаментами был упразднен 22 ноября декретом СНК о суде № 1 (см.: Декреты Советской власти, т. I, № 85.

[62] Декреты Советской власти, т. I, ст. 4.

[63] Там же, ст. 5.

Мы располагаем еще тремя актами, которые подтверждают, а в некоторых отношениях развивают основные положения указанных нами выше декретов. Это (приводим в хронологической последовательности) резолюция ВЦИК 4 ноября по поводу запроса левых эсеров о праве Совета Народных Комиссаров издавать декреты, наказ ВЦИК о взаимоотношениях ВЦИК и СНК, а также декрет СНК о времени вступления в силу узаконений и распоряжений правительства. Оба последних документа были приняты 17 ноября, первый — на заседании ВЦИК, второй — на заседании СНК.[64]

Первому Советскому правительству приходилось действовать в чрезвычайно сложной обстановке. В состав ВЦИК II и III созывов входило значительное число представителей различных политических партий (левых и правых эсеров, социал-демократов-интернационалистов, меньшевиков-объединенцев, эсеров-максималистов, и др.), которые всячески стремились под видом создания однородного социалистического правительства отстранить от руководства страной возглавляемую В. И. Лениным большевистскую партию.[65] В проекте одной из резолюций, внесенных во ВЦИК от имени фракции правых эсеров, совершенно открыто говорилось о непризнании за Советом Народных Комиссаров «прав власти законодательной и исполнительной». Более того, рассматривая ВЦИК «как орган классового руководительства, а не законодательного учреждения», фракция правых эсеров заявляла в то же время, что она будет всячески «протестовать против умаления прав ЦИК путем бесконтрольного хозяйничанья Совета Народных Комиссаров и безответственного издания всяческих декретов и указов от имени ЦИК».[66] Поэтому декреты Совета Народных Комиссаров во ВЦИК нередко приходилось отстаивать в упорной борьбе. Заседание 4 ноября проходило в особенно напряженной обстановке. Как свидетельствует Д. Рид, «огромный зал ЦИК был набит битком. Атмосфера была зловещая».[67] После обсуждения выдвинутого Ю. Лариным при поддержке левых эсеров предложения отменить декрет СНК о печати и принятия резолюции, в которой говорилось, что ВЦИК категорически отвергает «всяческие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддерживает в этом вопросе Совет Народных Комиссаров»,[68] левые эсеры внесли за-

[64] Там же. №№ 33, 70, 72.

[65] К. Г. Федоров. ВЦИК в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.). М., 1957, стр. 27—46.

[66] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 2, ф. 29, лл. 13—13 об. (черновой карандашный текст проекта резолюции от 22 января 1918 г.) и 14—14 об. (машинописный текст проекта этой резолюции). См. также: В. С. Орлов, ук. соч., стр. 20—21.

[67] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир, стр. 219.

[68] Протоколы ВЦИК, стр. 24.

прос, обвиняющий СНК в издании декретов без предварительного обсуждения их во ВЦИК. На заседании выступил В. И. Ленин, который напомнил, что сотрудничество с большевиками в правительстве в дни работы II Всероссийского съезда Советов было отвергнуто фракцией левых эсеров. В. И. Ленин указал также, что дело не в формальных недочетах отдельных декретов — «власть в руках Советов, которые могут внести необходимые коррективы».[69] И, несмотря на уход с заседания перед самым голосованием Л. Б. Каменева и других членов имевшейся в самой большевистской фракции ВЦИК антиленинской оппозиции, поддержавших этим фактически резолюцию левых эсеров, выражавшую недоверие СНК, большинством голосов был принят проект резолюции, одобряющий деятельность Советского правительства, внесенный от имени фракции РСДРП(б) М. С. Урицким.

Резолюция ВЦИК 4 ноября имела чрезвычайно важное значение для всей последующей деятельности Советского правительства, так как она явилась подтверждением одного из главных положений декрета 30 октября о праве Совета Народных Комиссаров осуществлять издание декретов в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов. «Советский парламент, — гласил п. 2 резолюции, — не может отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Центральным Исполнительным Комитетом неотложные декреты».[70]

Новый декрет СНК 17 ноября не внес изменений в уже принятое решение вопроса о порядке вступления в силу узаконений и распоряжений правительства. Он подтверждал, что «все законы, декреты, постановления и распоряжения правительства входят в законную силу с момента опубликования их в „Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства“».[71]

Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и СНК был принят по предложению Я. М. Свердлова и представлял собой развитие соответствующего раздела декрета II Всероссийского съезда Советов об образовании Советского правительства и ст. 7 декрета Совета Народных Комиссаров 30 октября. Подтвердив ответственность Советского правительства перед ВЦИК, наказ ст. 2 установил, что «все законодательные акты, а равно и распоряжения крупного общеполитического значения представляются на рассмотрение и утверждение Центрального Исполнительного Комитета». В наказе не было установлено, когда должно было осуществляться ВЦИК рассмотрение и утверждение правительственных актов — до или после их опубликования. Наряду с этим ст. 3 наказа за Совнаркомом сохранялось право принятия мероприятий по борьбе с контрреволюцией «непосредственно под условием ответствен-

[69] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56.
[70] Декреты Советской власти, т. I, № 33.
[71] Там же, № 72.

ности перед Центральным Исполнительным Комитетом».[72] Этим ВЦИК фактически подтвердил основное положение своей резолюции 4 ноября о возможности издания Советом Народных Комиссаров без предварительного обсуждения Центральным Исполнительным Комитетом неотложных декретов «в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов».[73] Именно поэтому в дальнейшем Совет Народных Комиссаров, утвердив на заседании 23 ноября декрет о революционном суде № 1 и решив тогда же немедленно ввести его в действие, обосновывал свое постановление, в частности, тем, что «. . .согласно прецедентам и в соответствии с резолюцией на этот счет самого ЦИК Совет Народных Комиссаров имеет право в случаях неотложности принимать декреты самостоятельно и лишь затем вносить их в ЦИК».[74] «Мы не делали логических выводов о структуре власти, — указывал впоследствии Я. М. Свердлов на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. в докладе о разработке Конституции РСФСР, — но много и неоднократно с трибуны ЦИК говорилось о том, что рассчитывают на ЦИК как на орган законодательный, а Совет Народных Комиссаров — орган исполнительный. И каждый из вас, если внимательно следил за деятельностью Советской власти, заметил, что такое разделение власти исполнительной и законодательной не соответствует деятельности Советской республики. Совет Народных Комиссаров — это непосредственный орган власти как таковой: и законодательный, и исполнительный, и административный».[75]

В острой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными партиями большевики, возглавляемые В. И. Лениным, сумели отстоять за Советом Народных Комиссаров право издания революционных декретов. В результате именно Совнарком, выполнявший всю основную работу по управлению страной, борьбе с внутренней контрреволюцией и организации социалистического строительства, издал в изучаемый период наибольшее количество декретов и постановлений, ставших в руках Советской власти важнейшим орудием уничтожения буржуазно-помещичьего строя и закрепления завоеваний Великого Октября.[76]

[72] Там же, № 70.
[73] Там же, № 33, п. 2.
[74] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 14 об.
[75] Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 161.
[76] Советом Народных Комиссаров в период от Второго по Третий Всероссийский съезд Советов, т. е. с 25 октября 1917 г. по 18 января 1918 *т.*, было опубликовано 173, ВЦИК — 36 актов. Подсчет произведен по материалам т. I «Декретов Советской власти».

Глава 4

ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ В СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Декреты Советской власти являются исключительно ценным источником для изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции и первых месяцев существования Советской республики. Советские декреты этого времени уже были не раз предметом исторического исследования.[1] История их создания была сравнительно недавно затронута в опубликованной в 1960 г. работе И. В. Загоскиной и Ю. А. Ахапкина «В. И. Ленин — глава первого Советского правительства».

Вместе с тем изучение первых советских декретов как исторического источника еще далеко от своего завершения, хотя наличие в настоящее время критического издания их облегчает источниковедческое исследование этих международного значения документов.[2]

В данном разделе настоящей работы рассматривается история создания текста первых декретов Советской власти при прохождении их в Совете Народных Комиссаров в период от II по III Всероссийский съезд Советов.

Предварительно остановимся на самом термине «декреты». Под названием декретов были изданы различные акты Советской власти начального периода ее существования. В тексте одного из первых революционных актов, специально посвященных вопросам законодательства, в декрете Совета Народных Комиссаров

[1] С. А. Пионтковский. Ленин в Совнаркоме, стр. 106—115; С. Н. Валк. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и необходимости научного их издания, стр. 1—22. За последнее время опубликован ряд работ, содержание которых сводится к характеристике исторического значения декретов и организации деятельности Советского правительства в первые месяцы после победы Октябрьской революции (см.: А. И. Апевалов. Историческое значение первых декретов Советской власти. «Труды Воронежского университета», 1957, т. 60, вып. 1, стр. 49—56, а также указанные ранее работы М. Н. Лучкина, Е. П. Подвигиной, М. О. Малышева, Э. В. Клопова и В. С. Орлова).

[2] Декреты Октябрьской революции, т. I. М., 1933; Декреты Советской власти, т. I.

30 октября о порядке утверждения и опубликования законов для определения советских правительственных актов, употреблены термины «закон», «постановление» и «законодательное постановление».[3]

Термин «закон», употребленный в этом декрете, хотя и встречается в дальнейшем в ряде документов,[4] не получил, однако, широкого употребления в практике революционного законодательства рассматриваемого времени. Большинство важнейших по своему значению актов этого периода именуется декретами.[5] В их числе такие, как декреты о мире, о земле, об образовании Советского правительства, о печати, об уничтожении сословий и гражданских чинов, о суде, о национализации банков, о праве отзыва делегатов.[6]

В то же время декретами именовались не только документы, имевшие характер общеобязательных правовых норм, т. е. законов,[7] но и такие акты, как например распоряжения о назначении на какую-либо должность.[8] Параллельно этому для обозначения актов, представлявших общеобязательные правовые нормы, имело место употребление других терминов, самым распространенным из которых было «постановление».[9] Отсутствие устойчивой терминологии приводило к тому, что в то время как разнородные по содержанию документы имели иной раз одинаковые обозначения, однородные по своему содержанию акты именовались различно.

Выше были приведены в качестве примера случаи, когда акты о назначении на какую-нибудь должность назывались декретами. Такого же рода акты в других случаях именовались то приказами, то назначениями, то постановлениями.[10] Другим примером могут служить акты Совета Народных Комиссаров, связанные с ассигнованием денежных сумм, обозначавшиеся равно как декретами, так и постановлениями.[11] Аналогичным примером являются акты Совета Народных Комиссаров о конфискации имуще-

[3] Декреты Советской власти, т. I, № 21.

[4] Там же, №№ 58, 70, 72.

[5] Из 272 документов, помещенных в «Декретах Советской власти», за время от 25 октября 1917 г. по 18 января 1918 г. 104 названы декретами, что составляет 38,2% от общего их числа.

[6] Декреты Советской власти, т. I, №№ 11, 13, 14, 18, 52, 81, 85, 154.

[7] В одном из своих постановлений, принятых несколько позднее, в августе 1918 г., Совет Народных Комиссаров совершенно прямо указывал: «...объявить, что декреты Совета Народных Комиссаров обязательны для всех жителей Советской республики» (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 22, л. 56).

[8] Декреты Советской власти, т. I, стр. 586, 588, 590.

[9] Там же, №№ 7, 8, 10, 12, 15, 19, 20, 22, 28, *53,* 67, 68, 71 и др.

[10] См.: Декреты Октябрьской революции, т. I, №№ 22, 23, 60, 65 70 116, 119, 120, 135.

[11] Декреты Советской власти, т. I, №№ 124—126, 142, 161, 175, 176.

ства отдельных предприятий, большинство из которых именовалось декретами; [12] в то же время акты о национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры, о переходе Путиловских заводов в собственность Российской республики, о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества названы постановлениями.[13] «У нас, — писал по этому поводу П. Стучка, — с первого дня Октябрьской революции вошло в употребление слово *декрет в* самом общем смысле (декрет о мире, о земле, о суде и т. д.), как общее название для законов, но иногда встречалось и слово *постановление*».[14]

О сущности и особенностях первых декретов Советской власти неоднократно высказывался В. И. Ленин. Особую важность представляет характеристика их, данная В. И. Лениным в двух его „выступлениях на VIII и XI партийных съездах. В первом из них, в докладе о работе в деревне, сделанном 23 марта 1919 г., говорится, что изданные Советским правительством декреты намечали путь к социализму и имели своей задачей «научить практическим шагам те сотни, тысячи и миллионы людей, которые прислушиваются к голосу советской власти». Здесь же В. И. Ленин отметил другую важную особенность декретов: «Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды». Именно поэтому первые советские декреты В. И. Ленин называл инструкциями, зовущими к массовому практическому делу.[15] Второй раз В. И. Ленин подробно охарактеризовал декреты в политическом отчете Централь • ного комитета, сделанном 27 марта 1922 г. на XI партийном съезде. В этом выступлении еще раз было подчеркнуто чрезвычайное значение их как формы пропаганды идей социалистической революции. «У нас была полоса, — указал В. И. Ленин, — когда декреты служили формой пропаганды». И далее пояснял: «. . .эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте».[16]

Ленинскую характеристику декретов подтверждает оценка роли и значения их, имеющаяся в письмах ЦК РСДРП(б) этого

[12] Там же, №№ 196, 204, 208, 216—219 и др.
[13] Там же, №№ 74, 158, 198.
[14] П. Стучка. Закон. В кн.: Энциклопедия государства и права, т. I, вып. 2. М., 1925, стлб. 1149.
[15] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 198—199.
[16] Там же, т. 45, стр. 111.

времени, адресованных местным партийным организациям. В них прямо указывалось на необходимость руководствоваться декретами Совета Народных Комиссаров. Так, в письме от 7 декабря говорится: «Если же Вам нужно знать линию ЦК, то рекомендуем Вашему вниманию все декреты Совета Народных Комиссаров, так как они проводят в жизнь программные вопросы нашей партии».[17]

Итак, как видим, первые декреты представляли собою особую форму советского законодательства. Они одновременно являлись революционными законами, намечавшими вехи в строительстве основ социализма, и важнейшей формой пропаганды его идей. Выражая политику Советской власти, они были направлены на то, чтобы завоевать доверие и вызвать «живое творчество масс», которое, как указывал В. И. Ленин, являлось основным фактором новой общественности.[18]

* * *

Первые декреты явились выражением основных мер Советской власти по проведению в жизнь выработанной большевистской партией и законодательно провозглашенной II Всероссийским съездом Советов программы обеспечения победы Октябрьской революции и строительства в России основ социализма. Наряду с этим издание их во многом определялось живой практикой борьбы за победу социалистической революции, той весьма сложной обстановкой, в которой оказалась молодая Советская республика.

Главным инициатором издания декретов был В. И. Ленин, который выступал в Совете Народных Комиссаров с предложениями и проектами по самым различным вопросам государственной политики. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечала, что в период пребывания Совета Народных Комиссаров в Петрограде В. И. Ленин работал «усиленно над декретами, которые ложились в основу вновь создаваемого советского государства».[19]

В. И. Лениным собственноручно написаны проекты многих важнейших законодательных актов Советской власти, начиная с выразивших существо Великой Октябрьской социалистической революции декретов II Всероссийского съезда Советов: обращения съезда о победе Октябрьской революции и ее ближайших задачах, декретов о мире, о земле, об образовании Рабочего и Крестьянского правительства.

[17] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917—февраль 1918 г.). М., 1957, ст. II, стр. 81—82; см. также: стр. 78—79 и др.

[18] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 57.

[19] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 341.

[20] Декреты Советской власти, т. I, №№ 6, 11, 13, 14. Подробнее об истории создания и опубликования ленинского декрета «О земле» см. приложе-

На одном из первых же своих заседаний, 27 октября, Совет Народных Комиссаров, рассмотрев предложение совещания руководящих работников профсоюзов и Центрального совета фабзавкомов по вопросу о введении рабочего контроля в промышленности, принял за основу правительственного законопроекта написанный В. И. Лениным «Проект положения о рабочем контроле».[21] 11 ноября В. И. Ленин пишет проект постановления о работе по организации Высшего экономического совещания, что явилось одним из первых мероприятий Советского правительства по созданию Высшего совета народного хозяйства.[22] Эти ленинские документы вместе с подготовленными им проектами декрета о национализации банков[23] и постановления об организации ВСНХ комиссии практиков, которой поручалось «собирать от всех ведомств, учреждений и организаций заказы на полезные продукты, передача этих заказов безработным и закрываемым заводам, проверка того, насколько представление этих заказов и выполнение их проводятся в жизнь»,[24] представляют собой одни из главнейших первоначальных шагов Советской власти по социалистическому переустройству экономики страны.

Для выполнения выдвинутых II Всероссийским съездом Советов задач необходимо было создать и всячески укрепить Советское государство. Вполне понятно поэтому, что именно В. И. Ленин явился автором и инициатором издания ряда важнейших актов, направленных одновременно на окончательный разгром контрреволюции и повсеместное укрепление Советов как государственной власти, как органов диктатуры пролетариата.

9 ноября 1917 г. в связи с отказом генерала Духонина выполнять предписания Советского правительства Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин отправил радиограмму армии и флоту об увольнении Духонина от исполнения обязанностей Верховного главнокомандующего.[25] В это же время (не позднее 10 ноября) В. И. Ленин направляет Военно-Революционному Ко-

ние к настоящей работе. О ленинском декрете «О мире» и издании Советом Народных Комиссаров в 1917 г. секретных договоров империалистических государств, явившемся одним из самых первых шагов по реализации этого декрета, см.: М. П. Ирошников. Опубликование Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных дипломатических документов. «Археографический ежегодник за 1963 год», М., 1964.

[21] В. И. Ленин. .. Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 167; Декреты Советской власти, т. I, № 58; Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров, стр. 118—120; А. В. Лазарев. Из истории разработки ленинского декрета о рабочем контроле. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 134—135.

[22] Декреты Советской власти, т. I, № 53. О некоторых обстоятельствах издания этого декрета см.: В. Оболенский. Из первых дней Высшего совета народного хозяйства. «Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 14.

[23] Там же, № 154.

[24] Там же, № 157.

[25] Там же, № 45.

митету предписание «О принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа», так как для достижения окончательной победы революции и нормализации положения в стране чрезвычайно важно было подавить всевозможных саботажников и спекулянтов — прямых пособников контрреволюции.[26]

Большое значение для укрепления власти Советов на местах имело опубликование 24 ноября 1917 г. написанного В. И. Лениным декрета «О праве отзыва делегатов»,[27] согласно которому избиратели получали право отзыва своих представителей из любых выборных учреждений (в том числе и Учредительного собрания), если они не окажутся подлинными выразителями интересов трудящегося населения. Этот декрет существенно помог революционным массам по всей стране очистить Советы от контрреволюционных и соглашательских элементов.

Другие ленинские документы — декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции», постановление «О признании контрреволюционными попыток со стороны кого-либо или каких-либо учреждений присвоить себе функции государственной власти» и декрет «О роспуске Учредительного собрания» [28] — сыграли особую роль в деле борьбы с контрреволюционными силами. Внесенный В. И. Лениным 28 ноября после обсуждения правительством вопроса о текущем моменте проект декрета «Об аресте вождей гражданской войны против революции» был вызван попыткой контрреволюционеров захватить Таврический дворец и явочным путем открыть Учредительное собрание. Этот декрет и упомянутое выше постановление, принятое 3 января 1918 г., явились достойным ответом Советской власти на развязанные контрреволюционными силами мятежи в различных областях России и создание в этих районах разного рода белогвардейских «правительств». Непосредственным поводом к написанию В. И. Лениным декрета «О роспуске Учредительного собрания», принятого *6* января 1918 г., послужил отказ контрреволюционного большинства его признать власть Советов и принять предложенную фракцией большевиков «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Актами, направленными на слом старой буржуазной государственной машины и создание нового советского аппарата управления, также явились написанные и внесенные в СНК В. И. Лениным декрет «Об упразднении канцелярии Временного правительства» и постановление «О размерах вознаграждения народных комиссаров и понижении жалования высшим служащим и чиновникам».[29]

[26] Там же, № 51.
[27] Там же, № 81.
[28] Там же, №№ 111, 215, 221.
[29] Там же, №№ 76, 159.

Образец осуществления национальной политики Советской власти представляют собой три ленинских документа, посвященных чрезвычайно важному для Советской республики вопросу взаимоотношений с украинским народом и Центральной радой. Это — манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Центральной раде, постановление об открытии переговоров с Радой, постановление по поводу ответа Центральной рады на предложение Совета Народных Комиссаров о переговорах.[30]

Особое место среди декретов, созданных лично Председателем Совета Народных Комиссаров, занимают обращения и воззвания к народным массам, революционному творчеству которых В. И. Ленин придавал огромное значение. В рассматриваемый период В. И. Ленин неоднократно выступает с воззваниями к трудящемуся населению, в которых разъяснялись все основные мероприятия Советской власти и указывались пути к их практическому осуществлению на местах. В числе таких документов можно назвать радиограмму Председателя Совета Народных Комиссаров об образовании Советского правительства, о борьбе с контрреволюцией и о принятых декретах; ответ Председателя СНК на запросы крестьян о переходе власти к Советам и о задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов; обращение Председателя СНК к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах.[31]

Обобщением опыта социалистических преобразований за первые два с половиной месяца деятельности Советской власти явилось создание В. И. Лениным «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая стала первым основным законом победившего пролетарского государства.[32] Утвердивший ее 12 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов постановил: «Съезд видит в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой ЦИК, выражение подлинной воли трудящихся классов России».[33] В соответствии с решением съезда расклеить «Декларацию» на всех заводах, фабриках, в волостях и деревнях и прочесть во всех частях армии и флота, в Петрограде была напечатана массовым тиражом в 100 тыс. экз. афиша с текстом этого исторического документа, расклеенная по всем улицам революционной столицы.[34]

[30] Там же, №№ 121, 179 и 207.

[31] Там же, №№ 24, *35, 36.*

[32] В дальнейшем V Всероссийский съезд Советов, принявший первую советскую Конституцию, постановил 10 июля 1918 г., что вместе с ней «Декларация» составляет единый основной закон РСФСР.

[33] «Известия», № 10(274), 14 января 1918 г.; «История советской Конституции 1917—1957 гг.». Сб. документов. М., 1957, стр. 46.

[34] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 15, д. 43, л. 18.

Всего за период с 25 октября 1917 г. по 18 января 1918 г. (в этот день, как известно, закончил свою работу III Всероссийский съезд Советов) В. И. Ленин написал 32 проекта декретов Советской власти, посвященных центральным вопросам государственного и хозяйственного строительства.[35] Он явился также автором многочисленных решений и постановлений Совета Народных Комиссаров, принятых по самым различным вопросам, обсуждавшимся на заседаниях правительства. Когда, как свидетельствует Е. К. Кокшарова, «. . .Ленин председательствовал, то, хотя бы и не он подписывал протокол, все равно все решения сформулированы им обязательно; так что авторство его несомненно».[36] Эти ленинские документы, к сожалению, сохранились только в протокольной записи заседаний Совета Народных Комиссаров, так как В. И. Ленин не писал их сам, а диктовал секретарям СНК.[37] За рассматриваемый период сохранилось также 17 проектов декретов и постановлений, в которые В. И. Лениным внесены поправки и дополнения. Как Председатель Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленин с 25 октября 1917 г. по 18 января 1918 г. подписал или утвердил (включая постановления СНК о назначениях, увольнениях и об ассигнованиях) 246 различных правительственных актов.[38]

В ряде случаев, выступая инициатором издания декрета, В. И. Ленин поручал написание текста его проекта кому-либо из членов Совета Народных Комиссаров. В этом отношении весьма показательной является история создания декрета о государственной монополии на объявления. О необходимости введения Советской властью монополии на частные объявления В. И. Ленин говорил в своем выступлении на заседании ВЦИК 4 ноября во время обсуждения декрета Совета Народных Комиссаров о печати.[39] После этого выступления В. И. Ленин поручил А. В. Луначарскому написать проект декрета, весь текст которого был им в дальнейшем тщательнейшим образом выправлен и затем подписан.[40] Другим подобным примером является поручение В. И. Ленина образованной Советом Народных Комиссаров комиссии «вести работы по организации Высшего экономического совещания» и по подготовке проекта декрета о Высшем совете народного хозяйства.[41]

[35] Подсчет произведен по материалам т. I «Декретов Советской власти».

[36] Стенограмма, л. 9.

[37] Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 311. См. об этом также: Э. В. Клопов, ук. соч., стр. 15.

[38] Подсчет произведен по материалам т. I «Декретов Советской власти».

[39] Протоколы ВЦИК, стр. 26.

[40] Ленинский сборник, XXI, стр. 102—104; Декреты Советской власти, т. I, № *39*.

[41] См.: М. Савельев. Из истории возникновения ВСНХ. «Экономическая жизнь», 6 ноября 1918 г., № 1; В. Чубарь. Октябрьские дни 1917 г.

Иногда кому-либо из членов правительства или комиссии (с указанием ее состава) разработка текста декрета поручалась по инициативе Совета Народных Комиссаров. В качестве примеров такого рода инициативы можно привести решения СНК о поручении Д. П. Боголепову совместно со всей финансовой коллегией разработать проект декрета о расширении эмиссионного права (принято 16 ноября) и о предложении А. Е. Аксельроду составить к следующему заседанию проект декрета о штатах в правительственных учреждениях (принято 24 ноября).[42]

Широкое применение получили предусмотренное декретом 30 октября внесение в СНК предложений об издании декретов и первоначальное составление проектов их народными комиссарами. Осуществляя основные принципы национальной политики Советской власти, с проектами таких важных документов, как Декларация прав народов России, Обращение к трудящимся — мусульманам России и Востока, выступает возглавлявшийся И. В. Сталиным Народный комиссариат по делам национальностей.[43]

Проект одного из первых актов Советской власти в деле организации народного просвещения — декрета об учреждении Государственной комиссии по просвещению — был внесен наркомом по просвещению А. В. Луначарским и фактически являлся частично полным повторением, частично изложением его же обращения к «Гражданам России», опубликованного сразу же после победы революции в «Правде».[44] По инициативе А. В. Луначарского СНК 11 декабря принимает декрет, согласно которому дело воспитания и образования молодежи отныне сосредоточивалось в Народном комиссариате по просвещению.[45]

Интенсивную деятельность, направленную на сокрушение помещичье-буржуазного господства и установление основ социалистической экономики, с первых дней революции осуществлял Народный комиссариат финансов во главе с В. Р. Менжинским. Одним из начальных мероприятий в этой области явилось постановление СНК за подписями В. И. Ленина и В. Р. Менжинского о возобновлении деятельности банков.[46] А 25 ноября по докладу народного комиссара финансов Советским правительством принимаются декреты об упразднении Государственного дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков и об упразднении Совета министра финансов.[47]

«Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 24; Декреты Октябрьской революции, т. I, №№ 34 и 123, прим.; Декреты Советской власти, т. I, № 53, прим.

[42] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, лл. 4 об., 15.

[43] Декреты Советской власти, т. I, №№ 29, 80.

[44] «Правда», № 174, 31 октября 1917 г.; Декреты Советской власти, т. I, № 43. См. также: Декреты Октябрьской революции, т. I, № 26, прим.

[45] Декреты Октябрьской революции, т. I, № 147, прим.

[46] Декреты Советской власти, т. I, № 22.

[47] Там же, №№ 100 и 103,

Коллегией по военным и морским делам были внесены в СНК проекты декретов об уравнении всех военнослужащих в правах и о выборном начале и об организации власти в армии, которые после принятия их правительством 16 декабря явились одними из самых первых декретов, направленных на создание новой рабоче-крестьянской армии Советской республики.[48]

В случае необходимости к поступавшим в Совет Народных Комиссаров из народных комиссариатов проектам декретов и постановлений прилагались пояснительные или докладные записки, а также другие подобного рода материалы (справки, переписка и т. п.).[49] К проектам декретов в ряде случаев также прилагались заключения заинтересованных в решении поставленного вопроса ведомств; это делалось, в частности, и путем заключения на самом тексте проекта, например, «Согласен», «Возражений не встречаю» и т. п.[50]

Большое значение имела также инициатива с мест, выражением которой часто бывали многочисленные телеграммы, письма, запросы и просьбы, поступавшие в Совет Народных Комиссаров от собраний, общественных и национальных организаций, воинских частей, учреждений и отдельных лиц, а также предложения делегаций и представителей различных кругов населения. Особое место среди адресованной в Совет Народных Комиссаров и его Председателю В. И. Ленину корреспонденции занимают письма трудящихся — рабочих и крестьян. В этих письмах, выражавших доверие и поддержку масс первому рабоче-крестьянскому правительству, содержались самые различные мысли и предложения, во всех случаях направленные на всемерное укрепление власти

[48] Там же, №№ 167 и 168. Докладывал проекты этих декретов (они стояли пп. 10 и 11 повестки дня заседания) Н. В. Крыленко. См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 42.

[49] Так, декрет 21 ноября об увеличении пенсий пострадавшим от несчастных случаев, явившийся вместе с положением ВЦИК и СНК от 11 декабря о страховании на случай безработицы и декретом от 22 декабря о страховании на случай болезни одним из первых актов Советской власти, направленных на улучшение материального положения трудящихся, рассматривался на основании поступившей в Совет Народных Комиссаров докладной записки заведующего Отделом социального страхования Наркомтруда А. Винокурова. Записка была опубликована 21 ноября в № 221 «Известий» вместе с текстом декрета (см. об этом: Декреты Октябрьской революции, т. I, № 21, прим.). Подобным же образом был издан декрет о пенсионном обеспечении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, командированных на работу в предприятия (см.: там же, № 25, прим.). Справочные материалы были, например, представлены к заседанию СНК 4 декабря, на котором обсуждался декрет об отпуске 448 000 руб. для выплаты заработной платы рабочим Гостипографии (см.: там же, № 128, прим.).

[50] Такого рода заключения имеются, например, на тексте проекта декрета об отпуске 200 млн руб. кредитов в распоряжение междуведомственной комиссии для выдачи займов городам и земствам (см.: Декреты Советской власти, т. I, № 176-а).

Советов.[51] Показательна история создания «Ответа» Председателя Совета Народных Комиссаров на запросы крестьян о переходе власти к Советам и задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов, написание которого В. И. Лениным было вызвано просьбами крестьянских ходоков и многочисленными письмами с мест. Помимо опубликования в газетах, текст «Ответа», отпечатанный на машинке, за собственноручной подписью В. И. Ленина выдавался вплоть до января 1918 г.[52] всем обращавшимся в Совет Народных Комиссаров делегациям и представителям крестьянства.[53] Впоследствии «Ответ» был также переиздан под новым заголовком — «Инструкция крестьянам».[54]

В целом ряде случаев сообщения с мест об отказе капиталистов и финансово-промышленных объединений признать Советскую власть и выполнять декрет СНК о введении рабочего контроля над производством соответственно повлекли за собой издание Советским правительством декретов о национализации или конфискации их имущества.[55] Первым из таких актов явилось известное постановление СНК 17 ноября о национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры (Владимирская губ.).[56] Незадолго до этого, в середине ноября, В. И. Ленин принял рабочих этой фабрики И. С. Морозкина и А. Тимофееву и беседовал с ними о положении на фабрике и о необходимости ее национализации в связи с попыткой фабриканта Смирнова закрыть фабрику.[57] Позднее, в декабре 1917 г., были опубликованы декреты о конфискации имущества акционерных обществ Бого-

[51] См.: Е. П. Подвигина. Первые дни работы Совета Народных Комиссаров, стр. 125—128.

[52] См.: И. И. Варжо. К вопросу об источниках по истории советской аграрной политики 1917—1918 гг. «Проблемы источниковедения», т. V, 1956, стр. 7.

[53] Декреты Советской власти. т. I, № *35,* прим. Небезынтересно также отметить, что с этим ленинским документом связан, в частности, и один примечательный эпизод, наглядно показывающий, какое весьма приблизительное представление имели первые сотрудники аппарата СНК о самых простейших приемах повседневной канцелярной работы. «Я понятия не имел о канцелярском деле, — вспоминал впоследствии Н. П. Горбунов, — и пометил эту бумагу входящей (см. стр. 125), так как получил ее от Владимира Ильича, в то время как ее нужно было по канцелярским правилам зарегистрировать исходящей, как письмо Правительства к крестьянам» (Ленинский сборник, IV, стр. 350).

[54] См.: И. И. Варжо, ук. соч., стр. 13.

[55] Так, в письме делегатов Симского горного округа в Совет Народных Комиссаров от 7 декабря 1917 г., сохранившемся в материалах к протоколу СНК № 22, в частности, говорится: «. . .мы просим Народных Комиссаров дать нам возможность заставить правление признать контроль фабрично-заводских комитетов или в противном случае дать право реквизировать все дела правления, если этого потребуется, и ареста его» (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. *3).*

[56] Декреты Советской власти, т. I, № 74.

[57] В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № *3,* стр. 152. Подробнее об истории издания этого постановления см.:

словского, Сергинско-Уфалейского, Кыштымского горных округов Урала, акционерного Симского общества горных заводов и постановление о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества.[58]

Ограничимся указанием еще двух примеров проявления в это время инициативы с мест, реализованной в актах Совета Народных Комиссаров. Так, многочисленные обращения в СНК, содержавшие просьбы об оказании финансовой помощи, имели своим результатом издание Советским правительством как конкретных постановлений об ассигновании различных сумм на те или иные нужды,[59] так и издание общего характера декрета о порядке субсидирования центром местных Советов.[60] А в ответ на письменную просьбу Краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа от 4 декабря о передаче мусульманам уникального экземпляра «священного корана Омана», хранившегося в Государственной Публичной библиотеке, через день, 6 декабря, Председателем СНК и народным комиссаром по делам национальностей было дано распоряжение о немедленной выдаче упомянутого экземпляра корана, которое затем, 9 декабря, было подтверждено специальным постановлением Совнаркома.[61]

* *
*

При рассмотрении внесенного в повестку заседания Совета Народных Комиссаров вопроса, и в том числе проекта декрета, как для докладчиков, так и для выступавших в прениях В. И. Лениным, председательствовавшим на заседаниях правительства, был установлен жесткий регламент (им давалось, соответственно, не более 5 и 3 минут). «„Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело", — говорил, по свидетельству старого члена большевистской партии Н. Л. Мещерякова, Владимир Ильич. Поэтому Ленин всегда держал в левой руке часы... По отношению к своим речам Владимир Ильич был также суров: и их он сокращал до установленного регламентом времени».[62] При протоколах СНК сохранилось большое количество листков со сделанными В. И. Лениным записями

В. Петрова. Ликинские текстильщики. В кн.: За власть Советов. Изд. «Московский рабочий», 1957, стр. 423—424.

[58] Декреты Советской власти, т. I, №№ 130, 135, 158, 195, 196.

[59] Таковы, например, декреты о выдаче Совету районных дум г. Москвы ссуды в 20 млн руб.; об отпуске 450 тыс. руб. для выдачи пособий населению Кременчугского уезда, пострадавшего от наводнения; об отпуске кредита на содержание временной канцелярии Учредительного собрания (Декреты Советской власти, т. I, №№ 97, 104, 175; см. также: №№ 98, 176 и др.).

[60] Декреты Советской власти, т. I, № 78.

[61] Там же, № 136, прим.; Новые документы В. И. Ленина, стр. 13—14.

[62] Н. Л. Мещеряков. Из воспоминаний о Ленине. «Печать и революция», кн. 2, 1924, стр. 12—13.

фамилий участников заседаний и пометками против каждой из них о времени начала и конца выступления.[63]

«При Ленине в Совнаркоме было дельно и оживленно, — пишет в своих воспоминаниях А. В. Луначарский. — Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту».[64]

Председательствование в Совнаркоме было для В. И. Ленина большой и напряженной работой. Как вспоминала А. И. Елизарова, «он вел собственно во время одного заседания два или три».[65] Внимательно слушая докладчиков и выступавших в прениях, В. И. Ленин тут же на заседаниях СНК успевал прочитывать и принимать решения по различным документам, писать свои маленькие записочки,[66] в которых советовался с участниками заседаний, запрашивал их мнение, делал предложения и указания, касавшиеся обсуждавшихся и других вопросов. Чрезвычайно удачную характеристику исключительно интенсивной деятельности В. И. Ленина во время заседаний ЦК РСДРП(б), в равной степени относящейся к его работе в качестве председательствующего на заседаниях СНК, приводит в своих воспоминаниях Е. Д. Стасова: «Во время заседаний происходил большой обмен записками. Владимир Ильич умел раздваивать и даже разтраивать свое внимание; следил за временем, записывал что нужно для заключения и обменивался записками с присутствующими».[67] И можно только присоединиться к тому, что совершенно справедливо отметил в своих воспоминаниях Н. Л. Мещеряков: «Была сделана колос-

[63] См. об этом: И. В. Загоскина и Ю. А. Ахапкин. В. И. Ленин — глава первого Советского правительства, стр. 41.

[64] А. В. Луначарский. Ленин в Совнаркоме, стр. 351. См. также об этом: Л. А. Фотиева. Как работал В. И. Ленин, стр. 254, 257; В. Миллер. Председатель Совнаркома. Из воспоминаний участников Октябрьской революции. «Новый мир», 1958, № 11, стр. 168.

[65] А. И. Елизарова. Страничка воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнаркоме, стр. 88—89.

[66] Разговаривать на заседаниях Совета Народных Комиссаров не разрешалось, и В. И. Ленин строго следил за точным соблюдением установленного в работе Советского правительства порядка. Известна, в частности, собственноручная записка В. И. Ленина по этому вопросу, адресованная секретарю СНК Л. А. Фотиевой: «Вас не „забили", а слишком с Вами мягки. 1) Возьмите подписку со всех секретарей, что во *время заседаний* СНК только записки подавать, а разговаривать запрещено. 2) Повесьте такое же объявление в секретарской» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 54).

[67] Е. Д. Стасова. Доклад о деятельности В. И. Ленина в 1917—1918 гг. в Ленинградском филиале музея им. В. И. Ленина 17 апреля 1947 г. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 122, л. 83.

сальная ошибка, что в Совнаркоме не стоял фонограф и не присутствовала стенографистка, чтобы записывать речи Ленина. Стенографировались только его большие речи на больших собраниях. Между тем эти маленькие речи по три-пять минут были очень блестящими речами, полными содержания; в них Ленин часто вкладывал больше того, что он вкладывал в большую речь. Если бы все это записывалось, то мы имели бы богатую сокровищницу. Но все это пропадало, а вспоминать эти многочисленные речи, конечно, нет никакой возможности. Такая же судьба постигла его записки, которых он писал множество. Эти записки или тут же разрывались, по старой конспиративной привычке, или клались в карман и там затирались, или просто терялись. Большая часть записок, к сожалению, потеряна».[68]

Организованность и строгий деловой порядок в работе руководимого В. И. Лениным Совнаркома неизменно сочетались со свободной, товарищеской обстановкой, в которой проходили заседания правительства. Каждый из присутствовавших на этих заседаниях, будь то народный комиссар или приглашенный по какому-либо вопросу, вносил свой посильный вклад в дружное коллективное решение Совнаркомом обсуждавшихся вопросов. Н. А. Семашко, оставивший яркое описание того, как своеобразно и умело В. И. Ленин вел заседания Совета Народных Комиссаров, писал об этом следующее: «Во время дебатов Владимир Ильич любил прислушиваться, „что скажут другие". Внимательно, прищурив один глаз и сверля другим, он пристально слушал оратора, неумолимо одергивая многословных. Иногда охотников выступать по какому-нибудь докладу не находилось. Тогда Владимир Ильич любил „вызывать" ... И потом как председатель резюмировал.

«В этом резюме тоже было нечто чрезвычайно характерное и замечательное. Обычно многие председатели „обкрадывают" ораторов: у одного возьмут одно, у другого — другое и вносят предложения, могущие объединить возможно большее число участников. У Ленина выходило не так: он давал не компромиссную, а резкую и определенную установку. И речи ораторов давали ему материал лишь для большей аргументации его *предложения*».[69]

По единодушным свидетельствам Председатель СНК никогда не навязывал участникам заседания правительства своего мнения, неизменно следовал принципу коллективности руководства. Как вспоминал Г. И. Петровский, «Ленин был для нас высшим авторитетом, но он всегда поощрял инициативу каждого работника, отстаивавшего свою точку зрения. Каждый из нас знал, что Владимир Ильич всегда внимательно выслушает его и признает его правоту, если он обоснует свою точку зрения неопровержимыми

[68] Н. Л. Мещеряков, ук. соч., стр. 13.
[69] Н. А. Семашко. Ильич ведет заседание. «Известия», № 38, 14 февраля 1960 г.

аргументами».[70] Скромность В. И. Ленина, его внимательное отношение к мнению других членов СНК при решении обсуждавшихся вопросов и формулировании принимавшихся по ним постановлений отметил также в своих воспоминаниях А. В. Луначарский. «Хотя в Совнаркоме было много первоклассных светлых голов, — писал он, — но Ленин обыкновенно быстрее других прорабатывал все вопросы и приходил к законченному решению. Однако в этом не было ни малейшего стремления, так сказать, искусственно проявить свое первенство. Если кто-либо предлагал подходящее решение, Ленин быстро схватывал его целесообразность и говорил: „Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказанулось„».[71]

Большинство проектов декретов рассматривалось в целом, значительно меньшая часть их — по статьям проекта. Характерным примером последнего рода может служить рассмотрение и принятие СНК 22 ноября «по пунктам» декрета о революционном суде № 1.[72] В качестве другого примера можно привести принятие СНК «по пунктам» декрета о роспуске Учредительного собрания.[73]

Огромную работу по исправлению и редактированию проходивших через Совет Народных Комиссаров декретов проделал его председатель — В. И. Ленин. Во всех случаях правка В. И. Ленина была направлена на усиление роли Советов как органов диктатуры пролетариата. Так, в проект декрета об отпуске 200 млн руб. кредитов в распоряжение Междуведомственной комиссии для выдачи займов городам и земствам, принятого 18 декабря 1917 г., им внесена новая статья (п. 4 декрета) о том, что органы местного самоуправления при постановке вопроса о кредитовании обязаны представлять «заключение местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Этим подчеркивалось особое положение Советов, являвшихся единственной руководящей властью на местах.[74] В другом декрете о выдаче Совету районных дум г. Москвы ссуды в 20 млн руб., изданном 24 ноября, в ст. 2 первое из слов: «предписывается выдать Совету» — было написано В. И. Лениным вместо зачеркнутого им «разрешается».[75]

Примечательна история выработки окончательного текста декрета о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа, единогласно принятого Советом Народных Комиссаров 6 декабря. Проект этого декрета (его текст написан П. И. Стучкой, с припиской А. Г. Шляпникова) В. И. Ленин дополнил заключительным абзацем: «Порядок управления делами общества в Петрограде и условия передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных

[70] Г. И. Петровский. Великое начало, стр. 30.
[71] А. В. Луначарский, ук. соч., стр. 352.
[72] Декреты Советской власти, т. I, № 85, прим.
[73] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 41, лл. 2—3.
[74] Декреты Советской власти, т. I, № 176.
[75] Там же, № 97.

Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений будут определены особыми постановлениями народного комиссара торговли и промышленности».[76] Это существенное дополнение В. И. Ленин написал, по-видимому, в ходе обсуждения проекта декрета на отдельном листке, представлявшем собой одну из деловых записок, которые, как уже отмечалось выше, Председатель СНК в большом количестве получал обычно во время заседаний правительства.[77] Ленинская поправка оказалась исключительно удачной: внесенный им в проект декрета новый текст, установивший, что распоряжение конфискованными предприятиями будет осуществляться Советской властью в лице ее местных и центральных органов, в неизменной редакции стал обязательной частью почти всех выходивших впоследствии аналогичных актов.

Поправки Ленина всегда выделяли политическую сущность и значение первых советских декретов. Одним из ярких примеров этого является работа В. И. Ленина над текстом написанного по его поручению А. В. Луначарским проекта декрета «О введении государственной монополии на объявления». В. И. Ленин перередактировал деление текста проекта на пункты, оставив неизменными лишь 2 пункта из 9. Существенная вставка была им внесена в п. 1 проекта, по которой, кроме «печатания за плату объявлений в периодических изданиях печати, равно в сборниках и афишах», монополией государства объявлялась также «сдача объявлений в киоски, конторы и т. п. учреждения».[79] Пункт 2, устанавливавший, что печатание таковых объявлений может производиться только изданиями Советского правительства и местных Советов, был также дополнен В. И. Лениным, приписавшим следующее: «За печатание объявлений за плату не имеющие на это право газеты закрываются». Признав недостаточно решительными санкции (денежные штрафы до 5 и 10 тыс. руб.), предусмотренные проектом по отношению к владельцам периодических изданий и учреждений в случае нарушения ими положений декрета, В. И. Ленин вычеркнул их и внес свою поправку, предусматривавшую за нарушение государственной монополии на объявления значительно более суровую меру наказания — конфискацию всего имущества и тюремное заключение сроком до трех лет.

Следует заметить, что выправленный В. И. Лениным декрет вместе с тем обеспечивал интересы мелких собственников, вкладчиков и акционеров, которым при конфискации предприятий

[76] Там же, № 130; Декреты Октябрьской революции, т. I, № 134, легенда.

[77] Вот текст этой записки: «Тов. Ленин! Я звонил Подвойскому, но его в штабе не было, так что я не мог никому сообщить. Прошу разсмотреть и дать соответствующее распоряжение. Дежур. член Ликвидационной комиссии Военно-Револ. К-та Ильин» (см. стр. 131).

[78] Декреты Советской власти, т. I, №№ 135, 158, 196, 197.

[79] Там же, № 39-а.

полностью возвращались их вклады. Одновременно этим достигалась изоляция владельцев буржуазных газет и других указанных в декрете предприятий — представителей крупной буржуазии. В текст последнего пункта проекта, который в своем первоначальном виде предписывал печатным изданиям и тому подобным предприятиям в семидневный срок сообщить в Советы о своем местонахождении под страхом денежного штрафа до 5 тыс. руб., В. И. Лениным также внесены значительные дополнения, чрезвычайно заострившие характер декрета в целом.[80] Во-первых, фраза о сроке сдачи сведений — «не позже 7 дней со дня вступления в силу этого декрета» — была заменена одним решительным словом — «немедленно». И, во-вторых, В. И. Ленин, зачеркнув приведенную выше первоначальную санкцию, сделал важную приписку, обязывавшую все печатные издания и аналогичные предприятия (предусмотренные декретом) «приступить к сдаче дел и к сдаче объявлений под страхом наказаний, указанных в § 5». Напомним, что п. 5 в ленинской редакции предусматривал в качестве меры наказания конфискацию имущества и тюремное заключение сроком до 3 лет.

В другом случае к началу текста декрета об упразднении Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков (издан 25 ноября) В. И. Ленин приписал фразу, существенно дополнившую содержание и определившую место этого акта среди других декретов Советской власти: «Во исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений постановляется. . .».[81]

Показательным примером стремления В. И. Ленина придать законодательному документу особую классовую направленность является сделанная им приписка заключительного абзаца к тексту проекта декрета о введении всеобщей трудовой повинности по очистке снега в Петрограде и Петроградском железнодорожном узле: «В первую голову привлекаются к всеобщей трудовой повинности лица, не занятые производительным трудом».[82] Нельзя не отметить еще одну вставку В. И. Ленина в текст данного декрета. Речь идет о приписке к фразе «всеобщая повинность» слова «трудовая». В новой формулировке эта фраза была повторена В. И. Лениным и в приписанном им в конце текста абзаце, который был приведен выше.

Неоднократно В. И. Ленин существенно уточнял имевшуюся в проектах отдельных декретов (например, о Петроградском телеграфном агентстве, о введении всеобщей трудовой повинности по очистке снега) формулировку названия Советов рабочих и солдатских депутатов словом «крестьянских». Этим ленинским дополнением, носившим принципиальный характер и имевшим политическое значение, подчеркивался совершенно определенный харак-

[80] Там же, ст. 8.
[81] Там же, № 100.
[82] Там же, № 186-а.

тер Советской власти, основанной на прочном союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства.[83]

Исключительную важность, как известно, В. И. Ленин придавал разъяснительному значению декретов. Поэтому особое внимание при правке проектов декретов, рассматривавшихся Советом Народных Комиссаров, В. И. Ленин уделял тому, чтобы их содержание излагалось достаточно ясно и понятно. Подробность и популярность в изложении содержания, а также наличие введения, разъяснявшего населению цели и значение издаваемых актов, В. И. Ленин считал необходимыми качествами декрета. «Принимается Совнаркомом какой-нибудь декрет. Во время его редакции Ильич, — вспоминает С. Пестковский, — всегда весьма зорко следит за тем, чтобы декрет был ясен и недвусмыслен даже для малограмотного читателя».[84] Наиболее показательной в этом отношении представляется работа В. И. Ленина над текстом декрета об организации Рабоче-Крестьянской армии, принятого Советом Народных Комиссаров 15 января 1918 г. В. И. Лениным тщательно выправлены вводная часть и первые два раздела текста декрета.[86] Правка введения была начата В. И. Лениным с внесения существенного уточнения в имевшуюся в проекте характеристику старой армии как орудия «классовой борьбы в руках буржуазии». Выправив этот текст, В. И. Ленин дал определение старой армии как орудия «классового угнетения трудящихся буржуазией», ясно этим показав ее антинародную сущность и направленность.[87] Последующая ленинская правка вводной части декрета подчеркнула принципиальное отличие старой царской армии от новой рабоче-крестьянской армии, вопрос об организации которой встал сразу же после перехода власти к «трудящимся и эксплуатируемым классам» (написано В. И. Лениным вместо зачеркнутого им — «пролетариату и беднейшему крестьянству») и которая должна была явиться «оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии [первоначально было зачеркнутое В. И. Лениным — «регулярных войск»] всенародным вооружением в ближайшем [уточняющая вставка «в ближайшем» также сделана В. И. Лениным] будущем и послужить поддержкой для грядущей социалистической революции

[83] Там же, № 77, 186.

[84] С. Пестковский. Из воспоминаний о Ленине. «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 101—102.

[85] Декреты Советской власти, т. I, № 237. См. об этом: С. Н. Валк, ук. соч., стр. 3—4; А. Л. Фрайман. Ленинский декрет об организации Красной армии. (К истории издания и публикации). В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, стр. 100—109.

[86] Текст третьего раздела, установивший руководящие органы Красной армии — Совет Народных Комиссаров и созданную при Комиссариате по военным делам особую Всероссийскую коллегию, был оставлен В. И. Лениным без изменений.

[87] Декреты Советской власти, т. I, № 237-а, Введение.

в Европе». Исправления, внесенные в текст раздела I, касаются вопроса о составе и задачах Рабоче-Крестьянской Красной армии. В ленинской редакции текст данного раздела декрета превратился в яркую политическую характеристику Красной армии как армии нового типа, создающейся из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс. В отличие от первоначального текста, сводившегося к провозглашению принципа добровольности при вступлении в ряды Красной армии, выправленный В. И. Лениным текст указывал на главную особенность создаваемой армии — ее принципиально новый характер и назначение в обществе. Организация Красной армии означала создание армии, не только состоявшей из трудящихся, но и защищавшей их интересы, имевшей своей непосредственной задачей защиту «завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма». Важное смысловое значение для более правильной характеристики задач Красной армии имело внесение В. И. Лениным в только что приведенный текст слова «социализма», а также исправление бывшего ранее слова «завоеванной» в «завоевания».[88]

Правка раздела II также весьма показательна для В. И. Ленина, стремившегося в отдельных случаях опустить излишние подробности и заменить их четкой формулировкой общего характера. Распространенный текст с детальным перечислением различных видов обеспечения Советской властью нетрудоспособных членов семей солдат Красной армии В. И. Ленин заменил предельно лаконичным пунктом, особо подчеркнув роль в этом деле местных Советов: «Нетрудоспособные члены семей солдат Красной армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительским нормам, согласно постановлениям местных органов Советской власти».[89]

Подчеркивая политическую сущность и значение декретов, В. И. Ленин вместе с тем всегда добивался наиболее точной и правильной формулировки содержавшихся в них положений. Иногда это делалось путем замены одного выражения другим. Так, в разделе текста проекта об учреждении Комиссариата по местному самоуправлению, говорившего о передаваемых в распоряжение этого комиссариата учреждениях, В. И. Ленин вместо зачеркнутого им «передаются выделяемые» написал «подлежат передаче, по мере их выделения из комиссариата по внутренним делам».[90] В ряде случаев В. И. Ленин достигал цели, опуская часть текста или, наоборот, вставляя в него одно или несколько слов.[91]

[88] Там же, раздел I.
[89] Там же, раздел II.
[90] Там же, № 173-а.
[91] Так, редактируя текст проекта декрета о переводе стрелки часов, обсуждавшегося в СНК первоначально 16 ноября совместно с вопросами о реформе календаря и о введении метрической системы, В. И. Ленин опустил ту его часть, которая не имела прямого отношения к вопросу о переводе стрелки

В тех случаях, когда это было необходимо, В. И. Ленин вносил уточнения о том, кто является ответственным за проведение декрета в жизнь. Так, в тексте проекта декрета о конфискации имущества А. Путилова имеется его указание о том, что выполнение декрета возлагается на «нар[одны]х к[омисса]ров юстиции и финансов».

При рассмотрении в Совете Народных Комиссаров проектов декретов последние в ряде случаев передавались на обсуждение партийных фракций.[93] В практике рассмотрения СНК новых правительственных актов широкое применение получило направление их проектов для заключения соответствующим ведомствам, а также организация различных совещаний. Так, в протоколе СНК 11 декабря по докладу Я. М. Свердлова о казачьих декретах (п. 13 повестки заседания) читаем: «Поручить Народной комиссии по внутренним делам по обсуждении с представителями трудового казачества представить в СНК свое мнение».[94] Цели, которые преследовало Советское правительство, принимая такое решение, становятся особенно ясными при ознакомлении с вынесенной СНК незадолго до этого (30 ноября) резолюцией по поводу выработанных Казачьим отделом ВЦИК законопроектов об обеспечении экономических и политических интересов трудового казачества. В этой резолюции Совет Народных Комиссаров, одобрив инициативу Казачьего отдела и обещав свое всяческое содействие в деле издания законов, выражающих интересы трудового казачества, предложил ему «подвергнуть эти законопроекты обсуждению Советов казацких депутатов и других демократических организаций казачества, дабы создать твердые гарантии того, что указанные законопроекты вполне соответствуют интересам и воззрениям трудовых казацких масс».[95] Примером решения Совета

часов (см.: Декреты Советской власти, т. I, № 185-а). Примером второго порядка могут послужить приписанные В. И. Лениным к тексту проекта декрета о воспрещении продажи, заклада и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений три слова — «за время войны», которые совершенно определенно указали срок действия акта в отношении уже совершенных в прошлом сделок такого рода (там же, № 94-а). В другом аналогичном случае вставка В. И. Лениным слов «машины и» уточнила и расширила содержание статьи I декрета о монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными машинами и орудиями, в тексте которой ранее говорилось лишь об орудиях сельскохозяйственного производства (см.: там же, № 99).

[92] Декреты Советской власти, т. I, № 208-а.

[93] Например, 20 ноября с повестки заседания был снят доклад П. Стучки о проектах декретов о гражданском браке и о расторжении брака «ввиду передачи их на обсуждение партийных фракций» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 7). См. также: Декреты Советской власти, т. I, № 163, прим.

[94] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1. д. 1, л. 36; в другом случае, например при обсуждении в декабре проекта декрета о признании за фабрично-заводскими комитетами прав юридического лица, СНК постановил: «Передать на рассмотрение ЦФЗК-та» (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 29 об.).

[95] Декреты Советской власти, т. I, № 116.

Народных Комиссаров об организации совещания для более широкого рассмотрения проекта нового акта может послужить история разработки положения о Комитете по народному здравоохранению. По этому вопросу в протоколе СНК 18 ноября (п. 4 повестки заседания) записано: «Поручить подписавшим положение созвать совещание врачей-большевиков и левых социалистов-революционеров, а также и всех других, стоящих на позиции Совета гг. Петрограда и Москвы (можно и других городов) для обсуждения этого проекта положения. Срок полторы недели».[96]

Как правило, при признании невозможным принятия проекта в том виде, в каком он обсуждался на заседании, СНК передавал проект для его доработки авторам или комиссии, специально для этого создаваемой и состоявшей обычно из народных комиссаров, а также специалистов и представителей различных ведомств и организаций.[97] Для окончательной выработки текста правительственных актов особенно широко применялось создание различных комиссий. Задачи и компетентность комиссий, равно как и их численность и персональный состав, определялись в каждом отдельном случае правительством. В особых случаях создаваемые комиссии наделялись специальными полномочиями, и тогда последующего рассмотрения и утверждения проекта декрета СНК не требовалось. Так, 5 декабря, при обсуждении вновь вставшего вопроса о взаимоотношениях Советской власти и Украинской Центральной рады, Совет Народных Комиссаров решил поручить комиссии во главе с В. И. Лениным (образованной по украинскому же вопросу на заседании *3* декабря) «принять соответствующие меры по сношению со Ставкой и выпустить от имени СНК два воззвания — к украинскому народу и к солдатам». В решении далее говорилось: «Считать эту комиссию полномочной действовать от имени Совета Народных Комиссаров».[98]

Для окончательной выработки текста рассматривавшихся в Совете Народных Комиссаров проектов декретов, в которых были заинтересованы различные общественные организации, наркоматы и ведомства или в отношении которых между партийными фракциями, входившими в состав СНК и ВЦИК, имелись расхождения, создавались согласительные комиссии. Так, по докладу о штатах служащих правительственных учреждений (п. *3* повестки заседания 11 декабря) Совет Народных Комиссаров вынес следующее решение: «Поручить т. Боголепову составить согласительную комиссию из представителей комиссариатов Труда, Финан-

[96] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 5.

[97] Так, по внесенным в заседание правительства 13 декабря (п. 10 повестки дня) двум проектам декретов о спекуляции и борьбе с контрреволюцией Совнарком принял следующее решение: «Ввиду неразработанности представленных проектов передать их т. Бонч-Бруевичу для вручения их автору. Просить автора этих проектов пересмотреть их совместно с комиссаром юстиции и внести их вторично в СНК» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 37 об.).

[98] Декреты Октябрьской революции, т. I, № 125, прим.

сов, Профсоюза служащих в гос. учреждениях и представителя заинтересованного Союза низших служащих».[99]

Часто при рассмотрении СНК проектов новых правительственных актов последние передавались в комиссии для доработки отдельных вопросов по их содержанию,[100] а также для окончательного редактирования текста уже принятых проектов.[101] При необходимости для решения вопроса специального расследования фактических обстоятельств по делу Совнарком создавал следственные комиссии.

Как видим, Совет Народных Комиссаров далеко не всегда сразу принимал рассматривавшиеся им проекты декретов. В необходимых случаях вынесение постановления об утверждении проекта откладывалось, предварительное решение правительства направлялось на дальнейшую доработку текста проекта декрета (по его содержанию или редакционного характера).[104]

[99] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 35. С работой согласительной комиссии связано также принятие такого важнейшего акта Советской власти, как декрет о праве отзыва делегатов. В ходе обсуждения проекта декрета 21 ноября во ВЦИК с возражениями и поправками к ленинскому тексту выступили левый эсер Карелин, член левицы ППС Лапинский и объединенец-интернационалист Крамаров. Большинством голосов принимается решение «передать декрет в комиссию в качестве материала со всеми поправками». В состав комиссии вошло 7 человек, в том числе Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов, Г. И. Чудновский и др. После окончания заседания согласительной комиссии ВЦИК единогласно принял окончательный текст декрета, в котором были полностью сохранены основные ленинские формулировки (см.: Протоколы ВЦИК, стр. 72—74; Декреты Советской власти, т. I, № 81).

[100] Так, после обсуждения 18 ноября в СНК вопроса об обеспечении сельского хозяйства орудиями производства для его доработки была создана комиссия; после повторного обсуждения 25 ноября декрет был принят на этом же заседании (Декреты Советской власти, т. I, № 99, прим.).

[101] Например, 15 ноября после обсуждения проектов декрета о роспуске Петроградской городской думы и положения о выборах в Городскую думу Совет Народных Комиссаров утвердил их в принципе и передал в назначенную им же комиссию «для окончательного редактирования», а на другой день (16 ноября) на следующем заседании правительства оба эти акта, представленные комиссией в их окончательной редакции, получили официальное утверждение (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, л. 1; Декреты Советской власти, т. I, № 65).

[102] Например, по делу о передаче Временным правительством ряда судов отечественного торгового флота английскому адмиралтейству (на основе договора чартер-партии) была создана следственная комиссия во главе с П. Е. Дыбенко. Результатом ее работы явилось принятие СНК 24 ноября декрета о воспрещении продажи, заклада и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений (Декреты Советской власти, т. I, № 94, прим.).

[103] Вместе с тем необходимо отметить, что многие постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров были приняты именно таким образом (см.: Декреты Советской власти, т. I, №№ 76, 80, 89, 100 и др.). Без последующей доработки обычно принимались также предложения о назначении на какую-либо должность или увольнения с нее. См., например: Декреты Октябрьской революции, т. I, №№ 73, 74, 75, 120, 124, 143, 144, 180.

[104] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 1, 1 об., 3 об., 5 и др.

Принятие Советом Народных Комиссаров постановления об отсрочке рассмотрения проекта декрета иногда также имело место в связи с необходимостью уточнения или выяснения тех или иных обстоятельств по делу, отсутствием на заседании нужных для решения вопроса лиц или документов.[105] «Ставится на обсуждение какой-нибудь проект, — вспоминает С. С. Пестковский, — зоркий глаз Ильича всегда замечает, отсутствует ли представитель какого-нибудь заинтересованного ведомства. Если кто-нибудь отсутствует, вопрос обязательно откладывается, а Ильич распоряжается вызвать по телефону заинтересованных людей. Я не помню ни одного случая, чтобы какой-нибудь декрет или даже второстепенный вопрос разбирался в отсутствии кого-либо из заинтересованных».[106] Для вопросов, стоявших в повестке последними пунктами, отсрочка в их рассмотрении часто вызывалась нехваткоивремени.

Вынесением постановления о принятии (утверждении) проекта декрета заканчивалось рассмотрение его в Совете Народных Комиссаров.

Утвержденный Советским правительством текст декрета затем подписывался его Председателем В. И. Лениным. Принятие проектов декретов в качестве новых правительственных актов отражалось часто следующей записью в протоколах заседаний Совета Народных Комиссаров: «...предложенный проект декрета принять и утвердить как декрет».[109] Иногда В. И. Ленин делал пометку об утверждении проекта декрета на документе с текстом самого проекта,[110] — «Принято» или «Утверждено», и подписывался — иногда просто «Ленин» или «В. Ульянов (Ленин)»,[111] иногда — «Пред. Сов. Нар. Ком. В. Ульянов (Ленин)».[112]

Определенные особенности имело рассмотрение и принятие декретов в самые первые дни деятельности Совета Народных Комиссаров, когда многие из изданных правительственных актов не обсуждались на его заседаниях, а считались утвержденными по получении подписи Председателя СНК В. И. Ленина и кого-либо из народных комиссаров.[113] «Некоторые декреты, — вспоминает Н. Горбунов, — подписывались Владимиром Ильичем в тот

[105] См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 25, л. 27.
[106] С. Пестковский, ук. соч., стр. 101—102.
[107] См., например: Декреты Октябрьской революции, т. I, № 150, прим.; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, лл. 16, 25, 32. 40 об.
[108] Это осуществлялось, как правило, голосованием — простым большинством голосов присутствовавших народных комиссаров или их заместителей (см.: И. В. Загоскина и Ю. А. Ахапкин, ук. соч., стр. 41).
[109] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, лл. 20, 55—55 об.
[110] См.: Декреты Советской власти, т. I, №№ 77, 128, 164, 173, 175, 176, 185, 186, 192.
[111] Там же, №№ 77, 128, 175, 185, 192.
[112] Там же, №№ 164, 173, 186.
[113] Ю. Ларин. У колыбели, стр. 16—17.

период (имеется в виду время до второго запротоколированного заседания СНК, т. е. до 15 ноября, — *М. И.*) по соглашению с одним или двумя народными комиссарами, без заседания Совета Народных Комиссаров, так как его невозможно было в эти дни боев созывать».[114]

* * *

Утвержденный проект правительственного постановления подлежал опубликованию, после чего акт, как правило, вступал в силу.[115] Напомним, что в соответствии со статьями 1, 3 и 6 декрета 30 октября опубликование правительственных актов должно было осуществляться самим Советом Народных Комиссаров.

21 ноября Советское правительство приняло новое постановление, специально посвященное вопросу публикации декретов.[116] Оно было принято по докладу управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича «О порядке напечатания официального материала в Газете Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» (п. *3* повестки заседания) и состояло в следующем: «Порядок утвердить и довести его до сведения всех комиссаров и их секретарей».[117] К сожалению, изложение утвержденного порядка и в протоколах СНК, и в приложениях к ним отсутствует, хотя некоторые данные по этому вопросу имеются.

В фонде Совета Народных Комиссаров ЦГАОР среди копий декретов, постановлений и их проектов за период с 28 октября по 29 декабря 1917 г. сохранился законопроект,[118] составленный в Управлении делами СНК[119] и имеющий следующий подзаголовок: «К дополнению постановления Временного Рабочего и Крестьянского правительства о порядке утверждения и опубликования законов, напечатанном в Газете Временного Рабоче-Крестьян-

[114] Н. Горбунов. Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров, стр. 190.

[115] Кроме случаев, специально оговоренных в тексте самого декрета, когда срок вступления его в силу исчислялся с момента подписания или утверждения последнего. Так, например, в декрете о выдаче Совету Народных Комиссаров аванса в 25 млн руб. от 13 ноября 1917 г. специально оговаривалось, что он входит в силу немедленно, а в декрете об аресте вождей гражданской войны против революции от 28 ноября 1917 г. — что он входит в силу с момента его подписания (см.: Декреты Советской власти, т. I, №№ 55, 111).

[116] Четырьмя днями ранее, 17 ноября, В. И. Ленин утвердил декрет о вступлении в силу узаконений и распоряжений правительства с момента их опубликования в «Газете» (см.: Декреты Советской власти, т. I, № 72).

[117] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 12.

[118] Там же, д. 5, лл. 11—12.

[119] Напомним, что докладчиком 21 ноября в Совнаркоме вопроса о порядке напечатания правительственных материалов в «Газете» являлся управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич.

ского правительства в понедельник 30-го октября 1917 года (№ 2)». Вот текст этого интересного документа:

«1) В п. 3 постановления о порядке утверждения и опубликования законов после слов „народных комиссаров или за него" вставить „его заместителем", а также п. 3 читать так: „После утверждения правительством состоявшееся постановление в окончательной редакции подписывается именем Российской Республики Председателем Совета Народных Комиссаров или за него его заместителем, а также внесшим его на рассмотрение правительства народным комиссаром и публикуется во всеобщее сведение.

«2) Все законы, декреты, декларации и постановления, изданные именем Российской Республики, должны скрепляться управляющим делами Совета Народных Комиссаров и секретарем Управления.

«3) Подлинники законов, декретов, деклараций и постановлений, упомянутых в п. 2, должны передаваться для распубликования и хранения в Управление делами Совета Народных Комиссаров.

«4) Копии вышеупомянутых подлинников Управление делами за подписью секретаря Управления препровождает в редакцию газеты „Газета Вр. Рабочего и Крестьянского Правительства" для немедленного распубликования.[120]

«5) Приказы и прочие распоряжения, касающиеся отдельных ведомств, издаются соответствующими народными комиссарами. Подлинники этих приказов остаются в надлежащем министерстве, а засвидетельствованные копии с них, в количестве двух

[120] В материалах Совнаркома ЦГАОР, относящихся к концу 1917 г., имеется также документ, содержащий сделанное, по-видимому, в связи с этим соответствующее распоряжение В. Д. Бонч-Бруевича: «Тов. Горбунову! Все копии подписанных декретов необходимо представить в редакцию Газеты Временного правительства тов. Красикову или Таргулову» (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 46, л. 18). Как нам представляется, небезынтересно будет также привести имевший место в начале декабря 1917 г. обмен письмами между редакцией газеты «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России» и секретарем СНК Н. П. Горбуновым, из которого ясно видно стремление редакции данной газеты получать подобно «Газете» тексты декретов непосредственно из Управления делами СНК. Вот текст письма, адресованного канцелярии Совета Народных Комиссаров: «Настоящим имеем честь заявить, что приказы и все распоряжения Совета Народных Комиссаров мы считаем возможным печатать в газете „Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России" только в том случае, если таковые будут получаться нами из канцелярии Совета Народных Комиссаров за скрепою на то уполномоченного лица, а не по тем текстам, которые получаются нами через Бюро Печати при Совете Народных Комиссаров». В ответе Н. П. Горбунова говорится: «В ответ на Ваше письмо от 7 декабря с. г. сообщаем, что согласно Вашей просьбе материал будет готов два раза в день к 6-ти и 10-ти часам вечера, за которым просим присылать в канцелярию Совета Народных Комиссаров. Материал будет сдаваться за подписями и печатью Управления делами Совета Народных Комиссаров» (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 37, лл. 1—2).

экземпляров, препровождаются в Управление делами для распубликования и хранения.

«6) Все учреждения, согласно вышеозначенному, должны в самый короткий срок представить в Управление делами Совета копии [121] изданных приказов и распоряжений».[122]

Как видим, в п. 1 изменен ряд формулировок ст. 3 декрета 30 октября. Остальные пункты проекта дополняют его, подробно излагая порядок напечатания декретов и постановлений СНК в «Газете» (пп. 2—4), а также порядок публикации ведомственного характера актов народными комиссариатами (пп. 5—6). Распубликование правительственных материалов в «Газете» было, таким образом, возложено проектом на Управление делами Совета Народных Комиссаров.

Имеет ли данный «законопроект» отношение к приведенному выше постановлению Совета Народных Комиссаров 21 ноября? Нам кажется, что на этот вопрос можно ответить положительно. Об этом, в частности, свидетельствует небезынтересное, на наш взгляд, отношение за № 152, направленное в редакцию газеты «Правда» всего лишь через два дня (24 ноября) из Управления делами Совнаркома. «Уважаемые товарищи! — говорилось в этом отношении, — Декрет о суде был послан в конверте для напечатания в правительственной газете 24 XI с. г., между тем декрет этот появился в вечернем номере „Правды" 23 XI. Нас интересует вопрос, каким образом могла произойти замена адреса. Кроме того, не думаем, чтобы вам не было известно постановление, что „Правда" может печатать правительственные распоряжения только после опубликования их в правительственной газете или одновременно.

«Принимая во внимание все сказанное, просим Вас дать объяснение по поводу происшедшего и надеемся, что более этого не будет случаться, так как мы этим опубликованием были поставлены в крайне неприятное положение».

В условиях рассматриваемого времени для целого ряда актов СНК изготовление их беловых подлинников не имело места,[124] мы располагаем лишь утвержденными проектами.[125] В то же время для многих других правительственных декретов и постановлений

[121] Соответствующий документ, например, был послан 24 ноября из Народного комиссариата юстиции:

«В Совет Народных Комиссаров.
Канцелярия Совета. Смольный.

«Представляются для сведения три приказа народного комиссара юстиции.
«Заведующий канцелярией [подпись]» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 48).

[122] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 5, лл. 11—12.

[123] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 37, л. 6.

[124] См. об этом: Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. V.

[125] См., например: Декреты Советской власти, т. I, №№ 175, 176.

мы имеем как их проекты, так и надлежащим образом изготовленные подлинники.[126] С текста изготовленных подлинников или, если их не было, с утвержденных проектов снимались копии для печати, предназначавшиеся для последующего опубликования. Подготовленные копии для печати, как правило, имели подпись секретаря Совета Н. Горбунова, удостоверявшую правильность текста акта и его официальный характер.

Снятые с утвержденного Советом Народных Комиссаров проекта или изготовленного подлинника декрета копии для печати затем направлялись в Петроградское телеграфное агентство.[128] В соответствии с декретом правительства 18 ноября это агентство, находившееся, как и Бюро печати, при СНК, в Таврическом дворце,[129] объявлялось «Центральным информационным органом при Совете Народных Комиссаров». Полученные из Совнаркома копии декретов здесь размножались и рассылались в редакции газет. Официальным печатным органом Советского правительства стала, как известно, «Газета», первый номер которой был опубликован уже 28 октября 1917 г. В дальнейшем Совнарком и его Председатель уделяли постоянное внимание работе «Газеты», оказывали ей возможную поддержку. 8 ноября В. И. Ленин дал указание комиссару по делам печати А. Е. Минкину принять экстренные меры к прекращению работы типографии Министерства внутренних дел по частным изданиям и в кратчайший срок приспособить ее для обслуживания исключительно Совнаркома и его официального органа.[130] Специальным постановлением СНК за подписью В. И. Ленина были уволены со службы, начиная с 1 ноября, служащие бывшего «Вестника Временного правительства».[131] А 9 ноября Совнарком утвердил на своем заседании редактором «Газеты» Я. Н. Таргулова и управляющим ее конторой К. И. Карлсона, поручив им укомплектовать необходимый штат сотрудников.[132] 29 декабря СНК заслушал доклад В. И. Ле-

[126] Там же, №№ *35, 53,* 77, 130, 173, 186, 208.

[127] Удостоверявшая текст для печати подпись секретаря Совета Н. П. Горбунова имеется почти во всех опубликованных правительственных актах.

[128] Декреты Советской власти, т. I, № 77, п. 1. В основу этого декрета, как и всей организации последующей деятельности ПТАг, были положены указания Председателя СНК В. И. Ленина, высказанные им одному из руководителей ПТАг, члену Президиума ВЦИК от левых эсеров Б. Ф. Малкину (вместе с ним у руководства агентством стоял член коллегии Комиссариата почт и телеграфов Л. Н. Старк) (см.: Б. Ф. Малкин. В Смольном. В кн: К годовщине смерти В. И. Ленина. Л., 1925, стр. 145; В. И. Ленин... Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 176. Подробнее о деятельности ПТАг см.: И. С. Смирнов. Ленин и советская культура, стр. 127—128.

[129] См.: ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 88, лл. 73—76; оп. 93, д. 41, л. 125.

[130] В. И. Ленин... Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № *3,* стр. 142—143.

[131] Декреты Октябрьской революции, т. I, № 160.

[132] Там же, №№ 142 и 146.

нина «О централизации правительственных газет» и обсудил также вопрос об ассигновании «Газете» 200 тыс. руб., направив его для окончательного решения в народные комиссариаты Финансов и Госконтроля.[133] Помещением правительственных актов в официальном правительственном органе — «Газете» и в других газетах,[134] а также в «Собрании узаконений» [135] не исчерпывались все способы их публикации.

В. И. Ленин придавал исключительное значение тому, чтобы первые декреты Советской власти как можно быстрее стали известны по всей России и за рубежом. После окончательного редактирования и принятия декрета, как вспоминает С. Пестковский, — «Ильич всегда указывает, каким образом его распубликовать так, чтобы он быстро дошел до всех заинтересованных».[136] Именно поэтому другим важнейшим способом обнародования декретов, широко применявшимся в специфических условиях интересующего нас времени, стало введение их в действие по радио и телеграфу.[137] С первых же дней Октябрьской революции передачу в эфир важнейших декретов и радиограмм Советской власти осуществляли сначала находившаяся непосредственно в Петрограде морская радиостанция «Новая Голландия», а затем и одна из крупнейших радиостанций России — Царскосельская.[138] Связь с первой из этих радиостанций Совет Народных Комиссаров осуществлял при помощи Военно-революционного морского комитета, которому направлялись подлежащие передаче по радио тексты документов. В адресованном 2 ноября ВМРК приказе за № 1811, подписанном В. А. Антоновым-Овсеенко и В. Д. Бонч-Бруевичем, в частности, говорилось: «Совершенно немедленно передать радиотелеграмму

[133] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 60.

[134] В дальнейшем, 23 марта 1918 г., ВЦИК принял специальное постановление «Об обязанности газет печатать декреты и распоряжения органов Советской власти», в котором, в частности, говорилось: «1) Газетам, как утренним, так и вечерним, предписывается печатать на первой странице все декреты и распоряжения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, Совета Народных Комиссаров, а также распоряжения и приказы местных Советов Рабочих и Крестьянских депутатов» («Собрание узаконений», № 31, 15 апреля 1918 г., ст. 406).

[135] О публикации декретов Советской власти в различных газетах и «Собрании узаконений» см.: С. Н. Валк, ук. соч., стр. 11—20.

[136] С. Пестковский, ук. соч., стр. 101—102.

[137] С помощью радио и телеграфа были разосланы, например, следующие акты: Декреты Советской власти, т. I, №№ 5, 7, 8, 9, 24, 50, 64, 67, 68, 108, 110, 188.

[138] О передаче декретов и воззваний Советской власти этими радиостанциями см.: Радиостанция «Новая Голландия» в дни борьбы. «Красный флот», 1927, № 20, стр. 42 и сл. (подписано: Старый моряк); Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М.. 1957, стр. 57 (донесение комиссара по надзору за радиостанциями г. Петрограда И. Е. Короставшевского), стр. 61—63 (донесение комиссара Царскосельской радиостанции Н. Денисова). Для приема русских и иностранных телеграмм использовалась также радиостанция Таврического дворца (см.: Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. 57).

согласно прилагаемого текста и об исполнении донести».[139] Именно с набережной реки Мойки, д. 103, где на острове «Новая Голландия» размещалась морская радиостанция, в присутствии В. И. Ленина в ночь с 8 на 9 ноября было передано в эфир написанное им широко известное обращение Совнаркома ко всем армейским и флотским комитетам, ко всем солдатам и матросам революционной армии и флота о смещении генерала Духонина.[140] В один из первых послеоктябрьских дней по личному заданию Председателя СНК начал и в течение трех суток, по нескольку раз в каждый срок передачи, адресованной «всем, всем, всем!», передавал в эфир тексты ленинского воззвания «К гражданам России» и знаменитых декретов «О мире» и «О земле» мощный радиогигант того времени — Царскосельская радиостанция.[141] Ставший на сторону Советской власти личный состав радиостанции, возглавляемый выборным комиссаром ВРК солдатом Н. Денисовым и председателем технического комитета техником Н. Р. Дождиковым, хотел, чтобы Царскосельская радиостанция стала, как писал 9 ноября 1917 г. в своем донесении Н. Денисов, «голосом народной воли, воплощенной в лице существующего револ[юционного] правительства».[142] И надо сказать, что, как и «Новая Голландия», Царскосельская радиостанция в дальнейшем успешно выполняла все задания, получаемые ею от Совета Народных Комиссаров и лично от В. И. Ленина, который, выступая 10 ноября на заседании ВЦИК, специально отметил наличие у Советского правительства возможности посылать радиотелеграммы в Европу и указал на важность этого для успешного продолжения борьбы за мир.[143] Особенно широко большие технические возможности Царскосельской радиостанции, поддерживавшей связь с рядом ведущих заграничных радиостанций во Франции (Париж и Лион) и ее колонии в Северной Африке (Бизерта), Англии (Карнарвон), Италии (Рим и Кольтано), использовались после установки прямой телеграфной связи между этой радиостанцией и Смольным, где, как уже отмечалось выше, рядом с кабинетом Председателя СНК В. И. Ленина был оборудован специальный телеграфный пункт, на котором работали выделенные коллективом Царскосель-

[139] ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 2, л. 9. Аналогичные по содержанию документы, датированные *3 и 9* ноября, см.: там же, лл. *3,* 10.

[140] См.: Декреты Советской власти, т. I, № 45; В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № *3,* стр. 144.

[141] Н. Р. Дождиков. Воспоминания бывшего техника Царскосельской радиостанции о революционных событиях IB 1917 г., л. 83. См. также: «Всем, всем, всем!». Рассказ радиста, пославшего в эфир историческую весть о победе Великого Октября. «Известия», *3* ноября 1962, № 262; Г. П. Лютер. Воспоминания бывшего телеграфиста СНК о встречах с Лениным в Смольном и Кремле, л. 2.

[142] Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. 62.

[143] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. *35,* стр. 85—86.

ской радиостанции радиотелеграфисты И. И. Соболев и Г. П. Лютер.[144]

О передаче первых советских декретов по радио и телеграфу Н. П. Горбуновым обычно делались пометки на подлинниках или копиях этих актов. Так, например, на оригинале обращения «Ко всему трудовому казачеству» им сделана следующая запись: «Опубликовать. Оригинал вернуть мне в руки. На радиостанцию и через Царское, и через Воен. рев. морск. комит. Дать в ПТАг. Телеграмму в Харьков и Чернофлоту, и Антонову, и в Екатеринбург, и Уфу, и Самару».[145]

24 ноября на заседании СНК (п. 7 повестки дня) специально обсуждался вопрос об опубликовании декретов по телеграфу. В принятом решении говорится: «Все декреты опубликовывать по всей России через телеграф».[146] На другой день, 25 ноября, с внеочередным заявлением в СНК выступил В. Р. Менжинский (п. 9 повестки заседания), отметивший, что декреты правительства не публикуются по всей России телеграфно и, таким образом, являются опубликованными только петроградской прессой. По этому заявлению Совет Народных Комиссаров постановил: «Напомнить комиссарам и Управляющему делами правительства о постановлении СНК от 24 XI и вменить в обязанность комиссарам наблюдать за исполнением этого постановления».[147] Выполняя это постановление, через 4 дня — 29 ноября Управление делами, направив в ПТАг для опубликования воззвание «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым» и декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции», снабдило их особым сопроводительным письмом за подписью секретаря Совнаркома Н. Горбунова.[148]

Одним из примеров осуществления приведенных выше постановлений СНК может послужить опубликование декрета о запрещении сделок с недвижимостью, в отношении которого было принято решение, помимо обычной публикации его в печати, «послать телеграфно по разным городам с просьбой рассылать по Советам уездным...».[149]

[144] См.: Н. Р. Дождиков, ук. соч., лл. 23—24, 84, 90—92; Г. П. Лютер, ук. соч., лл. 3—5.

[145] Декреты Советской власти, т. I, № 133, легенда. См. также легенды к №№ 130, 135, 137, 158 и др.

[146] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 15 об.

[147] Там же, л. 16 об.

[148] Вот текст этого письма: «Петроградскому Телеграфному Агентству. — При сем препровождаем Вам текст воззвания „Ко всем трудящимся и эксплуатируемым" и декрет № 197 „Об аресте вождей гражданской войны против революции» и просим Вас содержание воззвания и декрета передать по телеграфу вне всякой очереди всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«Просим также сообщить нам, на каких условиях Вы бы могли в будущем принимать от нас все телеграфные сообщения для распространения повсеместно» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 22, л. 9).

[149] Декреты Советской власти, т. I, № 164, легенда.

27 ноября СНК принимает специальное решение по запросу секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова о том, как ему подписывать телеграммы, посылаемые от имени Совета Народных Комиссаров (п. 5 повестки заседания) — «секретарь Совнаркома Горбунов».[150]

Несколько позднее (в июне 1918 г.) В. И. Ленин указал управляющему делами, секретариату и Бюро печати СНК на необходимость принятия мер для того, чтобы при опубликовании декретов указывалась дата утверждения их правительством.[151]

В первые напряженнейшие дни после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде правоэсеровская газета «Дело народа», в числе многих предсказывая скорый и неминуемый крах руководимого В. И. Лениным Советского правительства, пыталась иронизировать по поводу сразу же принятых новой властью в интересах трудящихся таких важнейших законодательных актов, как декреты о мире, о земле, о печати, о 8-ми часовом рабочем дне, в области социального страхования, — «мало писать декреты, надо знать пути и способы проведения их в жизнь, а этого именно ленинцы и не дают».[152] Отвечая на эти контрреволюционные злопыхательства безымянный автор помещенной в «Известиях» 2 ноября 1917 г. статьи «Дела Советской власти» с уверенностью указывал: «Сами рабочие, солдаты и крестьяне будут проводить программу, возвещенную революционной властью — своей работой они испытают её жизненность, внесут в неё те изменения и дополнения, которых потребует жизнь, и доставят полную победу программе революции».[153]

Существенная и специфическая особенность опубликования декретов Советской власти как раз и состояла в том, что оно являлось не только средством оповещения организаций, учреждений и населения страны о принятии новых правительственных установлений, но служило важнейшей формой пропаганды идей социализма. «Путь к социализму открыт рабочей и крестьянской революцией, — писала «Правда» 31 октября 1917 г. — Шагами вперед по этому пути и будут революционные декреты Совета Народных Комиссаров, вокруг которых должны сплотиться все рабочие и солдаты, все угнетенные города, вся деревенская беднота».[154]

Первые декреты Советской власти звали рабочие и крестьян-

[150] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 18. См., например: Декреты Советской власти, т. I, №№ 139, 157, 180.

[151] Ленинский сборник, XXXV, стр. 24; ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 771, л. 21.

[152] Цит. по: «Известия», № 214, 2 ноября 1917 г.

[153] Там же.

[154] «Правда», № 174, 31 октября 1917 г.

ские массы на защиту революции, пробуждали их инициативу и самодеятельность в строительстве основ новой жизни. Они помогли привлечь всех трудящихся России на сторону восставшего пролетариата и этим «одним ударом *удесятерить*» [155] силы молодого Советского государства и обеспечить победу Великой Октябрьской социалистической революции.

[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. *34,* стр. 313.

Часть вторая

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКИХ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ

Глава 1

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ОВЛАДЕНИЮ БЫВШИМИ МИНИСТЕРСТВАМИ

Для практической реализации декрета II Всероссийского съезда Советов 26 октября об образовании Совета Народных Комиссаров и осуществления внутренней и внешней политики первого в истории рабоче-крестьянского государства наряду с организацией деятельности Совнаркома необходимо было срочно овладеть аппаратом бывших министерств и, коренным образом реорганизовав их, создать новые, способные отстаивать интересы Советской власти центральные органы управления страной — народные комиссариаты.

Предварительные меры в этом направлении были осуществлены еще в ходе подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 24 октября ЦК РСДРП(б) принял специальное решение о направлении нескольких членов ЦК в распоряжение Петроградского Военно-революционного комитета для налаживания связи с железнодорожными служащими (А. С. Бубнова), почтово-телеграфными служащими (Ф. Э. Дзержинского) и для организации продовольственного дела (В. П. Милютина).[1] В этот же день представители ВРК посетили управление городской электростанции и Петроградское телеграфное агентство и начали контролировать деятельность служащих этих учреждений. Занявший ПТАг во главе группы вооруженных моряков комиссар ВРК заявил, что с этого момента будет осуществляться контроль над всеми передаваемыми агентством сведениями.[2]

[1] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 120. Выполняя это решение, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский и В. П. Милютин сразу же приняли активное участие в решении поставленных перед ВРК задач. См.: РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г. (далее: Стенографические отчеты). 1957. 25. I, стенограмма вечернего заседания 24 октября, лл. 2, 24, 25, 28, 37—38, 44—45, 81—81а; От Февраля к Октябрю, стр. 63—64; Очерки по истории союза. 1917 год. М., 1924, стр. 61; Связисты в борьбе за власть Советов (воспоминания). М., 1964, стр. 10, 18—22.

[2] Стенографические отчеты, 1957.25.I, стенограмма заседания 24 октября, лл. 3, 28; стенограмма заседания 27 октября, лл. 32—34.

Для приема бывшего Министерства иностранных дел Военно-революционный комитет наметил М. С. Урицкого.[3] И уже на следующий день, 25 октября, приказом ВРК за № *38* он был назначен комиссаром при Министерстве иностранных дел, а всем военным и гражданским властям предписывалось оказывать ему всяческое содействие при исполнении возложенной на него обязанности.[4] В помощь М. С. Урицкому был привлечен работавший в Петербургском комитете РСДРП(б) и Василеостровской районной партийной организации И. А. Залкинд, который в дальнейшем (после 26 октября) и занялся овладением бывшего министерства, находившегося в здании около Певческого моста на Дворцовой площади, д. 6, и организацией НКИД, но уже в качестве уполномоченного Наркоминдела.[5]

В этот же день ВРК предложил служащим Экспедиции заготовления государственных бумаг продолжать свои обычные работы. «Внесение хаоса и дезорганизации, — указывал ВРК, — в революционное время совершенно недопустимо. Всякое нарушение революционного порядка будет строго караться».[6] Тогда же В. Р. Менжинский как комиссар ВРК посетил Министерство финансов, а затем к вечеру получил в Смольном от управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг М. К. Лемке письменное обязательство о подчинении во всех своих действиях Советской власти.[7] 26 октября специальные представители ВРК появились в зданиях Министерства путей сообщения и Военного министерства, в ведавших продовольственным

[3] См.: И. А. Залкинд. НКИД в семнадцатом году (из воспоминаний об Октябре). «Международная жизнь», 1927, № 10, стр. 12. Эти воспоминания Залкинда представляют собой несколько расширенный (главным образом за счет приведенных в них нескольких документов) вариант текста, первоначально опубликованного на страницах этого же журнала в 1922 г. (И. Залкинд. Из первых месяцев Народного комиссариата по иностранным делам. «Международная жизнь», 1922, № 15(133), стр. 55—61). Выдержки из воспоминаний И. А. Залкинда, напечатанных 7 ноября 1927 г. в журнале «Международная жизнь», вскоре, 17 ноября, были также опубликованы в Ленинграде, где И. А. Залкинд являлся в это время уполномоченным Наркоминдела (Первые шаги Наркоминдела. «Красная газета», вечерний выпуск, № 309, 17 ноября 1927 г.).

[4] Документы Великой пролетарской революции (далее: Документы), т. I. М., 1938, стр. 50. См. также: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 75, л. *3*.

[5] См.: И. Залкинд. НКИД в семнадцатом году, стр. 12 и далее; Б. Канторович. Организационное развитие НКИД. «Международная жизнь», 1922, № 15 (133), стр. 51; Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., стр. 366, 394 и др.

[6] Документы, стр. 50.

[7] См.: Новые документы В. И. Ленина, стр. 4; «Новая жизнь», № 165, 28 октября 1917 г.; «День», № 201, 30 октября 1917 г.; М. К. Лемке. Они продержатся не больше 5—7 дней (по дневнику). «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 171. В дальнейшем, 27 октября, комиссаром при Экспедиции заготовления государственных бумаг был назначен активный работник Исполкома Совета профсоюзов Петрограда и профсоюза рабочих-деревообделочников И. Ф. Жолнерович (см.: ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 15, л. 8; «Ленин-

делом учреждениях Петрограда, а также на главных продовольственных базах и мельницах столицы.[8] В этот же день ВРК назначил своих комиссаров по надзору за радиостанциями, Главпочтамтом и Центральным телеграфом.[9]

Вплотную к решению сложнейшей задачи организации народных комиссариатов Советская власть приступила в первые же дни после победы Октябрьского вооруженного восстания.

Строительство аппарата управления социалистического государства осуществлялось впервые. У пришедших к власти представителей рабочего класса и революционного крестьянства не было опыта государственного управления. «Многого мы тогда себе не представляли, — вспоминал впоследствии руководивший организацией и деятельностью Наркомвнудела Г. И. Петровский... — Подчас не знали, как и приступить к делу».[10] Весьма ощутимым было отсутствие собственных кадров работников, которые имели бы навыки в области государственного управления и особенно специалистов по различным отраслям хозяйства и культуры.[11]

Между тем ЦК РСДРП(б) и Совет Народных Комиссаров ясно понимали, что необходимость «разбить сразу старую чиновничью машину» вовсе не означала неизбежности немедленного уничтожения бывших министерств и полного отказа от использования всех без исключения специалистов и служащих старого аппарата. «Об уничтожении чиновничества, — указывал В. И. Ленин, — сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия».[12] На деле это могло бы лишь усугубить дезорганизацию работы финансовых, хозяйственных, продовольственных, медицинских, транспортных, почтово-телеграфных и других государственных учреждений и привести к дальнейшему расстройству экономической и культурной жизни страны. Для создания нового аппарата управления, как указывал еще до победы социалистической революции В. И. Ленин, необходимо было максимально исполь-

градские профсоюзы за 10 лет», 1917—1927, Сборник воспоминаний, Под редакцией Истпрофа ЛГСПС, Л., 1927, стр. 29, 251).

[8] См.: Большевики Петрограда в 1917 г. Хроника событий. Л., 1957, стр. 722; «День», № 200, 29 октября 1917 г.; П. А. Козмин. 10 лет назад. «Советское мукомолье и хлебопечение», 1927, № 7, стр. 405; Документы, стр. 58; Очерки по истории союза, стр. 61.

[9] Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. 57, 58, 90 и др.

[10] Г. И. Петровский. Рождение власти Советов. В кн.: Утро нового мира. М., 1962, стр. 47.

[11] См., например, об этом: А. Е. Бадаев. Десять лет борьбы и строительства (продовольственно-кооперативная работа в Ленинграде. 1917—1927) Л., 1927, стр. 18—19; В. И. Невский. Положение железных дорог и организация управления на дорогах и в центре. «Вестник путей сообщения», 1918, № 1, стр. 22; А. М. Гиндин. Как большевики овладели Государственным банком, стр. 74—76 и др.

[12] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

зовать все старые органы учета и распределения, их кадры специалистов, налаженные связи, информационные материалы, технику делопроизводства. «Недостаточно „убрать вон" капиталистов, — писал, в частности, в связи с этим В. И. Ленин, — надо (убрав вон негодных, безнадежных „сопротивленцев") поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам, и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.».[13] Вместе с тем нельзя было сразу ликвидировать и закрыть даже такие, несомненно подлежавшие уничтожению важные органы старой государственной машины непосредственного подавления и угнетения трудящихся, как Военное и Морское министерства, Министерство юстиции. В интересах революции и всей страны и здесь необходимо было обеспечить непрерывное выполнение этими учреждениями ряда их функций, таких как снабжение многомиллионной армии и флота, осуществление работы судебных органов, тюрем и т. д.

Именно поэтому первым важнейшим этапом на пути слома старых и создания новых центральных органов должно было явиться подчинение всего аппарата бывших министерств поставленным революцией у руководства отдельными отраслями государственной жизни комиссиям во главе *с* народными комиссарами. Совершенно недвусмысленно об этом говорилось, в частности, в декрете ВЦИК и СНК 9 ноября 1917 г. об учреждении Государственной комиссии по просвещению: «Текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство народного просвещения.

«Министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению».[14]

Как вспоминала первый советский народный комиссар общественного призрения А. М. Коллонтай, «Советская власть вовсе не намеревалась прижимать и гнуть чиновников и интеллигенцию. Напротив, народные комиссары шли занимать свои народные комиссариаты безоружные, без охраны, с парой товарищей. Думалось деловым образом принять дела».[15] Об этом же откровенно писал в своих воспоминаниях А. В. Луначарский, который, как известно, должен был возглавить деятельность бывшего Министерства народного просвещения: «Хотелось сговориться по-хорошему хотя бы с некоторой частью его аппарата. Ведь жутко же было: надо управлять народным просвещением

[13] Там же, т. 34, стр. 311. Эта же мысль в более развернутом виде нашла свое выражение в сделанном В. И. Лениным в конце октября 1917 г. известном наброске правил для служащих государственных, общественных и частнопромышленных предприятий (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 42).

[14] Декреты Советской власти, т. I, № 43.

[15] А. М. Коллонтай. Первые дни Наркомсобеса. В кн.: Ленин в первые месяцы Советской власти. М., 1933, стр. 137.

гигантской страны, а чиновников-то никаких и нет!».[16] В одиночку или с несколькими товарищами впервые посетили в этих целях порученные им бывшие министерства многие из народных комиссаров: Финансов — В. Р. Менжинский, Внутренних дел — Г. И. Петровский, Просвещения — А. В. Луначарский, Труда — А. Г. Шляпников, Юстиции — П. И. Стучка, Продовольствия — А. Г. Шлихтер, Почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов), Общественного призрения — А. М. Коллонтай.[17] Все это нашло свое выражение, в частности, и в том, что в целом ряде документов первых послеоктябрьских месяцев члены нового рабоче-крестьянского правительства именовались не только народными комиссарами, но и комиссарами по тому или иному министерству. Так, В. Р. Менжинский 30 октября подписал постановление об открытии банков как временный заместитель народного комиссара по Министерству финансов, а декрет об упразднении Совета министра финансов от 25 ноября был им подписан в качестве комиссара по делам финансов.[18] Аналогичные случаи неоднократно имели место и в практической деятельности других народных комиссаров — военных дел, почт и телеграфов, внутренних дел.[19]

[16] А. В. Луначарский. Как мы заняли Министерство народного просвещения. «На путях к высшей школе», 1927, стр. 5.

[17] См.: П. И. Стучка. Пять лет революции права. В кн.: П. И. Стучка. Революционная роль советского права. М., 1934, стр. 108; А. В. Луначарский, ук. соч., стр. 5—9; Г. И. Петровский. В новом наркомате. «Вожатый», № 11, ноябрь 1957 г., стр. 8; М. Я. Лацис. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах. «Пролетарская революция», 1925, № 2, стр. 140—144; А. Г. Шляпников. К Октябрю, стр. 24—25; А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине, стр. 52 и далее; Ф. З. Мончинский. Саботаж в министерстве и его ликвидация, «Почтово-телеграфный журнал», часть неофициальная, 1918, № 9—12, стр. 16, 93; «День», №№ 200 и 201, 29 и 30 октября 1917 г.; «Новая жизнь», №№ 165 и 180, 28 октября и 14 ноября 1917 г.

[18] Декреты Советской власти, т. I, №№ 22 и 103. См. также, например: №№ 48, 82 и 100, 141, 145.

[19] См.: там же, №№ 31, 47, 54, 126 и стр. 583—585. На то обстоятельство, что в двойственном наименовании членов первого Совнаркома нашли своеобразное выражение две главные задачи, стоявшие тогда перед Советской властью в области государственного строительства — упразднение старых министерств и одновременно с этим создание новых наркоматов, обратил внимание еще П. И. Стучка (см.: П. Ст. Нарком и Наркомат. Энциклопедия государства и права, т. II. М., 1925—1926, стлб. 1095—1097). Интересные соображения по этому вопросу высказал также Е. Н. Городецкий, справедливо подчеркнувший, что в этих, на первый взгляд формальных признаках получили свое выражение две стороны единого процесса: ломка старого и организация нового государственного аппарата. Однако указание Е. Н. Городецкого о том, что эти названия представляют собой «точное обозначение (разрядка наша, — *М. И.)* двух основных функций народного комиссара-организатора нового аппарата в Смольном и комиссара над старым аппаратом в министерствах», представляется нам преувеличенным и лишенным достаточных оснований (см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 156).

Назначенные в центральные правительственные учреждения народные комиссары и их помощники встретились, однако, с контрреволюционным чиновничьим саботажем. «Бюрократический аппарат сопротивлялся, — вспоминала Н. К. Крупская, — служащие старых министерств, всяких государственных учреждений решили всячески саботировать работу и этим мешать Советскои власти наладить новый госаппарат».[20]

В большинстве из бывших министерств (Иностранных дел, Внутренних дел, Юстиции, Земледелия, Государственного призрения и др.) чиновники категорически отказались от всякого сотрудничества с Советской властью. «Мы их (представителей Советской власти, — *М. И.)* безусловно не примем и с ними работать не будем, — заявил, например, представитель служащих Министерства земледелия, выступая 27 октября на чрезвычайном заседании Петроградской городской думы. — Если будут арестовывать руководителя, — продолжал он, — то заменять его будет следующий после него; одним словом, чтобы каждый из выбираемых вновь заранее отдал приказ, чтобы в случае его ареста занимал место другой, третий и т. д. . . . и так, пока не дойдет до последнего служащего из канцелярии... Но мы не будем признавать власти большевиков».[21]

«Завоевание Зимнего дворца, — справедливо отмечал поэтому А. В. Луначарский, — далеко еще не дало нам всей полноты власти. Министры были арестованы, но в министерствах сидели разозленные чиновники, которые ни за что не хотели работать с нами и способны были даже на самые скандальные формы сопротивления внедрению нашему в соответственные правительствующие учреждения».[22] В связи с этим меньшевистская «Рабочая газета», предсказывая скорейшую капитуляцию большевиков, заявила уже 29 октября: «Одного они (т. е. большевики, — *М. И.*) не могут: овладеть государственной властью. Не сегодня, завтра они неминуемо свалятся в пропасть, вырытую их собственными руками».

В бывших министерствах Путей сообщения, Почт и телеграфов, Продовольствия, Финансов, Государственном банке и других центральных ведомствах имели место выступления их служащих, которые, не желая работать под руководством Совета Народных Комиссаров, пытались подчинить эти правительственные учреждения центральным органам своих профессиональных организаций. Антисоветскую кампанию возглавил Исполнительный

[20] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. *336.*

[21] Стенографические отчеты, 1957.25.I, стенограмма заседания 27 октября, л. 4.

[22] А. В. Луначарский. Как мы заняли Министерство народного просвещения, стр. 5.

[23] «Рабочая газета», № 199, 29 октября 1917 г.

комитет Всероссийского железнодорожного союза (Викжель), который, взяв на себя руководство Ведомством путей сообщения,[24] организовал в его здании 29 октября, в критический момент выступления контрреволюционных сил под Петроградом и в Москве, заседание комиссии по выработке соглашения между партиями и организациями.[25] Вот что писал впоследствии об этой комиссии участвовавший в ее «работе» левый эсер Б. Ф. Малкин: «Весь цвет безработных министров, признанных лидеров революционной демократии, — все именитое соглашательство, свергнутое Октябрем, было здесь налицо и с пеной у рта, с бешеной ненавистью требовало полной ликвидации Октябрьского переворота. Время от времени соглашательские лидеры бегали в соседнюю комнату к телефонам и проводам, охотно предоставленным в их распоряжение гостеприимным Викжелем и щупали пульс контрреволюции на Гатчинском фронте».[26]

Главным организатором чиновничьего саботажа выступил образовавшийся фактически после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде блок всех буржуазных и мелкобуржуазных партий во главе с партией кадетов. Осуществлением непосредственного руководства и финансированием саботажников занимались Петроградская городская дума вместе с созданным ею «Комитетом спасения родины и революции»,[27] подпольное Временное правительство (так называемый «Малый Совет мини-

[24] 26 октября Викжель разослал об этом специальную телеграмму за № 4889 (см.: Очерки по истории союза, стр. 61—62; П. Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 16—17; Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 88.

[25] «Трибуна государственных служащих», № 18, 4 ноября 1917 г., стлб. 4. В связи с этим Викжель разослал 28 октября и в последующие дни ряд новых телеграмм, в которых он, в частности, заявлял, что весь железнодорожный аппарат будет предоставлен только тем, кто стоит на платформе «однородного социалистического правительства», угрожая при этом в случае неудовлетворения его требований бороться всеми средствами, вплоть до прекращения железнодорожного движения (см.: Очерки по истории союза, стр. 75, 78, 80—81 и др.).

[26] Б. Ф. Малкин. Ленин и Викжель. «За индустриализацию», № 17, 21 января 1930 г., стр. 4 (см. об этом также: А. С. Бубнов. Ленин в Октябрьские дни. «Известия», № 256, 6—7 ноября 1927 г.). «В лексикон октябрьских дней, — писал Б. Ф. Малкин в других своих воспоминаниях, — вошло слово „викжелить" для обозначения мелкобуржуазного колебания и контрреволюционной „нейтральности"». (см.: Б. Ф. Малкин. «Известия» в Октябрьские дни. «Известия», № 77, 18 марта 1932 г.).

[27] Об активной антисоветской деятельности Петроградской городской думы, которая, как указывала «Правда», вдохновляла и организовывала контрреволюционный саботаж в бывших министерствах и других центральных, а также городских учреждениях, убедительно свидетельствуют хранящиеся в РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина три тома стенограмм заседаний думы с 24 октября 1917 г. по 10 января 1918 г. (см.: «Правда», № 185, 10 ноября 1917 г.; Стенографические отчеты, 1957.25.I; 1957.25.II и 1957. 25. III).

стров»),[28] «Союз союзов служащих государственных учреждений Петрограда»[29] и ВЦИК I созыва.[30] В распоряжении этих контрреволюционных центров оказался громадный денежный фонд, образованный щедрыми пожертвованиями русской и международной буржуазии, финансовыми махинациями реакционного чиновничьего руководства государственного банка, денежными суммами, изъятыми комитетами саботажников из касс министерств и взятых из Смольного ВЦИК I созыва, а также средствами, собранными по подписным листам.[31] «„Союз союзов", не имевший раньше средств, — признавала «Трибуна государственных служащих», — добыл миллионы для ведения забастовки».[32]

Из этих специально предназначавшихся для финансирования чиновничьего саботажа миллионных сумм бастовавшие служащие бывших министерств и других правительственных учреждений получили жалованье за один—два месяца вперед.[33] В материалах Народного комиссариата земледелия, например, сохранился инте-

[28] См., например: А. Демьянов. Записки о подпольном Временном правительстве. В кн.: Октябрьская революция. (Б. м.), 1926; М. Флеер. Временное правительство после Октября. «Красный архив», т. 6, 1924.

[29] Первоначально в состав «Союза союзов» вошли бывшие министерства Внутренних дел, Финансов, Юстиции, Народного просвещения, Торговли и промышленности, Труда, Иностранных дел, Призрения, Исповедания (Синод), Государственный контроль, Сенат, Крестьянский поземельный и Дворянский земельный банки, Канцелярия Временного правительства и Государственная канцелярия, управление Красного креста. Бывшие министерства Продовольствия, Земледелия, Почт и телеграфов, а также Военное и Морское министерства выразили свое принципиальное согласие вступить в «Союз союзов» (см.: «Трибуна государственных служащих», № 15, 15—22 октября 1917 г., стлб. 5—6). Из выступления представителя «Союза союзов» на заседании Петроградской городской думы 27 октября видно, что *в* состав «Союза союзов» в это время входило 16 организаций служащих отдельных ведомств: общее число его членов выражалось, по словам того же представителя, «...в цифровой величине в несколько десятков тысяч» (Стенографические отчеты, 1917.25.I, стенограмма заседания 27 октября, л. 2).

[30] Протоколы заседаний ЦИК СР и СД 1-го созыва после Октября. «Красный архив», т. *3,* 1925; «Известия», № 207, 26 октября 1917 г.

[31] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 308; ЦГАОР, ф. 336. оп. 1, д. 5, лл. 37—43, 52—54, 58—61; там же, д. 391, лл. 2, 4—22; М. Я. Лацис. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, стр. 12; А. Демьянов, ук. соч., стр. 318; Протоколы заседаний ЦИК СР и СД 1-го созыва после Октября, стр. 101, 114; Б. Малкин. В Смольном. «Огонек», 1924, № 46, стр. 11; Я. Х. Петерс. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции. «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 7; «День», № 208, 15 ноября 1917 г.; «Дело народа», № 204, 9 ноября 1917 г.

[32] «Трибуна государственных служащих», № 1, 5 января 1918 г., стлб. 6. Саботировавшие служащие ведомства почт и телеграфов, например, не постеснялись даже в этих целях осуществить и «позаимствования из почтовых переводов» (см.: С. В. Драбат. Борьба с саботажем. «Почтово-телеграфный журнал», часть неофициальная, 1918, №9—12, стр. 56).

[33] См.: «Трибуна государственных служащих», № 22, 2 декабря 1917 г., стлб. 5—6 и № 23; 9 декабря 1917 г., стлб. 14; М. К. Лемке, ук. соч., стр. 172; М. Г. Гаврилов. Воспоминания о саботаже почтово-телеграфных служащих в октябре 1917 г. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 786, л. 3.

ресный документ, который убедительно объясняет одну из причин столь резко отрицательного отношения чиновников бывшего Министерства земледелия к Советской власти. Это — один из списков служащих министерства, получивших праздничные за «усиленные труды по саботажу» за полтора месяца вперед и в небывалом до сих пор размере. Так, управляющий канцелярией министерства получил 1400 руб., его помощники по 1200 руб., чиновники особых поручений — по 1000 руб. и т. д.[34]

Именно поэтому В. И. Ленин, определяя контрреволюционный саботаж, указывал: «Вот что такое саботаж: это подкупленные лица, высшие служащие, преследующие только одну цель: сорвать Советскую власть, хотя многие из них этого не знают. Саботаж, это — стремление вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся».

Организацией помощи бывшим министрам Временного правительства, чиновникам-саботажникам, юнкерам и др., арестованным представителями Советской власти за явно контрреволюционные действия, и сбором пожертвований через газеты «День», «Дело народа», «Воля народа» и другие занимался и так называемый Комитет общественной безопасности, образованный Петроградской городской думой на ее вечернем заседании 24 октября 1917 г.[36] Демагогически обращаясь к населению Петрограда с воззванием о своем «неучастии» в политической борьбе и стремлении лишь обеспечить охрану «личной и имущественной безопасности населения», Комитет общественной безопасности вместе с тем сразу же открыто заявил о недопустимости вмешательства в его распоряжения со стороны Военно-революционного комитета и о необходимости подчинения ему в этих целях воинской силы и городской милиции.[37] Наглядно показав всей своей последующей деятельностью, что этот комитет является завуалированным инструментом в руках контрреволюционных сил, его деятели, в част-

[34] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 37, л. 67. Небезынтересно привести в связи с этим и сообщение относительно чиновников Министерства земледелия в «Трибуне государственных служащих»: «Жалованье 20 числа и рождественские наградные будут выданы чиновникам своевременно из средств союзл» (№ *23, 3* декабря 1917 г., стлб. 15).

[35] В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. *35,* стр. 308.

[36] Стенографические отчеты, 1957. 25. I, стенограмма вечернего заседания 24 октября, л. 82; ГАОРСС ЛО, ф. 3217, оп. 1, д. 1, лл. *3,* 36—36 об., 44, 54, 65, 90 об., 92; оп. 1, д. 1а, лл. *3,* 9, 19 об. В состав Комитета общественной безопасности входили, в частности, представители Викжеля, Центрофлота, Главного управления красного креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, Союза деятелей искусства, Петроградского союза домовладельческих организаций, Всероссийского пожарного общества, Совета депутатов трудовой интеллигенции, Петроградского учительского союза и др. (ГАОРСС ЛО, ф. 3217, оп. 1, д. 1, л. 56). Материальную помощь саботировавшим чиновникам-инженерам оказывал и Союз инженеров (см.: ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 360, л. 10—10 об.).

[37] ГАОРСС ЛО, ф. 3217, оп. 1, д. 1, лл. 9—9 об., 31.

ности, санкционировали предложение руководства бывшей Комиссии по городскому народному образованию прекратить в школах Петрограда занятия «в знак протеста против большевиков».[38]

Участвуя в организованном контрреволюцией саботажническом бойкоте Советской власти, большинство служащих и чиновников бывших министерств (Просвещения, Продовольствия, Торговли и промышленности, Земледелия) и других центральных государственных учреждений (Государственного банка, Особого присутствия по продовольствию, Особого присутствия по топливу, Управления делами Главного земельного комитета и др.), которым от имени «Комитета спасения» было объявлено, что «бастующие служащие считаются на государственной службе»,[39] вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде приняло на специальных собраниях антисоветские резолюции и постановления.[40] Таково, например, постановление, принятое уже 27 октября 1917 г. Центральным комитетом Союза служащих бывшего МВД. «Комитет Союза союзов служащих государственных учреждений Петрограда, в согласии с Всероссийским комитетом спасения родины и революции, признал необходимым немедленное прекращение занятий во всех государственных учреждениях Петрограда,[41] — говорилось в этом постановлении. — Центральный комитет союза служащих Министерства внутренних дел постановил присоединиться к этому решению».[42]

Как совершенно справедливо отмечалось на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 16 ноября при обсуждении текущего момента, это был уже настоящий бой, объявленный буржуазиеи новой, рабоче-крестьянской власти.

В большинстве из министерств и ведомств полномочные представители Советской власти — народные комиссары и помогавшие им комиссары ВРК заставали в эти дни одну схожую картину: почти пустые помещения, разбросанное и перепутанное делопроизводство, отсутствие ключей от учреждений и кабинетов, запертые столы, шкафы и сейфы. Так, например, покинули здание бывшего министерства служащие Ведомства государственного при-

[38] Там же, л. 32.

[39] См.: Октябрьский переворот. Факты и документы. Пгр., 1918, стр. 340.

[40] Тексты резолюций и постановлений этих и других собраний саботажников (таких, как, например, Исполнительное бюро социалистической группы инженеров, Совет Петроградского общества журналистов, Союз инженеров, Союз судей и др.) см.: Стенографические отчеты, 1957.25.I, стенограмма заседания 27 октября, лл. 1—4, 15—16, 32; ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 360, лл. 1, 6 и др.; Октябрьский переворот, стр. 365—369, 372—373 и др.; «Трибуна государственных служащих», № 18, 4 ноября 1917 г., стлб. 2; «Новая жизнь», №№ 165 и 167, 28 и 30 октября 1917 г.

[41] Эта резолюция «Союза союзов» была оглашена его представителем 27 октября на чрезвычайном заседании Петроградской городской думы (см.: Стенографические отчеты, 1957. 25. I, стенограмма заседания 27 октября, л. *3).*

[42] ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 70, л. 305.

[43] ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 2а, л. 79.

зрения. Но, как указывала в тот момент по сообщению газеты «Новая жизнь» А. М. Коллонтай, еще более затруднило нормальную работу этого ведомства (выдачу пенсий, разного рода пособий и т. д.) то, что саботажники закрыли кассу, и нельзя было добиться, у кого находятся ключи.[44] В Аничковом дворце, помещения которого занимало бывшее Министерство продовольствия, пришлось даже производить вскрытие шкафов и ящиков столов, ключи от которых были унесены старыми служащими.[45] Как отмечалось в докладе о деятельности Наркомвнудела, сделанном 16 января 1918 г. на собравшемся тогда в Петрограде съезде комиссаров труда различных городов и областей России, Народному комиссариату труда «. . . в наследие остались голые стены и пустые столы; все материалы, накопленные Мин. труда, были изъяты; книги, отчеты, деньги были похищены».[46] Никого не осталось и в помещениях, занимавшихся бывшим Министерством государственного контроля.[47] А вот что писал в своих воспоминаниях главный комиссар Врачебно-санитарного отдела ВРК М. И. Барсуков: «Когда мы пришли в Управление врачебного инспектора бывш. Министерства внутренних дел, мы не только не застали служащих, но даже перья были вынуты из ручек и чернила вылиты из чернильниц».[48] На местах оставались лишь низший технический персонал — курьеры и сторожа, упаковщики, истопники и уборщицы да весьма незначительная часть служащих, сочувствовавших новой власти. Так, из чиновников Министерства юстиции на работу явилось только 3—4 человека.[49] В бывшем Министерстве путей сообщения представители новой власти застали всего 15—20 старых работников,[50] в бывшем Министерстве почт и телеграфов остались только почтальоны, сторожа, уборщики и несколько канцелярских служащих.[51] «Было время, когда почти единственными работниками во всем Комиссариате финансов был народный комиссар и его несколько помощников, — писал Д. П. Боголепов, — которые одни должны были и подготовлять финансовые мероприятия и проводить их в жизнь. Вся же остальная сложная машина бездействовала».[52] По свидетельству Н. К. Крупской, «никаких служащих, кроме курьеров да уборщиц», не ока-

[44] «Новая жизнь», № 180, 14 ноября 1917 г.

[45] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. *3,* д. 7, лл. *5,* 40.

[46] См.: ЦГАОР, ф. *382,* оп. 1, д. 17, л. 2.

[47] ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 22, л. 7 (стенограмма вечера воспоминаний Василеостровской районной комиссии Истпарта, выступление Э. Э. Эссена).

[48] Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. 249.

[49] П. И. Стучка. Пять лет революции права, стр. 108. См. также: «День», № 210, 1 декабря 1917 г.

[50] В. И. Невский, ук. соч., стр. 26.

[51] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 786, л. *3.*

[52] Д. П. Боголепов. Обзор деятельности Народного комиссариата финансов. ЦГАНХ, ф. 2281, оп. 1, д. 1038, л. 2.

залось и в Министерстве народного просвещения. «Мы походили по пустым комнатам — на столах лежали неубранные бумаги».[53] Как отмечается в сохранившейся в фонде Наркомвнудела ЦГАОР «Исторической справке об учреждении Народного комиссариата внутренних дел», «весь личный состав нового Министерства внутренних дел Октябрьских дней» состоял из представителей Рабочего и Крестьянского правительства — комиссаров и курьеров бывшего министерства, а все его делопроизводство того времени составляли груды сваленных бумаг, запертые столы и шкафы без ключей».[54] В различных вариантах та же картина повторялась в других министерствах — Труда, Торговли и промышленности, Земледелия, Продовольствия, Иностранных дел, Государственного призрения.[55]

С исключительными трудностями столкнулись представители Советской власти, в частности при создании новых дипломатических органов, которые смогли бы достойным образом представлять первое в мире государство рабочих и крестьян в области международных отношений. Объяснялось это в значительной мере тем, что в не претерпевшем при Временном правительстве каких-либо изменений бывшем царском МИД, в котором в неизменном виде сохранился и весь прежний состав служащих,[56] подавляющее число чиновников, и особенно ответственные должностные лица, состоявшие, как правило, из представителей наиболее аристократической и привилегированной части помещичье-буржуазных кругов, заняли явно враждебную по отношению к Советской власти позицию и категорически отказались от всякого сотрудничества с ней. И когда 27 октября всем чинам бывшего министерства было предложено выполнять свою деятельность под руководством Совета Народных Комиссаров и перевести на все важнейшие иностранные языки текст декрета о мире, они, как

[53] Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 336. См. также: А. В. Луначарский, ук. соч., стр. 123—126.

[54] ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 3, л. 5. Этот интересный документ, представляющий собой правленный чернилами машинописный текст, явился, по-видимому, черновиком составленного позднее (не ранее 5 июля 1918 г.) «Доклада о деятельности Народного комиссариата внутренних дел» (см.: К истории организации Советского государственного аппарата. 1917—1918. Ст. и публ. Ф. В. Чебаевского. «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 63—87). См. также: М. Я. Лацис. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах, стр. 143; Г. И. Петровский, ук. соч., стр. 8.

[55] См. об этом: ЦГАОР, ф. 382, оп. 1, д. 17, л. 2; Документы, стр. 145, 246; А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 25, 32; А. Г. Шлихтер, ук. соч., стр. 52—58; Воспоминания об Октябрьском перевороте. . ., стр. 60; А. М. Коллонтай. Первое пособие из Соцобеса. Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 3. М., 1961, стр. 177.

[56] Об этом см., например: Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. В кн.: Февральская революция. (Б. м.), 1925, стр. 330.

сообщал, например, «День», продемонстрировали свою «резкую и открытую оппозицию».

При следующем посещении бывшего МИД, которое состоялось уже после разгрома юнкерского мятежа и похода контрреволюционных войск Керенского—Краснова на Петроград, 4 ноября, большевик И. А. Залкинд, уполномоченный от имени Наркоминдела принять в ведение Советской власти бывшее министерство, был уже снабжен ордерами ВРК за подписью М. С. Урицкого для ареста явно контрреволюционно настроенных саботажников.[58] И. Залкинда сопровождал приват-доцент Е. Д. Поливанов, предложивший свои услуги Советской власти в качестве лица, ранее сотрудничавшего в Азиатском департаменте МИД.[59] Выступивший от имени чиновников бывший товарищ министра иностранных дел А. М. Петряев заявил о неизменности в принципе их решения: «...данному правительству они служить не могут». В то же время, пытаясь сохранить для себя возможность помешать новой власти наладить работу бывшего Министерства иностранных дел, чиновники в лице Петряева выразили свое согласие «охранять» Министерство и выполнять некоторые текущие дела — консульские, о переводе денег за границу, о военнопленных. Столкнувшись, однако, с твердой решимостью представителей Наркоминдела немедленно и действительно взять в свои руки все дела, шифры и ключи бывшего министерства, чиновники сразу же присоединились к объявленному «Союзом союзов» саботажническому бойкоту новой власти.[61] Прекратили работу все департаменты и отделы бывшего министерства. Чиновники перестали выполнять даже неотложные текущие дела. В частности, были прекращены переводы денег за границу.[62] «Чиновники Министерства иностранных дел, — писал 4 ноября в „Правде" Е. Д. Поливанов, — обрекли на голодную смерть наших военнопленных в Германии и Австрии, прекратив высылку им денег. Это называется на их языке забастовкой протеста против большевистской власти».

[57] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32995, лл. 1, 2; «Новая жизнь», № 165, 28 октября 1917 г.; «День», № 200, 29 октября 1917 г.; Воспоминания об Октябрьском перевороте..., стр. 60; А. Р. Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 190; Б. Кантерович, ук. соч., стр. 51.

[58] И. Залкинд, ук. соч., стр. 12—13; Б. Кантерович, ук. соч., стр. 51.

[59] См.: И. Залкинд, ук. соч., стр. 12—13. Впоследствии, в конце 20-х годов, профессор Е. Д. Поливанов являлся председателем лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН и сотрудничал в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве (ЦПА *НМЛ*, ф. 70, оп. *3*, д. 592, л. 7).

[60] И. Залкинд, ук. соч., стр. 13; «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г. См. также: История дипломатии, т. II. М., 1945, стр. 303.

[61] И. Залкинд, ук. соч:, стр. 13—14; «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.

[62] Б. Кантерович, ук. соч., стр. 51—52.

[63] «Правда», Кг 180, 4 ноября 1917 г.

Описывая происшедшее в стенах бывшего МИД в дни Великого Октября, Ю. Я. Соловьев, один из немногих старых дипломатов, признавших Советскую власть и не вступивших на путь саботажа, с полным основанием писал впоследствии: «Царское Министерство иностранных дел и в довоенное время было оторвано от своей страны. Это же оказалось и в 1917 г.».[64] Лишь часть низших служащих (курьеры, упаковщики, сторожа, прислуга) не примкнула к чиновничьему саботажу.[65] В материалах ЦПА ИМЛ имеется один документ, сохранивший для истории скупые сведения об одном из этих скромных тружеников, не покинувших бывшее министерство в первые напряженнейшие дни революции. Вот его текст: «Пакет для посланника бельгийского получил. Швейцар Скоробогатов, 8-го ноября 1917 г., в 12 часов ночи, от народных комиссаров».[66]

Еще более сложное положение создалось для Советской власти при организации новой дипломатической службы за границей. Подавляющее большинство дипломатических представителей России за рубежом враждебно отнеслось к Октябрьской революции и к циркулярной телеграмме СНК от 22 ноября 1917 г. всем российским послам, посланникам и членам посольств и миссий о том, согласны ли они «проводить ту международную политику, которая предуказана съездом Советов солдатских и рабочих депутатов и съездом крестьянских депутатов и которая нашла себе выражение в мероприятиях, направленных к скорейшему заключению мира».[67] Предусматривая возможность отрицательного решения бывшими царскими и буржуазными дипломатами этого вопроса, СНК в той же телеграмме предложил им в таком случае немедленно устраниться от исполнения своих обязанностей. А через четыре дня, 26 ноября, специальным распоряжением по НКИД все главы и сотрудники дипломатических представительств России, которые ответили молчанием на предложение «работать под руководством Советской власти на основе платформы II Всероссийского съезда», были отстранены от занимаемых ими постов.[68]

[64] Ю. Я. Соловьев. Воспоминания дипломата. М., 1959, стр. 361.

[65] И. Залкинд, ук. соч., стр. 12; Наркоминдел. Энциклопедия государства и права, т. II. Под редакцией П. И. Стучки, М., 1925—1926, стлб. 1164 (далее: Наркоминдел); «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.; «День», № 201, 7 ноября 1917 г.

[66] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32995.

[67] Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957, № 21, стр. 41. Лишь двое из всех прежних руководителей российских дипломатических представительств за границей — временный поверенный в делах в Испании Соловьев и поверенный в делах я Португалии Унгерн-Штернберг — положительно отнеслись к запросу Советского правительства. Но их попытки сообщить об этом в Петроград оказались безуспешными: правительства стран Антанты перехватили эти телеграммы и бойкотировали их (см.: Ю. Я. Соловьев, ук. соч., стр. 294—295 и далее).

[68] «Собрание узаконений», № 4, 12 декабря 1917 г., ст. 63; «Газета», № 20, 28 ноября 1917 г.

В борьбе с Советской властью саботажники применяли самые различные методы, не ограничиваясь только прекращением работы и демонстративным уходом из служебных помещений. Как отмечалось в «Вестнике путей сообщения», «они бастовали, они уничтожали документы, они подделывали ассигновки, они занимались избиением тех из своих товарищей, кто переходил на нашу сторону».[69] При этом саботажники нередко прибегали к клевете. Как это было отмечено, например, в приказе № 4 Верховной морской коллегии от 3 января 1918 г. об увольнении группы саботировавших чиновников морского ведомства, они возводили «гнусные инсинуации на тех своих сотоварищей, которые остались продолжать работать при новой власти».[70] Всеми этими средствами организаторы саботажа пытались не допустить сотрудничества основной массы служащих бывших министерств с представителями Советской власти. Вот что писала в связи с этим 8 декабря 1917 г. «Правда», приводя как пример факт угрозы исключения из Союза конторщиков одного служащего, который записался в Народном комиссариате труда кандидатом на какую-либо работу: «Вы не должны поступать в Министерство труда, места которого должны быть под бойкотом, — сказали этому товарищу в Союзе конторщиков. — Пусть новое правительство останется без служащих, и тогда посмотрим, что они сделают. Когда придет Керенский и арестует это правительство, тогда не обращайтесь к нам за работой, потому что мы исключим вас из числа членов союза за то, что вы служили в Министерстве труда».[71]

Другая форма контрреволюционного саботажа, получившая распространение главным образом в тех министерствах и ведомствах, с деятельностью которых было связано поддержание нормальной жизни Петрограда и всей страны (Государственный банк, министерства Почт и телеграфов, Финансов, Путей сообщения, Продовольствия, Торговли и промышленности, Особый комитет по снабжению, Особые присутствия по продовольствию и топливу и другие), состояла в стремлении чиновничьей верхушки и меньшевистско-эсеровского руководства союзов служащих этих ведомств осуществлять их работу независимо от представителей

[69] Они поправели (без подписи). «Вестник путей сообщения», 1918, № 1, стр. 19. Так, покинувшие бывшее Военное министерство чиновники Отдела справок о жертвах войны одновременно специально перепутали имевшуюся в отделе громадную картотеку, желая сорвать работу отдела и вызвать этим у широких кругов населения недовольство навой властью (см.: ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 8, л. 35 — Стенограмма вечера воспоминаний о революционных событиях в Петрограде в 1917 г.).

[70] ЦГАВМФ, сборник приказов и циркуляров по флоту и морскому ведомству (далее: Сборник приказов), № 1, январь 1918 г., приказ № 4 от 3 января, стр. 172—173.

[71] «Правда», № 209, 8 декабря 1917 г. См. также: Д. Боголепов. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции. «Пролетарская революция», 1925, № 4, стр. 155—156; Очерки по истории союза, стр. 113.

Советской власти. Народных комиссаров и их помощников всячески пытались не допускать к осуществлению контроля за деятельностью центральных ведомств, препятствуя им даже в ознакомлении с поступающей корреспонденцией.[72] В ряде случаев, являясь на службу под страхом лишения места и права на пенсию, не давая повода новой власти для своего увольнения, чиновники, эти «герои двадцатого числа» (т. е. дня получки),[73] на деле лишь отсиживали рабочее время в своих кабинетах, аккуратно при этом посещая столовые и буфеты бывших министерств.[74] Ярким образцом такой «работы» является деятельность Главного земельного комитета, который уже в январе 1918 г. «по-прежнему пережевывал вопрос: передать ли землю крестьянам с выкупом или без выкупа».[75]

Наряду с этим контрреволюция пыталась сохранить отдельные части старой государственной машины, а также кадры преданного буржуазии чиновничества. Не вызывает удивления поэтому тот факт, например, что, как сообщала 8 ноября газета «День», «в Сенате и судебных местах Петрограда заседания и работа канцелярий проходит нормально».[76] Важно подчеркнуть другое, отмеченное, кстати, этой же газетой двумя днями позже, а именно то, что все старые судебные органы и органы прокурорского надзора, не признавая Советскую власть, вели разбор дел от имени бывшего Временного правительства.[77] По подобным же причинам не переставали являться на службу и служащие Духовного ведомства, которые направляли свою работу против Советской власти и ее же хотели заставить себя содержать.[78]

Осуществляя контрреволюционный саботаж, чиновники бывших министерств и других центральных правительственных ведомств в то же время обращались к населению Петрограда и

[72] См.: «Трибуна государственных служащих», № 18, 4 ноября 1917 г., стлб. 6; № 19, 11—17 ноября 1917 г., стлб. 9—10; № 21, 25 ноября 1917 г., стлб. 10—11; С. В. Дрибат, ук. соч., стр. 55—56; Ф. З. Мончинский, ук соч., стр. 93—96; М. К. Лемке, ук. соч., стр. 172—173; Н. Орлов. Продовольственная работа Советской власти, стр. 19—21.

[73] См.: «Известия», № 261, 28 декабря 1917 г.

[74] См., например: П. И. Стучка. Пять лет революции права, стр. 108; Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир, стр. 215; Ф. З. Мончинский, ук. соч., стр. 95; «Почтово-телеграфный журнал», часть неофициальная, июль—декабрь 1917 г. Пгр., 1918, стр. 49.

[75] В. Мещеряков. I. Организация Народного комиссариата земледелия и земельных отделов. II. Полгода коммунального строительства. М., изд. Народного комиссариата земледелия (б. г.), стр. 3.

[76] «День», № 203, 8 ноября 1917 г.

[77] «День», № 204, 10 ноября 1917 г. Как писал впоследствии П. И. Стучка, «все суды с Правительствующим сенатом во главе нашу революцию просто игнорировали. Если в феврале, на второй день революции, суды уже писали свои решения „по указу Временного правительства", то после Октябрьской революции они Рабоче-крестьянское правительство и временно признавать не желали. В сотнях камер мировых судей и разных других судов провозглашали решение по указу свергнутого Временного правительства» (П. И. Стучка, ук. соч., стр. 107).

[78] М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 156.

всей России с многочисленными воззваниями и листовками, направленными против Советской власти и ее важнейших актов. Так, 28 октября Главный земельный комитет обратился ко всем губерниям, уездным и волостным земельным комитетам со специальным воззванием, в котором, объявив о незаконности и недействительности принятого II Всероссийским съездом Советов декрета о земле, предложил этим комитетам и призвал все население не исполнять и не допускать его исполнения. «Пусть население в спокойной уверенности ожидает того близкого дня, — говорилось далее в обращении, — когда земельный вопрос будет разрешен и земля передана трудовому народу Учредительным собранием, а земельные комитеты пусть продолжают возложенное на них великое дело подготовки земельной реформы».[79] Одновременно с этим саботажники, оправдывая свои действия, демагогически обвиняли Советскую власть в насилии и обращались на места с просьбой о поддержке против Смольного и его комиссаров.[80] В фонде Народного комиссариата продовольствия ЦГАНХ, например, сохранился текст подобной резолюции состоявшегося 10 ноября собрания саботажников бывшего министерства вместе с сопроводительным письмом от 16 ноября, адресованным в Пензенский губернский продовольственный комитет. Подтвердив, что служащие министерства остаются на позиции собрания, состоявшегося 27 октября, которое выразило недоверие представителям Советской власти, признав Временное правительство и Совет Республики «единственными законными органами верховной власти»,[81] саботажники заявляли в своей резолюции, что они будут продолжать работу лишь до активного вмешательства Советской власти в деятельность министерства. На сопроводительном письме имеется небезынтересная пометка, сделанная, по-видимому, кем-то из первых сотрудников Народного комиссариата продовольствия. Вот ее текст: «После ухода саботажников из Министерства 20 ноября в журнале организационного отдела был найден целый ряд таких же отношений в разные губпродкомы за тем же № 3189, причем было 18 ноября и 16-ое. По-видимому, не успели отправить».[82] Потерпев неудачу в попытке продолжить 27 ноября работу Министерства продовольствия под руководством так называемой «десятки» (Всероссийского совета продовольственного съезда)[83] и отказавшись от каких-либо сношений с временным

[79] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 30, л. *43*.

[80] Тексты соответственных документов приводятся, например, Д. Ридом в его широко известной книге (Джон Рид, ук. соч., стр. 228, 325—328).

[81] Н. Орлов, ук. соч., стр. 19.

[82] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. *3*, д. 7, лл. 1—2. Подробнее см.: ОРФ Института истории АН СССР, ф. Ю. С. Шпунта, оп. 1, д. 2, л. 8 (авторский экземпляр статьи А. Г. Шлихтера для сборника «На баррикадах пролетарской революции»).

[83] «Десятка», или Совет 10, была избрана назначенным еще до Октябрьской революции и состоявшимся в Москве с 18 по 23 ноября Всероссийским

заместителем народного комиссара по продовольствию А. Г. Шлихтером, исполнительный комитет служащих этого министерства снова обратился 28 ноября ко всем его служащим с отпечатанной на ротаторе листовкой, в которой призвал последних «прекратить занятия и не возобновлять их... впредь до особого уведомления комитета».[84]

В результате осуществления контрреволюционного саботажа чиновников и служащих министерств и других центральных правительственных учреждений в Петрограде и во всей стране во всех важнейших областях хозяйственной и культурной жизни создалось исключительно серьезное положение. «Бездействие административного аппарата, — не без основания заявлял поэтому печатный орган чиновников столицы — журнал «Трибуна государственных служащих», — более опасно для господства большевиков, чем все выступления юнкеров и Керенского».[85] Организованный контрреволюционными силами саботаж чиновничества и интеллигенции должен был явиться одной из надежнейших гарантий того, что победивший пролетариат практически не сможет осуществить государственное руководство страной. Действительно, как отмечала «Правда», саботаж в начальный период существования Советской власти являлся оружием борьбы не менее острым, чем штык или сабля.[86]

продовольственным съездом, который занял отрицательную позицию по отношению к новой власти и поддержал решение саботировавших чиновников-продовольственников не признавать и не подчиняться распоряжениям Совета Народных Комиссаров (см.: ОРФ Института истории АН СССР, ф. Ю. С. Шпунта, оп. 1, д. 2, лл. 10—12).

[84] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32995 (текст листовки от 28 ноября 1917 г.). См. также: Триумфальное шествие Советской власти, ч. 1, стр. 111—114.

[85] «Трибуна государственных служащих», № 19, 11—17 ноября 1917 г., стлб. 3.

[86] «Правда», № 207, 6 декабря 1917 г.

Глава 2

СОЗДАНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО АППАРАТА НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ В СМОЛЬНОМ

В сложившихся благодаря саботажу контрреволюционно настроенного чиновничества условиях Центральный комитет РСДРП(б) и Совет Народных Комиссаров, лично В. И. Ленин проявили исключительное внимание к созданию советских народных комиссариатов, подбору новых работников в области государственного управления. Организация народных комиссариатов началась уже в первые после победы Октябрьского вооруженного восстания дни. Крайне малочисленные по составу своих сотрудников комиссии (первоначальный аппарат НКИД, например, состоял всего из 2 чел.; аппарат Наркомнаца также из 2),[1] которым поручалось «заведование отдельными отраслями государственной жизни», располагались в комнатах Смольного, по соседству с кабинетом В. И. Ленина, вокруг Совнаркома и его Управления делами.[2] «Вначале в Смольном было все, — вспоминала Н. К. Крупская, — и партийные собрания, и Совнарком, тут же шла и работа наркоматов».[3]

Из известных нам материалов наиболее ранние сведения о некоторых из располагавшихся тогда в Смольном народных комиссариатах содержатся в хранящемся в фонде Военно-революционного комитета ЦГАОР рукописном документе под названием «Сведения о народных комиссариатах и поручения», относящемся, по-видимому, к первым послеоктябрьским дням. Ввиду несомненного интереса этого документа (в нем указаны также домашние адреса некоторых первоначальных руководителей комиссариатов) приведем весь его текст:

«Канцелярия Совета комиссаров — III этаж.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32995; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, лл. 40, 49 об.

[2] В. Бонч-Бруевич. На боевых постах..., стр. 133; С. Пестковский. Об Октябрьских днях в Питере. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 99—103.

[3] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 335.

1. Комисс[ар] почт и тел[еграфов] Глебов Н. П. — Почтамтская, 17, тел[ефон] 437, т[оварищ] комисс[ара] Любович. Направл[ять] телефонисток — Морская, телеф[онная] станция. Ком[иссар] Яковлев, телеф[он] 120.
   Секретарь комитета при Нар[одном] ком[иссаре]. Зеликман Моисей Яковл[евич] — Каменноостр[овский] 29, кв. 32, телеф[он] 246/62.
2. Рыков Алексей Иванович — 3-й этаж, комн[ата] 33.
3. Финансов — Скворцов Иван Иванович. Времен[ный] зам[еститель] Менжинский Вячеслав Рудольфович, комната 30. Тов[арищ] комисс[ара] Аксельрод Алекс. Ефремович — 7 Рожд,[ественская] 40, кв. 6, телеф[он] 76—22.
4. Управляющ[ий] делами нар[одных] комисс[аров] Бонч-Бруевич.
5. Продовольствие — Теодорович. Тов[арищ] Теодор[овича] — Якубов Артем (?) Степанович — Карповка 30, кв. 36, телеф[он]».[4]

«Помнится, — вспоминал об этом времени впоследствии Б. Ф. Малкин, — что самые крупные затруднения испытывал тогда наркомпочтель т. Глебов-Авилов, которого почтельсоюз (в большинстве соглашательский) не пускал в наркомат и которому на первых порах приходилось пребывать в Смольном».[5]

В последующие ноябрьские дни (не позднее 21 ноября) находившиеся в Смольном первые сотрудники народных комиссариатов сосредоточились в две основные группы — вокруг народных комиссаров по военным и морским делам и народных комиссаров по гражданским делам. В составе первоначального аппарата народных комиссаров военных и морских дел имелись канцелярия, помещавшаяся в комнате № 76 (ее непосредственными соседями были ВРК и военно-революционный штаб), и Совет комиссаров по военным и морским делам (в число служащих Совета входило 11 чел. во главе с В. Н. Васильевским).[6] «Рядом с Военно-революционным комитетом, — вспоминал впоследствии Я. Х. Петере, — находились Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко со своим военным штабом».[7] Народные комиссары по гражданским делам (земледелия, почт и телеграфов, просвещения, финансов, путей сообщения, по делам национальностей) и их немногочисленные в то время сотрудники размещались в том же помещении, где находились Совнарком и его Управление делами —

[4] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 87. Весь текст документа (кроме 5-го пункта) написан чернилами, текст 5-го пункта — карандашом.

[5] Б. Малкин. В Смольном, стр. 12.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, лл 44—54; Н. И. Подвойский. Год 1917, стр. 181—182.

[7] От Февраля к Октябрю, стр. 288.

группе комнат III этажа Смольного под номером 81.[8] В комнате № 67 этого этажа разместились два сотрудника — Шелепина и Кулагин, составлявшие весь первоначальный аппарат Наркоминдела.[9]

Стол, пара стульев да прикрепленный над ними лист бумаги с названием народного комиссариата — таково было все нехитрое имущество многих начинавших тогда свою деятельность в Смольном комиссариатов, в том числе По иностранным делам, Финансов, Земледелия, Продовольствия, Общественного призрения, По делам национальностей.

По свидетельству А. Г. Шлихтера, например, «кабинетом» народному комиссару земледелия служил тогда небольшой столик, установленный в общей комнате секретариата Совнаркома; все «дела» Наркомзема того времени свободно умещались на двух полках стоявшего там же простого канцелярского шкафа.[10] Не хватало бумаги, чернил и других самых простейших канцелярских принадлежностей. Средства комиссариатов исчерпывались скромными личными деньгами их руководителей и немногочисленных технических сотрудников, которым на первых порах приходилось иногда выполнять срочную работу для нескольких комиссариатов одновременно.[11] Именно недостатком, а точнее почти полным отсутствием крайне необходимых для налаживания работы нового правительственного аппарата средств была вызвана материальная поддержка, которую, как увидим далее, с первых же дней революции стали оказывать Военно-революционному комитету и Совету Народных Комиссаров профессиональные союзы и другие массовые организации трудящихся Петрограда.

Решающую роль в организации и налаживании работы народных комиссариатов сыграли указания и требования главы первого Рабочего и Крестьянского правительства В. И. Ленина, который руководил всей этой работой, организовывал ее, используя для этого партийный аппарат, аппарат ВЦИК, ВРК и Совнаркома.[12] Как отмечала А. И. Ульянова-Елизарова, В. И. Ленину, возглавившему строительство нового Советского государства, «пришлось самому направлять работу во всех отраслях — начиная с военной и кончая продовольческой или просвещенской».[13] «В каждом

[8] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, лл. 49—50; Е. К Кокшарова. Воспоминания о работе вторым секретарем Совнаркома в 1917—1918 гг., л. 5.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, л. 40.

[10] А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине, стр. 40—41. См также: Е. К. Кокшарова, ук. соч., л. 5.

[11] См.: В. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 134, 135. С. Пестковский, ук. соч., стр. 99—103; Воспоминания об Октябрьском перевороте. . ., стр. 162—163.

[12] Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 335, 336.

[13] А. Ульянова-Елизарова. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 323—324.

комиссариате, — вспоминал также впоследствии один из видных деятелей большевистской партии М. С. Кедров, — руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался».[14] В течение всего дня, до начинавшихся вечером заседаний СНК, В. И. Ленин был занят различными делами, связанными с организацией и налаживанием деятельности советских народных комиссариатов. По свидетельству Е. К. Кокшаровой, народные комиссары всегда обращались к В. И. Ленину со всеми вопросами. «Каждый из них еще не представлял себе точно тех задач, которые перед ним стояли — по окончательному слому буржуазного государственного аппарата и по передаче всего новому советскому государству и стране. С каждым вопросом они — обычно днем — приезжали к Владимиру Ильичу, и он давал им указания».[15] Один из первых советских народных комиссаров Э. Э. Эссен, которому тогда, как и другим наркомам, «каждый день приходилось иметь дело с Ильичем», в своих воспоминаниях специально отмечает поражавшую его оперативность ленинского стиля руководства: «. . . удивительную ясность головы и умение давать руководящие указания во все народные комиссариаты, на которые разбилось управление Советским государством».[16]

Об этом убедительно свидетельствует, например, история создания одного из важнейших советских наркоматов — Народного комиссариата иностранных дел. С момента своей организации Наркоминдел находился под постоянным и тщательным наблюдением и контролем В. И. Ленина, который изо дня в день осуществлял громадную и самую разностороннюю работу по руководству внешнеполитической деятельностью Советского государства.[17] Один из первых советских дипломатов Я. Ганецкий писал об этом: «С самого начала создания Наркоминдела Ленин до последних дней своей жизни непосредственно давал направление советской дипломатии. . . Ошибочным было бы предполагать, что председатель Совета Народных Комиссаров был в „привилегированном" положении, что он давал только направление делу, распоряжение, а исполнение возлагалось на других. Не было такой области работы, таких вопросов, которыми Ленину не приходилось бы лично заниматься».[18] Так, В. И. Ленин непосредственно

[14] М. С. Кедров. *Из* красной тетради об *Ильиче.* Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, стр. 103.

[15] Стенограмма, л. 4.

[16] ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 22, лл. 7, 9.

[17] См.: М. И. Труш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина, 1917—1920. День за днем. М., 1963. См. также: Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика. Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, стр. 196—203.

[18] Я. Ганецкий. Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 73. Вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания (в первых числах ноября) Я. С. Ганецкий прибыл в Петроград из Швеции и по предложению

поручает комиссару пограничной охраны в Торнео Г, Тимофееву организовать службу курьеров Смольный—Торнео и осуществлять контроль за телеграфной и почтовой связью Смольного со Стокгольмом (через Торнео). 15 ноября 1917 г. В. И. Ленин пишет на бланке Военно-революционного комитета записку об этом поручении Г. Тимофееву.[19]

Самое непосредственное участие принимал В. И. Ленин в руководстве работой первых советских дипломатических представителей за границей. И именно это во многом способствовало успешному налаживанию их деятельности, несмотря на многочисленные трудности и серьезные препятствия со стороны официальных кругов буржуазных государств. Так, по свидетельству Я. Ганецкого, «единственный наш посол на весь мир», первоначально В. В. Воровский, все время поддерживал постоянный контакт с Председателем Совнаркома, регулярно посылая донесения и обращаясь к нему почти по всем без исключения вопросам.[20] На состоявшемся 9 декабря 1917 г. под председательством В. И. Ленина заседании Совета Народных Комиссаров было принято специальное постановление об ассигновании 2 млн руб. В. В. Воровскому Е Стокгольм для образования фонда борьбы за мир (п. 6 повестки заседания).[21] Другой видный деятель большевистской партии Я. А. Берзин, назначенный полномочным представителем Советской России при правительстве Швейцарской республики, в своих воспоминаниях пишет о В. И. Ленине: «Перед отъездом в Швейцарию я имел много разговоров о предстоящей мне там работе, и от него я получал все инструкции по поводу нее... В дальнейшем он проявлял весьма большой интерес к каждому шагу нашей работы. В течение тех 6 месяцев, которые я провел в Швейцарии, почти каждый курьер привозил от него личные письма и записки, адресованные мне».[22]

В. И. Ленина принял участие в налаживании, а затем поддержании связи с оставшимся в Стокгольме В. В. Воровским, «который должен был информировать весь заграничный мир о революции в России...» (Я. Ганецкий, уч. соч., стр. 72—73). В дальнейшем Я. С. Ганецкий был членом коллегии Наркоминдела (М. И. Трушкин, ук. соч., стр. 150).

[19] См.: Г. Тимофеев. Два урока. «Правда», № 17, 21 января 1925 г.; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 42; В. И. Ленин... Биографическая хроника. Вопросы истории КПСС, 1960, № *3*, стр. 153.

[20] Я. Ганецкий, ук. соч., стр. 73—74.

[21] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 36 об. На основании этого решения в Департамент государственного казначейства вскоре было направлено соответствующее постановление Совнаркома за № 356 (как видно из пометки под текстом постановления, его получил 15 декабря под расписку уполномоченный Наркоминдела И. А. Залкинд), в котором говорилось: «Ассигновать особым сверхсметным кредитом из наличных средств государственного казначейства два миллиона в распоряжение нашего посла в Швеции для организации заграничного представительства Российской республики и связанные с этим расходы» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 24, л. 7).

[22] Я. Берзин. Из воспоминаний о В. И. Ленине. «Правда», № 17, 21 января 1925 г.

Чрезвычайно велика была также роль В. И. Ленина в осуществлении Наркоминделом официальных сношений с дипломатическим корпусом. В. И. Ленин непосредственно руководил всеми важнейшими внешнеполитическими действиями и переговорами Советской республики как с дипломатическими, так и с полуофициальными представителями иностранных государств. Под руководством В. И. Ленина и при его личном участии разрабатывались различные проекты установления экономических отношений с США, Англией, Швецией и другими странами.[23]

По указаниям В. И. Ленина ответственные сотрудники Управления делами СНК помогли организовать аппарат Наркоминдела. Рассказывая о создании временного управленческого аппарата народных комиссариатов, располагавшихся на первых порах вместе с аппаратом Совнаркома в Смольном, управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии вспоминал: «Первый комиссариат, который мы здесь организовали, был Комиссариат по иностранным делам».[24] По поручению Наркоминдела секретарь Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунов поддерживал, в частности, связь с ВРК, который в первые послеоктябрьские дни был главным оперативным органом СНК и в области организации сношений с заграницей. Так, в письме от 7 ноября Н. П. Горбунов по поручению НКИД просил ВРК телеграфировать в Торнео о том, «что все лица, имеющие дипломатические паспорта, должны беспрепятственно пропускаться как в Россию, так и из России».[25] Н. П. Горбунов помогал также Наркоминделу найти высококвалифицированных специалистов для перевода на различные языки первых советских дипломатических документов.[26]

В соответствии с указаниями В. И. Ленина[27] сотрудники Управления делами Совнаркома, и в первую очередь В. Д. Бонч-Бруевич и секретарь Совета Н. П. Горбунов, оказывали все необходимое содействие и в организации других наркоматов и их

[23] См.: И. Залкинд. НКИД в семнадцатом году, стр. 16—20; Р. III. Ганелин. Некоторые вопросы ранних советско-американских отношений и современная американская историография. В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. «Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР», М.—Л., 1961, вып. *3,* стр. 42 и далее; А. О. *Чубарьян.* Брестский мир в американской и английской буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1962, № *3,* стр. 166; М. И. Труш, ук. соч., стр. 59—65.

[24] В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 133.

[25] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 13.

[26] Там же, лл. 12, 13, 15—15 об.

[27] Так, например, в один из последних дней октября В. И. Ленин, указав В. Д. Бонч-Бруевичу на необходимость принятия срочных мер для создания аппарата Советского правительства, коснулся также и вопроса об организации аппарата народных комиссариатов. См.: В. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 131; В. И. Ленин... Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 175—177.

аппарата. При помощи сотрудников аппарата СНК осуществлялась, например, в первое время деятельность Наркомзема, совершенно еще не имевшего своих работников. Именно при их содействии А. Г. Шлихтер, выполняя данное ему В. И. Лениным указание («В ближайшем заседании Совнаркома будет официально оформлено Ваше назначение комиссаром земледелия, — заканчивает наше деловое свидание т. Ленин. — Но было бы хорошо, если бы Вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные разъяснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать этого некому»),[28] принимал в те дни многочисленных крестьянских ходоков. В материалах Совнаркома ЦПА ИМЛ сохранился черновик одного интересного документа, свидетельствующего о состоявшейся тогда в Смольном одной из таких встреч: «Сим удостоверяется, что крестьяне (так в тексте, — *М. И.*) Лускарев М. А., село Кренидовка, Хильганской волости Черниг. губ., действительно были приняты министр. земледелия, имели с ним беседу и получили устно советы для проведения в жизнь закона о земле» [29]

«Было тяжело работать при полном бойкоте интеллигенции, при отсутствии опыта, — вспоминала также Д. А. Лазуркина, одна из первых сотрудниц Наркомпроса, — но Ильич все время интересовался работой каждого из нас, и не было случая, чтобы при всей его перегруженности он отказал в помощи или совете... То и дело звонили из Совнаркома в отделы и спраши • вали, как идет работа, в чем нуждаетесь, как откликается интеллигенция».[30] Секретарь СНК Н. П. Горбунов, в частности, принимал участие в изготовлении целого ряда первых официальных документов народных комиссариатов (приказов об увольнениях и назначениях, различных предписаний и др.), которые, кроме подписей соответствующих наркомов, имели обычно и его подпись.[31] В. Д. Бонч-Бруевич, Н. П. Горбунов и другие сотрудники аппарата СНК первое время принимали также участие как в выполнении поручений народных комиссаров, так и в осуществлении последними различных заданий В. И. Ленина.

Вместе с аппаратом Совнаркома большую помощь народным комиссариатам оказывал Петроградский ВРК. Уже 27 октября ВРК в соответствии с заявлением правления Профсоюза младшего персонала государственных просветительных, воспитательных, лечебных и иных заведений направил своих представителей

[28] А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине, стр. 38 и далее.

[29] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989.

[30] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3258, лл. 9—10 и др.

[31] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 18, л. 10; д. 19, л. 43; д. 23, л. 6; д. 35, л. 17; ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 12; «Известия», № 223, 12 ноября 1917 г., «Газета», № 17, 24 ноября 1917 г.

в бывшее Министерство призрения.[32] Среди адресов, по которым согласно предписанию ВРК штабу Кронштадтского сводного отряда от 30 октября надлежало направить отряды матросов и красногвардейцев, был указан адрес бывшего Министерства просвещения, занимавшего здание на набережной Фонтанки у Чернышева моста.[33] Членам ВРК и его комиссарам, а также образованным в ночь с 30 на 31 октября специализированным отделам ВРК пришлось выполнять в первое время самые различные задания, связанные с деятельностью начинавших тогда еще лишь организовываться народных комиссариатов.[34] Так, еще до создания Народного комиссариата иностранных дел, Военно-революционный комитет направил *3* ноября 1917 г. в Стокгольм представителю ЦК РСДРП(б) В. В. Воровскому специальное письмо, уполномочив его представлять ВРК в Швеции. «Примите меры к самому широкому осведомлению общественного мнения Европы, Англии и Соединенных Штатов о характере и смысле происшедшего в России переворота, — говорилось также в этом письме. — Телеграфируйте подробно о впечатлении, произведенном нашей пролетарско-крестьянской революцией на различные классы и партии в Западной Европе».[35] В период организации аппарата Наркоминдела ВРК провел также большую работу, непосредственно осуществляя переписку с консульствами, иностранными подданными и комиссарами пограничных станций о выдаче разрешений на выезд за границу, с иностранными фирмами и пограничными таможнями — об обмене русского сырья на иностранные фабрикаты, выдавая пропуска на выезд и разрешение на вывоз товаров за границу.[36]

В первое время ВРК довольно часто приходилось также оплачивать неотложные счета многих ведомств. «Военно-революционному комитету приходится нести расходы не только в связи с его боевой деятельностью, — указывалось в адресованном Совету Народных Комиссаров ходатайстве об ассигновании ВРК денежных средств за подписью И. С. Уншлихта, — но также платить по неотложным счетам всех ведомств».[37] Помогая народным

[32] Документы, стр. 67.

[33] Там же, стр. 123.

[34] Там же, стр. 115. Подробнее о структуре и деятельности ВРК см.: Е. Н. Городецкий. Из истории Петроградского Военно-революционного комитета. В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.

[35] Документы, стр. 170—171.

[36] См.: ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, дд. 60—64. Активное участие во всей этой работе принял М. С. Урицкий, целый ряд автографов которого сохранился в материалах ВРК (см.: там же, д. 60, л. 44; д. 62, лл. 146, 202, 220, 223; д. 63, лл. 88, 92, 215, 227).

[37] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 13. Впоследствии, уже после ликвидации 5 декабря ВРК, по специальному указанию Совета Народных Комиссаров от 20 декабря, в кассу ВЦИК было отпущено 300 000 руб., предназна-

комиссарам ликвидировать чиновничий саботаж и овладеть бывшими министерствами, ВРК вместе с тем активно занимался подбором новых работников для организовывавшихся наркоматов. 29 октября ВРК предписал районным военно-революционным комитетам Петрограда сообщить «всем фабрично-заводским комитетам, районным и правлениям профессиональных об[щест]в, больничным кассам, партийным комитетам и пр[очим] пролетарским организациям, чтобы они немедленно выяснили лиц, желающих работать в революционных организациях в качестве бухгалтеров, машинистов, писцов, артельщиков, посыльных, служителей и пр...». Предписание предлагало далее составить списки желающих с указанием: «1) их фамилии, имени и отчества; 2) адреса жительства; *3)* места работы; 4) специальности; 5) желает поступить на постоянную или на временную должность; 6) состоит ли в партии и в какой».[38]

В этот же день по решению ВРК на различные предприятия и в учреждения столицы были направлены его представители с целью подбора работников для народных комиссариатов и других советских органов. «Военно-революционный комитет удостоверяет, — говорилось в одном из выданных тогда посланцам ВРК удостоверений, — что т. Назаров командируется на фабрики, заводы и другие частные предприятия для сформирования кадров служащих в министерствах и других правительственных учреждениях».[39] В дальнейшем специальным решением ВРК С. И. Назаров был направлен в бывшее Министерство торговли и промышленности. «Настоящим Военно-революционный комитет предписывает служебному персоналу Министерства торговли и промышленности, — говорилось в предписании ВРК от 16 ноября за № 3834, — оказать всяческое содействие С. И. Назарову, командированному для ревизии и выяснения дел обозначенного министерства».[40]

1 ноября ВРК отправил воинским частям Петроградского гарнизона телеграмму, в которой каждой части или учреждению предписывалось немедленно прислать с рекомендацией полковых или иных местных комитетов писаря в распоряжение комитета.[41]

чавшихся для уплаты за выполненные для ВРК работы. В адресованном заведующему Финансовым отделом СНК В. Бонч-Бруевичу предписании при этом отмечалось, что данная сумма должна быть затем возвращена в правительственный фонд из средств тех народных комиссариатов и ведомств, на нужды которых ВРК расходовал свои средства (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 24, л. 16). См. об этом: А. М. Гиндин. Как большевики овладели Государственным банком, стр. 61—62.

[38] Документы, стр. 85—86.

[39] Там же, стр. 99.

[40] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 48.

[41] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, стр. 912.

Целый ряд комиссаров и других направленных в правительственные учреждения представителей ВРК впоследствии сами стали работниками (и нередко руководящими) тех народных комиссариатов, которые они помогли организовать. Различные источники, например, убедительно показывают, насколько тесно были взаимосвязаны в своей деятельности народный комиссар почт и телеграфов Н. П. Авилов (Глебов) и комиссары ВРК, в частности К. Я. Кадлубовский и А. М. Любович, которые вскоре были введены в состав коллегии Народного комиссариата почт и телеграфов.[42] Приведенные выше сведения позволяют признать ошибочным указание Е. Н. Городецкого о том, что комиссары ВРК назначались «во все крупные учреждения столицы, за исключением министерств, которые находились в ведении непосредственно Совнаркома».[43]

Активное содействие в организации первоначального аппарата народных комиссариатов оказал также Военно-морской революционный комитет, являвшийся ближайшим помощником Петроградского ВРК.[44] Выполняя указания Совнаркома и ВРК и выделяя в этих целях лучших революционных моряков с кораблей, батарей и флотских экипажей Балтийского флота,[45] ВМРК часто

[42] См.: Декреты Советской власти, т. I, № 54; Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. *63,* 64; «Почтово-телеграфный журнал», часть неофициальная, 1918, № 9—12, стр. 15—16, 39—40; Связисты в борьбе за власть Советов, стр. 10, 18—19, 21, 23, 25.

[43] Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 117.

[44] ВМРК был образован 26 октября на совещании делегатов II Всероссийского съезда Советов от флотов и флотилий в качестве руководящего органа революционных моряков вместо занявшего контрреволюционную позицию эсеро-меньшевистского Центрофлота, распущенного при содействии отряда рабочих-красногвардейцев на следующий день, 27 октября. Имея в своем составе, помимо руководящего ядра — так называемой инициативной группы или коллегии 10 во главе с И. И. Вахрамеевым (8 из 10 членов этой группы были большевики) — ряд большевистски настроенных членов старого Центрофлота и многих кооптированных и присланных Центробалтом представителей, ВМРК сыграл важную роль не только как оперативный орган вооруженного восстания (например, в одной из финансовых ассигновок Петросовета ВМРК от 31 октября, подписанной И. Бакаевым, в графе назначения указано: «Экстраординарные расходы по случаю революции» — ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 15, д. 1, л. 47), но, как увидим в дальнейшем, я в организации управления военным флотом и всем Морским ведомством (см.: ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 4, л. 1; д. 8, л. 37; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 15, лл. 96—97; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 865; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 64—65, 76—77).

[45] В одном из адресованных в Военно-морской революционный комитет в ноябре 1917 г. писем за № 3215, например, говорится: «Военно-революционный комитет просит Вас откомандировать в его распоряжение тов. Кузьму Тимофеевича Симоненко с транспорта „Чайка"» (ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 40). В фонде ВМРК ЦГАВМФ сохранился целый ряд списков моряков-балтийцев, «. . . назначенных в Петроград на защиту революции», «. . . едущих в Петроград» и т. д., которые направлялись в распоряжение Военно-революционного комитета (ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 7, лл. 16—19, 26—27, 29—30; д. 8, лл. 38, 41).

приходилось направлять моряков-балтийцев в распоряжение различных народных комиссаров — финансов, военных дел, продовольствия, внутренних дел и других.[46] С помощью военных моряков-телеграфистов и телефонистов, телеграфистов из электротехнического батальона, а также выделенных ВМРК совместно с ВРК комиссаров и отрядов революционных моряков налаживалась также, например, деятельность Народного комиссариата почт и телеграфов и находившихся в его ведении Центрального телеграфа и Городской телефонной станции Петрограда.[47] Так, в адресованном ВРК письме народного комиссара почт и телеграфов Н. П. Авилова (Глебова) и члена коллегии В. Н. Залежского от 20 ноября содержалась специальная просьба о направлении в распоряжение Наркомпочтеля двух комиссаров из Военно-морского революционного комитета.[48] А несколько раньше (в 10-х числах ноября) с согласия ВМРК для работы на Петроградской телефонной станции как опытный механик был откомандирован гальванер учебного артиллерийского отряда Арсений Синицын.[49]

Энергичную деятельность по привлечению новых сотрудников к участию в работе создававшихся народных комиссариатов развернула Комиссия труда во главе с народным комиссаром А. Г. Шляпниковым, уже в последних числах октября занявшая Мраморный дворец, где помещалось бывшее Министерство труда.[50] «В первую очередь, — вспоминал впоследствии А. Г. Шляпников, — организовали набор новых служащих для всех народных комиссариатов».[51] Комиссия труда обратилась к трудящимся и всем представлявшим их организациям с призывом направить лучших своих представителей для работы в народных комиссариатах. «Все товарищи, верные революции, — говорилось в обращении, — обязаны немедленно мобилизоваться и занять посты во всех учреждениях новой народной власти». Запись в народные комиссариаты новых работников всех специальностей производилась в расположенных в различных районах

[46] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 14, л. 24; д. 18, л. 10; ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 40; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 83, 86—89, 116—117.

[47] См.: 1917 год на Центральной телефонной станции в Петрограде (воспоминания группы телефонисток). «Пролетарий связи», 1927, № 20, стр. 20—21; Связисты в борьбе за власть Советов, стр. 19, 24; ГАОРССЛО, ф. 4000. оп. 6, д. 1746, лл. 3—4 (воспоминания И. М. Русанова, бывшего телеграфиста электротехнического батальона, члена ротного и батальонного комитетов). В дальнейшем, 18 декабря, с протестом против саботажа чиновников Министерства почт и телеграфов выступил также Всероссийский съезд военных телеграфистов, заявивший о своей поддержке власти Совета Народных Комиссаров всеми имеющимися в распоряжении съезда средствами (Триумфальное шествие Советской власти, стр. 133).

[48] ЦГАВМФ, ф. 22. оп. 1, д. 7, л. 21.

[49] Там же, л. 14—14 об.

[50] См.: «Газета», № 1, 28 октября 1917 г.; «Правда», № 172, 29 октября 1917 г.; А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 23—25, 27—28.

[51] А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 27.

столицы 6 пунктах. При этом записывающимся, как указывалось в обращении, нужно было предъявлять «рекомендации от своих коллективов, профсоюзных и партийных организации». Для оказания помощи всем народным комиссариатам в подборе новых работников при Народном комиссариате труда был образован специальный организационно-инструкторский отдел «по сформированию правительственных канцелярий и снабжению их служебнымперсоналом».

В подборе служащих для различных советских учреждений вскоре после создания Советского правительства принимали также участие работники Народного комиссариата по военным делам и Морского ведомства. В целях быстрейшего привлечения специалистов в народные комиссариаты Н. И. Подвойский поручил, в частности, секретарю Наркомвоена К. Б. Вербицкому установить связи со ставкой и одновременно с народными комиссариатами.[54] Чиновники-саботажники, имевшие отсрочку по воинской повинности, лишались ее.[55] И, наоборот, военнослужащие, являвшиеся специалистами, которые были особенно необходимы для налаживания деятельности тех или иных наркоматов, специально откомандировывались из армии и флота в этих целях или даже увольнялись в запас. Как отмечала 16 декабря «Трибуна государственных служащих», «... начался призыв в войска тех служащих, которые отказались работать; на места бастующих призываются служащие, находящиеся в армии».[56] Так, в ответ на отношение народного комиссара по продовольствию И. А. Теодоровича от 30 ноября в Законодательный совет морского ведомства с просьбой о направлении 50 матросов для работы в Наркомпроде в соответствии с резолюцией П. Е. Дыбенко политический отдел Главного морского штаба дал распоряжение 1-му Балтийскому флотскому экипажу о срочном направлении всех баталеров сроком службы 5-го, 6-го и 7-го годов, подлежащих увольнению, в Петроград «для получения назначений на должности в министерствах продовольствия, труда, народного просвещения и др.».[57] 28 декабря «Правда» сообщила о том, что приказом в.и.д. верховного главнокомандующего А. Мясникова откомандированные из армии

[52] «Известия», № 212, 31 октября 1917 г.; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 66—67.

[53] «Правда», № 186, 11 ноября 1917 г.

[54] Об этом говорит адресованное *в* СНК письмо К. Б. Вербицкого от 9 декабря 1917 г., копии которого, как это видно из сделанной на бланке с текстом письма пометки, были переданы во все народные комиссариаты не позднее 12 декабря 1917 г. (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 15, л. 19).

[55] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 53—53 об.; «Правда», № 213, 13 декабря 1918 г.; «Армия и флот Рабочей и Крестьянской России», № 20, 14 декабря 1917 г.

[56] «Трибуна государственных служащих», № 24, 16 декабря 1917 г., стлб. 13.

[57] Триумфальное шествие Советской власти, стр. 116—117.

ученые, инженеры и агрономы «прикомандировываются к комиссару торговли и промышленности для предстоящего пополнения нужных работников в технической отрасли».[58] В соответствии со специальным циркуляром народного комиссара по военным делам от 6 января 1918 г. Верховная морская коллегия издала 12 января приказ № *34, в* котором говорилось: «Всех служащих морского ведомства и флота, пользовавшихся отсрочками по отбыванию воинской повинности, ныне не исполнивших свои служебные обязанности (саботирующих), немедленно отправить в ряды действующей армии и флота, всем учреждениям морского ведомства надлежит непосредственно от себя направлять полные списки саботирующих служащих местным воинским начальникам для принятия на учет и отправления в действующую армию или во флот перечисленных в списках лиц».[59] А другим приказом Верховной морской коллегии по морскому ведомству за № 79 от 21 января было предписано «безотлагательно уволить в запас всех квалифицированных специалистов железнодорожной службы, находящихся ныне в составе флота независимо от срока их службы».[60]

Одновременно с созданием в Смольном временного аппарата народных комиссариатов ЦК РСДРП(б), Совнарком, ВЦИК, ВРК и сами комиссии во главе с народными комиссарами развернули также разъяснительную работу среди интеллигенции и служащих бывших министерств. Необходимо было наряду с применением решительных мер карательного характера по отношению к контрреволюционной верхушке саботажников освободить от влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий основную массу чиновников и служащих, учителей, медицинских работников и других представителей низших слоев интеллигенции, многие из которых, как указывала тогда «Правда», по своему фактическому положению являлись «пролетариатом в воротничках».[61] В направленном местным партийным организациям в 20-х числах ноября 1917 г. циркулярном письме ЦК РСДРП(б) с приложением выработанной Московским областным бюро РСДРП(б) инструкции

[58] «Правда», № 224, 10 января (28 декабря) 1918 г. См. также: ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6а, л. 10.

[59] ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов..., № 2, январь 1918 г., приказ № 34 от 12 января, стр. 198.

[60] Там же, № 4, февраль 1918 г., приказ № 79 от 21 января, стр. 228.

[61] «Правда», № 200, 26 ноября 1917 г. Многие категории государственных служащих (имеются, понятно, в виду средние и особенно низшие служащие) имели небольшие оклады (к их числу относились, например, почтово-телеграфные, железнодорожные и торгово-промышленные служащие, учителя). К октябрю положение их еще более ухудшилось, так как цены на все товары резко увеличились, а повышение окладов большинства категорий государственных служащих было весьма незначительным (см.: З. Серебрянский. Саботаж и создание нового государственного аппарата, стр. 7; Декреты Октябрьской революции, т. I, № 134, прим.: Связисты в борьбе за Советскую власть, стр. 8—9).

о советском строительстве в числе мер против саботажа чиновников наряду с увольнением и арестом наиболее активных саботажников из числа высших служащих специально указывалось на необходимость обращения к основной массе служащих, «...особенно к низшим, путем письменным или путем переговоров, обращение к населению, заинтересованному в работе чиновников, и устройство собраний и митингов около учреждений и в них для побуждений чиновников к работе».[62]

С обращениями, специально адресованными служащим различных центральных ведомств, выступили ВЦИК, ВРК и назначенные в эти ведомства народные комиссары. 29 октября народный комиссар по делам просвещения А. В. Луначарский обратился с особым воззванием к интеллигенции, выразив уверенность в том, что лучшие ее представители окажут всемерную поддержку восставшему трудовому народу.[63] По заданию ВРК на улицах Петрограда были расклеены специальные афиши с текстом воззвания к чиновникам.[64] 1 ноября ВЦИК принимает воззвание к казакам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим, в котором призывает их единодушно поддержать новую, народную власть.[65] В этот же день были опубликованы обращения нескольких комиссий при Совете Народных Комиссаров, в том числе «К гражданам России» за подписью народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, «Ко всем служащим и рабочим почты и телеграфа» за подписью народного комиссара почт и телеграфа Н. П. Авилова (Глебова).[66]

Обращения ВРК, народных комиссаров и их помощников были нередко адресованы не только саботирующим чиновникам, но и населению, и прежде всего трудящимся. Так, например, предлагая в помещенном 13 ноября в «Правде» обращении к бывшим служащим Министерства труда «немедленно сдать все текущие дела по Отделу взаимоотношений между трудом и капиталом», член Комиссии труда Гр. Федоров одновременно указывал: «Отсутствие документов влечет за собой затягивание в разрешении конфликтов, что тяжело отражается на положении рабочих. Рабочие должны знать, что разрешение насущных вопросов затянулось не по вине Комиссии труда, а по вине лиц, не желающих передать ей дела и тем наносящих удар рабочим в их экономической борьбе».[67]

[62] Триумфальное шествие Советской власти, стр. 35.

[63] «Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию», вып. 1. М., 1919, стр. 156—159. Несколько позднее, в начале декабря 1917 г., А. В. Луначарский обратился с аналогичным письмом к учащейся молодежи (см.: «Известия», № 248, 10 декабря 1917 г.).

[64] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 15, д. 42, л. 149.

[65] Декреты Советской власти, т. I, № 26.

[66] «Газета», № 3, 1 ноября 1917 г.

[67] «Правда», № 189, 13 ноября 1917 г. См. также: Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. М., 1940, стр. 23, 26—27.

Помимо таких, неоднократно расклеивавшихся на улицах Петрограда и помещавшихся в петроградских газетах и в дальнейшем обращений, призывавших государственных служащих отказаться от участия в контрреволюционном саботаже, народные комиссары устраивали также в бывших министерствах (Труда, Просвещения, Государственного контроля, Почт и телеграфов, Путей сообщения и др.) специальные собрания служащих, разъясняя политику Советской власти и обсуждая возможные меры для организации деятельности этих ведомств под руководством Совета Народных Комиссаров.[68] Так, 12 ноября «Известия» сообщили, что А. М. Коллонтай, приступив к исполнению своих обязанностей народного комиссара по Министерству государственного призрения, одновременно назначила на 13 ноября собрание выборных представителей служащих этого ведомства «для обсуждения стоящих перед министерством задач реорганизации государственного призрения на началах самодеятельности в интересах масс и для укрепления государственной власти за демократией России».[69]

Успешной борьбе с контрреволюционным саботажем способствовали также публичные выступления многих народных комиссаров во главе с В. И. Лениным по различным вопросам политики и деятельности Советского правительства и отдельных комиссариатов.[70]

Большой интерес в самых различных кругах населения столицы вызвало, например, выступление народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского, состоявшееся в цирке «Модерн» 12 ноября перед насчитывавшей не менее 5 тыс. чел. аудиторией. Доклад А. В. Луначарского, в котором говорилось об общей политике Рабочего и Крестьянского правительства, а также и о положении дел в Ведомстве народного просвещения, «встретил, — отмечала газета „Знамя труда", — в демократических кругах населения живейший отклик. . . Преобладали рабочие, солдаты и матросы, очень много было также работниц, но нельзя не констатировать, что добрую четверть аудитории составляла трудовая интеллигенция».[71]

Особо важное значение имели специально направленные против контрреволюционеров и саботажников декреты Советской власти, быстро распространявшиеся по всей России. Публиковав-

[68] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 35, л. 17; «Правда», №№ 182, 187 и 188, 7, 11 и 12 ноября 1917 г.; «Газета», № 17, 24 ноября 1917 г.; «Новая жизнь», № 174, 2 декабря 1917 г.; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 82—85, 112—115.

[69] «Известия», № 223, 12 ноября 1917 г.

[70] См., например: ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 22, л. 6. Подробнее об этом см.: А. Л. Фрайман. Агитационно-пропагандистская работа Петербургского комитета большевиков (октябрь 1917—январь 1918 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 104—105 и сл.

[71] «Знамя труда», № 72, 15 ноября 1917 г.

шиеся, как правило, за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина, эти документы в яркой и доходчивой форме разъясняли задачи революции, разоблачали перед всем трудящимся населением страны, в том числе и перед низшими служащими, подлинные цели организаторов контрреволюционного саботажа. Образцовым в этом отношении представляется широко известное ленинское обращение «К населению» от 5 ноября 1917 г. «Вполне понятно, — разъяснял в нем В. И. Ленин, — что помещики и капиталисты, высшие служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно».[72] В обращении далее указывалось, что взятие сплотившимся вокруг рабоче-крестьянского правительства громадным большинством трудового народа всех дел государства в свои руки является основной и решающей мерой, которая обяза-

[72] Декреты Советской власти, т. I, № *36*.

тельно обеспечит окончательную победу в борьбе с контрреволюционерами, и в том числе с саботажниками.

Успешной борьбе с саботажниками и созданию более благоприятных условий для сотрудничества низших и средних служащих, а также и трудовой интеллигенции с новой властью существенно способствовало принятие Советом Народных Комиссаров ряда мер по улучшению их материального положения.

В условиях создавшегося к Октябрю серьезного расстройства финансов и экономики страны и осуществления чиновниками банков и финансовых учреждений злостного саботажа Рабочее и Крестьянское правительство сумело все же с середины ноября начать выдачу дополнительных вознаграждений почтово-телеграфным служащим, работникам Экспедиции заготовления государственных бумаг и работникам Лесного департамента Комиссариата земледелия.[73] Были повышены оклады железнодорожникам, а также вольнонаемным служащим на судах Морского и Военного ведомств.[74] Выданные согласно постановлению СНК от 30 декабря 1917 г. о прибавках народным учителям суммы, составившие в целом 12520 руб., увеличили вдвое их зарплату за ноябрь и декабрь 1917 г.[75] «Советская власть, — отмечалось в отчете Народного комиссариата просвещения за 1917—1918 гг., — поняла, сколько недомыслия и политической несознательности было в учительском саботаже».[76]

Одновременно ВЦИК и СНК осуществили другие меры, направленные на упорядочение заработной платы государственных служащих. 2 ноября Центральный Исполнительный Комитет, утвердив на своем заседании проект постановления о своей организации, тогда же дополнил его особыми пунктами об ограничении постоянного заработка членов ВЦИК.[77] 16 ноября Совет Народных Комиссаров принял первое из своих постановлений, направленных на упорядочение заработной платы государственным служащим. В нем говорилось: «Признать принципиально необходимым повышение оклада жалованья низшим служащим и понижение оклада высших служащих».[78] Через два дня, 18 ноября, это постановление было конкретизировано. По вопросу об окладах

[73] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 3, 8, 15, 16 об., 30, 38, 44, 45 об.; Декреты Советской власти, т. I, стр. 594.

[74] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 22, 24, 34, 38; ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 33, декабрь 1917 г., приказ № 98 от 9 декабря, стр. 45—58; Декреты Советской власти, т. I, №№ 141, 142, стр. 544—545, 547—548; П. Г. Лебит. Из воспоминаний о борьбе за власть Советов на Николаевской железной дороге. «Красная летопись», 1926, № 6, стр. 85.

[75] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 61; ф. 2306, оп. 2, д. 16, л. 3; Декреты Советской власти, т. I, № 211.

[76] ЦГАОР, ф. 2306, оп. 2, д. 16, л. 3.

[77] Декреты Советской власти, т. I, № 28.

[78] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 3.

жалованья народных комиссаров СНК утвердил постановление, автором проекта которого являлся В. И. Ленин: «Признавая необходимым приступить к самым энергичным мерам в целях понижения жалования высшим служащим и чиновникам во всех, без исключения, государственных, общественных и частных учреждениях и предприятиях, Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) назначить предельное жалование народным комиссарам в 500 р. в месяц бессемейным и прибавки в 100 р. на каждого неработоспособного члена семьи; квартиры допускаются не свыше одной комнаты на каждого члена семьи; 2) обратиться ко всем местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой подготовки и проведения революционных мер к особому обложению высших служащих; 3) поручить Министерству финансов подготовить общий законопроект о таковом понижении; 4) поручить Министерству финансов и всем отдельным комиссарам немедленно изучить сметы министерств и урезать все непомерно высокие жалования и пенсии». Как видно из приведенного текста, содержание постановления шире вопроса об окладах жалованья народных комиссаров. Являясь воплощением одной из сделанных В. И. Лениным заметок об организации аппарата управления, посвященной вопросу ограничения жалованья государственных служащих 500 рублями,[80] это постановление установило предельные размеры вознаграждения не только народным комиссарам, но и всем другим высшим должностным лицам и служащим государственных учреждений, а также содержало решение о проведении дальнейших мер по понижению непомерно высоких жалований и пенсий. В исполнение этого постановления СНК утвердил, в частности, 11 декабря декрет о прекращении выдачи пенсий, превышающих 300 руб.[81] Особое внимание осуществлению постановления СНК от 18 ноября было уделено в народных комиссариатах.[82]

[79] Там же, л. 5—5 об.; Ленинский сборник, XXI, стр. 152—153; Декреты Советской власти, т. I, № 76. Несколько позднее, 2 января 1918 г., при обсуждении запроса А. Г. Шляпникова о нормах оплаты высших должностных лиц по заводоуправлению СНК единогласно принял предложенную В. И. Лениным резолюцию, которая подтвердила основные положения постановления СНК от 18 ноября, а также потребовала от народных комиссаров отчета о выполнении ранее принятого постановления. Наряду с этим СНК признал возможным установление более высоких окладов для ряда старых специалистов, учитывая полезность их работы для налаживания деятельности центральных государственных учреждений (Ленинский сборник, XXI, стр. 156—157).

[80] Ленинский сборник, XXI, стр. 92.

[81] Декреты Советской власти, т. I, № 145.

[82] См., например, материалы народных комиссариатов Внутренних дел, Почт и телеграфов, Иностранных дел, Земледелия, ВСНХ, Морского и Военного ведомств: ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6а, л. 60; оп. 5, д. 576, л. 80; Ф. 3527, оп. 1, д. 49, л. 9; ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 172, л. 87; ф. 3429, оп. 1, дд. 455, 469, л. 4; ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 34, декабрь 1917 г., приказ № 124 от 14 декабря, стр. 108; И. Залкинд, ук.

Принятие постановления, установившего, что жалованье членов Рабоче-Крестьянского правительства и других ответственных работников не должно фактически превышать заработок высококвалифицированного рабочего, произвело громадное впечатление на всех трудящихся и, конечно, на государственных служащих.[83]

По-видимому, во исполнение пп. 3 и 4 постановления от 18 ноября была создана специальная комиссия по выработке штатов служащих правительственных учреждений, так как уже на следующем заседании СНК, 19 ноября, был заслушан доклад А. Е. Аксельрода о ее работе. Принятым по докладу постановлением СНК решил «образовать расширенную комиссию с представителями от всех ведомств, от профессиональных союзов, от Петр[оградского] Сов[ета], в которой выработать подробный проект штатов для последующего внесения его в ЦИК».[84] На этом же заседании в связи с докладом народного комиссара почт и телеграфов Н. П. Авилова (Глебова) о необходимости прибавок почтово-телеграфным служащим Петрограда было решено «назначить комиссию для изучения смет министерств и ведомств». Организовать эту комиссию было поручено исполнявшему обязанности народного комиссара финансов В. Р. Менжинскому. В дальнейшем в ходе работы этих комиссий после обсуждения на заседаниях правительства 24 ноября и 11 декабря докладов А. Е. Аксельрода о штатах служащих в государственных учреждениях СНК решил «составить согласительную комиссию из представителей к[омиссариа]тов Труда (1), Финансов (1), представителя Профессионального союза служащих государственных учреждений (1) и представителя от заинтересованного Союза низших служащих (2)» и передать на ее рассмотрение проект постановления по данному вопросу.[85] В результате работы всех этих комиссий и принятия ставок заработной платы служащих правительственных учреждений Всероссийским съездом низших служащих СНК на своем заседании 13 декабря постановил: «Признать ставки заработка, выработанные комиссией о штатах служащих правительственных учреждений и принятых Всероссийским съездом низших служащих, за норму, которой следует руководствоваться».[86] Новые ставки ежемесячной оплаты труда вводились с 1 ноября 1917 г.[87] 29 декабря сложный вопрос о нормах оплаты служащих

соч., стр. 17; Из истории военного строительства Советской республики в первые месяцы после Октября. Подготовили к печати Е. Н. Городецкий и С. М. Кляцкин. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 88.

[83] См., например: А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 41; В. Полянский. Как начинал работать Народный комиссариат просвещения (личные воспоминания). «Пролетарская революция», 1926, № 2, стр. 57.

[84] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8.

[85] Там же, лл. 16 об., 38.

[86] Там же, л. 40 об.

[87] Подробнее см.: Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины, стр. 430.

правительственных учреждений снова обсуждался СНК. На этом же заседании в связи с заявлением народного комиссара труда А. Г. Шляпникова о необходимости согласования заработной платы рабочим и служащим во всех ведомствах было решено: «Все вопросы, связанные с установлением заработной платы по тому или иному к[омиссариа]ту и подведомственным ему учреждениям, должны доставляться на предварительное заключение Нар[одного] к[омиссариа]та труда».[88] А 16 января в связи с проходившим тогда в СНК обсуждением смет различных комиссариатов на 1918 г. постановлением правительства Народному комиссариату труда было предложено по соглашению со всеми остальными комиссариатами и рабочими организациями немедленно приступить «к общему пересмотру и выравниванию размеров жалованья и заработных плат по всем профессиям и во всех местностях страны».[89]

[88] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 59.
[89] Там же, оп. 2, д. 1, л. 39.

Глава 3

ПРЕСЕЧЕНИЕ ЧИНОВНИЧЬЕГО САБОТАЖА. НАЛАЖИВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ В БЫВШИХ МИНИСТЕРСТВАХ

Выполняя указания В. И. Ленина,[1] народные комиссары, как это отмечалось выше, в конце октября и первых числах ноября побывали уже в порученных их ведению ведомствах. Но охваченные чиновничьим саботажем бывшие министерства оставались в целом «неосвоенной территорией».[2] Это объяснялось прежде всего тем, что одновременно с первыми шагами по строительству нового государственного аппарата Советской власти пришлось тогда вести напряженную борьбу с развязанными реакционными силами антисоветскими мятежами в Петрограде и Москве и наступлением войск Керенского—Краснова на революционную столицу.

Новый этап в организации наркоматов наступил в 10-х числах ноября, после разгрома первых вооруженных выступлений контрреволюции, провала попыток сформировать «однородное социалистическое правительство» и преодоления сопротивления группы оппозиционеров внутри ЦК РСДРП(б) и Совнаркома — в результате последовавшего затем осуществления ряда решительных мер по ликвидации главных центров чиновничьего саботажа и лишению его основных источников финансовой поддержки.

С возглавлявшей контрреволюционный саботаж реакционной чиновничьей верхушкой и с теми из служащих бывших министерств и других центральных ведомств, кто занял непримиримо

[1] «Я помню, — вспоминал впоследствии А. В. Луначарский, — как на одном из первых Советов Народных Комиссаров Ленин сказал: „Надо, чтобы каждый ехал в порученное ему бывшее министерство, завладел им и живым оттуда не уходил, если будут посягать на то, чтобы вырвать у него порученную ему часть власти". Это была довольно прямая директива...» (А. В. Луначарский. Как мы заняли министерство народного просвещения, стр. 5). См. об этом также: А. М. Коллонтай. Первое пособие из Соцобеса, стр. 175; А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине, стр. *39*.

[2] В. Ундревич и М. Карева. Пролетарская революция и государственный аппарат, стр. 119.

антисоветскую позицию, пришлось, как предвидел В. И. Ленин, «поступить как с капиталистами, „по строгости“».[3]

В осуществлении решительных мер по пресечению действий саботажников чрезвычайно важную роль сыграл Петроградский Военно-революционный комитет, являвшийся в период организации аппарата СНК и народных комиссариатов главным оперативным органом в руках Советского правительства. Вместе с народными комиссарами ВРК участвовал в овладении бывшими министерствами, удостоверял полномочия народных комиссаров и их помощников на управление деятельностью бывших министерств специальными мандатами [4] и снабжал в необходимых случаях ордерами для ареста чиновников,[5] выделяя им в помощь своих представителей и отряды красногвардейцев, революционных солдат и матросов. Выполняя резолюцию ВЦИК от 8 ноября «О борьбе с саботажем чиновников Государственного банка» и принятое вскоре затем Советом Народных Комиссаров специальное предписание ВРК «О принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа»,[6] Военно-революционный комитет совместно с заместителем народного комиссара финансов В. Р. Менжинским предпринял прежде всего меры, которыми был установлен полный контроль над кассами и сейфами Государственного банка, а также над всеми его операциями. Начиная с 11 ноября за отказ признать Советскую власть с занимаемых должностей без права на пенсию и пользование казенной квартирой в соответствии со специальным предписанием СНК приказами В. Р. Менжинского и назначенного Совнаркомом комиссаром Госбанка с правом управляющего В. В. Оболенского были уволены многие из руководящих чиновников Министерства финансов и Государственного банка.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 308,

[4] «Предъявитель настоящего свидетельства, А. В. Луначарский, — говорилось в выданном ему ВРК 31 октября удостоверении, — является полномоченным народным комиссаром по просвещению и членом правительства Российской республики...» (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 904). А вот что вспоминает об этом М. Я. Зеликман, член первой коллегии Народного комиссариата почт и телеграфов, которому чиновники бывшего министерства задали вопрос о наличии у представителей новой власти полномочий на управление министерством: «У меня и других членов коллегии, кроме мандатов Рев. Воен. Комитета, других полномочий никаких не оказалось» (М. Зеликман. Без исходящего номера. «Прожектор», 1924, № Ъ, стр. 10). М. Я. Лацис, назначенный членом коллегии Народного комиссариата внутренних дел, также пишет о том, что при первом посещении представителями Советской власти бывшего министерства, единственно находившимся там сторожам, дворникам и другому техническому персоналу были предъявлены мандаты Военно-революционного комитета (М. Лацис. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах, стр. 142).

[5] В одном из таких ордеров за № 89, выданных Петроградским ВРК в те напряженные дни, говорилось, например: «Ввиду уклонения Мусатова Александра Константиновича от работы в Государственном банке Военно-революционный комитет постановил: принудительно привести 22 ноября с. г. на работу в банк...» (ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, д. 24, л. 34).

[6] Декреты Советской власти, т. I, №№ 40, 51.

Одновременно при содействии ВРК и ВМРК были арестованы наиболее активные саботажники из числа чиновников этих ведомств.[7]

В результате злостного саботажа чиновников все без исключения народные комиссариаты, как уже отмечалось выше, оказались первоначально в исключительно трудном финансовом положении, несмотря на то что в распоряжении бывших министерств имелись громадные денежные суммы. Теперь положение изменилось. Об этом убедительно свидетельствует, в частности, относящееся, по-видимому, к середине ноября чрезвычайно интересное письмо В. Р. Менжинского в Совет Народных Комиссаров, содержавшее практические предложения по изысканию столь необходимых для налаживания деятельности нового правительственного аппарата средств. «Товарищи постоянно обращаются ко мне за парой тысяч, — писал в этом письме В. Р. Менжинский, — вместо того чтобы использовать сотни миллионов, находящихся в их полном распоряжении. Чтобы получить деньги, каждый народный комиссар должен вытребовать смету неизрасходованных кредитов за ноябрь месяц по своему министерству. В некоторых министерствах — Военное, Морское, Внутренних дел, Земледелия, Продовольствия и т. д. — имеются миллионные сметы на чрезвычайные и экстренные расходы с самыми разнообразными назначениями, вплоть до защиты Петрограда от большевиков. Отсюда и можно брать суммы на Военно-революционный комитет, на Петроградский Совет, на посылку агитаторов в деревню.

«Товарищи народные комиссары должны узнать, кто подписывает ассигновки, а также кто именно получает по ним деньги, пригласить этих лиц, если нужно с парой солдат, как мы сделали в Полевом казначействе. Эти лица явятся, подпишут ассигновки и получат деньги. Казначейство и Государственный банк работают, и никаких затруднений в получении денег нет. Достаточно сказать, что рабочим за 4 дня выдано 50 000 000 рублей. Теперь от энергии товарищей зависит получить в свое распоряжение деньги. Роль Министерства финансов кончена.

«Прибавлю, что Совет Народных Комиссаров может использовать для себя кредит, открытый для Временного правительства и его управления делами».[8]

Важнейший источник финансирования контрреволюционного саботажа был, таким образом, подорван, а с осуществлением немного позднее (в середине декабря 1917 г.) национализации банков и вовсе ликвидирован.[9] Наряду с этим *23* ноября СНК при-

[7] Подробнее см.: А. М. Гиндин. Как большевики овладели Государственным банком, стр. 35—64.

[8] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989 (подлинник); ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 24, л. 105—105 об. (машинописный текст проекта с правкой В. Р. Менжинского).

[9] А. М. Гиндин. В. И. Ленин и национализация банков после победы Великого Октября. «История СССР», 1962, № 2, стр. 3—18.

нял декрет о приостановлении выдачи каких-либо ценностей по приказу ВЦИК прежнего состава и о передаче этих ценностей лицу, уполномоченному Советом Народных Комиссаров.[10]

В ноябрьские же дни в соответствии с декретами и постановлениями ВЦИК и Совета Народных Комиссаров ВРК принимает решение об аресте всех членов «Комитета спасения» и так называемого «Малого совета» бывшего Временного правительства и осуществляет роспуск старого состава Центральной городской думы Петрограда и Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание.[11] Для полной ликвидации этих и других центров контрреволюционного саботажа исключительное значение имело утверждение 28 ноября СНК написанного В. И. Лениным декрета «Об аресте вождей гражданской войны против революции», направленного против главной руководящей силы контрреволюции — партии кадетов.[12]

Одновременно с этим народные комиссары при поддержке ВРК приступили к решительным действиям по овладению бывшими министерствами и изгнанию из них саботажников. Одним из первых представители Советской власти взяли в свои руки бывшее Министерство иностранных дел. Уже 4 ноября в здании около Певческого моста на Дворцовой площади, д. 6, были установлены посты из красногвардейцев, революционных солдат и моряков. Вскоре после этого у бывших руководителей министерства, начальников его отделов и департаментов были приняты, точнее говоря изъяты, ключи от всех комнат и шкафов, а у начальника канцелярии МИД Б. А. Татищева — ключи от архивов и шифров.[13] В ответ на саботажнические действия подавляющего большинства чиновников бывшего министерства по Народному ко-

[10] Декреты Советской власти, т. I, № 88; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 5, л. 22. Принятие этого декрета было вызвано обращением № 1 Финансового отдела ВЦИК в Президиум Центрального Исполнительного Комитета, в котором говорилось: «Финансовый отдел усмотрел из документов, что суммы ЦИК первого созыва хранятся в нижеследующих банках: Сибирский торговый банк, Русский торгово-промышленный банк, Азовско-Донской коммерческий банк, Московский народный банк.

«Ввиду нежелания ЦИК первого созыва передать дела ЦИК настоящего состава, Финансовый отдел просит вас обратиться в Совет Народных Комиссаров с предложением выдать Финансовому отделу на руки открытый лист во все вышеупомянутые банки и другие банки с постановлением Совета Народных Комиссаров о том, чтобы все выдачи по счетам ЦИК первого созыва были приостановлены, а средства переданы в распоряжение Финансового отдела ЦИК настоящего состава, с указанием точных остатков на счетах. Открытый лист должен быть составлен как на денежные суммы, так и на процентные бумаги» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 24, л. 53).

[11] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 3 об.; Декреты Октябрьской революции, т. I, № 56, прим.; Декреты Советской власти, т. I, №№ 65, 92, 113; Документы, стр. 213, 214, 266—267.

[12] Декреты Советской власти, т. I, № 111.

[13] См.: И. Залкинд. НКИД в семнадцатом году, стр. 14; «День», № 201, 7 ноября 1917 г.; «Дело народа», № 203, 8 ноября 1917 г.; «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.

миссариату иностранных дел был издан приказ об увольнении тех из них, кто отказался признать Советское правительство и продолжал саботировать. «Служащие Министерства иностранных дел, которые не явятся на работу до утра 13 ноября, — говорилось в приказе, — будут считаться уволенными с лишением права на государственную пенсию и всех преимуществ военной службы».[14] 14 ноября Военно-революционный комитет, выполняя написанное В. И. Лениным предписание Совета Народных Комиссаров о необходимости принятия решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа,[15] принял постановление об аресте стачечного комитета, руководившего действиями чиновников бывшего МИД.[16] В это же время, как сообщала 15 ноября «Новая жизнь», специальным приказом по Наркоминделу за неподчинение Совету Народных Комиссаров были уволены без права на пенсию еще 80 чиновников, активно участвовавших в контрреволюционном саботаже.[17] По всем другим народным комиссариатам также были изданы приказы об увольнении продолжающих саботировать чиновников с одновременным лишением их права на государственные пенсии, казенные квартиры и льготы по несению военной службы. «Все служащие и чиновники, не признающие власти народных комиссаров, — говорилось, например, в одном из приказов по Наркомфину от 11 ноября, — считаются уволенными со службы без сохранения права на пенсию. Все военнообязанные, уволенные по сему приказу, снимаются с учета, о чем будет сообщено надлежащим властям.

«Служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиниться революционной власти Совета Народных Комиссаров, должны в среду приступить к занятиям. Списки приступивших к работе должны быть представлены в кабинет министра финансов (Мойка, 43) в среду 15 ноября с. г. к 6 часам вечера.

«Уволенные чиновники, пользующиеся казенной квартирой, должны их очистить в течение трех дней, считая с 15-го с. м.».[18]

Аналогичные приказы были изданы народными комиссарами общественного призрения, почт и телеграфов, торговли и промышленности и др.[19] Прежние руководители министерств — товарищи министров, заведующие департаментами и отделами, а также созданные в отдельных министерствах временные комиссии были отстранены от управления этими ведомствами. Так, 12 ноября по Министерству почт и телеграфов был издан подписанный

[14] «Правда», № 185, 10 ноября 1917 г.
[15] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 89.
[16] Документы, стр. 246.
[17] «Новая жизнь», № 181, 15 ноября 1917 г.
[18] «Известия», № 223, 12 ноября 1917 г.
[19] См.: «Правда», №№ 185, 186 и 195, 10, 11 и 21 ноября 1917 г.; «Новая жизнь», № 179, 12 ноября 1917 г.; С. В. Драбат. Борьба с саботажем, стр. 55.

В. И. Лениным и народным комиссаром Н. П. Авиловым (Глебовым), приказ об упразднении образованной советом служащих для руководства министерством временной комиссии из трех лиц.[20] В опубликованном спустя три дня в «Правде» обращении «К почтово-телеграфным работникам» Н. Авилов (Глебов) вновь подтвердил, что «никакие так называемые инициативные группы, комитеты по управлению учреждениями Почтово-телеграфного ведомства не могут присваивать себе функций, принадлежащих общей власти и мне, как народному комиссару».[21] В то же время те из высших чиновников и членов организованных саботажниками комитетов, кто открыто выступил против Советской власти и отказался передать ее представителям кассы, ключи, шифры и делопроизводство бывших министерств, были на некоторое время арестованы.[22] Именно таким образом при содействии ВРК народный комиссар А. М. Коллонтай осуществила изъятие у чиновников бывшего Министерства государственного призрения Чернявского, Волкова, Маркузе и Колубовского ключей от кассы министерства.[23] Тогда же народным комиссаром по морским делам П. Е. Дыбенко и назначенным СНК управляющим Морским министерством М. В. Ивановым были арестованы, а затем уволены капитан первого ранга Кукель, вступивший в управление этим ведомством вместо бывшего морского министра контр-адмирала Вердеревского,[24] начальник Морского Генерального штаба контр-адмирал граф Капнист, капитан первого ранга Игнатьев и другие саботажники, отказавшиеся сдать дела представителям новой власти.[25]

[20] Декреты Советской власти, т. I, № 54. См. также: «Трибуна государственных служащих», № 19, 11—17 ноября 1917 г., стлб. 10.

[21] «Правда», № 190, 15 ноября 1917 г.

[22] См.: ЦГАОР, ф. *336,* оп. 1, д. 7, лл. 1—2; там же, д. 361, лл. 4, 7—8, 10—12, 28; Документы, стр. 246, 259, 267, 271, 310 и др. О целях, которые преследовали такие аресты, можно вполне определенно судить по письму из Народного комиссариата торговли и промышленности (его подписали А. Г. Шляпников и Д. А. Павлов), поступившему 7 декабря 1917 г. в Следственную комиссию ВРК: «Всех арестованных чиновников по бывшему Министерству торговли и промышленности пригласить на допрос и предложить сдать дела, принести в Министерство документы и ключи. При согласии выполнить указанное выше, освободить, обязав подпиской» (ЦГАОР, ф. *336,* оп. 1, д. 361, л. 9).

[23] См.: ЦГАОР, ф. *336,* оп. 1, д. 9, лл. 1—5, 23—24 об. и др.; «Новая жизнь», № 180, 14 ноября 1917 г.

[24] Ушедший 11 ноября с поста морского министра контрадмирал Вердеревский, который, не считаясь с приказом Совнаркома, передал тогда же управление Морским министерством не М. В. Иванову, а 2-му помощнику морского министра капитану 1-го ранга Кукелю, был за это также уволен от службы 22 ноября (см.: ЦГАВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 157, л. 76; ф. 22, оп. 1, д. 1. лл. 26—28; библиотека, сборник приказов. . ., № 32, декабрь 1917 г., приказ № 24 от 22 ноября, стр. 11).

[25] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 53; ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 32, декабрь 1917 г., приказы №№ 5, 6, 29 от 14 и 22 ноября,

В целях быстрейшего и более успешного овладения бывшими министерствами и налаживания деятельности народных комиссариатов Совет Народных Комиссаров 15 ноября решил перевести комиссии из Смольного в порученные им ведомства.[26] Выполняя это постановление, большинство комиссий (финансов, внутренних дел, просвещения, военных и морских дел, почт и телеграфов, общественного призрения, продовольствия, земледелия, юстиции, государственного контроля) во главе с народными комиссарами заняли в эти и последующие ноябрьские дни при содействии ВРК помещения бывших министерств и начали в них налаживать деятельность своих наркоматов. Несколько раньше (в конце октября—первых числах ноября) произошло, как уже отмечалось выше, овладение бывшим Министерством труда и затем бывшим МИД.[27]

19 ноября СНК принял новые постановления, направленные на полное овладение бывшими министерствами и против саботажа. Во-первых, в связи с обсуждением вопроса о кредитах комиссариатам было принято следующее решение: «Рекомендовать комиссариатам детально изучить сметы по своим министерствам. Если выяснится, что служащие министерств получили свое жалованье по 1-е января 1918 г., то принять самые энергичные революционные меры для возвращения этих денег обратно по ведомствам». «Перед арестами и преданием революционному суду, — предписывалось далее в постановлении, — не останавливаться. Предложить служащим, получившим жалованье вперед, или 1) работать, подчиняясь власти правительства, или 2) вернуть

стр. 5, 11; «Новая жизнь», № 181, 15 ноября 1917 г.; Декреты Советской власти, т. I, стр. 581; От Февраля к Октябрю, стр. 158.

[26] См. стр. 96; ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 115, л. 208 («Адреса и прием народными комиссарами»).

[27] В связи с этим представляется неверным указание Е. Н. Городецкого о том, что народные комиссариаты и после принятия Совнаркомом 15 ноября упоминавшегося выше постановления остались в Смольном и проводили в его помещении всю свою работу. Неубедительны и приведенные Е. Н. Городецким в качестве примеров факты из деятельности отдельных комиссариатов в Смольном, так как каждый из них или хронологически, или по существу не может служить аргументом в пользу выдвинутого Е. Н. Городецким положения (см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 146—148). Иного рода неточность по вопросу о времени создания правительственного аппарата новой власти допущена в «Истории Великой Октябрьской социалистической революции», где говорится: «Особенно напряженным в деятельности Совнаркома был период до середины ноября 1917 г., когда создавался советский правительственный аппарат» (см.: История Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. П. Н. Соболева и др., стр. 308). Из этого текста можно понять, что к середине ноября 1917 г. советский правительственный аппарат был уже создан. Между тем совершенно очевидно, что в это время процесс строительства центральных органов Советского государства далеко еще не был закончен, что, наоборот, только теперь, в 10-х числах ноября, ЦК РСДРП(б) и СНК смогли вплотную приступить к организации решительной борьбы с чиновничьим саботажем н полного овладения бывшими министерствами.

деньги. В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества».[28]

На этом же заседании Рабочего и Крестьянского правительства, после обсуждения сообщений о положении в Военном министерстве и Министерстве внутренних дел и признания целесообразности производить в необходимых случаях аресты и удаление ненадежных чиновников, было принято другое постановление касавшееся борьбы с саботажниками во всех бывших министерствах. Им явилось решение СНК по вопросу о «чистке» в министерствах, в котором говорилось: «Обязать подпиской всех народных комиссаров давать ежедневно письменные отчеты о чистке в своих министерствах. Поручить взять эту подписку у секретаря Совета.[29]

Для осуществления этих решений Рабочего и Крестьянского правительства народные комиссары тотчас предприняли новые решительные действия. Утром 20 ноября Наркомвоен арестовал временного управляющего бывшим Военным министерством А. А. Маниковского[30] и начальника генерального штаба генерала В. В. Марушевского, из министерства было уволено значительное число представителей военно-чиновничьей бюрократии, занимавших антисоветскую позицию.[31]

21 ноября ВРК командировал в бывшее Министерство юстиции отряд красногвардейцев, а заместитель народного комиссара юстиции П. И. Стучка уволил сначала всех высших чиновников министерства во главе с бывшими товарищами министра Скарятиным, Вальцевым, Демьяновым и Филатьевым, а затем, также без права на государственную пенсию, и всех остальных чиновников-саботажников центрального управления министерства «до VIII класса включительно». 22 ноября специальным приказом была закрыта весьма охотно посещавшаяся саботажниками столовая при Министерстве юстиции.[32]

В 20-х числах ноября представители Советской власти во главе с народным комиссаром по продовольственным делам А. Г. Шлихтером взяли в свои руки располагавшееся в Аничковом дворце бывшее Министерство продовольствия.[33] Для полного овладения

[28] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8—8 об.

[29] Там же, л. 9.

[30] А. А. Маниковский вступил в исполнение обязанностей управляющего Военным министерством 30 октября, обусловив, что работа этого ведомства «должна производиться вне всякой политики. . .» (см.: ОРФ Института истории АН СССР, ф. Н. М. Потапова, оп. 1, д. 10, л. 1).

[31] См.: ЦГАОР, ф. *336, оп.* 1, дд. 229 и 232; Из истории военного строительства Советской республики в первые месяцы после Октября. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 85; Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1954, стр. 22.

[32] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 19, лл. 49, 51, 52; Документы, стр. 306.

[33] «Правда», № 196, 22 ноября 1917 г.; Н. Орлов. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918, стр. 21; А. Г. Шлихтер, ук. соч.,

министерством в дальнейшем пришлось также арестовать на некоторое время прибывших из Москвы 25 ноября для управления всем продовольственным делом членов так называемого Совета десяти (Всероссийского совета продовольственного съезда) и ряд руководителей и заведующих отделами бывшего министерства (товарищей министра продовольствия Н. Д. Кондратьева и С. А. Ершова, управляющего канцелярией министерства Б. К. Лодыгина, управляющего Отделом по снабжению кожей, обувью и тканями А. Г. Лапицкого и др.). которые категорически отказались вступать в какие бы то ни было сношения с представителями Совета Народных Комиссаров и вместе с тем не желали сдавать свои дела их преемникам, назначенным народным комиссаром по продовольствию А. Г. Шлихтером.[34]

В начале декабря, после увольнения за саботажнические действия ряда ответственных чиновников, отряд революционных войск во главе с комиссарами из «путейской коллегии» М. Т. Елизаровым и В. И. Невским занял бывшее Министерство путей сообщения. Служащим было объявлено, что с 8 декабря в помещение министерства будут допускаться только давшие подписку о подчинении всем распоряжениям народного комиссара.[35]

В фонде Совета Народных Комиссаров ЦГАОР сохранились документы, на основании которых можно вполне определенно судить о задачах, ставившихся при овладении бывшими министерствами. Одним из этих документов является копия подписанного Г. И. Петровским и Н. П. Горбуновым предписания, выданного 20 ноября члену Президиума Петроградского Совета П. А. Залуцкому, который при содействии отряда революционных моряков должен был занять бывшее Министерство внутренних дел.[36] В «предписании» (его автором, по-видимому, был народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский) говорилось:

«Поручается тов. Залуцкому.

«1) Отправиться завтра, 21-го (дата в тексте написана неясно, — *М. И.)* ноября с нарядом матросов в Министерство внутренних дел (Морская, 61) и принять дела, кассу и ключи от заведывающих отделами или директоров.

стр. 51—58; «Трибуна государственных служащих», № 21, 25 ноября 1917 г., стлб. 9.

[34] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32995; ЦГАОР, ф. *336,* оп. 1, д. 6, лл. 1—4, 9_10; ОРФ Института истории АН СССР, ф. Ю. С. Шпунта, оп. 1, д. 2, лл. 27—28 и др.; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 112—115.

[35] См.: Декреты Октябрьской революции, т. I, №№ 83, 116; «День», № 215, 6 декабря 1917 г.; «Новая жизнь», № 196, 8 декабря 1917 г.

[36] Двумя днями раньше, 18 ноября, ВРК сообщил всем служащим бывшего МВД, что «старая власть в Министерстве внутренних дел свергнута и заведывание административно-хозяйственно-финансовой частью находится в руках народного комиссара Григ[ория] Иван[овича] Петровского и его совета, распоряжениям которых все служащие безусловно обязаны подчиняться» (Документы, стр. 267).

«2) В случае отказа подчиниться этому требованию все заведывающие и директора подлежат аресту.

«3) От чиновников, желающих оставаться на местах, взять подписку о подчинении Советской власти.

«4) Остальным объявить расчет, предложив немедленно оставить здание министерства, и тем из них, кто занимает квартиры, освободить их в трехдневный срок».[37]

Тогда же, 20 ноября, Г. И. Петровский издал распоряжение, адресованное служащим бывшего МВД. Этим распоряжением увольнялись со службы все бросившие работу чиновники (саботажникам было также предложено освободить занимавшиеся ими казенные квартиры). Начальникам всех отделов и казначеям было предписано явиться для сдачи дел к 12 часам 23 ноября в Департамент общих дел. «Служащие, оставшиеся на своих местах, — указывалось в распоряжении, — сохраняют прежнюю должность за собою».[38]

ВРК и народные комиссары предприняли также необходимые меры по возвращению незаконно полученных саботажниками денежных сумм. Еще 1 ноября ВРК постановил прекратить выдачу жалованья тем служащим правительственных учреждений, которые в этот день не явились на службу.[39] 24 ноября ВРК принял обращение к чиновникам, в котором объявлялось, что «лица, оставившие службу в правительственных и общественных учреждениях или уволенные за саботаж и неявку в срок к занятиям и получившие при этом свое жалованье вперед за непрослуженное время, должны не позже 27 ноября возвратить таковое жалованье в те учреждения, где они служили». «В случае неисполнения сего, — говорилось далее в обращении, — эти лица будут привлечены к ответственности за расхищение имущества казны и преданы военно-революционному суду».[40] Аналогичные приказы были изданы по народным комиссариатам. Например, в опубликованном 12 декабря газетой «Знамя труда» приказе по Министерству земледелия отмечалось, что «многие служащие Министерства земледелия получили награды за усиленные работы. Вслед за этим часть служащих оставила занятия в Министерстве». Приказом предлагалось «всем, получившим награды, в пятидневный срок, т. е. к 17 декабря, возвратить полученные суммы. Все невозвратившие деньги будут преданы народному суду за расхищение народных денег».[41]

Принятие решительных мер против контрреволюционного саботажа служащих бывших правительственных учреждений ускорило уничтожение ряда важнейших органов старой государствен-

[37] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 18, л. 10.
[38] Триумфальное шествие Советской власти, стр. 102—103.
[39] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 907
[40] Документы, стр. 300.
[41] «Знамя труда», № 93, 12 декабря 1917 г.

ной машины. Декретами и постановлениями СНК и ВЦИК были упразднены Главный экономический комитет и Совет при Временном правительстве, вся старая судебная система во главе с бывшим Правительствующим сенатом, Канцелярия для принятия прошений при Временном правительстве, Государственный совет и Государственная канцелярия, Канцелярия Временного правительства, Канцелярия бывшей Государственной думы и ее временный комитет; церковь была отделена от государства.[42] Рядом изданных по народным комиссариатам специальных актов были также распущены или ликвидированы милиция Временного правительства, Совет министра финансов, состоявшие по ведомству Министерства финансов Государственный дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки, Государственный комитет по просвещению и состоявшие по ведомству Министерства просвещения попечительские советы и учебные округа, политический и другие отделы и управления Военного министерства, Адмиралтейств-Совет, различные учреждения бывшего Министерства двора, Советы министров юстиции, земледелия и многие другие учреждения старого буржуазно-помещичьего государственного аппарата насилия и эксплуатации.[43]

Серьезным ударом явилось для чиновничества издание 11 ноября 1917 г. декрета ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», согласно которому были упразднены как все существовавшие прежде в России гражданские чины, так и сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения.[44] Принятие Советом Народных Комиссаров в дальнейшем (15 декабря 1917 г.) декретов «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии» повлекло за собой отмену всех званий и чинов, титулов и отличий и для военного чиновничества.[45] Этими декретами были также уничтожены все преимущества и привилегии офицерского и генеральского состава и распущены офицерские организации.[46]

[42] Декреты Советской власти, т. I, №№ *63,* 85, 128, 156, 159, 174, 248; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 121—122.

[43] Декреты Советской власти, т. I, №№ 79, 80, 100, 103; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 49; ф. 1236, оп. 1, д. 29, л. 72; ЦГАВМФ, библиотека, сборник *приказов. . ., № 32,* декабрь 1917 г., приказ № 53 от 29 ноября, стр. 24; «Собрание узаконений», № 1, 1 декабря 1917 г., ст. 15; № *3, 3* декабря 1917 г., ст. 48; № 14, 9 января 1918 г., ст. 210—213; «Газета», №№ 13 и 14, 20 и 21 января 1918 г.; «Новая жизнь», № 197, 5 декабря 1917 г.; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 65; Н. И. Шатагин, ук. соч. стр. 22.

[44] Декреты Советской власти, № 52.

[45] В приказе № 105, изданном 29 января 1918 г. по морскому ведомству, говорилось, в частности: «1. Звание военно-морских чиновников упразднить. . .» (ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 4, февраль 1918 г., стр. 271). См. также: Из истории военного строительства. . ., стр. 87—88.

[46] Декреты Советской власти, т. I, № 167, 168. Еще ранее, 4 ноября 1917 г., Коллегия (комитет) народных комиссаров по военным и морским де-

Одновременно с ликвидацией старой государственной машины продолжалось строительство аппарата управления новой рабоче-крестьянской власти. Способствуя быстрейшей организации и налаживанию деятельности народных комиссариатов, ЦК РСДРП(б) и Совнарком осуществили необходимые меры по укреплению состава комиссий и их аппарата преданными делу социалистической революции и Советской власти работниками, в первую очередь членами большевистской партии.

Для создания нового правительственного аппарата большевистская партия и ее Центральный Комитет отдали свои лучшие силы, всех своих опытных и активных работников — организаторов, теоретиков и пропагандистов. Это неоднократно отмечалось в письмах секретариата ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям в октябре 1917—январе 1918 г.: «Все теоретики и опытные работники ушли в правительственную работу, в различные комиссариаты» (Воткинскому комитету РСДРП(б), А. И. Литвину, 26 ноября 1917 г.); «Вы, конечно, хотите работников, но, дорогие товарищи, в людях у нас полный недостаток, ибо все лучшие силы ушли работать в комиссариаты» (Луганскому комитету РСДРП(б), 2 декабря 1917 г.); «Просите Вы людей, но в настоящее время придется ответить Вам отказом, так как у нас нет буквально ни одного работника не только крупной величины, но даже и среднего работника. Все видные работники ушли в государственную работу, и партия значительно потеряла в силах» (Ставропольскому комитету РСДРП(б), 10 декабря 1917 г.).[47]

Исключительно большой вклад в дело формирования состава сотрудников нового советского государственного аппарата внес один из передовых отрядов РСДРП(б) — питерские большевики. «Все работники, бывшие в распоряжении ЦК, ушли в общегосударственную работу, т. е. в различные комиссариаты, — писал 2 декабря 1917 г. секретариат ЦК партии, отвечая на письмо Рязанского комитета РСДРП(б). — То же надо сказать и относительно Петербургского комитета, в котором в настоящее время работают одни середняки».[48] Это отмечалось и во многих других письмах секретариата ЦК РСДРП(б), адресованных местным партийным организациям. «Что же касается требования насчет людей, то вы, очевидно, совершенно не представляете себе, что

лам приняла и затем опубликовала воззвание к солдатам о демократических преобразованиях в армии, а 14 ноября 1917 г. по военному ведомству был издан приказ народного комиссара по военным делам Н. И. Подвойского о прекращении с этого дня производства в офицеры, а также о закрытии, а в дальнейшем и ликвидации юнкерских военных училищ и школ прапорщиков (см.: «Собрание узаконений», № 3, 3 декабря 1917 г., ст. 36; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 71—73).

[47] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б), т. II, стр. 57, 66, 86. См. также об этом: там же, стр. 5, 12, 29, 50, 52 и др.

[48] Там же, стр. 63.

в настоящий момент все силы ушли в строительство новых форм общественности. В Питере во всех районах остались только середняки, — говорится, например, в одном из них, — так как все маломальски крупные силы ушли в комиссары» (письмо № 1954 от 24 ноября 1917 г.). А вот аналогичная выдержка из другого письма за № 2022 от 2 декабря 1917 г.: «В Питере страшный недостаток в работниках, так как все мало-мальски опытные товарищи ушли в комиссариаты».

В создании различных народных комиссариатов и налаживании их деятельности активно участвовали, например, профессиональные революционеры, члены городского и окружного комитетов Петроградской организации РСДРП(б) Н. К. Антипов, В. Н. Залежский, М. И. Калинин, М. Я. Лацис, В. И. Невский, Г. К. Орджоникидзе, П. И. Стучка, А. В. Шотман, В. В. Шмидт, К. И. Шутко, агитаторы ПК А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, М. К. Муранов, Р. Арский, ведущие работники большинства районных парторганизаций Е. Н. Адамович, И. А. Залкинд, Д. З. Мануильский, Э. Э. Эссен (Василеостровский район), Н. К. Крупская, И. Ф. Кодацкий (Выборгский район), Д. А. Лазуркина, Л. Р. Менжинская (Первый городской район), К. Я. Кадлубовский (Второй городской район), И. М. Москвин, И. И. Неймант (Железнодорожный район), И. Г. Егоров, К. С. Жарновецкий (Нарвский район), Г. Ф. Федоров (Московский район), А. Е. Аксельрод, Е. М. Соловей, Н. А. Скрыпник, В. М. Величкина (Рождественский район), Я. А. Берзин, З. И. Алекса-Ангаретис (Латышская и Литовская национальные секции при ПК).[50] Членом партийной организации Выборгского района Петрограда являлся руководитель большевистской партии и основатель Советского государства В. И. Ленин, который 13 декабря 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран почетным председателем Петроградского Совета.[51]

Чрезвычайно важную помощь в организации деятельности советского правительственного аппарата оказали областная и городская большевистские организации Москвы. В соответствии с указаниями ЦК РСДРП(б) и лично В. И. Ленина в этих целях в Петроград в течение ноября 1917—января 1918 г. приехали А. Г. Шлихтер, В. В. Оболенский, Д. П. Боголепов, В. Н. Яковлева, Г. И. Ломов, В. М. Смирнов и другие товарищи, работав-

[49] Там же, стр. 50, 69.

[50] См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Л., 1927, стр. 307, 337, 345 и др.; Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957, стр. 352—353, 421 и сл.

[51] А. В. Красникова. На заре Советской власти. Л., 1963, стр. 10; В. И. Ленин. . . Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 6, стр. 149.

шие в московских партийных и советских органах и Военно-революционном комитете.[52] «Дорогой товарищ! — писал, в частности, В. И. Ленин между 7 и 10 ноября А. Г. Шлихтеру. — Ужасно ругаю Вас и все ругаем Вас. Нельзя оттягивать и колебаться в такие минуты. Нельзя дезертировать. Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда **тотчас.** Ругаем Вас за оттяжку жестоко. До скорого свидания. Ваш *Ленин*» (см. стр. 211). В первой же половине ноября В. И. Лениным было написано специальное письмо аналогичного содержания в Московский комитет РСДРП(б), о котором Д. П. Боголепов впоследствии вспоминал: «Я работал в Финансовом отделе Моссовета, когда 12 ноября 1917 г. мне показали собственноручное

[52] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 2; ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. *3, д. 7, л.* 3; А. М. Гиндин. Как большевики овладели Государственным банком, стр. 46, 65.

требование Ильича, призывавшее меня и других товарищей в Петроград».[53]

Как свидетельствуют различные источники, по предложению или при содействии В. И. Ленина для работы в комиссариатах были привлечены не только А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, Н. И. Подвойский, В. Р. Менжинский, А. Г. Шлихтер, Г. И. Петровский, Э. Э. Эссен и другие народные комиссары, но и целый ряд активных работников большевистской партии, которые заняли ответственные посты наркомов, членов коллегий и заведующих отделами во всех без исключения народных комиссариатах. В их числе, например, были Н. К. Крупская, М. Я. Лацис, В. И. Невский, М. К. Муранов, А. Д. Цюрупа, Г. В. Чичерин, В. Н. Залежский, Д. П. Боголепов, П. А. Козьмин, Ю. М. Лещинский, А. Н. Винокуров, М. И. Барсуков, Д. А. Лазуркина, П. Н. Амосов, М. Н. Животов, М. С. Ольминский, А. П. Серебровский.[54] Участвуя в подборе кандидатур работников для различных комиссариатов и других советских правительственных учреждений, В. И. Ленин, несмотря на чрезвычайную занятость государственными делами, как правило, лично беседовал с товарищами, которых предполагалось назначить на ту или иную руководящую должность, и, когда это было нужно, оказывал им необходимую поддержку. Таких встреч было множество. «После Октябрьской революции, — вспоминает, например, Д. А. Лазуркина, — когда организовывали Комиссариат народного просвещения, Ильич вызвал меня и сказал, что меня решено направить заведующей Дошкольным отделом Наркомпроса и что мы должны организовать комиссариат. Мне очень не хотелось уходить с партийной работы (я была членом Петроградского комитета от 1-го городского района). Да и боялась я, что не справлюсь с такой большой работой, страшили и ее огромный масштаб, и полное отсутствие опыта государственной работы... Ильич, внимательно выслушав мои соображения и опасения, сказал: „Меня тоже никто не учил управлять государством, надо — значит научимся. Поможем — и будешь работать“».[55] Каждое назначение на ответственный пост в любой из народных комиссариатов производилось обычно после принятия об этом соответствующего постановления Совета Народных Комиссаров за подписью Председателя СНК В. И. Ленина.[56]

В состав учрежденной декретом ВЦИК и СНК от 9 ноября Государственной комиссии по просвещению, председателем кото-

[53] Цит. по: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. *35,* стр. *434. См.* также: Воспоминания участников Великого Октября. «Исторический архив», 1957, № 5, сто 191

[54] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 91—92, 95, 1>18, 122; В. И. Ленин... Биографическая хроника. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 169—172 174-175, 180-181; № *3,* стр. 142, 143, 148, 150, 154, 156, 157; № 4, стр. *147—150;* № 5, стр. *131—136.*

[55] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3258, л. 9.

[56] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. *581—590.*

рой являлся нарком просвещения А. В. Луначарский, сразу же вошли Н. К. Крупская, ставшая, по словам А. В. Луначарского, «душой нашего комиссариата», Е. Н. Адамович, Л. Р. Менжинская, В. М. Познер.[57] Ответственные посты в порученном ведению В. Р. Менжинского Министерстве финансов, а также в Государственном банке заняли старые члены большевистской партии, опытные финансисты А. Е. Аксельрод, Д. П. Боголепов, Д. М. и Е. М. Соловей.[58] Профессиональные революционеры, входившие в состав Петербургского комитета РСДРП(б), В. Н. Залежский и А. В. Шотман были назначены членами коллегии при народном комиссаре почт и телеграфов; один из ведущих работников Василеостровской партийной организации Э. Э. Эссен, являвшийся председателем Василеостровского районного Совета, — временным заместителем народного комиссара по Государственному контролю; монтер Путиловского завода, один из активных работников Нарвской районной парторганизации председатель Петергофского районного Совета И. Г. Егоров — заместителем народного комиссара социального обеспечения.[59] У руководства организацией продовольственного дела вместе с народным комиссаром А. Г. Шлихтером и назначенным его заместителем (товарищем) А. Д. Цюрупой были поставлены Д. 3. Мануильский, М. И. Калинин, А. С. Якубов, Д. П. Малютин, П. А. Козьмин.[60] В возглавлявшуюся М. Т. Елизаровым коллегию при Народном комиссариате путей сообщения вошли В. И. Невский, И. И. Нейман, А. П. Шоломович.[61]

В связи с начавшимся налаживанием деятельности комиссий в порученных их ведению бывших министерствах Совет Народных Комиссаров, по предложению В. И. Ленина, принял 25 ноября специальное постановление «разгрузить Военно-революционный комитет от излишней работы», предложив для этого «всем ведомствам принять у Военно-революционного комитета все касающиеся их ведомств дела».[62] Постановление далее предписывало ВРК все дела по снабжению населения и Красной гвардии передать Комиссариату продовольствия, выдачу заграничных паспортов — Комиссариату по иностранным делам, следственную комиссию —

[57] Там же, № *43;* «Народное просвещение», 1927, №№ 11—12, стр. 7—10 (речь А. В. Луначарского на торжественном заседании коллегии Наркомпроса); От Февраля к Октябрю, стр. 304—305; В. Полянский. Как начинал работать Народный комиссариат просвещения, стр. 50.

[58] Декреты Октябрьской революции, т. I, № 61; Декреты Советской власти, т. I, стр. 583; А. М. Гиндин, ук. соч., стр. 39, 64, 65.

[59] Декреты Советской власти, т. I, стр. 584, 585, 589; А. В. Красникова, ук. соч., стр. 11, 12, 21; От Февраля к Октябрю, стр. 430.

[60] ЦГАОР, ф. 1943, оп. 3, д. 7, л. 10; Декреты Советской власти, т. I, стр. 585, 586, 589; А. Г. Шлихтер, ук. соч., стр. 50—51; Воспоминания участников Великого Октября, стр. 206.

[61] Декреты Советской власти, т. I, стр. 584, 586.

[62] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 17 об.—18.

Комиссариату юстиции, заведование гражданскими делами и отделами печати — Комиссариату внутренних дел, заведование железнодорожными комиссарами — Комиссариату путей сообщения, заведование делами призрения — Комиссариату призрения и т. д.[63] 30 ноября Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад В. Д. Бонч-Бруевича о Военно-революционном комитете, постановил подтвердить решение СНК, принятое на заседании 25 ноября, и напомнить об этом решении видным членам ВРК. Тогда же было решено на следующее заседание Совнаркома пригласить Ф. Э. Дзержинского, М. Я. Лациса и И. С. Уншлихта; М. Я. Лацису было также предложено «составить список всех комиссаров Военно-революционного комитета и представить его в Совет Народных Комиссаров».[64]

Параллельно с этим многие видные члены ВРК были направлены на руководящие должности в различные ведомства. Так, в результате специального рассмотрения Совнаркомом 15 и 16 ноября вопроса о Министерстве внутренних дел в созданную на последнем из этих заседаний (16 ноября) во главе с Г. И. Петровским и его заместителем М. К. Мурановым коллегию Наркомвнудела были включены члены ВРК Ф. Э. Дзержинский, М. Я. Лацис, И. С. Уншлихт, М. С. Урицкий, П. Е. Лазимир.[65] В коллегию при народном комиссаре почт и телеграфов, пост которого, как уже отмечалось выше, занял работавший ранее в ПК РСДРП(б) и Петроградском бюро профсоюзов Н. П. Авилов-Глебов,[66] вошли в качестве ее членов комиссары ВРК А. М. Любович и К. Я. Кадлубовский, в коллегию Народного комиссариата путей сообщения — А. С. Бубнов, являвшийся комиссаром ВРК по Петроградскому железнодорожному узлу, в коллегию Народного комиссариата юстиции — члены следственной комиссии ВРК П. А. Красиков и М. Ю. Козловский.[67] Члены ВРК совместно с представителями Военной организации ЦК РСДРП(б) (Н. И. Подвойский, К. А. Механошин, М. С. Кедров, Э. С. Склянский, Б. В. Легран) пополнили также состав коллегии Народного комиссариата по военным делам (преобразованного, как уже отмечалось выше, в ноябре 1917 г. из ранее существовавшего Комитета по военным и морским делам).[68] Веду-

[63] Выполняя данное решение Совнаркома, ВРК предпринял 26, 28 и 30 ноября первые шаги в этом направлении (См.: Документы, стр. 308, 312, 316, 317).

[64] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. *23* об.

[65] Там же, лл. 1 об. и *3*.

[66] Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 103 (Глебов-Авилов Н. П.).

[67] Декреты Советской власти, т. I, № 54, стр. 585, 586.

[68] Там же, стр. 583—585; Из истории Военного строительства. . ., стр. 85; От Февраля к Октябрю, стр. 174; Н. И. Подвойский. Год 1917, стр. 181—183; Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины, стр. 434.

щие члены Морского военно-революционного комитета (И. И. Вахрамеев, В. С. Мясников, В. И. Пенкайтис, Д. Н. Марулин и др.) били направлены специальным решением ВМРК 13 ноября на руководящую работу в Морское ведомство. «Для скорейшего проведения в министерстве демократических принципов и для контроля во все отделы и подотделы назначаются комиссары, избранные Морским революционным комитетом из надежных и достойных лиц и из своих членов», — говорилось, в частности, в докладе народного комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко, который был заслушан и одобрен на этом заседании ВМРК.[69]

По мере организации и налаживания деятельности народных комиссариатов передавали им свои функции и имевшиеся в составе ВЦИК Советов различные отделы по контролю и общему руководству отдельными соответственными отраслями государственной жизни страны — Национальный (по местному самоопределению), Экономический, Иногородний, Военный, Юридический, Отдел борьбы с контрреволюцией. 21 декабря 1917 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев вопрос о слиянии работ отделов Центрального Исполнительного Комитета с народными комиссариатами, признал в принципе «желательность слияния однородных работ».[70] Однако окончательное осуществление этого решения стало возможным несколько позднее, после полной ликвидации контрреволюционного чиновничьего саботажа и укрепления народных комиссариатов.[71]

В связи с прекращением 26 ноября деятельности ВМРК[72] и объявленной затем 5 декабря ликвидацией ВРК[73] Совет Народных Комиссаров, рассмотрев на следующий день вопрос «О возможности забастовки служащих правительственных учреждений

[69] Триумфальное шествие Советской власти, стр. 87 и сл. Приказы №№ 2 и 4 от 14 ноября 1917 г. по Морскому ведомству о произведенных в соответствии с указанным выше решением ВМРК персональных назначениях см.: ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 32, декабрь 1917 г., стр. 3, 5.

[70] Цит. по: Е. Н, Городецкий. Рождение Советского государства стр. 187.

[71] Подробнее об этом см.: там же, стр. 181—188.

[72] «Морской революционный комитет организовался в дни борьбы на улицах за переход власти. Теперь эта борьба кончилась, начинается другая борьба с рутиной внутри учреждений. В эти учреждения уже входят наши комиссары, они и проводят в самих учреждениях работы Морского революционного комитета», — указывал 15 ноября И. И. Вахрамеев при обсуждении вопроса о дальнейшем существовании ВМРК (ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. 1, л. 22). Приняв решение о прекращении деятельности почти всех своих секций, ВМРК, однако, продолжал существовать и в дальнейшем в лице его военной секции, которая занималась снабжением революционных отрядов, производила аресты, реквизиции, обыски и т. д., а также занималась подготовкой и организацией Всероссийского съезда военного флота. Окончательно ВМРК был расформирован 26 ноября, последнее его запротоколированное заседание относится, по-видимому, к 24 ноября (ЦГАВМФ, ф. 22, оп. 1, д. I, л. 29) в соответствии с решением этого съезда (там же, л. 30; С. С. Хесин. Военные моряки в борьбе за власть Советов, стр. 233).

[73] См.: П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК, стр. 16,

во всероссийском масштабе», счел необходимым принять специальное постановление: «Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных мер для выяснения способов подавления злостного саботажа».[74] И уже на следующем заседании Рабочего и Крестьянского правительства, состоявшемся 7 декабря, после доклада Ф. Э. Дзержинского об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем, подготовленного им в соответствии с указаниями В. И. Ленина, при СНК был образован специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем — возглавлявшаяся Ф. Э. Дзержинским Всероссийская Чрезвычайная Комиссия.[75] В состав коллегии ВЧК, утвержденный 7 декабря по докладу Ф. Э. Дзержинского Советом Народных Комиссаров наряду с положением о ее деятельности, первоначально входило 10 чел., в том числе Ф. Э. Дзержинский, С. Орджоникидзе, Я. Х. Петере, И. К. Ксенофонтов.[76] «Когда мы перешли из Смольного в помещение бывшего градоначальства[77] на Гороховой 2, — вспоминал впоследствии Я. Х. Петере, — то весь аппарат ВЧК состоял из нескольких лиц; канцелярия находилась в портфеле Дзержинского, а вся казна, сперва 1000 руб., а потом 10 000 руб., которые были получены для организации ВЧК, — у меня, как казначея, в ящике стола».[78] Вскоре, однако, в первоначальном составе коллегии ВЧК произошли изменения: вместо Г. К. Орджоникидзе и еще некоторых товарищей, получивших новые назначения, в Чрезвычайную Комиссию большевистской партией были направлены другие испытанные работники — бывшие члены Петроградского ВРК В. В. Фомин и Ильин, С. Е. Щукин, Я. Озолин, Н. Веретенников и др.[79] С их помощью Ф. Э. Дзержинский, Я. Х. Петерс, И. К. Ксенофонтов продолжали налаживание деятельности ВЧК, в составе которой первоначально было создано три отдела — Организационный, Информационный и Отдел борьбы с контрреволюцией и саботажем. Уже в декабре отделов ВЧК стало четыре — был организован новый отдел по борьбе со спекуляцией; а в январе 1918 г. в целях борьбы с преступле-

[74] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 33.

[75] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. *35,* стр. 156—158; ЦГАОР, ф. 130. оп. 1, д. 2, л. 34 об.

[76] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 34 об.; От Февраля к Октябрю, стр. 288; Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, стр. 78—79.

[77] О ликвидации бывшего Петроградского градоначальства см.: Триумфальное шествие Советской власти, стр. 123.

[78] Я. Х. Петерс. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции, стр. 10. См. также: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, стр. 84.

[79] Я. Х. Петерс, ук. соч., стр. 6; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2230, л. 2 (воспоминания Н. Веретенникова *о* работе в Петроградской губернской ЧК в 1917—1918 гг.); там же, д. 2229, л. 1 (воспоминания Я. Озолина о создании и деятельности органов ВЧК в 1917—1920 гг.).

ниями банковских служащих был также создан специальный, так называемый Банковский подотдел.[80] «Аппарат ВЧК рос медленно, — свидетельствует Я. Х. Петере, — но в него входили самые лучшие и преданные революции товарищи».[81] В их числе были рабочие и революционные моряки, небольшой отряд красногвардейцев и группа солдат Свеаборгского полка.[82] Всего в составе ВЧК к середине января 1918 г. насчитывалось примерно 100 сотрудников. Это видно из адресованного В. И. Ленину собственноручного письма председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского от 11 января по вопросу об обеспечении чекистов продовольствием.[83] Неуклонно выполняя указания Совета Народных Комиссаров и лично В. И. Ленина, опираясь на поддержку трудящихся, руководимая Ф. Э. Дзержинским Всероссийская Чрезвычайная комиссия, несмотря на свою малочисленность, стала ударным отрядом Советской власти в борьбе с контрреволюцией. Исключительно большую помощь оказала ВЧК, в частности, народным комиссариатам в окончательной ликвидации чиновничьего саботажа, арестовав 22 и 30 декабря 1917 г. основную группу непосредственных его руководителей во главе с председателем правления «Союза союзов служащих государственных учреждений Петрограда» А. М. Кондратьевым и разрушив аппарат и связи центрального стачечного комитета и его филиалов в бывших министерствах и других ведомствах.

Преодоление чиновничьего саботажа и организация аппарата наркоматов, как и всего аппарата управления Советской власти, оказались бы, однако, невозможными без активнейшего участия лучших представителей трудящихся, направленных по указанию ЦК РСДРП(б) и партийных организаций столицы Петроградским городским и районными Советами, профсоюзами, фабзавкомами, Социалистическим союзом рабочей молодежи, студенческой организацией при ПК РСДРП(б), Красной гвардией, революционными частями армии и флота в распоряжение народных комиссаров и помогавшего им ВРК.

Уже утром 25 октября на экстренном заседании Центрального правления Всероссийского и Петроградского союзов металлистов было решено выделить для поддержания дела революции 50 000 руб. и предоставить в ее распоряжение весь аппарат Петербургского правления и Центрального комитета союза. Было решено также обратиться ко всем рабочим-металлистам с призы-

[80] Я. Х. Петерс, ук. соч., стр. 6; П. Г. Софинов, ук. соч., стр. 20—21.
[81] Я. Х. Петерс, ук. соч., стр. 11.
[82] Там же, стр. 19—21.
[83] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 30375, л. 1. В дальнейшем, ко времени переезда СНК и других центральных органов Советской власти, и в том числе ВЧК, из Петрограда в Москву, в составе ВЧК было около 120 сотрудников (Я. Х. Петерс. ук. соч., стр. 11).
[84] См.: Д. Л. Голинков. Первое дело ВЧК. «История СССР», 1965, № 4, стр. 120—123; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 133—134.

вом поддержать начавшуюся революцию и делегировать в ВРК ведущих членов правления — А. Г. Шляпникова, В. В. Шмидта и Г. Д. Вейнберга.[85] В соответствии с указаниями руководящих органов Союза металлистов развернули работу районные правления этого союза. Своих технических работников направило в Смольный правление Нарвско-Петергофского района. «С первых же дней Октябрьской революции, — вспоминал рабочий Путиловского завода Иванов, — члены правления принимали участие в борьбе под Пулковым против Керенского и Краснова с наскоро собранными зенитными орудиями и батар[еями] в пушечной мастерской Путиловского завода, а технический персонал был послан в Смольный для организации советского аппарата в связи с тем саботажем, который имел место с первых же дней со стороны старых служащих, в частности были посланы Токаренко Маша и другие».[86] Для замены саботажников направило в Смольный своих конторщиц и машинисток руководимое И. Лепсе Петроградское районное правление, которое организовало в помещении союза ежедневную запись желающих работать в советских учреждениях (составленные здесь списки в дальнейшем передавались в Комиссариат труда, где и происходило распределение всех зарегистрированных лиц).[87] В первые же послеоктябрьские дни новых работников для организующихся комиссариатов направило также Центральное правление Профсоюза торгово-промышленных служащих Петрограда.[88] Предоставив в распоряжение Советской власти своих активных работников (член правления союза К. Б. Вербицкий, например, мобилизованный в Наркомвоен, специально занимался организацией технического аппарата этого и других комиссариатов)[89] и технический аппарат, Центральное правление Союза торгово-промышленных служащих в то же время приняло решение об организации во всех районах столицы комиссий содействия Военно-революционному комитету,[90] главной зада-

[85] ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269,- д. 68, л. 81 (выписка из журнала Центрального правления Союза металлистов от 25 октября); А. Г. Шляпников. К Октябрю, стр. 21; ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *36,* л. 22 (воспоминания Г. Д. Вейнберга); Ленинградские профсоюзы за 10 лет, сто. 130. 135, 144.

[86] ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *36,* лл. 28, *32;* Ленинградские профсоюзы за 10 лет, стр. 224.

[87] ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *36,* л. 22; ф. 6276, оп. 269, д. 68, лл. 81—82; И. Лепсе, Октябрьская революция и союз рабочих-металлистов. «Вестник профессиональных союзов», Пгр., 7 ноября 1918 г.. № 4, стр. 7.

[88] См.: ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 41, лл. 1—3; Ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 198; Ленинградские профсоюзы за 10 лет, стр. 108, 223—224.

[89] ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 68, л. 59; см. также: ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 13, лл. *23, 26* (протоколы заседаний бюро фракции коммунистов Союза торгово-промышленных служащих).

[90] Такая комиссия из 14 человек была, например, избрана 27 октября на заседании правления этого союза Спасского района (ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 68, л. 57). На заседании ЗС октября Центральное правление союза, в частности, поручило Н. Угланову и Я. Никул организо-

чей которых являлась борьба с контрреволюционным саботажем и оказание всеми мерами помощи новой власти.[91] 10000 руб. внес в эти дни в фонд революции Профсоюз торговых служащих тракторного промысла; 5000 руб. — Профсоюз транспортных рабочих.

С воззваниями ко всем рабочим и фабрично-заводским служащим столицы обратились Петроградский совет профсоюзов и Центральный совет фабзавкомов, приглашая всех желающих оказать помощь Советской власти в борьбе с саботажниками, — записываться на своих предприятиях или в народных комиссариатах. «Вы, служащие фабрик и заводов, — говорилось, в частности, в обращении ко всем фабрично-заводским служащим от *29* октября, — должны прийти на помощь стране и революции и отдать свои силы и способности в распоряжение народных комиссаров, чтобы немедленно возобновить работу государственного аппарата».[93] Вечером, 9 ноября, состоялось расширенное собрание Петроградского совета профсоюзов совместно с Центральным правлением профессиональных союзов (на собрании присутствовало около 200 человек), на котором с большой речью выступил В. И. Ленин. В принятой собранием резолюции указывалось, что «выдвинутое II Всероссийским съездом Рабочее и Крестьянское правительство есть единственный орган власти, верно отражающий интересы подавляющего большинства населения», и специально подчеркивалось, что «всякий саботаж власти является преступлением по отношению к рабочему классу и всему народу».[94] Аналогичные обращения и резолюции были приняты Центральным правлением Профсоюза торгово-промышленных служащих и Центральным комитетом городских рабочих и служащих столицы.[95]

Состоявшиеся вскоре на Обуховском, Путиловском, Патронном, Сестрорецком заводах, в Петроградском трамвайном парке, на станции Петроград Балтийской линии Сев-Зап. железной дороги и других крупнейших заводах и предприятиях массовые собрания трудящихся, а также общеделегатское собрание Профсоюза городских рабочих и служащих, конференция фабрично-заводских комитетов, совещание представителей воинских частей фронта также приняли резолюции, выражавшие решительный протест против

вать комиссии содействия в тех районах, где они еще не организованы, а также организовать собрания» (там же). См. также: Большевики Петрограда в 1917 году, стр. 723.

[91] См.: ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 68, лл. 60, 61; «Новая жизнь», № 173, 5 ноября 1917 г.

[92] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 41, лл. 8, 12. См. также: ГАОРСС ЛО, Ф. 6276, оп. 269, д. 128, лл. 8, 11.

[93] Октябрьский переворот, стр. 303.

[94] ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 128, лл. 15, 16.

[95] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 900—901, 908—910.

действий саботажников и готовность оказать СНК и ВРК необходимую поддержку в преодолении саботажа.[96]

С поддержкой Совета Народных Комиссаров против контрреволюционеров и саботажников выступили и многие другие состоявшиеся в Петрограде в ноябре 1917—январе 1918 г. съезды и конференции представителей трудящихся: I Всероссийский съезд военного флота, Собрание представителей воинских частей Петроградского гарнизона, Первая конференция работниц Петрограда, Петроградский губернский съезд крестьянских Советов, Чрезвычайный всероссийский железнодорожный съезд.[97]

Для широкого привлечения трудящихся к делу организации народных комиссариатов большое значение имело принятие Петроградским городским Советом рабочих и солдатских депутатов 17 ноября особого постановления, в котором говорилось: «Вполне выяснилось, что не только капиталисты, но и значительное число тянущих руку буржуазии и связанных с нею тысячами экономических и социальных нитей чиновников и служащих в государственных и общественных учреждениях упорно саботируют работу Рабочего и Крестьянского правительства... В Петрограде, как в центре капитализма, в главном центре банков и финансового капитала, в главном центре бюрократии, сопротивление буржуазии и ее пособников особенно сильно.

«Поэтому Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и солдат Петрограда, в особенности всех членов районных Советов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов:

«1) порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники; 2) разделить без всякой оттяжки районные и общегородские Советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления; *3)* привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить таким образом силы на помощь каждому народному комиссару».[98] Против контрреволюционного чиновничьего саботажа выступили также районные Советы столицы. Так, 22 декабря 1917 г. на общем собрании Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов была принята специальная резолюция, в которой говорилось: «Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района, обсуждая вопрос

[96] См.: Октябрьский переворот, стр. 307 и далее; Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. 214, 287; Октябрь в 1917 году в Петрограде. Обзор документов. М., 1958, стр. 79—80; «Правда», №№ 191 и 192, 19 и 17 ноября 1917 г.

[97] См.: ГАОРСС ЛО, ф. 1950, оп. 1, д. 1, лл. 12—13; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 100, 142—143, 176—177.

[98] «Известия», № 229, 18 ноября 1917 г,

о саботаже чиновников и служащих государственных и общественных учреждений, глубоко возмущен поступками саботажников, разрушающих своей бездеятельностью народное хозяйство. Получая за несколько месяцев вперед, они этим самым грабят народные деньги.

«Мы предлагаем Исполнительному комитету обратиться к домовым комитетам, которые дали бы сведения о саботажниках, и огласить в печати их имена.

«Передать в Центральный Совет (т. е. Петросовет, — *М. И.*), чтобы он постановил лишить продовольственных карточек всех саботажников».[99] К организации и налаживанию деятельности народных комиссариатов были привлечены многие работники городского и районных Советов, различных органов местного самоуправления Петрограда. Активное участие большинства ведущих членов Исполнительного комитета Петросовета в работе Военно-революционного комитета и ВЦИК, привлечение многих из них на ответственные посты в новом правительственном аппарате, как специально отмечалось на заседании Исполкома Петроградского Совета 29 ноября 1917 г., вызвало даже временное прекращение его деятельности в период проведения вооруженного восстания и первые послеоктябрьские дни.[100] Членами Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов являлись, например, А. С. Бубнов, А. М. Коллонтай, Н. И. Подвойский, П. С. Стучка, М. С. Урицкий, И. С. Уншлихт, К. А. Механошин, И. П. Флеровский; заместителями председателя Междурайонного совещания районных Советов Петрограда — М. Я. Лацис, Д. Ф. Зорин и Д. 3. Мануильский (последний также был депутатом Василеостровского райсовета и членом управы Петроградской городской думы); депутатом Петросовета и Рождественского районного Совета — Е. М. Соловей; депутатом Петросовета и Нарвско-Петергофского районного Совета — П. И. Лебедев-Полянский, являвшийся также гласным Петроградской городской думы; товарищем председателя городского головы — А. В. Луначарский; товарищем председателя Петроградской районной думы — Я. М. Свердлов; депутатом Петросовета и членом Управы Городской думы — И. А. Теодорович; членом Исполкома Петросовета и председателем Выборгской районной думы — М. Ю. Козловский; заведующим Отделом народного образования Управы Выборгской районной думы — Н. К. Крупская; гласным Петроградской городской думы — П. А. Красиков; председателем Кронштадтского Совета — А. М. Любович.[101] Своих сотрудников направила в Смоль-

[99] Районные советы Петрограда в 1917 году, т. I. М.—Л., 1964, стр. 174—175.

[100] «Красная летопись», 1927, № 3 (24), стр. 66.

[101] Петроградские большевики в Октябрьской революции, стр. 421—441; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 258; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 200 (Коллонтай А. М.,

ный Военно-техническая комиссия при Исполкоме Кронштадтского Совета.[102]

Лучших своих представителей — работников различных специальностей предоставил в распоряжение народных комиссаров Социалистический союз рабочей молодежи Петрограда, Исполнительный комитет которого ранее, 24 октября, заслушав на своем заседании сообщение представителя Петербургского комитета РСДРП(б) С. Диманштейна, единодушно принял резолюцию о направлении членов союза в распоряжение районных комитетов большевистской партии и отряды Красной гвардии.[103] Созданная при поддержке А. В. Луначарского студенческая организация при Петербургском комитете РСДРП(б) организовала специальное Бюро труда, имевшее своей задачей привлечь интеллигенцию и студентов к более широкому участию в налаживании работы комиссариатов и других советских учреждений.[104] На состоявшемся 18 ноября общегородском собрании учащихся-большевиков высших учебных заведений Петрограда было решено мобилизовать все студенческие силы для замены саботажников и оказания содействия новой власти.

Своих лучших работников в Петроград направили также общественные организации ряда предприятий и учреждений Москвы. Так, существенную помощь в налаживании работы телефонной станции Петрограда, перешедшей в ведение Наркомпочтеля, оказала партийная организация Московской телефонной станции, при содействии которой в Петроград были посланы 20 опытных телефонисток, преданных Советской власти. «Эти беспартийные девушки-москвички в возрасте 18—23 лет, — пишет в своих воспоминаниях К. Я. Кадлубовский, — были верны своему пролетарскому долгу и сознательно помогали победе социалистической революции».[106]

Из ставших во главе управления отдельными отраслями государственной жизни страны новых центральных правительствен-

автобиография), 225 (Красиков П. А., просмотренная биография), 237 (Крупская Н. К., автобиография); Я. А. Скороходов. Я. М. Свердлов — муниципальный работник. В кн.: Яков Михайлович Свердлов. Л., 1926, стр. 152—153.

[102] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 48, л. 97.

[103] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 47, лл. 215—222; А. И. Ацаркин. Под большевистское знамя. Л., 1958, стр. 237; История Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 309; Революционные традиции комсомола. Л., 1958, стр. 61; «В кольце фронтов». М., 1963, стр. 21.

[104] См.: Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при Пет. ком. РСДРП(больш.). «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 293—301; «Известия», № 223, 23 ноября 1917 г.

[105] См.: «Правда», № 17, вечерний выпуск, 21 ноября 1917 г.

[106] К. Я. Кадлубовский. Связисты Петрограда в борьбе за власть Советов. В кн.: Связисты в борьбе за власть Советов, М., 1964, стр. 23—24. См. также: Анисимова-Слесарева и А. Белецкая. На помощь Петрограду. «Пролетарий связи», 1927, № 20, стр. 36—37.

ных органов — советских наркоматов одним из первых, как уже отмечалось, был организован Народный комиссариат труда. Налаживание деятельности этого комиссариата в пустынных, покинутых прежним штатом служащих, помещениях Мраморного дворца происходило при непосредственном участии профсоюзов петроградских рабочих, к которым сразу же после победы Октябрьской революции Комиссия труда обратилась за помощью. «Профессиональные союзы, — отмечалось в сделанном 16 января 1918 г. на Всероссийском совещании комиссаров труда докладе Наркомтруда, — живо откликнулись и дали практических работников».[107] Ими явились прежде всего сотрудники аппарата Петербургского правления и Центрального комитета Союза рабочих-металлистов (председателем которого являлся первый народный комиссар труда А. Г. Шляпников), группа рабочих-химиков с Урала, Рабочая группа Всероссийского страхового совета, работники, присланные Союзом торгово-промышленных служащих.[108] Основной состав Комиссии труда и руководителей отделов Наркомтруда был намечен на состоявшемся в Смольном вскоре после окончания работы II Всероссийского съезда Советов совещании партийных и профсоюзных работников, а затем был передан на утверждение в Совет Народных Комиссаров.[109]

В число членов утвержденной Совнаркомом коллегии Наркомтруда вошли представители всероссийских профессиональных союзов Металлистов, Текстильщиков, Кожевников и Центрального бюро профсоюзов Петрограда.[110] Во главе организующихся новых отделов комиссариата встали активные работники петроградской городской и районных партийных организаций и профессиональных союзов А. Н. Винокуров и А. Н. Падерин (Отдел социального страхования), В. В. Шмидт (Отдел труда и биржи труда), И. С. Вегер (Отдел охраны труда), Г. Ф. Федоров и С. В. Малышев (Отдел конфликтов и бирж), Ю. Ларин (Отдел законодательных предложений), были образованы Управление делами (Н. Ф. Шутко) и секретариат (А. Т. Арский-Радзишевский, И. Ф. Кодацкий, К. И. Шутко).[111] В. В. Шмидт и Г. Ф. Фе-

[107] ЦГАОР, ф. 382, оп. 1, д. 17, л. 2.

[108] См.: ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. 24, л. 67; д. 36, лл. 22, 26; А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 27; С. В. Малышев. Встречи с Лениным. Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, стр. 124—125; «Правда», № 172, 29 октября 1917 г.

[109] «Газета», № 1, 28 октября 1917 г.; А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 26—27.

[110] ЦГАОР, ф. 382, оп. 1, д. 17, л. 2; ф. 1235, оп. 53, д. 25, л. 55; А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 27.

[111] ЛПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1477, л. 35 (Арский-Радзишевский А. Т., автобиография); д. 1273, л. 8 (в этом деле, представляющем собой воспоминания о работе Выборгского районного комитета партии в 1916—1917 гг. Н. Ф. Свешникова, содержатся сведения о работавших на заводе «Старый Лесснер» активных работниках Выборгского РКРСДРП(б) К. И. Шутко и И. Ф. Кодацком); ГАОРСС ЛО, ф. 4591,

доров вскоре (12 декабря) были назначены помощниками народного комиссара труда.

В сформировании первого состава Народного комиссариата иностранных дел важную роль сыграли районные партийные комитеты Петрограда. С их помощью к организации Наркоминдела были привлечены рабочие ряда петроградских предприятий, в частности рабочие-большевики с Василеостровского завода «Сименс-Шуккерт» (ныне — завод «Электроаппарат»). Одними из первых пришли они в здание бывшего МИД во главе с И. А. Залкиндом, работавшим в Василеостровской партийной организации Петрограда вместе с Верой Слуцкой. И именно им главным образом была поручена охрана помещений и архивов НКИД в период его пребывания в Петрограде.[113] «Когда после Октябрьской революции мы стали брать учреждения, — рассказывал впоследствии, 26 сентября 1927 г., на вечере воспоминаний участников Октябрьской революции завода «Электроаппарат» рабочий этого завода, член РСДРП(б) с марта 1917 г. Митирев, — то все участники взятия Комиссариата по иностранным делам были с нашего завода и мы там несли караул... Мы шли на дежурство в Комиссариат по иностранным делам прямо с работы. Но потом мы совсем снялись с завода и ушли в комиссариат».[114] Приветствуя трудящихся Петрограда в связи с 5-летием Октябрьской революции, Г. В. Чичерин писал, вспоминая о своем возвращении из-за границы в Советскую Россию в январе 1918 г.: «На Финляндском вокзале встретили меня вооруженные рабочие-красногвардейцы нашего комиссариата. Потом в комиссариате я был в постоянном общении с ними».[115] Небезынтересно также отметить, что после переезда Советского правительства в марте 1918 г. из Петрограда в Москву по специально присланному в Петроградский Совет запросу народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина группа рабочих-красногвардейцев с завода «Сименс-Шуккерт», участвовавших в овладении бывшим МИД, примерно 15 человек (в их числе были, в частности, Митирев, Антонов, Елистратов), была послана в Москву для продолжения работы в Наркоминделе.[116]

В налаживании деятельности Наркоминдела участвовали также направленные Петроградским ВРК и ВМРК солдаты Павловского

оп. 52, д. *36,* л. 11 (выступавший на вечере воспоминаний при Ленинградском райкоме союза металлистов от 3 июня 1927 г. Г. Д. Вейнберг вспоминает старую большевичку Нину Шутко, работавшую на заводе «Промет»); «Газета», № 1, 28 октября 1917 г.; А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 26, 27.

[112] Декреты Октябрьской революции, т. I, № 162.

[113] Наркоминдел, стлб. 1165; И. Залкинд, ук. соч., стр. 12, 14, 13; Б. Канторович, Организационное развитие НКИД, стр. 51—52.

[114] ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *37,* л. 10.

[115] Петрограду на шестой год. «Петроградская правда», № 251, 5 ноября 1922 г.

[116] ГАОРССЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *37,* л. 11.

полка и революционные моряки-балтийцы.[117] Большое значение для организации НКИД имела чрезвычайно энергичная деятельность члена ВЦИК I созыва от Балтфлота большевика Н. Г. Маркина.[118] Небезынтересно отметить, что в первоначальной деятельности Наркоминдела принимали участие и зарубежные товарищи, в частности авторы широко известных книг об Октябрьской революции Д. Рид и А. Вильямс.[119] С рекомендацией Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в Наркоминдел был направлен видный венгерский коммунист Бела Кун, избранный в дальнейшем (в мае 1918 г.) председателем Федерации иностранных коммунистов при РКП(б), образованной иностранными секциями состоявшегося в Москве в апреле съезда военнопленных-революционеров.[120]

Основная работа по первоначальной организации Наркомпроса была также выполнена работниками городской и районных партийных организаций Петрограда, активно сотрудничавших в культурно-просветительной секции городской думы столицы, председателем которой незадолго до Октябрьской революции стал А. В. Луначарский.[121] Именно они вместе с группой рабочих, пришедших с заводов и предприятий Выборгской стороны, во главе с Ф. И. Калининым явились первыми строителями Наркомпроса.[122] Организационное собрание, на котором обсуждались первоначальная структура Наркомпроса и, вероятно, кандидатуры на посты заведующих основными отделами комиссариата, состоялось, как свидетельствует В. Полянский, в Смольном и, по-видимому, незадолго до принятия декрета 9 ноября.[123] Многие из работников

[117] Наркоминдел, стлб. 1165; И. Залкинд, ук. соч., стр. 12; «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.; Б. Канторович, ук. соч., стр. 51—52; Н. Ф. Вargин. Комиссар Волжской флотилии. М., 1961, стр. 42.

[118] Воспоминания об Октябрьском перевороте. . ., стр. 59—61; И. Залкинд, ук. соч., стр. 15—16; М. Рабинович. Публикаторская деятельность Николая Маркина. «Архивное дело», 1939, № 2 (50), стр. 98—102; К. Горбачев, Е. Хабло. С мандатом, подписанным Лениным. В кн.: Их именами названы улицы Ленинграда. Л., 1961, стр. 105—109; Н. Ф. Вargин, ук. соч., стр. 40—48.

[119] См.: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов, стр. 64, 67, 83 и др.; И. Залкинд, ук. соч., стр. 18; Е. Драбкина. Звенящая струна. «Известия», № 251, 21 октября 1962 г.

[120] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 2, д. 30, л. 3; Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. Приложения. М., 1959, стр. 499—500. См. также: С. Ю. Выгодский. В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства. Л., 1960, стр. 215—216.

[121] От Февраля к Октябрю, стр. 304; В. Полянский, ук. соч., стр. 50.

[122] «Народное просвещение», 1927, №№ 11—12, стр. 6 (речь М. Н. Покровского на торжественном заседании коллегии Наркомпроса); А. В. Красникова, ук. соч., стр. 21.

[123] В. Полянский, ук. соч., стр. 50. См. также: От Февраля к Октябрю, стр. 304.

большевистской партии, привлеченных к организации Наркомпроса, были назначены руководителями образованных декретом ВЦИК и СНК 9 ноября 15 отделов: Н. К. Крупская возглавила Внешкольный отдел, В. М. Познер — Отдел средней школы, Д. А. Лазуркина — Отдел дошкольного воспитания, Ф. И. Калинин — Отдел помощи самостоятельным классовым просветительным организациям, Л. Р. Менжинская — Отдел по подготовке преподавательского персонала и т. д. Во главе Отдела школьной медицины и гигиены встала врач В. М. Величкина (Бонч-Бруевич), Отдела искусств — художник, член большевистской партии Д. П. Штернберг, во главе Литературно-издательского отдела — П. И. Лебедев (Полянский),[124] во главе Отдела финансов — И. Б. Рогальский. Обязанности секретаря Наркомпроса первоначально выполняла Е. Н. Адамович.[125] В первой же половине ноября в составе Государственной комиссии по просвещению начали работать: правительственным комиссаром по музыкальной части — Авраамов, помощником правительственного комиссара по государственным библиотекам — Бухбиндер, правительственным комиссаром по Организационному отделу — Бакрылов, правительственным комиссаром при Государственном комитете и Петроградском учебном округе — З. Гринберг, вр. и. о. правительственного комиссара Отдела всеобщего обучения — В. Галкин и др. Деятельное участие в организации и налаживании работы Наркомпроса приняли также Д. И. Лещенко, П. Н. Лепешинский.[127]

В числе первых сотрудников Наркомвнудела были путиловские рабочие и студенты Петроградского университета, Электротехнического и других институтов.[128] Заведование отделами Народного комиссариата было поручено М. Я. Лацису (Отдел местного управления), И. С. Уншлихту (По делам иностранных поддан-

[124] Выше неоднократно уже использовались воспоминания старого большевика, члена ПК РСДРП(б) П. И. Лебедева, подписанные его партийным и литературным псевдонимом — Валерьян Полянский (Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 288, — Лебедев П. И., автобиография).

[125] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 45, лл. 99—99 об.; ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 2.

[126] Это видно из представленной в Совет Народных Комиссаров к смете на ноябрь 1917 г. по Наркомпросу подлинной дополнительной ведомости на жалованье правительственных комиссаров и их помощников от 12 декабря за собственноручными подписями А. В. Луначарского и исполнявшей обязанности секретаря комиссариата Е. Н. Адамович (ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989).

[127] Декреты Советской власти, т. I, № 43; «Народное просвещение», 1927, №№ 11—12, стр. 6, 10, 11; В. П о л я н с к и й, ук. соч., стр. 50—51; От Февраля к Октябрю, стр. 304.

[128] ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 249, лл. 1—29 (список сотрудников НКВД); История Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 311.

ных), А. М. Дижбиту (По делам беженцев), И. П. Флеровскому (По делам о воинской повинности), Т. В. Мешковскому (Финансовый), В. Н. Селицкому (Бюро печати), Н. М. Небрату (Хозяйственный). Весь первоначальный секретариат Наркомвнудела представляли собой В. Н. Яковлева и Н. А. Жиделев, заведующим канцелярией был назначен Д. Ф. Зорин.[129]

С помощью рабочих и рядовых служащих Петроградского и Московского железнодорожных узлов, комиссаров, членов исполнительных комитетов и представителей рабочих и служащих различных железных дорог, а немного позднее также и делегатов Чрезвычайного всероссийского железнодорожного съезда создавался аппарат Народного комиссариата путей сообщения.[130] Из утвержденной 12 декабря В. И. Лениным представленной в Совнарком ведомости на уплату жалованья служащим Комиссариата путей сообщения за ноябрь и декабрь 1917 г. хорошо видно, как малочислен был этот аппарат в первое время. Помимо членов возглавлявшейся народным комиссаром М. Т. Елизаровым коллегии (В. И. Невский, А. П. Шоломович, А. С. Бубнов, И. И. Неймант), в ведомости значатся лишь секретарь Ведомства путей сообщения В. Г. Дроздов, комиссар особых поручений С. С. Верещагин, комиссары управления водных и шоссейных дорог А. В. Галкин, В. М. Зайцев, М. С. Малевич, секретарь Экономического отдела управления Журнасеков, два счетовода, один конторщик, один сторож, четыре машиниста, а также комиссары Балтийского (Егоров, Виноградов), Царскосельского (Гаврилов, Пурин, Абрамов), Варшавского (Беляков, Бондарев, Клепецкий, Лепарк) и Николаевского (Лебит, Капильцев, Стуков) вокзалов Петрограда.[131] В формировании нового состава работников Народного комиссариата путей сообщения и налаживании его деятельности большую роль сыграли рабочие — члены партийной ячейки РСДРП(б) Главных мастерских Северо-западной железной дороги во главе с секретарем железнодорожного райкома и членом ПК РСДРП(б) И. М. Москвиным и старыми большевиками П. Ананичевым и И. И. Неймантом, а также группа беспартийных рабочих-печатников из обслуживавшей бывшее Министерство типографии, которые с частью низших служащих — сторожей и курьеров, явились главной опорой образовавшегося в декабре 1917 г. в этом комиссариате небольшого

[129] М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 148—149; ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 249, лл. 1—29; оп. 9, д. 14, л. 175.

[130] А. Хаин. Пройденный путь. (Союз мастеровых и рабочих-железнодорожников Петроградского узла в 1917—1919 гг.). По личным воспоминаниям и документам. М.—Л., 1925, стр. 17—18 и др.; П. Г. Лебит, ук. соч., стр. 82—83; Встречи с Лениным. (Воспоминания железнодорожников), стр. 59—60, 74—75, 79—80; От Февраля к Октябрю, стр. 63—64.

[131] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1. д. 25, лл. 9—10; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 27, л. 5—5 об.

коллектива сотрудников-большевиков и поддерживавших их служащих.[132]

В соответствии с декретом ВЦИК и СНК 1 декабря об учреждении нового органа по руководству экономикой страны — Высшего совета народного хозяйства в состав ВСНХ вместе с В. В. Оболенским, В. М. Смирновым, М. А. Савельевым вошли представители Всероссийского совета рабочего контроля, Центрального совета фабзавкомов, Петроградского совета профсоюзов. Непосредственные участники всей предварительной работы по созданию ВСНХ, видные деятели ЦС ФЗК и Петроградского совета профсоюзов П. Н, Амосов, Н. К. Антипов, М. Н. Животов, В. Я. Чубарь возглавили также ряд его отделов и секций.[133] Как вспоминал впоследствии первый председатель ВСНХ В. В. Оболенский, «тт. Чубарь, Амосов, Животов и другие пролетарские работники... ставили вместе с нами новую организацию (т. е. ВСНХ, — *М. И.)* в декабре—январе 1917—1918 гг.».[134] В организации и последующей деятельности ВСНХ активное участие приняли также представители Экономического отдела ВЦИК Ю. Ларин и В. П. Милютин, видный деятель Центрального совета фабзавкомов Н. А. Скрыпник, работники Наркомтруда во главе с А. Г. Шляпниковым.[135] Управление делами ВСНХ возглавлялось переведенной в него решением Совнаркома 23 декабря (в ответ на специальную просьбу ВСНХ) из Наркомвнудела В. Н. Яковлевой,[136] первым секретарем ВСНХ явился А. Масленников.[137] Основным источником, откуда подбирались новые сотрудники для каждого из организовывавшихся или передававшихся в ведение ВСНХ другими ведомствами, и прежде

[132] См.: ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 210, лл. 13—15, *32* (воспоминания И. А. Михайлова и П. Л. Панаха); ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 29, л. 92 (воспоминания И. И. Нейманта); лл. 110—110 об. (воспоминания В. М. Пильницкого); Первый легальный ПК в 1917 г., стр. 307 и др.; Петроградские большевики в Октябрьской революции, стр. 345, 433.

[133] ЦГАОР, ф. 472, оп. 1, д. 85, л. 48; ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *36,* л. 25; М. А. Савельев. Из истории возникновения Высшего совета народного хозяйства. «Экономическая жизнь», № 1, 6 ноября 1918 г.; В. Оболенский. Из первых дней Высшего совета народного хозяйства. «Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 11—14; Ленинградские профсоюзы за 10 лет, стр. 24, 48—50, 109, 131. Подробнее см.: С. В. Гершберг. В. И. Ленин и создание ВСНХ; Л. Е. Анкудинова. Национализация промышленности в СССР. 1917—1920 гг. Л., 1963, стр. 69—87.

[134] В. Оболенский, ук. соч., стр. 12.

[135] См.: Там же, стр. 11—14; В. Я. Чубарь. 1) Роль Центрального совета фабрично-заводских комитетов в организации Высшего совета народного хозяйства. «Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 7—9; 2) Октябрьские дни 1917 г., стр. 23—25; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. *3,* стлб. 58 (Скрыпник Н. А., автобиография).

[136] В материалах к протоколу № *33* СНК сохранилось подлинное ходатайство ВСНХ по этому поводу за подписью его председателя В В. Оболенского (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. *33,* лл. 4—5).

[137] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 53; В. В. Оболенский, ук. соч., стр. 14.

всего Комиссариатом торговли и промышленности, отделов или управлений, по свидетельству В. В. Оболенского, являлся профессиональный союз работников данной отрасли промышленности.[138] Этот важный принцип, осуществлявшийся с самого начала, нашел впоследствии свое выражение, в частности, в специально принятом постановлении Президиума ВСНХ 17 февраля об организации производственных отделов Высшего совета народного хозяйства: «Коллегии производственных отделов составляются из представителей — 1 от ВСНХ и 2 — от Всероссийских объединений профессиональных союзов соответствующей отрасли промышленности, и вся коллегия утверждается Президиумом ВСНХ».[139]

Для организации Комиссариата торговли и промышленности, руководство деятельностью которого решением СНК от 19 ноября временно поручалось Наркомтруду,[140] были привлечены рабочий Балтийского завода большевик Д. А. Павлов, ставший секретарем и членом коллегии комиссариата,[141] видные деятели большевистской партии М. А. Савельев и А. С. Киселев, инженеры М. Г. Варшавский (Бронский), А. П. Серебровский, молодой инженер-горняк Филиппов, которые возглавили основные отделы и комитеты, входившие в состав комиссариата.[142] В налаживании работы Горного департамента и Отдела портов комиссариата активное участие приняли группа студентов-горняков и работники Профессионального союза моряков и речников и, в частности, члены Центрального комитета этого союза Сергеев и Бобчинский.[143] Несколько раньше, 16 ноября, как уже отмечалось выше, в бывшее Министерство торговли и промышленности Военно-революционный комитет командировал С. И. Назарова «... для ревизии и выяснения дел обозначенного министерства».[144] 29 ноября Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление, согласно которому Ф. Ф. Раскольникову поручалось «... экстренно отправиться в Комиссариат торговли и промышленности, а также в Комиссариат продовольствия (Отдел машиноснабжения) для

[138] В. В. Оболенский, ук соч., стр. 14; см. также: «Газета», № 21. 30 ноября 1917 г.

[139] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 470—474, л. 10.

но ЦГДОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8 об. «Настоящим довожу до Вашего сведения, — писал, в связи с этим 22 ноября в Главное казначейство А. Г. Шляпников, — что для получения сумм по смете Министерства торговли и промышленности по ассигнованиям необходимо требовать подпись народного комиссара торговли и промышленности А. Шляпникова» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 33, л. 56).

[141] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; «Газета», № 36, 19 декабря 1917 г.; Я. Г. Темкин. Петроград в послеоктябрьские дни. Л., 1958, стр. 52.

[142] А. Г. Шляпников, ук. соч. стр. 32; Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957, стр. 65; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 194 (Киселев А. С., автобиография); часть третья, стлб. 40—41 (Серебровский А. П., авторизованная биография).

[143] А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 32—33, 37.

[144] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 48.

немедленной организации».[145] «В первую очередь, — вспоминал впоследствии А. Г, Шляпников, — мы взялись за Отдел промышленности, Горный департамент, Отдел портов, Управление заводами и канцелярией министра».[146] Однако с самого начала организации этого комиссариата его функции были ограничены в связи с созданием для руководства экономикой страны нового государственного органа — Высшего совета народного хозяйства,[147] председатель которого В. В. Оболенский в дополнение к положению о ВСНХ был 12 декабря 1917 г. утвержден ВЦИК народным комиссаром по организации и урегулированию производства.[148] Последнее было, по-видимому, осуществлено не без содействия Центрального Совета фабзавкомов, который, как известно, активно участвовал в организации и укреплении нового высшего органа по руководству экономикой страны — ВСНХ. В частности, еще 23 ноября ЦС ФЗК, обсудив вопрос о принятых революцией мерах в области промышленности и о своих взаимоотношениях с Министерством торговли и промышленности, утвердил предложенную Н. А. Скрыпником следующую небезынтересную резолюцию.

«1) Немедленное принятие мер к подчинению Министерства торговли и промышленности и созданию Народного комиссариата производства и организации хозяйственной жизни.

«2) В основу организации Народного комиссариата производства положить организацию Совета фабрично-заводских комитетов.

«3) В этом направлении вести теперь же деятельность ЦС ФЗК.

«4) Направить делегацию в Сов. Нар. Комиссаров, чтобы передать ему заключение ЦС ФЗК и предложить ему санкционировать действия ЦС ФЗК к М. Т.—П.».[149]

Нецелесообразность параллельного существования одновременно двух советских центральных органов по руководству промышленностью страны была очевидна. И временно исполнявший обязанности народного комиссара торговли и промышленности А. Г. Шляпников (как, впрочем, и его преемник в дальнейшем В. М. Смирнов), по свидетельству В. В. Оболенского, активно осуществлял передачу различных, связанных в первую очередь

[145] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 45, л. 68.

[146] А. Г. Шляпников, ук. соч., стр. 32.

[147] Так, на организованном 3 декабря 1917 г., по-видимому в соответствии с указаниями В. И. Ленина, совещании по вопросу о демобилизации механической промышленности (в работе совещания участвовали А. Г. Шляпников, М. А. Савельев, В. П. Милютин, Ю. Ларин, В. П. Ногин, А. П. Серебровский, А. Н. Падерин и др.) прямо указывалось, что все связанные с решением этой задачи меры будут разрешаться «. . . во вновь образованном центре народного хозяйства», т. е. ВСНХ (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 33, лл. 18—24; Декреты Советской власти, т. I, № 137).

[148] Декреты Советской власти, т. I, № 149.

[149] ЦГАОР, ф. 472, оп. 1, д. 62, л. 48 об. (в состав делегации были включены: Н. А. Скрыпник, П. Н. Амосов, Антонов и Давидович).

с производством, отделов бывшего министерства в ведение ВСНХ.[150] В связи с этим, *как* справедливо отмечалось в т. II «Энциклопедии государства и права», «Высший совет народного хозяйства, принявший в свое ведение регулирование производственной деятельности страны, а впоследствии сосредоточивший в своих руках управление и руководство национализированными промышленными предприятиями, оставил в непосредственном заведовании НКТ и Пр. лишь вопросы, связанные с областью торговли».[151] Однако и в данной области непосредственные задачи этого комиссариата в связи с постепенным отмиранием в условиях экономической изоляции и гражданской войны частной торговой деятельности и громадным увеличением роли аппарата Наркомпрода были сведены по существу к организации лишь товарообмена с иностранными государствами.[152] Именно поэтому все постановления и декреты Совета Народных Комиссаров, связанные с национализацией внешней торговли, были адресованы Комиссариату торговли и промышленности в лице его Отдела внешней торговли, который, осуществляя установленный новый порядок во внешнем товарообмене, стал непосредственно заниматься как организацией от лица Советского государства всякого рода внешнеторговых операций, так и выдачей разрешений различным учреждениям, организациям и частным фирмам на вывоз и ввоз товаров из-за границы в Россию и обратно.[153] Во главе Отдела внешней торговли, являвшегося фактически главным действенным органом в составе Комиссариата торговли и промышленности, 29 декабря 1917 г. был поставлен М. Г. Варшавский (Бронский), назначенный в дальнейшем (30 января 1918 г.) товарищем народного комиссара торговли и *промышленности.*[154]

«Наркомздрав, — указывал в одной из своих статей первый советский народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко, — так же, как ВСНХ, принадлежит к созданиям Октябрьской революции».[155] В дореволюционный период медицинское обслуживание населения было рассредоточено между различными отдель-

[150] В. В. Оболенский, ук. соч., стр. 14; см. также: ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. *36,* л. 19.

[151] Наркомвнешторг. Энциклопедия государства и права, т. II. (Б. м.), 1925—1926, стлб. 1109.

[152] Там же.

[153] См.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. *33,* лл. 14—14 об.; Декреты Советской власти, т. I, № 203; Наркомвнешторг, стлб. 1109—1110; «Собрание узаконений», № 11, 29 декабря 1917 г., ст. 197.

[154] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. *33,* л. 4; оп. 2, д. 65, л. 13; Наркомвнешторг, стлб. 1109. В Комиссариате торговли и промышленности в рассматриваемый период проводилась также работа по выравниванию цен на товары массового потребления, по развитию отечественного торгового флота (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. *33,* л. 59; «Газета», №№ 23, 25 и 36, 2, 5 и 19 декабря 1917 г.).

[155] Н. А. Семашко. Октябрьская революция и организация Наркомздрава. ЦПА *ИЛА,* ф. 70, оп. *3,* д. 891, л. 1.

ными ведомствами и учреждениями, которые не были объединены в масштабе всей страны. При Временном правительстве в области медицины не произошло почти никаких изменений. «Она (медицина, — *М. И.*), — писал другой видный деятель советского здравоохранения А. Н. Винокуров, — представляла, с одной стороны, земскую и городскую медицину, объединенную в Центральный врачебный санитарный совет, с другой — старые царские бюрократические медицинские управления, такие как Управление главного врачебного инспектора, наблюдавшего за гражданской медициной, далее — Главное военно-санитарное управление; кроме того, имелись медицинские управления в Министерствах путей сообщения, народного просвещения и др.».[156]

Первоначальная инициатива в создании единого органа советского здравоохранения принадлежит Врачебно-санитарному отделу ВРК,[157] который после обсуждения вопроса об организации Комитета по народному здоровью обратился с соответствующей докладной запиской (она была подписана А. Н. Винокуровым, И. С. Вегером и М. И. Барсуковым) и проектом положения этого комитета в Совнарком. В представленных СНК и лично его Председателю В. И. Ленину материалах имелись также памятная записка, приложенная к докладу о создании указанного комитета, и список выдвинутых в его состав пяти кандидатов.[158] «Мы, врачи, которым пришлось взяться за дело организации советской медицины, — вспоминал впоследствии А. Н. Винокуров, — представляли себе такой централизованный медицинский орган в виде Комитета по охране народного здоровья». «По этому вопросу тт. Барсуков, Вегер и я, — пишет А. Н. Винокуров, — были у Владимира Ильича, который. . . решительно высказался против немедленной организации централизованного бюрократического аппарата. Он указал, что прежде необходимо создать врачебные коллегии при центральных учреждениях, заменив ими старые медицинские управления, укрепить их медицинскими силами, создать на местах при Советах медицинские отделы вместо старой земской медицины, постараться отколоть от медицинского Пироговского общества, объединявшего главным образом земские и городские врачебные силы, левую революционную его часть и

[156] А. Н. Винокуров. Ленин как руководитель СНК и Малого Совета. Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, ф. воспоминаний о В. И. Ленине, л. 2. См. также: Наркомздрав. Энциклопедия государства и права, т. II. Под ред. П. И. Стучки. М., 1925—1926, стлб. 1148—1149.

[157] В составе медико-санитарного отдела ВРК, председателем которого был М. И. Барсуков и товарищем председателя А. Е. Артеменко, в 20-х числах ноября имелось 27 сотрудников, в том числе А. Н. Винокуров, И. С. Вегер и др. (ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 11, л. 29).

[158] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 14, лл. 14, 20—23; ф. 1236, оп. 1, д. 43, л. 86; М. И. Барсуков. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения, стр. 113—114.

опереться на нее как в борьбе с контрреволюционными врачами, так и в создании советской медицины. Такова была широко задуманная программа, которая была предложена нам Владимиром Ильичем для построения советской медицины».[159]

В соответствии с указаниями В. И. Ленина и был решен вопрос об организации Комитета по охране народного здоровья, рассмотренный Совнаркомом 18 ноября.[160] Точка зрения В. И. Ленина по этому вопросу (изложенная в приведенных выше воспоминаниях А. Н. Винокурова) в несколько более развернутом виде (по сравнению с записанным в протоколе СНК 18 ноября решением) была изложена в направленном на следующий день, 19 ноября, в Медико-санитарный отдел ВРК (тт. Винокурову, Вегеру, Барсукову и др.) специальном письме СНК за подписью секретаря Совета Н. П. Горбунова. «Совет Народных Комиссаров, — говорилось в этом письме, — рассмотрев на своем заседании от 18 ноября Ваш проект положения о Комитете народного здравия, постановил поручить внесшим это положение созвать в экстренном порядке совещание врачей гор. Петрограда и Москвы (по возможности и других городов), стоящих на позиции II съезда Советов, а также левое крыло Пироговского съезда, для обсуждения и детальной выработки такового положения. Результаты работ этого совещания представить в Совет Народных Комиссаров не позднее как через полторы недели».[161] Однако из-за контрреволюционного саботажа, охватившего также и широкие круги медицинских работников, в частности врачей — членов Пироговского общества, работа по выработке положения о Комитете народного здоровья, по-видимому, не была завершена.[162] Продолжая вести в дальнейшем разъяснительную работу среди врачей и других медицинских работников,[163] врачи-большевики из Врачебно-санитарного отдела ВРК в то же время успешно осуществляли указание В. И. Ленина о необходимости заменить старые медицинские управления ряда центральных ведомств новыми советскими врачебными коллегиями. Уже 25 ноября Врачебно-санитарный отдел ВРК представил на утверждение председателя Совнаркома проект принятого им накануне (24 ноября) приказа о назначении комиссаром Рабочего и Крестьянского правительства при управлении бывшего верховного начальника санитарной и эвакуационной части военного врача М. И. Барсукова, а его помощником — военного врача А. Л. Менциковского.[164] 25 ноября была создана врачебная коллегия для заведования медицинскими делами по бывшему Министерству путей сообщения, 28 ноября —

[159] А. Н. Винокуров, ук. соч., стр. 3.
[160] См. стр. 136 настоящей работы.
[161] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 45, л. 28.
[162] А. Н. Винокуров, ук. соч., л. 5.
[163] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 21, л. 30—30 об.
[164] Там же, д. 14, л. 8.

коллегия для заведования Управлением главного врачебного инспектора при бывшем МВД, 29 ноября — коллегия для заведования медицинскими делами по бывшему Министерству государственного призрения, 4 декабря — коллегия для заведования Главным военно-санитарным управлением.[165] Вошедшие в состав этих коллегий М. И. Барсуков, А. Н. Винокуров, И. С. Вегер, М. В. Головинский, А. Е. Артеменко, И. Д. Королев, С. И. Мицкевич, М. Г. Вечеслов вместе с другими врачами-большевиками, пришедшими на работу во вновь создаваемые врачебные коллегии ряда народных комиссариатов, и явились ядром образовавшегося 22 декабря 1917 г. Временного совета врачебных коллегий.[166]

Налаживанию деятельности Наркомпрода способствовало, как уже отмечалось выше, укрепление его создававшегося аппарата рабочими, революционными моряками, членами Профсоюза торгово-промышленных служащих, а также значительной частью занимавшихся продовольственным делом сотрудников из отделов ВРК.[167] В коллегию при народном комиссаре по продовольствию было делегировано три представителя I Всероссийского съезда военного флота.[168] Особенно важное значение имела решительная поддержка, которую оказали Продовольственной комиссии Совета Народных Комиссаров в самом начале ее работы обслуживающий персонал и часть служащих бывшего министерства. Вот что писал впоследствии об этом А. Г. Шлихтер: «Члены коллегии и эмиссары Военно-продовольственной комиссии — вот и весь штат, каким фактически располагал Народный комиссариат продовольствия, приступив к исполнению возложенных на него Совнаркомом обязанностей. Но мы не одни в стенах Аничкова дворца. Низший

[165] Там же, д. 21, л. 29; «Газета», №№ 20, *23, 25,* 27; 28 ноября и 2, *5,* 8 декабря 1917 г.

[166] На состоявшемся 22 декабря совещании руководителей врачебных комиссий ряда народных комиссариатов (на этом совещании присутствовали А. Е. Артеменко, В. М. Величкина (Бонч-Бруевич), М. И. Барсуков, А. Н. Винокуров, И. С. Вегер, М. Г. Вечеслов, М. В. Головинский, С. И. Мицкевич) было принято следующее постановление: «1) Из существующих ныне медицинских коллегий всех ведомств образовать Временный совет врачебных коллегий; 2) Совет врачебных коллегий координирует деятельность всех мед. коллегий ведомств и входит в СНК по всем общим вопросам врачебно-санитарного дела Республики; *3)* проекты законоположений, рассмотренные в мед. коллегиях, с заключением соотв. народных комиссаров, представляются в Совет врачебных коллегий и с его заключением вносятся на утверждение СНК; 4) представитель Совета врачебных коллегий должен входить в Совет Народных Комиссаров» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 55, л. 13).

[167] Триумфальное шествие Советской власти, стр. 88—89, 116—117; Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., стр. 351; Ленинградские профсоюзы за 10 лет, стр. 224; А. А. Нелидов. Образование и начало деятельности Народного комиссариата РСФСР и его местных органов, стр. 178; Б. М. Морозов. Создание и укрепление советского государственного аппарата, стр. 56.

[168] Триумфальное шествие Советской власти, стр. 107.

персонал не пошел за забастовщиками».[169] Курьеры, сторожа, уборщицы сразу же заявили о своей полной поддержке новой власти и просили довести об этом до сведения Советского правительства. Вместе с ними против решения исполнительного комитета чиновников бывшего министерства прекратить работу и не подчиняться распоряжениям представителей Совнаркома, по свидетельству А. Г. Шлихтера, выступила также имевшаяся в министерстве «социалистическая группа служащих» (О. Ю. Шмидт, Долженко, Рудзат, Цыпкин и др.). Именно эта группа явилась инициатором проведения нескольких собраний служащих бывшего министерства, на которых ее участники выступали за прекращение саботажа и признание Советской власти.[170] Так, в их заявлении от 23 ноября, опубликованном на следующий день в «Правде», говорилось: «Мы, второе частное совещание, стоя на почве принятой вчера резолюции о необходимости немедленного возобновления занятий, постановляем немедленно практически приступить к работе и, войдя в контакт с Продовольственной комиссией Совета Народных Комиссаров, с завтрашнего дня наладить и организовать текущую работу наличными силами.[171]

При помощи единственных первоначально сотрудников Комиссариата по делам национальностей — старого члена большевистской партии, работавшего перед Октябрьской революцией в аппарате ЦК РСДРП(б), С. С. Пестковского (первый секретарь, затем член коллегии Наркомнаца) и привлеченного им к организации аппарата комиссариата Ф. М. Сенюты (первый управляющий делами Наркомнаца) была начата громадная работа по созданию в составе Наркомнаца отдельных национальных комиссариатов, по подбору из представителей национальных политических партий, стоявших на Советской платформе, руководителей этих комиссариатов.[172] По непосредственному распоряжению Председателя СНК В. И. Ленина от 16 декабря 1917 г. на связанные с организацией Наркомнаца расходы «в экстренном порядке» было выделено полмиллиона руб.[173] Уже в ноябре специальным постановлением СНК был создан первый из национальных комиссариатов — Комиссариат по польским делам во главе с комиссаром Ю. М. Лещинским и его помощником К. Г. Циховским.[174] В декабре вторым

[169] ОРФ Института истории АН СССР, ф. Ю. С. Шпунта, оп. 1, д. 2, л. 20.

[170] Тамже, лл. 19—24.

[171] «Правда», № 198, 24 ноября 1917 г.

[172] С. С. Пестковский. Об Октябрьских днях в Питере, стр. 94, 101—103; Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности 1 ноября 1917 г.—20 июня 1918 г. М., 1918, стр. 5.

[173] Декреты Советской власти, т. I, стр. 551.

[174] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 16, 19. В написанной 24 ноября народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным записке, оформленной как постановление СНК 28 ноября, говорилось: «Назначается комиссаром по польским делам (функции: ликвидация дел [имелась в виду, по-

помощником комиссара по польским национальным делам был назначен С. Я. Бобинский.[175] В фонде Совнаркома ЦГАОР сохранился интересный документ, из которого хорошо видно состояние дел в Наркомнаце незадолго до отмеченного выше назначения руководителей Комиссариата по польским делам. Этот документ представляет собой датированный 12 ноября подлинный текст написанного С. С. Пестковским доклада, адресованного народному комиссару по делам национальностей. Подробно сообщив о первых достижениях в организации временной комиссии по польским делам, С. С. Пестковский далее рассказал о подготовительной работе, осуществлявшейся для создания других национальных комиссариатов, и в заключение выразил уверенность в конечном успехе предпринятого Советской властью дела организации Наркомнаца.[176]

видимому, ликвидационная комиссия по польским делам, — *М. И.*], военные, дела беженцев и пр.) Юлиан Марианович Лещинский. Помощником комиссара назначается Казимир Генрихович Циховский» (ЦГАОР, ф. 130, оп 1, д 23, лл. 9б—10).

[175] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 23, л. 6.

[176] Ввиду несомненного интереса содержащихся в этом докладе сведений приведем его текст целиком. Вот он: «До сих пор дело идет вперед только у одних поляков. Там уже организовалась временная комиссия, состоящая из неофиц. представителей всех почти соц. и леводемократических групп: она ставит себе следующие ближайшие задачи:

«1) взять в свои руки и реорганизовать на демократич. лад все те учреждения, которые целиком или отчасти существовали на казенные средства, как а) ликвидационная комиссия по польским делам; б) учреждение помощи польским беженцам;

«2) контроль над польскими солдатами, реорганизация и демобилизация польских частей и солдат;

«3) общая защита всех прав польской национальности на основе самоопределения.

«От Военно-революционной комиссии я узнал, что решено реквизировать Пажеский корпус под новые польские учреждения.

«Конференция белоруосов Петроградского гарнизона, назначенная на сегодня, не состоялась. Организаторы обещали известить нас о дальнейшем ходе дел у белоруосов.

«Я говорил с тов. Емельяновым, возвращающимся в Поволжье, чтобы он бросил в среду наших товарищей — татар мысль об организации поволжско-татарской конференции. Он обещал, но я думаю, что этого недостаточно. Следовало бы послать в обращение циркулярное письмо с предложением созыва подобных конференций.

«Литовская конференция (петроградская) состоится, вероятно, на-днях.

«Отсутствие денег и квартиры сильно тормозят нашу работу. Следуя Вашим указаниям, что то помещение, которое нам дадут в Смольном, будет вполне достаточным для нас, я не делал никаких попыток в сторону реквизиции какого-нибудь здания.

«Несмотря на объявление, татарские и другие переводчики не являются.

«В случае, если возникнет надобность издавать орган нашего ведомства — сотрудники у меня уже имеются, — все люди более или менее партийные.

«Несмотря на то, что наше ведомство является новостью в России, я уже убедился, что у нас будет вполне достаточно сил для того, чтобы в самом скором времени поставить его на должную высоту» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 23, лл. 17—18 об.).

Временным заместителем народного комиссара по государственному контролю, как уже отмечалось выше, 19 ноября 1917 г. по предложению В. И. Ленина СНК назначил Э. Э. Эссена, под руководством которого и осуществлялась первоначальная организация Госконтроля.[177] Наряду с увольнением от занимаемых должностей целого ряда ответственных чиновников[178] Э. Э. Эссен организовал 24 ноября в помещении Департамента железнодорожной отчетности собрание служащих всего ведомства, а 27 ноября издал приказ, предлагавший им явиться на работу 29 ноября под угрозой увольнения и предания революционному суду.[179] 30 ноября Э. Э. Эссен сделал на заседании Совнаркома доклад о положении в Госконтроле, сообщив о резолюции, принятой группой служащих этого ведомства, «. . .относящихся сочувственно к происходящему».[180] На следующем заседании СНК, состоявшемся 2 декабря, по представлению Э. Э. Эссена была принята резолюция, опубликованная в дальнейшем в виде двух декретов — о правах народного комиссара по Государственному контролю в Совете Народных Комиссаров и о составе коллегии Комиссариата государственного контроля.[181] В состав коллегии Госконтроля впредь до рассмотрения этого вопроса ВЦИК были включены члены I Всероссийского съезда контрольных служащих А. Е. Портянко, Н. В. Шевников и член ВЦИК Ф. М. Шаблинский.[182]

Вновь созданная коллегия под руководством Э. Э. Эссена занималась в интересующий нас период главным образом рассмотрением всякого рода финансовых вопросов.[183] Вскоре, однако, в результате допущенной коллегией Госконтроля принципиальной ошибки (рассмотрев просьбу Русского торгово-промышленного банка о разрешении ему перезалога в Государственном банке под-

[177] Рассмотрение вопроса о государственном контроле, первоначально поставленного в СНК 15 ноября (п. 2 повестки заседания), было отложено до совещания с некоторыми из руководителей Наркомфина и Государственного банка: в это время, вероятно, велись поиски подходящей кандидатуры для руководства организацией работы Госконтроля (см. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 1, 8).

[178] См., например: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 23, л. 3.

[179] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 35, лл. 16—17; «Газета», № 21, 30 ноября 1917 г.

[180] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 23 об.

[181] Декреты Октябрьской революции, т. I, №№ 126 и 127; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 25 об.

[182] В работе коллегии Госконтроля участвовали также члены I Всероссийского съезда контрольных служащих Г. Э. Яворский, А. И. Арданский и А. Л. Покровский (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 16, л. 5—5 об.).

[183] В соответствии с рядом специальных постановлений СНК (от 20 ноября, 4 и 18 декабря, например) предварительное решение финансовых и в первую очередь «вермишельных» вопросов должно было, как уже отмечалось выше, производиться совместно народными комиссарами финансов, госконтроля и соответствующего ведомства с последующим утверждением в СНК.

товарных ссуд в размере 150 млн руб., коллегия признала перезалог целесообразным) Совету Народных Комиссаров пришлось трижды (19, 20 и 21 декабря) снова рассматривать на своих заседаниях вопросы, связанные с деятельностью и организацией коллегии Госконтроля.[184] Обсудив протест заместителя народного комиссара финансов В. Р. Менжинского по указанному выше решению коллегии Госконтроля, а также данное коллегией объяснение, Совнарком принял предложенную В. И. Лениным резолюцию, согласно которой эта рекомендация Госконтроля признавалась в корне неправильной и противоречащей как всей политике СНК, так и, в частности, функциям государственного контроля.[185] В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 20 декабря коллегия Госконтроля была реорганизована. Впредь до конструирования комиссариата исполнение обязанностей по Госконтролю приняли на себя члены коллегии А. Л. Покровский, В. Д. Виноградов и А. И. Арданский, вместе с которыми в практической работе по государственному контролю продолжали участвовать Э. Э. Эссен и другие ранее состоявшие в коллегии сотрудники.[186]

В числе первых сотрудников Народного комиссариата государственного призрения вместе с медицинскими сестрами и фельдшерами были механики, рабочие и работницы с карточной фабрики.[187] Существенную помощь в организации комиссариата оказали младшие служащие и технический персонал (няни, сиделки, курьеры, истопники) различных государственных просветительных, лечебных и воспитательных заведений, находившихся в составе бывшего министерства, правление профессионального союза которых сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде встало на сторону Советской власти, обратившись в ВРК с просьбой прислать его комиссара в Министерство призрения. В дальнейшем при народном комиссаре А. М. Коллонтай был создан постоянный делегатский совет младших служащих, а представители Профсоюза младших служащих были введены во все коллегии, возглавившие работу различ-

[184] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 48, 50, 51 об. Подробнее об этом см.: А. И. Коняев. Государственный контроль в первые годы Советской власти. «История СССР», № 1, 1964, стр. 31.

[185] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 30, лл. 32—35; д. 31, лл. 22—25; А. И. Коняев, ук. соч., стр. 31.

[186] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 32, л. 15; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 51 об. О начальной истории Комиссариата государственного контроля см. также: «Нар. комиссариат Гос. Контроля. Краткий обзор деятельности нар. комата гос. контроля за первые два года (октябрь 1917 г.—октябрь 1919 г.). М., 1919.

[187] А. М. Коллонтай. Первое пособие из Соцобеса, стр. 177, См. также: ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 14.

[188] Документы, стр. 67; ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 269, д. 68, л. 70; А, М. Иткина. Революционер, трибун, дипломат. М., 1964, стр. 86.

ных отделов и заведений, входивших в состав комиссариата.[189] Наряду с возобновлением при содействии младших служащих деятельности некоторых отделов бывшего министерства (Эвакуационный, Карточный и др.) [190] были упразднены бывшие ведомства Марии Федоровны, Татьяны Николаевны, Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества Александры Федоровны и другие благотворительные ведомства, деятельность которых носила лицемерный характер и в сотой доле не удовлетворяла подлинных нужд нетрудоспособной и необеспеченной части трудящегося населения страны.[191] В соответствии с указаниями, сделанными Советом Народных Комиссаров Петроградской конторе Государственного банка, распоряжение денежными средствами всех этих и других бывших благотворительных ведомств и комитетов перешло в руки народного комиссара А. М. Коллонтай; [192] все дела, средства и все имущество ликвидированных ведомств были переданы в ведение организованных в составе Комиссариата государственного призрения новых отделов н поддерживавших Советскую власть профессиональных и иных союзов.[193]

Одной из первых для заведования медицинской частью комиссариата приказом А. М. Коллонтай от 29 ноября была организована коллегия врачей (А. Е. Артеменко, М. И. Барсуков, М. В. Головинский и И. Д. Королев).[194] В ноябре же 1917 г. за подписью народного комиссара государственного призрения А. М. Коллонтай был опубликован первый декрет об организации Отдела охраны материнства и младенчества. Для разработки вопросов и осуществления мероприятий, связанных с деятельностью этого отдела, была назначена коллегия (в ее состав вошли А. М. Коллонтай, М. П. Шувалов, Ф. К. Скибинский, Е. Н. Миндлит, Т. Прохорова, И. Д. Королев), которая, в частности, занялась организацией Дворца материнства.[195] В январе 1918 г. были образованы Коллегия призрения несовершеннолетних, а также специальная Комиссия попечения о малолетних и несовершеннолетних заключенных.[196] «Тогда же, — вспоминала впоследствии А. М. Коллонтай, — Наркоматом госпризрения орга-

[189] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 21, л. 37; А. М. Коллонтай. Автобиографический очерк. «Пролетарская революция», 1922, № 3, стр. 300,

[190] См.:«Новая жизнь», №№ 179 и 180, 12 и 14 ноября 1917 г.

[191] «Социальное обеспечение в Советской России», Сб. статей к съезду Советов, под редакцией и с предисловием народного комиссара социального обеспечения А. Винокурова, М., 1919, стр. 4—5.

[192] ЦГАОР, ф. 130, от. 1, д. 21, АА. 32—33.

[193] См., например: там же, л. 37; «Газета», № 8, 14 января 1918 г.; Декреты Советской власти, т. I, №№ 147 и 191.

[194] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 21, л. 29.

[195] «Социальное обеспечение в Советской России», стр. 7; «Новая жизнь», № 215, 4 января 1918.

[196] «Социальное обеспечение в Советской России», стр. 10; «Газета», № 42. 13 января 1918 г.

низованы были первые детские дома не приютского типа, распределители для детей и для нетрудоспособных; приступлено было к реорганизации положения дефективных детей; образована комиссия с доктором Артемовским (по-видимому, имеется в виду А. Е. Артеменко, — *М. И.)* во главе по организации санаторий во всероссийском масштабе (санатории тоже находились тогда в ведении Госпризрения); издан декрет о преобразовании родильных приютов, взята Александро-Невская лавра под общежитие для увечных воинов и т. д.».[197] Первоначальной организацией Народного комиссариата государственного призрения и налаживанием всей его деятельности вместе с А. М. Коллонтай руководил ее ближайший помощник рабочий-большевик с Путиловского завода И. Г. Егоров, активно работавший в Нарвской районной парторганизации Петрограда, председатель Петергофского районного Совета; секретарем комиссариата в то время был А. К. Цветков.[198]

После отстранения от работы в бывшем Военном министерстве временно управлявшего им генерала А. А. Маниковского и начальника Генерального штаба генерала В. В. Марушевского руководство деятельностью этого ведомства окончательно перешло в руки Совета (коллегии) Наркомвоена. Приказом № 17 по Военному ведомству от 23 ноября общее управление делами бывшего Военного министерства принял на себя Н. И. Подвойский совместно с членами Совета Наркомвоена Б. В. Леграном, К. А. Механошиным и Э. М. Склянским.[199] С согласия руководителей главных управлений Военного ведомства и преобладающей части всех его служащих исполнение обязанностей начальника Генерального штаба, а затем и управляющего делами Народного комиссариата по военным делам было поручено генералу Н. М. Потапову (ранее помощнику начальника Генштаба и генерал-квартирмейстеру), который еще до Октябрьской революции сотрудничал с Военной организацией ЦК РСДРП(б).[200] Небезынтересно при этом отметить, что, призвав всех служащих бывшего министерства «к дружной совместной работе», Н. М. Потапов в своем приказе от 24 ноября о вступлении в должность управляющего делами подчеркнул, что «общее политическое руководство остается всецело в ведении Коллегии Народных комиссаров по общему управлению военным ведомством».[201] Обязанности секретаря коллегии

[197] А. М. Коллонтай. Автобиографический очерк, стр. 299—300.

[198] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 30, лл. *3,* 24; д. *33,* л. 17; А. В. Красникова, ук. соч., стр. 21.

[199] ОРФ Института истории АН СССР, ф. Н. М. Потапова, оп. 1, д. 12, л. 1 (приказ № 17 от 23 ноября за собственноручными подписями Н. И. Подвойского и М. С. Кедрова).

[200] ОРФ Института истории АН СССР, ф. Н. М. Потапова, оп. 1, дд. 4, 5, 11 и 12; Из истории военного строительства, стр. 85; От Февраля к Октябрю, стр. 174.

[201] ОРФ Института истории АН СССР, ф. Н. М. Потапова, оп. 1, д. 13, л. 1.

Наркомвое первоначально выполнял, по-видимому, М. С. Кедров, а затем, в декабре 1917 г., — А. Ф. Ильин-Женевский.[202] С 24 ноября коллегия Наркомвоена в этом составе приступила к подробному ознакомлению с деятельностью бывшего Военного министерства.

Наряду с преодолением контрреволюционного саботажа значительной части генеральского и офицерского состава и ломкой старого военно-административного аппарата в Наркомвоене тогда же была начата большая работа по реорганизации целого ряда главных управлений бывшего министерства с одновременным сокращением их штатов. Двумя другими важнейшими вопросами, решением которых занимался главным образом Наркомвоен, были вопросы, связанные со снабжением и демобилизацией старой армии. В связи с этим, в частности, в составе Наркомвоена был образован специальный Отдел по демобилизации, реорганизованный в дальнейшем (в марте 1918 г.) в Комиссариат по демобилизации.[203] Постановлением Совета Народных Комиссаров 23 ноября товарищем (заместителем) народного комиссара по военным делам по Отделу демобилизации армии был назначен профессиональный революционер, видный деятель большевистской партии М. С. Кедров.[204] Как и во всем Наркомвоене, в организации деятельности его Отдела по демобилизации вместе с членами большевистской партии и революционными солдатами-фронтовиками участвовали также инженеры, врачи, офицеры и генералы, лойяльно относившиеся к Советской власти.[2] В конце ноября—первых числах декабря 1917 г. коллегия Наркомвоена под руководством СНК и при деятельном участии В. И. Ленина начала совместно с представителями Ставки напряженную работу по организации новой армии Советского государства.[206]

б организации Народного комисариата по морским делам большую роль сыграл, как уже отмечалось выше, Военно-морской революционный комитет. Арестовав при содействии ВМРК организаторов контрреволюционного саботажа в бывшем Морском министерстве, народный комиссар по военно-морским делам П. Е. Дыбенко и назначенный управляющим Морским ведомством капитан первого ранга М. В. Иванов приступили к исполнению своих обязанностей, издав об этом 14 ноября приказ № 1 по флоту

[202] ОРФ Института АН СССР, ф. Н. М. Потапова, оп. 1, дд. 11 и 12; от Февраля к Октябрю, стр. 407.

[203] Из истории военного строительства, стр. 86, 88—89; Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины, стр. 434—435.

[204] Декреты Советской власти, т. I, № 47 и стр. 585; От Февраля к Октябрю, стр. 174.

[205] «Правда», № 205, 3 декабря 1917 г.; От Февраля к Октябрю, стр. 174—175; Д. А. Чугаев, ук. соч., стр. 434.

[206] Подробнее см.: С. М. Кляцкин. Начальный период строительства армии Советского государства.

и Морскому ведомству.[207] Работа отделов и управлений бывшего министерства (Генерального и Главного морских штабов, главных управлений кораблестроения, морской строительной части, гидрографического и др.) стала теперь осуществляться под контролем специально выделенных ВМРК комиссаров и их помощников, которые санкционировали все дела по каждому отделу. Комиссаром при Генеральном морском штабе был назначен Ф. Ф. Раскольников (Ильин), его помощником — Д. Н. Марулин, комиссаром при Главном морском штабе — В. П. Евдокимов, его помощником — В. И, Пенкайтис, и т. д.[208] При содействии этих комиссаров, а также созданного при Верховной морской коллегии особого Военно-политического отдела П. Е. Дыбенко и М. В, Иванову удалось нейтрализовать действия антисоветски настроенной верхушки саботажников и добиться выхода на службу значительной части служащих бывшего министерства и входивших в его состав различных учреждении.

Состоявшийся в Петрограде с 18 по 25 ноября 1917 г. I Всероссийский съезд моряков военного флота утвердил предложенный в докладе народного комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко новый порядок управления флотом и морским ведомством, обсуждавшийся ранее и одобренный ВМРК.[210] Руководящим исполнительным органом, осуществлявшим соответствующие постановления СНК и ВЦИК, стала Верховная морская коллегия, в состав которой вместе с П. Е. Дыбенко (председатель коллегии) были также избраны М. В. Иванов и Ф. Ф. Раскольников. Исполнение обязанностей второго помощника народного комиссара по морским делам в качестве военно-морского специалиста было поручено 18 ноября контр-адмиралу Максимову.[211] Одновременно с переименованием штаба Верховной военно-морской коллегии в Управление делами инженер-морской строительной части полковник П. И. Добров был назначен управляющим делами коллегии, лейтенант Н. П. Солодков — старшим секретарем Управления делами

[207] ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № *32,* декабрь 1917 г., приказ № 1 от 14 ноября 1917 г., стр. *3.*

[208] Там же, приказ № 2 от 14 ноября 1917 г., стр. 3 (в числе других комиссаров, назначенных в отделы бывшего Министерства, следует назвать В. Ф. Полухина, Н. М. Неверовского, А. С. Штарева).

[209] Там же, приказ № 4 от 14 ноября 1917 г., стр. 5. Как видно, например, из отчета Главного гидрографического управления за 1917 г., более 600 служащих этого управления, организовавшись в один общий союз, во главе с выборным исполнительным комитетом приступили к работе по реорганизации деятельности своего ведомства (ЦГАВМФ, ф. 5, оп. 1, д 82, л. 1 об.).

[210] А. Дрезен. Флот в октябре—декабре 1917 г. «Красный флот», 1927, № 20, стр. 18.

[211] ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 32, декабрь 1917 г., приказ № 22 от 18 ноября, стр. 10; приказ № 34, декабрь 1917 г., приказ № 127 от 18 декабря, стр. 109,

коллегии, мичман М. Байков — вторым секретарем.[212] Во главе созданного при Верховной морской коллегии политического отдела, переименованного затем в Управление политической частью, встал И. И. Вахрамеев.[213] Назначенные Морской коллегией комиссары становились во главе управления всеми отделами и другими входившими в состав бывшего Морского министерства ведомствами, а также флотами и флотилиями.[214] Одним из таких комиссаров явился, в частности, С. Е. Сакс, ставший комиссаром при канцелярии Морского министерства.[215] 20 делегатов (13 большевиков и 7 беспартийных) I Всероссийского съезда военного флота, избранных в состав ВЦИК, образовали его морскую секцию (так называемый «Совет 20», или «Законодательный совет морского ведомства»), которая согласно постановлению СНК от 23 ноября получила все права верховного органа по делам флота и морского ведомства, ранее принадлежавшие упраздненному этим же постановлением СНК Адмиралтейств-совету.[216] В соответствии с декретом СНК 23 ноября в конце ноября—начале декабря специальными приказами по Морскому ведомству за №№ 46, 53 и 103 все изданные после 25 октября постановления Адмиралтейств-совета были объявлены недействительными, а его члены адмиралы Эбергард, Канин, Маньковский, вице-адмиралы Гирс, Коровин, Плансон и контр-адмирал Лукин были уволены в отставку.[217] Для окончательного установления нового порядка руководства флотами и флотилиями громадное значение имел изданный по штабу Верховной морской коллегии 6 декабря 1917 г. приказ № 86, согласно которому все управление деятельностью флотов переходило в ведение центральных комитетов, объявленных высшей властью на местах.[218] В соответствии с этим приказом управление

[212] Там же, приказы №№ 136, 149 и 150 от 20 и 21 декабря, стр. 88 и 116; ЦГАВМФ, ф. *Б*, оп. 1, д. 83, л. 1.

[213] ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 34, декабрь 1917 г., приказ № 150 от 21 декабря, стр. 116.

[214] См. об этом: С. С. Х е с и н, ук. соч., стр. 232—233.

[215] ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 34, декабрь 1917 г., приказ № 161 от 19 декабря, стр. 120.

[216] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. *2*, л. 15 об.; д. 50, л. 7; Декреты Советской власти, т. I, № 89. Положение о Законодательном совете морского ведомства (в его состав с правом решающего голоса входила Верховная морская коллегия), проект которого дважды рассматривался Советом Народных Комиссаров, было утверждено СНК несколько позднее — 16 января 1918 г (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 27, 41; ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989, положение о Законодательном совете морского ведомства). Подробнее см.: С. С. Х е с и н, ук. соч., стр. 232—235.

[217] ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 32, декабрь 1917 г., приказы №№ 46, 53 от 28 и 29 ноября, стр. 22, 24; сборник приказов. . ., № 33, декабрь 1917 г., приказ № 103 от 13 декабря, стр. 60.

[218] ЦГАОР, ф. 130, он. 1, д. 17, л. 3—3 об. (машинописный текст приказа от 6 декабря 1917 г. с пометкой, по-видимому, сделанной рукой В. Д. Бонч-Бруевича: «Во все вечерние и утренние газеты. В. Б. Бр.»); ЦГАВМФ, библиотека сборник приказов. . ., № 33 декабрь 1917 г., приказ № 86 от 6 декабря, стр. 37—38.

Балтийским флотом взял в свои руки Центробалт. Руководство всеми делами и военно-оперативными действиями Балтфлота начал осуществлять Военно-оперативный отдел Центробалта. Примеру Балтфлота последовали вскоре другие флоты и флотилии.

Вопросы организации новых и налаживания деятельности уже созданных отделов, подбор их руководителей, привлечение в комиссариаты новых работников, и особенно специалистов, прием и увольнение прежних служащих, наконец, порядок деятельности коллегий занимали чрезвычайно большое место в работе коллегий народных комиссариатов и почти не сходили с повестки их заседаний на протяжении всего интересующего нас времени. Это наглядно видно, например, из сохранившихся подробных протоколов заседаний и материалов к ним Государственной комиссии по просвещению, коллегий народных комиссариатов Внутренних дел, Почт и телеграфов и Президиума ВСНХ. Так, в результате рассмотрения на первом заседании Государственной комиссии по просвещению, состоявшемся 21 ноября, вопроса об организации отделов Наркомпроса комиссия приняла решение назначить «заведующим муниципальными школами» профессионального революционера, педагога по образованию К. С. Жарновецкого,[220] заведующим Отделом профессионального образования — Н. Н. Кузьмина (с помощником Николаевым). На этом же заседании были вынесены постановления об утверждении И. Егорова комиссаром Академии наук и о поручении Е. Н. Адамович исполнять обязанности секретаря комиссии. Комиссия признала необходимым также пригласить нужных для работы в различных отделах специалистов (Галкина — в Отдел всеобщей грамотности, Бухбиндера — для заведования библиотеками, Кржижановского — для заведования Отделом технических знаний, и др.) и приняла наряду с этим специальное постановление о приглашении для работы в комиссариат других «сведущих лиц» и порядке оплаты их труда.[221] Заслушав на состоявшемся 22 ноября следующем заседании доклады о положении дел в отделах Редакционно-издательском, Всеобщего обучения, Средней школы, Библиотечном и Финансовом, комиссия признала необходимым продолжать подыскивать сотрудников в эти отделы, составить сметы и одновременно «предпринять первые практические шаги».[222] По-видимому, в это же время А. В. Луначарский и секретарь комиссии Д. И. Лещенко обратились в Совнарком с просьбой о выдаче «под расписку» А. В. Луначарского и заведующего Отделом финансов государственной комиссии по про-

[219] Подробнее см.: С. С. Хесин, ук. соч., стр. 235—237.

[220] О К. С. Жарновецком см.: ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 169, л. 1 (воспоминания К. С. Жарновецкого).

[221] ЦГАОР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 2.

[222] Там же, лл. 3—4.

свещению И. Б. Рогальского суммы в 5 тыс. руб. «на экстренные расходы по организации комиссии».

На заседании комиссии, состоявшемся 27 ноября, принимается специальное решение по вопросу о ее секретариате: «п. 1а) организовать секретариат в составе секретаря и нескольких помощников; б) назначить т. Закса председателем коллегии секретариата».[224] Несколько позднее, 8 декабря, по вопросу «О характере работ комиссии» было принято постановление, которым устанавливался определенный порядок работы самой Государственной комиссии по просвещению. «Заседание комиссии по общим вопросам, — говорится в нем, — назначить три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, в 3 часа дня. Учредить при т. Луначарском трех дежурных членов коллегии для разрешения спорных и текущих вопросов».

Из протоколов заседаний коллегии Наркомвнудела также видно, что уже на втором заседании, состоявшемся 10 декабря, был заслушан доклад секретаря НКВД В. Н. Яковлевой об организации новых отделов комиссариата. В решении коллегии по этому вопросу говорилось: «Доклад В. Н. Яковлевой принять к сведению и просить продолжать работу по организации отделов».[226] А через четыре дня, 15 декабря, коллегия Наркомвнудела после обсуждения докладов об отделах местного управления и управления медицинской частью приняла постановление, имевшее важное значение для дальнейшей работы этих отделов комиссариата. В отношении первого из них «ввиду существующей однородной организации при Центральном Исполнительном Комитете» (имелся в виду иногородний отдел ВЦИК, — *М. И.)* было признано необходимым обратиться во ВЦИК с предложением о передаче Иногороднего отдела в состав Отдела местного управления Наркомвнудела.[227] «Ввиду выяснившегося ее (т. е. медицинской части НКВД, — *М. И.)* положения, недостатка врачебного персонала и части саботирующих врачей, — говорилось в постановлении коллегии, посвященном второму из названных выше отделов, — просить Военное министерство сделать распоряжение о вызове врачей с фронта, саботирующих же мобилизовать и отправить на фронт».[228] Вопросы, связанные с организацией и деятельностью различных отделов комиссариата и в дальнейшем неоднократно были предметом обсуждения на заседании коллегии. В частности, в связи с переходом руководителя секретариата и

[223] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 24, л. 56.
[224] ЦГАОР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 7.
[225] Там же, д. 13 (протокол заседания Государственной комиссии по просвещению 8 декабря 1917 г. и черновые материалы к нему), л. 6—6 об.
[226] ЦГАОР, ф. *393,* оп. 1, д. 6а, л. *3.*
[227] Там же, л. 10; это постановление коллегии НКВД вскоре было осуществлено (см.: К. Г. Федоров. ВЦИК в первые годы Советской власти, стр. 49; ЦГАОР, ф. *393,* оп. 2, д. 8, л. 40).
[228] ЦГАОР, ф. *393,* оп. 1, д. 6а, л. 10.

Управления делами Наркомвнудела В. Н. Яковлевой на работу в ВСНХ по ее предложению исполнение обязанностей заведующего делами комиссариата коллегия возложила на М. И. Васильева.[229]

Аналогичные вопросы организационного характера рассматривались и на заседаниях коллегии Народного комиссариата почт и телеграфов. Так, в повестку первого запротоколированного заседания коллегии Наркомпочтеля от 28 декабря были включены вопросы о конструировании коллегии, о заведующих 2-м и 10-м отделениями, о специалистах и т. п. По первому из этих вопросов, в частности, было принято решение о следующем распределении отделов между членами келлегии: «т. Залежский — 2,9, Мобилизац. часть, Экзекуторская часть; т. Шотман — 1, 6, 11, Марочная экспедиция; т. Рабчинский — *3,* 7, 8, Радиотелеграфный отдел; т. Кроник — 4, 5, 10, Строительная часть». Тогда же был утвержден порядок работы членов коллегии: «От 11 ч. до 1 ч. — прием частных лиц, от 1 ч. до 3 ч. — служебные доклады, от *3 ч.* до 4 ч. — совещания коллегии».[230] 30 января в результате рассмотрения вопроса о секретариате при коллегии было признано целесообразным учредить должность специального секретаря у каждого из членов коллегии. «Для согласования в ходе работ, — записано далее в протоколе, — секретари членов коллегии образуют общий секретариат».

Особенно большую организационную работу пришлось проделать избранному 5 декабря на первом же пленарном заседании Высшего совета народного хозяйства Бюро ВСНХ и выделенному из его состава Президиуму.[232] В первые дни своего существования ВСНХ располагался в нескольких комнатах Мариинского дворца, где и происходили заседания Бюро и его Президиума, принимались рабочие делегации, наскоро решались дела.[233] Вскоре после принятия с некоторыми дополнениями разработанной Центральным советом фабзавкомов схемы создания ВСНХ, включающей в себя отраслевые отделы (главки) и функциональные отделы, по поручению Президиума ВСНХ его председатель В. В. Оболенский обратился 20 декабря в Совет Народных Комиссаров с просьбой «об отпуске средств на расходы по организации Совета и на содержание Совета в течение декабря месяца».[234] Из приложенной к этому письму примерной сметы на один месяц видно, что в составе ВСНХ, помимо его Бюро, намечалось организовать двенадцать специализированных отделов с подотделами и секциями,

[229] Там же, л. 22.
[230] ЦГАНХ, ф. 3527, оп. 1, д. 49, л. 3.
[231] Там же, л. 22.
[232] См.: В. В. Оболенский, ук. соч., стр. 12; С. Р. Гершберг, ук. соч., стр. 8.
[233] В. В. Оболенский, ук. соч., стр. 13.
[234] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 31, л. 6.

а также Отдел личного состава с общей канцелярией и регистратурой, бухгалтерию, хозяйственную часть, библиотеку и Бюро газетных вырезок.[235] В тот же день, 20 декабря, Совет Народных Комиссаров утвердил просьбу ВСНХ и предложил Департаменту государственного казначейства отпустить в распоряжение ВСНХ из наличных средств казначейства 100 тыс. руб. на расходы, связанные с его организацией.[236]

В 20-х же числах декабря (не позднее 23 декабря)[23] ВСНХ перенес свою работу в помещение Народного комиссариата торговли и промышленности (Тучкова наб., д. 2—4), разместившись в комнатах, ранее занимавшихся Главным экономическим советом. Имевшиеся в составе Комиссариата торговли и промышленности производственные отделы, ведавшие отдельными отраслями промышленности (химический, текстильный, кожевенный и др.), а также канцелярия, библиотека, статистические материалы постепенно были переданы в ВСНХ. В состав центральных отделов ВСНХ были также включены хозяйственно-технические и учетно-статистические аппараты большинства бывших государственных совещаний и комитетов (по топливу, металлу и др.) и ряда национализированных крупнейших промышленных синдикатов, таких как «Продамет», «Кровля» и др.[238] 4 января 1918 г., как это видно из протоколов заседаний Президиума ВСНХ, последний специально рассмотрел вопрос об отделах ВСНХ и лицах, ответственных за эти отделы. Признав необходимым выделить и отложить обсуждение более общего вопроса «о правах и компетенциях заведывающих отделами», Президиум в первую очередь подвергнул обсуждению вопрос «об открытии отделов и их заведывающих».[239] Был заслушан целый ряд сообщений о положении дел в различных отделах, комитетах и подотделах (об организации технического комитета, о председателе совещания по финансированию предприятий, о подотделе международной экономической и торговой политики, о подотделе государственных общеполезных сооружений, о статистическо-инструкторском отделе и отделе продовольствия и потребления), по которым Президиум ВСНХ принял конкретные решения, направленные на успешную организацию этих органов.[240] На этом же заседании были рассмотрены вопросы о секретариате и дне заседаний Президиума. В отношении первого из них в протоколе записано: «Устанавливается, что на обязанности

[235] Там же, лл. 7—9.
[236] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 49; д. 24, л. 14.
[237] См. об этом, например: «Правда», № 222, 23 декабря 1917 г.
[238] См.: В. В. Оболенский, ук. соч., стр. 14; ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. 36, лл. 18—19, 26. Подробнее об этом см.: А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР, т. I, Л., 1957, стр. 297, 301 и др.; К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964, стр. 165—166.
[239] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 455, 469, л. 1.
[240] Там же, лл. 1—2.

секретаря лежит общее наблюдение за канцелярией ВСНХ, ведение протоколов заседаний Президиума, бюро и пленумов Совета, прием посетителей, имеющих дело к председателю ВСНХ, подготовка бумаг к докладу». Возможными кандидатами на должность секретаря ВСНХ были тогда же утверждены тт. Лебедева и А. Масленников.[241] Постановление по второму из этих вопросов определило не только периодичность заседаний Президиума (два раза в неделю), но и порядок решения срочных дел.[242] «По срочным делам общего характера, подлежащим решению Президиума, — говорится далее в протоколе, — коллегии отделов *с* согласия наличных членов Президиума имеют право постановлять решения». Сложная работа по пополнению состава Бюро ВСНХ и его отделов новыми работниками, по организации и налаживанию деятельности отделов и других органов ВСНХ, в частности органов, переходивших в его ведение из состава Комиссариата торговли и промышленности, продолжалась и в дальнейшем.

В преодолении чиновничьего саботажа и овладении бывшими министерствами с их сложным аппаратом и делопроизводством народным комиссарам и пришедшим вместе с ними в старые ведомства немногочисленным новым работникам существенную помощь оказали младшие служащие и особенно технический персонал (курьеры, дворники, упаковщики, сторожа и т. п.). В «Обзоре деятельности Народного комиссариата финансов» Д. П. Боголепов специально отметил, например, что «очень большую роль в борьбе с саботажем сыграли младшие служащие, которые единодушно поддержали свое Рабочее правительство». «Наладить работу Государственного банка, этого основного нерва жизни страны, — писал он далее, — удалось, и с громадным напряжением, только при помощи счетчиков и других младших служащих».[244] На большие заслуги младших служащих в налаживании деятельности Комиссариата финансов и Госбанка указал также еще один из руководителей Наркомфина — А. Е. Аксельрод, приветствовавший вместе с представителями других народных комиссариатов (Труда, Юстиции и Госконтроля) открывшийся в Петрограде 12 декабря Съезд младших служащих казенных, общественных и частных учреждений.[245] С организации собраний и «консультаций» у младших служащих и обслуживающего персонала многие народные комиссары начинали действительное «овладение» порученными их ведению бывшими министерствами — Просвещения, Внутренних дел, Государственного призрения и др.[246] На сторону

[241] Там же, л. 2.
[242] Там же, лл. 1, 2.
[243] Там же, лл. 4-6, 8, 21 об. и др.; д. 470-474, лл. 4, 6, 10-12, 14.
[244] ЦГАНХ, ф. 2281, оп. 1, д. 1038, л. 2 об.
[245] «Правда», № 214, 14 декабря 1917 г.
[246] См.: Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 336; М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 143—144; А. М. Коллонтай. Первое пособие из Соцобеса, стр. 154.

Советской власти, против контрреволюционного саботажа встали профессиональные союзы Низших служащих правительственных и общественных учреждений, Торгово-промышленных служащих, Всероссийский съезд младших служащих.[247] Подчеркивая большое значение поддержки, оказанной народным комиссарам низшими служащими, «Правда» писала в начале декабря о том, что в борьбе со злостными саботажниками «повсюду низшие служащие, подлинно пролетарские элементы, заодно с революцией».[248]

Из основной части старых служащих, и особенно специалистов, действительное участие в налаживании работы народных комиссариатов приняли сначала немногие. Как отмечалось в «Вестнике путей сообщения», «верных нам (Советской власти, — *М. И.*) специалистов были единицы».[249] Такими представителями лучшей части старых специалистов, с первых дней стремившейся помочь Советской власти в создавшемся в Петрограде и во всей стране исключительно сложном и тяжелом положении, явились, например, генералы, адмиралы и офицеры старой армии и флота М. Д. Бонч-Бруевич, Н, М. Потапов, М. В. Иванов, занимавшие ответственные посты в Министерстве финансов и Государственном банке М. К. Лемке и П. М. Трохимовский, заведовавший Лесным департаментом Министерства земледелия бывший товарищ министра Н. Фалеев.[250] Некоторые из старых специалистов приняли участие в налаживании деятельности Наркоминдела. 14 ноября, как сообщал «День», вышли на работу 5 служащих Департамента личного состава и хозяйственных дел, в том числе бывший исполняющий обязанности директора этого департамента А. И. Доливо-Добровольский, который вскоре стал одним из руководителей Правового отдела НКИД. Примерно через две недели, 2 декабря, тот же «День» с нескрываемым негодованием сообщил о появлении нового «штрейкбрехера» — чиновника IV политического отдела бывшего МИД Ф. Н. Петрова, впоследствии заведовавшего Отделом личного состава НКИД.[251] Отметим еще один факт, свидетельствующий о стремлении некоторых старых специалистов помочь новой власти в сложившейся для России чрезвычайно неблагоприятной внешнеполитической обстановке. В первой половине ноября (не позднее 15 ноября) 1917 г. в Наркоминдел

[247] См.: Октябрьский переворот, стр. 305; «Новая жизнь», № 173, 5 ноября 1917 г.; «Газета», № 15, 22 ноября 1917 г.; «Правда», № 193 и 199, 18 и 25 ноября 1917 г.; «Знамя труда», № 96, 15 декабря 1917 г.

[248] «Правда», № 207, 6 декабря 1917 г.

[249] Они поправели, стр. 20.

[250] См.: ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 220, л. 14; Из истории военного строительства. . ., стр. 83, 90; Р. Н. Мордвинов. Курсом «Авроры», стр. 33—34; Д. П. Боголепов. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции, стр. 157, 161 и др.; В. Мещеряков. Организация Народного комиссариата земледелия и земельных отделов, стр. 4; «Трибуна государственных служащих», № 21, 25 ноября 1917 г., стлб. 10—11.

[251] «День», №№ 208 и 211, 15 ноября и 2 декабря 1917 г. См. также: И. Залкинд, ук. соч., стр. 17.

поступило письмо генерал-майора С. И. Одинцова с предложением организовать комиссию из военных специалистов, изъявивших желание заняться разработкой военно-технических вопросов перемирия. Письмо это было передано в Совнарком, его Председателю В. И. Ленину, который и написал С. И. Одинцову 15 ноября ответное письмо.[252] Впоследствии С. И. Одинцов, выполняя поручение СНК, участвовал в ликвидации образовавшегося в Ставке контрреволюционного гнезда, а затем был назначен управляющим канцелярией Народного Комиссариата по военным делам.[253]

В ряде бывших министерств из числа обслуживающего персонала и служащих, выступивших в поддержку Советской власти, при содействии руководимых народными комиссарами комиссий были образованы организационные бюро или инициативные группы, принявшие активное участие в строительстве и налаживании аппарата народных комиссариатов. Так, в бывшем Министерстве продовольствия было организовано Временное исполнительное бюро группы продовольственных работников, в бывшем Министерстве почт и телеграфов — Организационное бюро, в Государственном банке — руководящий комитет служащих; аналогичный комитет был создан и в бывшем Министерстве путей сообщения.[254]

Из сохранившихся в фонде Народного комиссариата почт и телеграфов ЦГАНХ интересных документов, а также мемуарной литературы видно, что, например, Организационное бюро Наркомпочтеля вместе с коллегией комиссариата деятельно участвовало в подборе и приеме новых сотрудников, в разъяснительной работе среди старых служащих, в упорядочении делопроизводства и налаживании деятельности отделов, экспедиций и других частей комиссариата, в выработке его внутреннего распорядка и в назначении на различные должности. Постановления Организационного бюро, утвержденные народным комиссаром, доводились до сведения всех сотрудников бывшего министерства.[255]

Проведение народными комиссарами и их помощниками при содействии этих организаций разъяснительной работы среди слу-

[252] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 6—7; ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 10.

[253] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 549—550; Н. И. Подвойский. Солдатские массы на франтах в борьбе за мир. «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 149; М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М., 1957, стр. 211—213.

[254] См.: «Известия», № 231, 21 ноября 1917 г.; Д. Ткаченко, Т. Шидловская, Н. Лебедев, П. Ральцевич, Г. Шидловский. События в Государственном банке в дни Октябрьской революции. «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 342; ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 210, лл. 13—15; С. В. Драбат, ук. соч., стр. 55—58; Ф. З. Мончинский. Саботаж в министерстве и его ликвидация. стр. 102—103.

[255] См.: ЦГАНХ, ф. 3527, оп. 1, д. 31, лл. 1, 5, 7, 34; С. В. Драбат, УК. соч., стр. 55—58; Ф. З. Мончинский. ук. соч., стр. 102—103.

жащих, издание Советской властью постановлений, расширявших права младших и части средних служащих и улучшавших их материальное положение, а также принятие решительных мер против злостных саботажников вскоре дали определенные результаты: уже во второй половине ноября — начале декабря в бывших министерствах Почт и телеграфов, Продовольствия, Просвещения Земледелия, Государственного контроля и других правительственных и городских ведомствах начинают появляться целые группы сторонников прекращения саботажа и признания новой власти.[256] В 20-х числах ноября решили прекратить саботаж и приступить к работе многие чиновники государственного банка.[257] В опубликованном на страницах «Правды» 18 ноября письме к служащим правительственных учреждений группа младших и средних служащих писала, например: «Пусть саботаж продолжают только те у кого есть ленты, чины и привилегии!».[258] 12 декабря в Мраморном дворце (по-видимому, при содействии Комиссариата труда) встретились представители многих центральных правительственных учреждений Петрограда, единодушно высказавшиеся за то, чтобы противопоставить «желтому союзу» чиновников-саботажников сплоченную организацию всех тех, кто выступил в поддержку Рабочего и Крестьянского правительства в лице его народных комиссаров. Избранное на этом собрании Организационное бюро, обратившись со специальным воззванием к служащим всех народных комиссариатов, начало подготовку к созыву в этих целях 20 декабря еще более представительной конференции делегатов от всех служащих центральных правительственных учреждений и ведомств.[259]

Постепенно в народных комиссариатах складывались коллективы сотрудников, из работников наркоматов — членов большевистской партии организовывались партийные ячейки. Первичная организация РСДРП(б) была создана, например, в Комиссариате почт и телеграфов.[260] В Государственном банке большевистская ячейка уже во второй половине ноября насчитывала 29 человек.[261] Особенно тесно был связан с большевистской партией, ее Центральным комитетом, партийными организациями Петрограда Народный комиссариат иностранных дел, в котором, по свидетельству И. А. Залкинда, постепенно образовался весьма актив-

[256] См.: «Правда», №№ 178, 191, 193, 199 и 209, 3, 16, 18, 25 ноября и 8 декабря 1917 г.; «Новая жизнь», № 188, 25 ноября 1917 г. «Знамя труда», №№ 86 и 90, 2 и 8 декабря 1917 г.; «Газета», № 27, 8 декабря

[257] Борьба за установление и упрочение Советской власти 1917 г.—10 января 1918 г. М., 1962, стр. 285.

[258] «Правда», № 193, 18 ноября 1917 г.

[259] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 7, л. 14.

[260] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 786, л. 3 об.

[261] Д. Ткаченко и др. События в Государственном банке в дни Октябрьской революции, стр. 342—

ный коллектив сотрудников.[262] Именно благодаря этому удалось не только создать на принципиально новой, советской основе аппарат Наркоминдела, резко отличный от старого МИД по своей структуре, характеру работы и в наименьшей степени по сравнению с другими наркоматами сохранивший пережитки старого бюрократизма, но и достичь полной согласованности его работы с деятельностью большевистской партии.[263] Впоследствии, как известно, В. И. Ленин в своих работах, посвященных вопросам совершенствования советского госаппарата и его деятельности, неоднократно высказывался о Народном комиссариате иностранных дел, дав высокую оценку именно этим его характерным особенностям. «Наш госаппарат, — писал В. И. Ленин *23* января 1923 г. в работе «Как нам реорганизовать Рабкрин», — за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям». И далее, предлагая мобилизовать лучшие партийные силы для реорганизации Рабкрина, В. И. Ленин пишет: «Рабкрин получит таким путем столь высокий авторитет, что станет, по меньшей мере, не хуже нашего НКИД».[264] В другом случае, в написанной 2 марта 1923 г. работе «Лучше меньше, да лучше», В. И. Ленин, подчеркивая эту же мысль, что «источником чрезвычайной силы в нашей политике» является соединение в работе советского с партийным, указывал: «Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала?».[265]

Во всех народных комиссариатах строго выполнялись постановления Совета Народных Комиссаров об ограничении размеров жалования ответственных должностных лиц и другие его решения, направленные на улучшение материального положения технических работников, низших и средних служащих. «Известно, — отмечала 12 января 1918 г. «Правда», — что в настоящее время никто в государственных учреждениях не получает более 500—600 руб. в месяц, ни министры, ни служащие».[266] Так, в Наркоминделе курьеры получали 300 руб. в месяц, шоферы — 450 руб., ответственные работники — 500 руб.[267] В качестве другого примера можно привести последовательное проведение

[262] См.: И. Залкинд, ук. соч., стр. 17.
[263] См.: Наркоминдел, стлб. 1165.
[264] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 383—384.
[265] Там же, стр. 398—399.
[266] «Правда», № 8, 12 января 1918 г.
[267] Там же: Декреты Советской власти, т. I, № 76. Небезынтересно отметить, что, отвечая на вопрос Овермэна о размерах жалованья, получавшегося Д. Ридом за время его работы в НКИД, Л. Брайянт указала цифру 50 долларов, подчеркнув при этом, что именно такие же вознаграждения получали все большевики во главе с В. И. Лениным (Октябрьская революция перед судом американских сенаторов, стр. 67).

в жизнь постановления СНК об упорядочении распределения жилой площади. «Среди служащих Министерства иностранных дел уже проводится в жизнь постановление СНК о „нормальном" распределении жилой площади, — сообщала 15 декабря „Новая жизнь". — До сих пор высшие чины занимали казенные квартиры в здании Министерства иностранных дел по 8—12 комнат, а товарищ министра Нератов занимал квартиру почти в два десятка комнат. В то же время курьеры и низшие служащие занимали подвальные помещения, причем не все они имели хотя бы по одной комнате. Отныне все служащие министерства от высших и до самых низших будут поставлены в одинаковые условия».[268]

Аналогичные меры были предприняты также и в других народных комиссариатах. В соответствии с решением Совета Народных комиссаров Президиум ВСНХ, например, на своем заседании 9 января 1918 г. принял следующее постановление о жаловании сотрудников ВСНХ: «К низшим служащим (курьерам, дворникам, швейцарам и проч.) применить норму, выработанную Советом Народных Комиссаров. Для прочих служащих минимум оплаты устанавливается в 300 руб.

«Члены бюро получают по норме, установленной для комиссаров, т. е. 500 рублей и комната, а в случае отсутствия таковой 100 руб., и 100 руб. на каждого нетрудоспособного члена семьи.

«Заведывающие отделами оплачиваются 800 руб. В тех же случаях, когда они представляют собою незаменимых специалистов, оплата устанавливается по соглашению с ними.

«Для секретарей отделов устанавливается норма от 500—800 руб.

«Секретарь Президиума — не свыше 700 руб. Заведывающий канцелярией, заведывающий хоз. частью, заведывающий бюро печати — от 500—600 руб., казначей — не свыше 600 руб. Библиотекарь — от 500 до 800 руб. Для управляющего делами норм пока не устанавливать. В. Н. Яковлева получает по норме, установленной для членов Бюро. Для прочих служащих руководствоваться нормами, выработанными Комиссариатом труда».[269]

В Народном комиссариате по продовольствию в соответствии с утвержденными А. Г. Шлихтером 16 января 1918 г. окладами содержания его служащих конторщики, машинисты, переписчики, журналисты и т. д. получали 300 руб.; делопроизводители, счетоводы, кассиры, секретари отделений и т. д. — 400—450 руб.; заведующие хозяйством, помощники бухгалтера и т. д. — 500 руб.: заведующие канцеляриями, старшие бухгалтеры, специалисты и т. д. — 600 руб.; секретари народного комиссара, секретари отделов — 700 руб.; заведующие отделами — 800 руб.[270] В исполне-

[268] «Новая жизнь», № 202, 15 декабря 1917 г.
[269] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 445, 469, л. 4.
[270] ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 54, л. 54,

ние постановлений СНК, направленных на повышение материального положения служащих правительственных учреждений, вопросы улучшения жилищных условий и упорядочения окладов рассматривались и соответственно решались также и в других народных комиссариатах, например Земледелия, Почт и телеграфов, Внутренних дел, Военном и морском ведомствах.[271]

[271] См.: ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 172, л. 87; ЦГАОР, ф. 3527, оп. 1, д. 49, л. 9; ф. 393, оп. 1, д. 6а, л. 60; оп. 5, д. 576, л. 20; ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., №№ 34 (декабрь 1917 г.) и 5 (март 1918 г.), приказы № 124 от 14 декабря и № 123 от 31 января, стр. 108, 292; «Почтово-телеграфный журнал», часть официальная, № 2, 15 января 1918 г., стр. 18; Из истории военного строительства, стр. 87—88.

Глава 4

ПЕРВЫЕ ИТОГИ В ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ

Проведенная на первом этапе социалистической революции большая и напряженная работа по преодолению контрреволюционного саботажа, организации и налаживанию деятельности центрального аппарата управления Советской власти завершилась успехом. В январе — середине февраля 1918 г. в целом сложилась первоначальная структура народных комиссариатов, были окончательно сформированы их коллегии, подобран основной состав остальных работников.

Уже к 13 декабря 1917 г. была выработана первоначальная структура и создан аппарат Наркоминдела, в котором работало 126 человек.[1] К этому времени деятельность НКИД была сосредоточена в 17 основных отделах; два из них, Лекционный и Контроля, имевшие по одному сотруднику, тогда еще организовывались под руководством Н. Г. Маркина.[2] Помимо секретариата Наркоминдела (секретарь Шелепина),[3] следует назвать два центральных отдела: Сношения с Западом (зав. отделом И. Залкинд)[4] и с Востоком (зав. отделом Е. Поливанов, помощник

[1] Эта цифра приведена в документе, озаглавленном «Организация Народного комиссариата по иностранным делам к 13 декабрю 1917 г.», который представляет из себя машинописный текст, содержащий перечень отделов НКИД с указанием количества их сотрудников. Против наименования отделов, а в ряде случаев также и над наименованиями их секций, сначала карандашом, а затем чернилами, приписаны фамилии их руководителей (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 11. Постановления, материалы и переписка, связанные с деятельностью НКИД. 6 ноября—13 декабря 1917 г., л. 11—11 об.).

[2] Об этом можно предполагать по имеющейся в тексте против наименований этих двух отделов приписке двух слов «организуются» (приписано чернилами) и «Маркин» (приписано карандашом).

[3] Первая буква фамилии написана неразборчиво, и ее можно прочитать и как «Телепина» (см. об этом также стр. 174 настоящей работы).

[4] В дальнейшем, 18 января 1918 г., И. А. Залкинд был назначен полномочным представителем Совета Народных Комиссаров в Швейцарии (см.: ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, л. 29; И. Залкинд. НКИД в семнадцатом году, стр. 20; М. И. Т р у ш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. стр. 92).

А. Воскресенский).[5] При первом из них существовала Секция мирных переговоров, при втором — Секции Дальнего Востока и татарской печати. В Наркоминделе имелось также несколько специализированных отделов: Правовой, Экономический, Виз, Расшифровки, Военнопленных. Правовой отдел ведал ликвидацией русского имущества за границей, наследственными делами и т. д. Экономический отдел занимался вопросами импорта и экспорта, Отдел расшифровки — расшифровкой секретной дипломатической корреспонденции. Особенно напряженной была в первые послеоктябрьские месяцы деятельность Отдела виз, который занимался выдачей разрешений иностранцам на выезд за границу.[6] И. Залкинд вспоминал впоследствии, что «Отдел виз был завален работой, так как масса иностранцев стремилась покинуть пределы Советской России. Временное облегчение было нам доставлено решением не выдавать виз англичанам, покуда тт. Чичерин и Петров не будут выпущены из Англии. Я припоминаю ярость какого-то крупного английского дельца, добивавшегося личного разговора со мной по поводу отказа ему в визе, когда я ему деловым образом разъяснил: „Чтобы дать вам визу, нам нужно посоветоваться с т. Чичериным, нет Чичерина — нет и визы“».[7] Отдел военнопленных (доктор А. Л. Менциковский) занимался наведением и выдачей справок, поддержанием соответствующей корреспонденции, участвовал в организации их обмена.[8] Первоначально при этом отделе состояла возглавлявшаяся Б. Рейнштейном Секция пропаганды среди военнопленных, которая вскоре превратилась в специальное Бюро интернациональной революционной пропаганды.[9] Д. Рид, активно участвовавший в первоначальной аги-

[5] Знаток Востока А. Н. Воскресенский, ранее являвшийся сотрудником бывшего МИД, впоследствии заведовал отделом Востока и работал в НКИД до середины 1920 г. (Б. Канторович. Организационное развитие НКИД, стр. 52).

[6] В имеющейся под текстом излагаемого нами документа пометке говорится, что выдачу разрешений на выезд российских граждан осуществлял в это время Иностранный отдел Комиссариата внутренних дел. Действительно, 21 декабря в «Газете», а затем (30 декабря) и в «Собрании узаконений» за подписями заведующего иностранным отделом НКВД И. С. Уншлихта и уполномоченного Наркоминдела И. А. Залкинда было опубликовано специальное сообщение о правилах въезда и выезда из России («Газета», № 38, 21 декабря 1917 г.; «Собрание узаконений», № 12, 30 декабря 1917 г., ст. 174),

[7] И. Залкинд, ук. соч., стр. 18.

[8] См., например: ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 2, д. *30,* л. 2. Несколько позднее, по-видимому, деятельность Бюро по делам военнопленных возглавлял доктор Гиллерсон (см.: Б. Канторович, ук. соч., стр. 52; ср.: И. Залкинд, ук. соч., стр. 17).

[9] Среди материалов, связанных с деятельностью Наркоминдела в ноябре-декабре 1917 г., сохранился датированный 12 декабря и подписанный народными комиссарами по иностранным и военным делам, а также секретарем СНК документ, гласящий: «Гражданин Рейнштейн назначается комиссаром по революционно-интернационалистической пропаганде в среде военных и гражданских пленных в России» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 1; см. также: «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», стр. 66, *83).*

тационно-пропагандистской деятельности Наркоминдела, впоследствии рассказывал об этом: «Мы сотрудничали в газетно-издательском деле, и моя работа заключалась в редактировании переводов декретов и постановлений Советского правительства на английский язык. Помимо этого, я участвовал в собирании информационного материала и в распределении литературы, предназначенной для посылки в германские *окопы*».[10]

Деятельность указанного выше бюро была теснейшим образом связана с работой имевшихся также в Наркоминделе специальных отделов: Печати и Типографского, который возглавлялся Н. Маркиным. Отдел печати включал в себя несколько групп «Красная книга», «Интернационал», служба вырезок и имел при себе секции — Немецкую («Факел»), Венгерскую («Интернациональный социалист»), Румынскую («Вперед»), а также секцию по изданию «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», которой руководил Н. Маркин. Типографский отдел имел при себе Литографскую секцию. Приведенные сведения об Отделе печати, содержащиеся в указанном выше отчетном документе об организации НКИД к 13 декабря, подтверждаются и одновременно несколько дополняются свидетельством Д. Рида, который в своих показаниях Овермэновскои комиссии вкратце рассказал также и о деятельности Бюро печати Наркоминдела. Приводимые Д. Ридом сведения представляют несомненный интерес, поэтому мы приводим их здесь: «Одна газета выпускалась нами на немецком языке. Она называлась сперва «Fakel» («Факел»), а затем «Der Völkerfriede» («Мир народам») и выпускалась в количестве 500 000 экз. в день. Мы выпускали венгерскую газету, тоже с полумилл. тиражом, чешскую с тиражом в 250 000 экземпляров, румынскую в 250 000 экземпляров и турецкую в количестве четверти миллиона экземпляров. Кроме того, мы переводили все декреты, и т. д.».[11]

В числе других отделов НКИД были отделы Личного состава, Денежных переводов и ссуд, Хозяйственный, Библиотечный и, наконец, Отдел по передаче Московского архива.

Наркоминделу пришлось также фактически заново создавать советскую дипломатическую службу в иностранных государствах. Первыми представителями Советской республики за рубежом вскоре после Великого Октября были назначены бывшие *полит*-эмигранты большевики В. В. Воровский и М. М. Литвинов.

[10] «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», стр. 83 (необходимо, конечно, учитывать совершенно особые обстоятельства, при которых были сообщены Д. Ридом приведенные нами сведения).

[11] Там же. К сожалению, нам неизвестна статья «с подробным описанием этого бюро печати. . .», которая имелась при Д. Риде в момент дачи им показаний, о чем он сам упомянул перед приведенным нами выше текстом (см. об этом также: Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. Приложения, стр. 499).

М. М. Литвинов представлял Советскую Россию в Лондоне, где он организовал «Русское народное посольство» (Russian People Embassy). В. В. Воровский, находившийся в Стокгольме, стал полномочным представителем Республики Советов в скандинавских странах (Швеция, Дания, Норвегия).[12] С первым советским дипкурьером Гольцманом В. В. Воровскому были посланы грамоты, удостоверявшие его дипломатические полномочия.[13] 2 декабря было опубликовано специальное распоряжение по Наркоминделу, по которому въезд в Россию из-за границы в Торнео разрешался лишь тем лицам, паспорта которых были визированы В. В. Воровским.[14] 20 декабря 1917 г. буржуазная газета «День» с сожалением вынуждена была признать, что В. В. Воровский «фактически уже около месяца исполняет в Стокгольме роль представителя Совета Народных Комиссаров, устранив от активной деятельности нашего посланника Гулькевича». «Без визы Воровского, — отмечала далее газета, — ни один иностранный подданный за последний месяц не пропускался через русскую границу в Торнео».[15] В конце января 1918 г. по распоряжению Народного комиссара по иностранным делам исполнение обязанностей консула Советской России в Австралии принял на себя политический эмигрант большевик П. Симонов, заменивший бывшего консула царского и Временного правительств Абазу.[16] Позднее, после заключения Брестского мира, полномочным дипломатическим представителем Советской России в Германии был назначен А. А. Иоффе, в Швейцарии — Я. А. Берзин, в Австрии — Л. Б. Каменев.[17]

К концу 1917 г. аппарат Наркоминдела был окончательно создан, были подобраны также основные работники новой советской дипломатии, — общее число сотрудников к январю 1918 г. достигало 200 чел.[18] Как известно, до 13 марта 1918 г. НКИД официально возглавлялся Л. Д. Троцким.[19] В интересующий нас период, однако, весьма значительную роль играл И. А. Залкинд, до января 1918 г. выступавший как уполномоченный Наркомин-

[12] Протоколы ВЦИК, стр. 54; Наркоминдел, стлб. 1166; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 92 (Воровский В. В., биография), 333 (Литвинов М. М., автобиография); ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 844, л. 2 (биография М. М. Литвинова); И. Залкинд, ук. соч., стр. 18; Б. Кантарович, ук. соч., стр. 53.

[13] И. Залкинд, ук. соч., стр. 18.

[14] «Газета», № 23, 2 декабря 1917 г.; «Собрание узаконений», № 5, 16 декабря 1917 г., стр. 78.

[15] «День», № 226, 20 декабря 1917 г.

[16] П. Симонов. Три с половиной года Советского дипломатического представительства. «Международная жизнь», 7 ноября 1922 г., № 5 (133), стр. 61 и далее.

[17] См.: Наркоминдел, стлб. 1166; Б. Кантарович, ук. соч., стр. 53; ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, лл. 33—34.

[18] И. Залкинд, ук. соч., стр. 17.

[19] См.: М. И. Труш, ук. соч., стр. 110—111.

дела. В январе 1918 г. работу НКИД сначала фактически, а затем и официально возглавил возвратившийся из Англии, находившийся там в политической эмиграции Г. В. Чичерин.[20] По инициативе Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина он был сначала (8 января 1918 г.) назначен товарищем, а затем (29 января) — заместителем народного комиссара по иностранным делам.[21]

К середине декабря после отмены прежнего деления бывшего Министерства юстиции на департаменты [22] в составе Наркомюста, который возглавила коллегия из 6 человек (три большевика — П. И. Стучка, М. Ю. Козловский, П. А. Красиков и три левых эсера — И. З. Штейнберг, А. А. Шрейдер, В. А. Алгасов) под председательством народного комиссара, были образованы шесть распределенных между членами коллегии отделов: Личного состава и судопроизводства, Законодательных предположений, Кодификационный (с причисленными к этому отделу библиотекой бывшего Информационного государственного совета и библиотекой Комиссариата юстиции), Литературно-издательский,[23] Административный и Тюремное управление.[24] В связи с участием левых эсеров в руководстве комиссариатом и особенно с назначением в середине декабря их представителя И. З. Штейнберга [25] народным комиссаром юстиции в деятельности Наркомюста произошла, как свидетельствует Д. И. Курский, «некоторая заминка».[26] Всячески стремясь поднять роль Наркомюста, пытаясь подчинить ему с этой целью ВЧК, левые эсеры вместе с тем несколько затормозили деятельность комиссариата, в частности в вопросе кодификации. Так, выделив в составе Наркомюста осо-

[20] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 165; Декреты Советской власти, т. I, стр. 588; Наркоминдел, стлб. 1166; Воспоминания об Октябрьском перевороте. . ., стр. 61; И. Залкинд, ук. соч., стр. 20; Б. Каторович, ук. соч., стр. 52.

[21] См.: ЦГАОР, ф. 130, ал. 2, д. 65, лл. 81—83; М. И. Трош, ук. соч., стр. 89, 90, 94.

[22] ЦГАОР, ф. 353, оп. 1, д. 4, л. 80; «Собрание узаконений», № 9, 24 декабря 1917 г., стр. 127; «Газета», № 33, 15 декабря 1917 г.

[23] Заведующим Литературно-издательским отделом и редактором журнала «Революция и право», издание которого наряду с подготовкой к публикации «Собрания узаконений» начал в дальнейшем осуществлять этот отдел, был назначен профессор М. А. Рейснер, являвшийся одновременно редактором Отделения государственного права в составе Отдела законодательных предположений НКЮ, его помощниками были С. М. Флаксман и А. Ф. Евтихиев (см.: ЦГАОР, ф. 353, оп. 1, д. 4, л. 114; ф. 130, оп. 1, д. 19, лл. 30—32, 43; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 2, стлб. 204 (Рейснер М. А., автобиография); см. об этом также: А. А. Нелидов. История государственных учреждений СССР, стр. 402.

[24] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 19—19 об.; «Собрание узаконений», № 12, 30 декабря 1917 г., ст. 171; «Газета», № 38, 21 декабря 1917 г.

[25] См.: Декреты Советской власти, т. I, № 139; «Новая жизнь», № 203, 16 декабря 1917 Г.

[26] Д. И. Курский. Наркомюст. Энциклопедия государства и права. Под редакцией П. И. Стучки, т. II. 1925—1926, М., стлб. 1243.

бый Кодификационный отдел во главе с А. А. Шрейдером на основе представленного им 23 декабря «Плана свода законов русской революции»,[27] левые эсеры приступили было к составлению этого «Полного свода», предполагая включить в него не только новые законы, изданные Советской властью, но и старое, дооктябрьское законодательство, в том числе, например, бывшее царское Уложение 1903 г.[28] В дальнейшем (в марте 1918 г.) в связи с выходом представителей левых эсеров из состава Совета Народных Комиссаров решением коллегии Наркомюста специальный Кодификационный отдел был упразднен, а выполнявшаяся в этом отделе работа была распределена по соответствующим отделениям комиссариата.[29] Возглавляемая народным комиссаром П. И. Стучкой коллегия Наркомюста, в состав которой вместе с П. А. Красиковым и М. Ю. Козловским был включен Д. И. Курский,[30] 22 и затем 28 марта 1918 г. приняла специальные постановления о структуре комиссариата и о более точном и целесообразном распределении работ между его отделами;[31] 29 марта коллегией Наркомюста были также утверждены основные тезисы положения о служащих Комиссариата юстиции.[32]

К концу декабря 1917 г. окончательно сложилась организационная структура Наркомпроса, в составе которого (в соответствии с распоряжением А. В. Луначарского «Об образовании новых отделов при Народном комиссариате по просвещению» от 24 декабря) насчитывалось 17 отделов.[33] Тогда же, 30 декабря, постановлением СНК Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, В. М. Познер, Л. Р. Менжинская и И. Б. Рогальский были назначены правительственными комиссарами при Комиссариате по народному просвещению.[34] А несколько раньше (9 декабря), также за подписью В. И. Ленина, принимается постановление о назначении Г. Д. Закса помощником наркома по просвещению, а Д. И. Лещенко первым секретарем Государственной комиссии по просвещению.[35] Значившиеся в этих двух актах ответственные работники во главе с А. В. Луначарским и явились фактически первой коллегией Наркомпроса.[36]

[27] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 19, лл. 12—14.

[28] См. об этом: А. А. Ушаков. Краткий очерк истории советской кодификации. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. XXV, вып. 1 (юридические науки), 1962, стр. 144.

[29] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 93, д. 200, лл. 4—5.

[30] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, л. 41.

[31] Там же, л. 6; д. 199, лл. 1—2.

[32] Там же, д. 199, л. *3;* ф. 353, оп. 2, д. 328, л. 107.

[33] См.: «Собрание узаконений», № 12, 30 декабря 1917 г., ст. 183.

[34] Декреты Советской власти, т. I, стр. 587.

[35] Там же, стр. 586.

[36] См.: В. Полянский. Как начинал работать Народный комиссариат просвещения, стр. 51. Официально создание коллегии Наркомпроса относится к июню 1918 г. (см.: И. С. Смирнов. Ленин и советская культура, стр. 202).

В первые месяцы Советской власти некоторое время существовал также Комиссариат имуществ Республики, образованный решением Совета Народных Комиссаров от 9 декабря 1917 г.[37] С самого момента своего возникновения Комиссариату имуществ Республики пришлось иметь дело с Наркомпросом, взявшим, как известно, еще в ноябре 1917 г. под свой контроль и управление все ведомства бывшего Министерства двора.[38] К тому же при образовании Комиссариата имуществ СНК оставил в непосредственном ведении Наркомпроса театры и музеи.[39] Поэтому уже в декабре 1917 г. Комиссариат имуществ Республики и Наркомпрос принимают решение о совместном управлении всеми смежными учреждениями.[40] Успешное осуществление в январе—феврале и последующие месяцы 1918 г. ликвидации входивших ранее в состав бывшего Министерства двора одних учреждений (в их числе были, например, Канцелярия министерства двора, «Кабинет его величества», Гофмаршальская часть, Камеральная часть, Капитул орденов, Церемониальная часть, Комиссия по делам ликвидации бывшего Управления дворцового кабинета, бывшая Канцелярия Александры Федоровны и Марии Федоровны и т. д.) и передача в ведение Наркомпроса, а также в ведение других комиссариатов и местных Советов иных учреждений (таких, например, как Певческая капелла, Придворный оркестр, бывшая Дворцовая ферма в Ропше, различные парки с дворцами и оранжереями и т. д.) позволили народному комиссару по делам имуществ П. П. Малиновскому и секретарю этого комиссариата Кауфману писать в представленном в Президиум ВЦИК в июне 1918 г. конспекте отчета о том, что ликвидация входивших в состав бывшего Министерства двора старых ведомств с их имуществом почти закончена, а имущество этих ведомств большей частью уже передано соответствующим органам.[41] Комиссариат имуществ Республики по согласованию с Наркомпросом фактически продолжал заниматься еще только различными вопросами, связанными главным образом с содержанием и охраной художественно-исторических ценностей Республики.[42] Поэтому поставленный перед Советом Народных Комиссаров уже в апреле 1918 г. вопрос об организационном слиянии Наркомпроса с Комиссариатом имуществ Республики летом 1918 г. был окончательно решен: бывший Комиссариат по делам имуществ с немногочисленным коллективом своих сотрудников[43] вошел в состав Наркомпроса, передав свои

[37] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. *36.*

[38] «Собрание узаконений», № 2, 4 декабря 1917 г., ст. 24; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 115—116.

[39] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 36.

[40] «Собрание узаконений», № 10, 10 декабря 1917 г., ст. 157.

[41] ЦГАОР, ф. 1235, оп. *93,* д. 157, л. 16 об.

[42] Там же, л. 17 об.

[43] В составе комиссариата, возглавлявшегося П. П. Малиновским, его помощниками Н. Д. Виноградовым и Ю. Н. Флаксерманом, а также секретарем

функции его Отделу музеев и охраны памятников.[44]

Вслед за Комиссариатом по польским делам при Наркомнаце[45] были организованы другие национальные комиссариаты: в конце ноября 1917 г. — По литовским делам, в январе 1918 г. — Мусульманский, Белорусский, Еврейский и Армянский.[46] 1 февраля 1918 г. в каждый из этих шести национальных комиссариатов было направлено следующее письмо за подписью секретаря Наркомнаца С. С. Пестковского: «Народный комиссариат по делам национальностей сим честь имеет известить Вас, что в пятницу 15 (2) февраля в 5 часов вечера в Смольном институте, в кабинете т. Сталина, состоится собрание представителей национальных комиссариатов. Порядок дня: Организация коллегии при Народном комиссариате. Решающим голосом пользуются национальные комиссары или их заместители. Остальные члены национальных комиссариатов имеют совещательный голос».[47] Состоявшееся на следующий день, 15 (2) февраля 1918 г., собрание представителей указанных выше национальных комиссариатов образовало коллегию Наркомнаца.[48] В решении по пункту первому повестки заседания («Организация народного комиссариата: коллегия, орган и отделы») записано: а) коллегию составляет собрание национальных комиссаров... Собрания коллегии происходят периодически, 1 раз в неделю (в среду в 4 ч.)».[49] Пунктами «б» и «в» решения по первому вопросу повестки при Наркомнаце были учреждены печатный орган («Жизнь национальностей») и столы — агитации и пропаганды Советской власти, связи националь-

Кауфманом, к середине мая 1918 г. насчитывалось всего 15 сотрудников (ЦГАОР, ф. 1235, *оп. 93,* д. 41, лл. 96—96 об., 112; см. также: И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 344). В связи со свертыванием работы комиссариата в дальнейшем это число летом 1918 г. вряд ли могло существенно увеличиться.

[44] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 157, лл. 20—21; И. С. Смирнов, ук. соч., стр. 342—344.

[45] С конца ноября Народный комиссариат по делам национальностей расположился в помещении Национального Совета бывшего МВД (угол Александринской площади и Театральной улицы — теперь площади Островского и улицы Зодчего Росси) (см.: «Газета», № 22, 1 декабря 1917 г.; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2221, л. 1).

[46] Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917 г. — 20 июня 1918 г. М., 1918, стр. 6. По некоторым из этих национальных комиссариатов за последнее время появились специальные исследования (см.: Е. Н. Городецкий. Октябрьская революция и создание социалистического государства в освещении советской исторической литературы, стр. 364).

[47] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 26, л. 13.

[48] На собрании присутствовали И. В. Сталин, С. С. Пестковский, Ф. М. Сенюта и представители национальных комиссариатов Циховский и Бортновский (по польским делам), Алекса-Ангаретис и Мицкевич-Капсукас (по литовским делам), Муллануp Вахитов и Шариф Манатов (мусульманский), Д. Жилунович, В. Скорынко и А. Червяков (белорусский), С. Диманштейн (еврейский), В. А. Аванесов (армянский).

[49] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1, л. 1а.

ных комиссариатов, редакции, подготовки общих декретов, связи с заграницей, статистики. В числе других рассмотренных на этом собрании (явившемся одновременно и первым заседанием коллегии Наркомнаца) вопросов был, в частности, вопрос о порядке прохождения декретов. «Декрет рассматривается сперва народным комиссаром и соответствующим национальным комиссариатом, — записано в решении по этому вопросу, — декреты общего характера передаются на разрешение коллегии».[50]

Принятием 15 января Советом Народных Комиссаров декретов об организации Рабоче-крестьянской Красной армии и учреждении при Комиссариате по военным делам для ее формирования и непосредственного руководства особой Всероссийской коллегии и последовавшим затем утверждением 29 января декрета о создании Рабоче-крестьянского Красного флота, во главе которого, а также и всего морского ведомства на следующий день, 30 января, встала коллегия Народного комиссариата по морским делам, был завершен начальный период трудных поисков форм организации вооруженных сил молодой Советской республики.[51]

18 января издается декрет СНК об образовании Центральной контрольной коллегии, местных учетно-контрольных коллегий и контрольных комиссий, который явился важным шагом на пути реорганизации старой системы государственного контроля в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин).[52]

19 января Совет Народных Комиссаров заслушал доклад о деятельности ВСНХ, сделанный его председателем В. В. Оболенским, а также содоклад Ю. Ларина.[53] Из представленного в Совнарком к этому заседанию «Списка отделов Высшего совета народного хозяйства», в котором были указаны заведующие отделами, подотделами и секциями, видно, что к этому времени в со-

[50] Там же.

[51] Декреты Советской власти, т. I, №№ 237, 284; ЦГАВМФ, библиотека, сборник приказов. . ., № 4, февраль 1918 г., приказ № 103 от 30 января 1918 г., стр. 267; приказ № 5, март 1918 г., приказы №№ 113, 114 от 30 января 1918 г., стр. 288. Подробнее см.: Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины, стр. 433—445; С. М. Кляцкин. Начальный период строительства армии Советского государства; Р. Н. Мордвинов. Курсом «Авроры», стр. 30—43; С. С. Хесин. Военные моряки в борьбе за власть Советов, стр. 241—249.

[52] Декреты Советской власти, т. I, № 244. См. также; А. И. Коняев. Государственный контроль. . ., стр. 31—32. Дважды рассматривавшийся Совнаркомом проект декрета, выработанный коллегией Комиссариата государственного контроля, в повестке заседаний СНК 2 и 18 января записан именно как вопрос о реорганизации государственного контроля (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 18 и 49). Разработка декрета была начата, по-видимому, в результате поданной в СНК 1 декабря коллективной записки «О государственном контроле» за подписями временного заместителя наркома государственного контроля Э. Э. Эссена, а также А. Е. Портянко и Н. В. Шевникова, А. Л. Покровского, Ф. М. Шаблинского и В. Д. Виноградова (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 35, лл. 1—10).

[53] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 50.

став ВСНХ уже входило 18 крупных отделов, соответствовавших основным отраслям экономики страны.[54] На этом же заседании СНК Г. И. Оппоков (А. Ломов) был утвержден заместителем председателя ВСНХ.[55]

24 января В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о Совете врачебных коллегий, который в соответствии с постановлением СНК осуществил ликвидацию бывшего Центрального врачебно-санитарного совета и других старых бюрократических медицинских учреждений, занявших контрреволюционную позицию (в их числе были, например, бывшее Главное управление Красного креста, бывший Главный медицинский совет)[56] и явился основой для создания в дальнейшем (11 июля 1918 г.) Народного комиссариата здравоохранения.[57] 31 января в качестве представителя Совета врачебных коллегий членом Совнаркома с правом совещательного голоса был утвержден доктор А. Н. Винокуров.[58]

За два дня до этого, 29 января, в соответствии с просьбой А. М. Коллонтай Совет Народных Комиссаров назначил И. Г. Егорова заместителем народного комиссара государственного призрения с предоставлением ему права решающего голоса в СНК в случае отсутствия А. М. Коллонтай.[59] О состоянии дел в Народном комиссариате государственного призрения, переименованного СНК декретом от 26 апреля в Народный комиссариат социального обеспечения,[60] можно судить по сведениям, представленным руководством комиссариата в Совет Народных Комиссаров в связи с переездом Советского правительства и наркоматов из Петрограда в Москву. В это время в составе комиссариата, процесс организации которого еще не был завершен, существовало уже 10 отделов: Канцелярия с секретариатом и регистратурой, отделы Хозяйственный, Охраны материнства и младенчества, Пенсий и пособий, Социального обеспечения несовершеннолетних с подотде-

[54] Подробнее см.: С. Р. Гершберг. В. И. Ленин и создание ВСНХ, стр. 12.

[55] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 51; оп. 2, д. 65, л. 52; Декреты Советской власти, т. I, стр. 588.

[56] См.: Декреты Советской власти, т. I, № 306; А. Н. Винокуров. Ленин как руководитель СНК и Малого Совета, лл. 5—6; Н. А. Семашко. Октябрьская революция и организация Наркомздрава, л. 12.

[57] Декреты Советской власти, т. I, № 271; Энциклопедический словарь Гранат. Седьмое издание, т. 41, ч. 1, стлб. 81 (Винокуров А. Н., автобиография).

[58] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, л. 17.

[59] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 59, л. 32; Декреты Советской власти, т. I, стр. 589.

[60] Декреты Советской власти, т. II, М., 1959, № 100. В декрете, в частности, указывалось, что «...существующее название Народного комиссариата призрения не соответствует социалистическому пониманию задач социального обеспечения и является пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности...» (см. также: Социальное обеспечение в Советской России, стр. 5).

лами Социальной помощи нормальным детям и дефективным (борьба с детской «преступностью»), Социального обеспечения инвалидов и вдов, Лечебный (санатории, курорты, лечебные заведения), Финансовый, Бюро печати и отдел контроля (с участием представителей Госконтроля).[61]

Первоначальная структура Наркомтруда, сложившаяся, как отмечалось выше, вскоре после победы Октябрьской революции, не претерпела особых изменений до конца интересующего нас периода. К концу января—началу февраля 1918 г., после завершения работы I Всероссийского съезда комиссаров труда, в состав Наркомтруда, помимо обычных для каждого комиссариата отделов, входили следующие шесть основных, «характеризующие его деятельность» отделов: Социального страхования, Охраны труда, Борьбы труда с капиталом, Распределения рабочей силы, Нормирования заработной платы и Статистики.[62]

В январе же 1918 г. был окончательно сформирован аппарат Наркомвнудела, структура которого в целом также осталась неизменной. Всего к концу января в Наркомвнуделе насчитывалось около 15 центральных отделов: Управление делами и секретариат, отделы Местного управления, Местного хозяйства; Управления медицинской частью, Ветеринарной частью, По делам о воинской повинности; отделы Статистический, Финансовый, Бюро печати, Хозяйственная часть и др.[63] По-видимому, в соответствии с решением коллегии Наркомвнудела от 7 января 1918 г. о необходимости налаживания деятельности информационного аппарата в комиссариате было создано специальное Информационное бюро.[64] Состав коллегии НКВД был пополнен И. Г. Правдиным, А. П. Смирновым и М. И. Васильевым.[65] М. Я. Лацис и И. Г. Правдин были также назначены заместителями в СНК Г. И. Петровского в случае его отсутствия, с правом одному из них иметь решающий голос.[66]

В соответствии с декретом СНК от 18 декабря Отдел местного хозяйства Наркомвнудела был выделен в расположившийся в одном из зданий бывшего МВД (Фонтанка, д. 57) Комиссариат по местному самоуправлению, руководство которым было передано левому эсеру В. Е. Трутовскому.[67] Однако еще до того как

[61] ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 23—23 об.

[62] В. Т. Шмидт. О взаимоотношениях Народного комиссариата труда с Всероссийским Центральным Советом проф. союзов. «Вестник Народного комиссариата труда», 1918, № 2—3, стр. 27.

[63] ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 24, л. 53—53 об.; оп. 9, д. 14, л. 175; М. Лацис. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах, стр. 149.

[64] ЦГАОР, ф. 393, оп. 5, д. 576, л. 2; д. 574, л. 329 об.

[65] Там же, оп. 1, д. 22, л. 1; Декреты Советской власти, т. I, стр. 588; М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 149.

[66] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, лл. 111—112.

[67] М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 151; Декреты Советской власти, т. I, № 173.

В. Е. Трутовский приступил к работе, коллегия Наркомвнудела, состоявшая из одних почти большевиков, приняла необходимые меры по укреплению состава руководящих работников будущего комиссариата. На должность заведующего (управляющего) Главным управлением по делам местного хозяйства был назначен А. П. Смирнов, который продолжал фактически управлять комиссариатом и в дальнейшем, после назначения В. Е. Трутовского, оставаясь одновременно членом коллегии НКВД.[68] Целый ряд организованных в составе нового комиссариата отделов возглавили большевики и другие преданные Советской власти работники: заведующим канцелярией стал Я. А. Берзин, его помощником — А. И. Тирзит, секретарем комиссариата — А. М. Дмитриевский, заведующим Отделом городского хозяйства — Э. А. Гонасси, заведующим Дорожным отделом — Р. Р. Фельбах, заведующим Строительно-техническим комитетом — А. Н. Котлов.[69] В связи с этим, несмотря на стремление левых эсеров осуществлять на местах с помощью Комиссариата местного самоуправления свою программу укрепления органов самоуправления, которые, как указывал И. З. Штейнберг в обращении к муниципальным отделам Советов и к городским и земским управам, должны были «... постепенно стать хозяйственной организацией Советской власти»,[70] комиссариат по основным вопросам занимал правильную позицию, способствуя ликвидации бывших земских и городских самоуправлений и передаче их функций местным Советам. Свидетельствующие об этом воспоминания М. Я. Лациса подтверждаются как различными официальными документами комиссариата (отношения, телеграммы и т. д.), адресованными на места,[71] так и сметой расходов комиссариата на первое полугодие 1918 г., основную статью которой составляли средства, предназначенные для объединения, руководства и контроля муниципальной работы Советов.[72] Вполне понятным поэтому представляется то, что очень скоро (уже в 20-х числах марта 1918 г.) Комиссариат по местному самоуправлению (состав его коллегии так и не определился),[73] не имевший под собой вследствие все более и более возрастающей роли местных Советов достаточно реальной почвы, по удачному выражению М. Я. Лациса, «умер естественной

[68] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. *393,* оп. 5, д. 574, л. 38—38 об.; М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 153.

[69] В числе других отделов комиссариата были также Отдел волостных земств, архив, библиотека, машинописное бюро. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989; ЦГАОР, ф. *393,* оп. 5, д. 574, лл. 11—12, 38—38 об., 45—68; М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 153.

[70] Цит. по: М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 152.

[71] См.: ЦГАОР, ф. 393, оп. 5, д. 21, лл. 3—4; д. 22, л. 2—2 об.; М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 154.

[72] ЦГАОР, ф. *393,* оп. 5, д. 574, л. 100.

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989.

смертью»,[74] а все его отделы и работники вошли в состав Наркомвнудела.[75]

Несколько затянулась организация Народного комиссариата земледелия. Это объяснялось тем, что у руководства этим комиссариатом стояли левые эсеры. Еще 15 ноября СНК вынужден был принять следующее специальное постановление по вопросу о Министерстве земледелия: «предложить с.-р. ультиматум: взять завтра м-во земледелия или предоставить его большевикам и не тормозить работы».[76] Только в 20-х числах ноября левые эсеры взяли руководство комиссариатом в свои руки, а их представитель А. Л. Колегаев занял пост наркома земледелия. Однако борьба с чиновниками-саботажниками, спрятавшими все необходимые материалы и покинувшими занимаемые бывшим Министерством земледелия громадные дома на Литейном и Морской, велась левоэсеровскими руководителями комиссариата весьма нерешительно.[77] Уже после принятия Советом Народных Комиссаров 19 декабря 1917 г. постановления о роспуске Совета Главного земельного комитета и о создании Временного совета этого комитета,[78] они по-прежнему пытались договориться с саботажниками. «С особым, явно незаслуженным почтением, — вспоминал впоследствии сам А. Л. Колегаев, — остановились было мы перед Главным земельным комитетом». Но попытки «уговорить» саботажников, как и следовало ожидать, не увенчались успехом. В январе 1918 г. занявший контрреволюционную позицию Главный земельный комитет был, наконец, распущен.[80] «Конечно, была декларация о насилии, — писал А. Л. Колегаев, — но спокойно, безвольно разошлись».[81] В январе же была составлена коллегия Наркомзема.[82] В остальном аппарате комиссариата в конце января, как

[74] М. Я. Лацис, ук. соч., стр. 151.
[75] ЦГАОР, ф. *393, оп. 5,* д. 574, лл. 326—335.
[76] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 1 об.
[77] См. об этом: Вл. Мещеряков. Из воспоминаний о первых месяцах работы Народного комиссариата земледелия. «Сельскохозяйственная жизнь», № 7, 1922, стр. 31.
[78] Декреты Советской власти, т. I, стр. 553.
[79] А. Колегаев. На рубеже. «Сельскохозяйственная жизнь», № 7, 1922, стр. *30.*
[80] Вл. Мещеряков. I. Организация Народного комиссариата земледелия и земельных отделов. II. Полгода коммунального строительства. М. (б. г.), стр. 3—5. Подробнее см.: Е. А. Луцкий. Ликвидация Главного земельного комитета. «Труды Московского историко-архивного института», т. IX, 1957, стр. 17—45.
[81] А. Колегаев, ук. соч., стр. 30.
[82] В первоначальный состав коллегии Наркомзема входили левые эсеры А. Колегаев, И. Майоров, Л. Костин, Феофилактов, Н. Алексеев, а также руководивший работой лесного департамента бывший товарищ министра земледелия Н. Фалеев (Вл. Мещеряков. I. Организация народного комиссариата земледелия. . ., стр. 4). Заместителем (товарищем) народного комиссара земледелия был Н. Н. Алексеев, секретарем коллегии Наркомзема Я. Аксель (ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 30, л. 29; ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 22, л. *3;* «Знамя труда», №№ 91, 93, 9 и 12 декабря 1917 г.). К 10-м числам января

свидетельствует Вл. Мещеряков (пришедший работать в Наркомзем по указанию Я. М. Свердлова В. Н. Мещеряков явился одним из первых большевиков в этом «эсеровском» комиссариате и вошел в дальнейшем в его коллегию), все еще имела место «организационная мешанина», в результате которой даже руководители комиссариата не представляли себе четко его существующей организации.[84] «Трудно было работать в этом ведомстве, — вспоминала также направленная В. И. Лениным на работу в Наркомзем М. В. Фофанова. — Вся коллегия, начиная с наркома, состояла здесь из левых эсеров. Они много шумели о так называемой социализации земли, а по существу тормозили выполнение декрета о земле».[85]

В ряде других народных комиссариатов (Наркомпочтеле, Наркомпроде, Наркомпути, Наркомфине и Государственном банке), несмотря на то, что саботаж чиновничества и особенно большей части специалистов принял затяжной характер, задача организации и налаживания их деятельности была в целом успешно решена. В первой половине декабря число сотрудников Наркомпочтеля достигло 100—150 человек, а в 20-х числах того же месяца начали работать все отделы комиссариата.[86] Создание первоначального финансового аппарата Советской республики было завершено принятием Советом Народных Комиссаров 20 января декрета об утверждении В. Р. Менжинского народным комиссаром по финансовым делам и об утверждении состава коллегии этого комиссариата.[87] При поддержке состоявшихся в январе 1918 г. I Всероссийского продовольственного съезда советских организаций[88] и Чрезвычайного всероссийского железнодорожного съезда начиная с конца января и в феврале было также в основном закончено оформление структуры Наркомпрода[89] и

1918 г. относятся первые известные нам протоколы коллегии Наркомзема (см.: ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 22, л. 1 и сл.).

[83] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, л. 46; Вл. Мещеряков. Из воспоминаний о первых месяцах работы Народного комиссариата земледелия, стр. 31.

[84] Вл. Мещеряков. 1. Организация Народного комиссариата земледелия..., стр. 5.

[85] М. В. Фофанова. В Питере и в Москве. «Огонек», 1958, № 17, стр. 5. См. также: Ю. Юров. Прост, как правда. М., 1963, стр. 74.

[86] См.: С. В. Драбат. Борьба с саботажем, стр. 58; Ф. З. Мончинский. Саботаж в министерстве и его ликвидация, стр. 110.

[87] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 52, л. 9; Декреты Советской власти, т. I, стр. 588. Подробнее см. указанные выше работы А. М. Гиндина, а также: Б. Ривкин. Финансовая политика в период Октябрьской революции. М., 1957.

[88] См.: ОРФ Института истории АН СССР, ф. Ю. С. Шпунта, оп. I, д. 2, лл. 67—75; д. *3*, лл. 8—9.

[89] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. *33,* лл. 17—19 (резолюции Всероссийского съезда Советов по продовольствию); д. 94, лл. 3—4 (список заведующих отделами и подотделами Народного комиссариата по продовольствию, датированный 22 января 1918 г.); л. 1—1 об. и 95 (л. 1—1 об. — подлинный текст и заверенная машинописная копия приказа за подписью народного ко-

Наркомпути,[90] завершившееся утверждением Советом Народных Комиссаров коллегий этих комиссариатов. 24 февраля 1918 г. СНК утвердил представленный ему Центральным исполнительным комитетом Всероссийского железнодорожного союза (Викжедором), к которому с январского съезда железнодорожников Перешли все дела и имущество Викжеля,[91] избранный на заседании Викжедора от 31 января состав коллегии для управления железными дорогами Российской Советской республики. Народным комиссаром путей сообщения был утвержден рабочий-железнодорожник, большевик А. Г. Рогов, его заместителем — В. И. Невский.[92] На другой день, 25 февраля, Совет Народных Комиссаров утвердил народным комиссаром по продовольствию А. Д. Цюрупу и 12 членов коллегии Наркомпрода (в их числе были Д. З. Мануильский, назначенный 29 января заместителем наркома по продовольствию, А. Г. Шлихтер, Д. П. Малютин, А. С. Якубов и др.).[93]

В условиях успешного налаживания деятельности народных комиссариатов в результате гибкой и дальновидной политики руководимых В. И. Лениным ЦК РСДРП(б) и СНК, удачно сочетавших революционные действия против активных саботажников с проведением среди основной массы служащих и интеллигенции разъяснительной работы, а также с осуществлением мер по улучшению их материального положения, организованный массо-

миссара А. Д. Цюрупы по Народному комиссариату продовольствия за № 6 от 21 февраля 1918 г., определившего структуру комиссариата).

[90] ЦГАНХ, ф. 1884, оп. 1, д. 508, лл. 107 и сл. (журналы заседаний коллегии Народного комиссариата путей сообщения); Декреты Советской власти, т. I, № 307; Триумфальное шествие Советской власти, стр. 142—143; Встречи с Лениным. (Воспоминания железнодорожников), стр. 60—64, 74—75, 79—81; А. Хаин. Железнодорожники и революция. «Вестник профессиональных союзов», № 4, 7 ноября 1918, стр. 9—11; Ленинградские профсоюзы за 10 лет, стр. 184—185.

[91] «Удостоверяю, — писал впоследствии, например, председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, — что все имущество Викжеля с январского съезда железнодорожников перешло Викжедору, который и волен им распоряжаться по своему усмотрению» (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 180, л. 23).

[92] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 73, лл. 117—118; Декреты Советской власти, т. I, стр. 590; Воспоминания железнодорожников, стр. 80—81. Несколько подробнее о начальной истории Наркомпути см.: Б. П. Орлов. Железнодорожный транспорт в первый год Советской власти; А. В. Красникова. Коммунистическая партия в борьбе за массы железнодорожников в первые месяцы Советской власти. В кн.: Из истории борьбы Коммунистической партии за развитие советского железнодорожного транспорта. Л., 1960.

[93] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 65, лл. 86, 97; ф. 1235, оп. 93, д. 73, л. 136; Декреты Советской власти, т. I, стр. 590. Подробнее о начальной истории Наркомпрода см.: А. А. Нелидов. Образование и начало деятельности Народного комиссариата продовольствия РСФСР и его местных органов; С. Е. Логинова. Борьба большевиков с саботажем чиновников старых продовольственных органов в первые месяцы Советской власти (ноябрь 1917—январь 1918 г.). «Вестник ЛГУ», № 20, сер. ист., яз. и лит., вып. 4, 1958, стр. 34—49.

вый саботаж государственных чиновников и служащих в январе. 1918 г. был ликвидирован. Это вынуждены были признать даже его организаторы. 12 января «Трибуна государственных служащих» поместила заметку под достаточно красноречивым заголовком — «Ликвидация саботажа». В ней, в частности, говорилось, что «Союз союзов» служащих в правительственных учреждениях намеревается «выделить ликвидационную комиссию, которая войдет в переговоры со Смольным для выработки условий соглашения со служащими о ликвидации забастовки».[94] Главных руководителей чиновников-саботажников, однако, уже успели опередить представители одной из наиболее многочисленных их групп — служащих банков. Выступая 12 января на заседании III Всероссийского съезда Советов с заключительным словом по докладу Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленин так рассказал об этом делегатам съезда: «Ко мне на днях явились писатели из „Новой жизни" с заявлением, что они пришли от имени банковых служащих, желающих поступить на службу и, прекратив политику саботажа, всецело подчиниться Советской власти. И я им ответил: давно бы так. Но, говоря между нами, если они воображают, что мы, вступив в эти переговоры, отступим хоть на йоту от своих революционных позиций, то они жестоко ошибаются».[95] А неделей спустя в газете «Новая жизнь» был помещен своеобразный некролог бесславной чиновничьей забастовке: «Пресловутый чиновничий саботаж служащих в государственных и муниципальных учреждениях приходит к концу. Начатая еще с конца октября забастовка изживает себя вследствие иссякания забастовочного фонда, начавшегося массового штрейкбрехерства и недостижимости поставленных целей. Будучи проигранной политически, она грозит быть проигранной и в профессиональном отношении».[96]

Ликвидационная комиссия, о которой 12 января сообщила «Трибуна государственных служащих», по-видимому, была образована, — организаторы саботажа действительно обратились в Совет Народных Комиссаров с предложением вступить в переговоры об условиях прекращения забастовки. Они, однако, явно опоздали. На заседании 31 января по вопросу о ликвидации саботажа (принятии на службу «кающихся» чиновников-саботажников), докладчиком по которому выступил Я. М. Свердлов, Совет Народных Комиссаров принял следующую ленинскую резолюцию: «Никаких переговоров с саботажниками не вести. Отдельным нар[одным] комиссарам предоставляется принимать на работу, как отдельных лиц, тех [из отдельных] саботажников, которые, вполне подчиняясь Сов[етской] власти и поддерживая ее, необходимы для работы в соотв[етственных] ведомствах».[97]

[94] «Трибуна государственных служащих», № 2, 12 января 1918 г., стлб. 10.
[95] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 283—284.
[96] «Новая жизнь», № 12, 18 января 1918 г.
[97] Ленинский сборник, XXI, стр. 98.

Прием старых служащих на работу в народные комиссариаты стал производиться лишь при представлении удостоверений от профсоюзных или других общественных организаций.[98] «Принимая во внимание, что забастовка чиновников имеет значение не только отрицательное, но и положительное, в смысле очищения ведомств от старого бюрократизма, — говорилось в резолюции собрания служащих правительственных учреждений от 12 декабря, — считаем необходимым, чтобы возвращение на места уволенных служащих в целях поддержки народного правительства происходило не иначе, как под контролем организаций новых и старых, отказавшихся от саботажа служащих».[99] В народных комиссариатах организуются специальные приемные комиссии, в состав которых входили представители коллегий комиссариатов и поддерживающих Советскую власть служащих.[100] Одновременно с этим в связи с отсутствием свободных вакансий в ряде народных комиссариатов принимаются решения о прекращении приема новых работников.[101] На здании Наркоминдела, в частности, а также в издававшихся в Петрограде советских газетах были помещены объявления о том, что «Комиссариат по иностранным делам просит старых служащих не беспокоить комиссариат предложением своих услуг».

Опираясь на поддержку трудящихся России, их революционный подъем, большевистская партия и ее Центральный комитет во главе с В. И. Лениным провели, как видим, громадную работу по преодолению упорного сопротивления контрреволюционных чиновников-саботажников, привлечению на сторону Советской власти основной массы государственных служащих и интеллигенции, созданию аппарата управления первого в мире рабоче-крестьянского государства. Чрезвычайная сложность практического осуществления слома старой буржуазно-помещичьей государственной машины и создания нового советского государственного аппарата потребовала от большевистской партии напряжения всех ее сил. Как указывалось в письме Секретариата ЦК партии Проскуровскому комитету РСДРП(б) Подольской губернии от 11 ноября

[98] См., например, соответствующее решение коллегии Наркомвнудела: ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6а, л. 3 об.

[99] «Знамя труда», № 97, 16 декабря 1917 г.

[100] О деятельности такой приемной комиссии, образованной, например, в Наркомпочтеле, см.: ЦГАНХ, ф. 3527, оп. 1, д. 31, лл. 1, 5, 34 и др.; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 786, л. 3; С. В. Дрябат, ук. соч., стр. 58; Ф. З. Мончинский, уК. СОЧ., СТр. 110—116.

[101] Так, в протоколе заседания коллегии Наркомпочтеля от 30 января по вопросу о саботировавших служащих министерства, подавших прошения об обратном приеме на службу, в первом пункте решения записано: «Объявить, что прием новых служащих в министерство прекращен» (ЦГАНХ, ф. 3527, оп. 1, д. 49, л. 22). См. об этом также: Вл. Мещеряков. I. Организация Народного комиссариата земледелия. . ., стр. 4.

[102] См.: «Известия», № 235, 25 ноября 1917 г.; И. Залкинд, ук. соч., стр. 17.

1917 г., «все наличные силы были временно отвлечены крупнейшей работой по созданию нового правительства и налаживанию этого громадного технического и политического аппарата».[103] В другом из писем, адресованном местным партийным организациям, Секретариат ЦК РСДРП(б), констатируя уход членов партии из центров на административную работу, писал 20 января 1918 г.: «Партию совершенно обескровили в смысле лучших сил».[104] Именно с уходом лучших сил большевистской партии на общегосударственную работу, как это было отмечено и ЦК РСДРП(б), и его Секретариатом, связано происшедшее в этот период некоторое временное ослабление внутрипартийной работы.[105] Поэтому, характеризуя положение в Петрограде в конце января 1918 г., Секретариат ЦК РСДРП(б), в частности, указывал: «Работа идет полным темпом во всех областях, кроме партийной, которая в загоне, так как все товарищи ушли в Советы, в комиссариаты и т. д.».[106]

В результате огромной организаторской деятельности руководимой В. И. Лениным большевистской партии, сумевшей привлечь к активному участию в строительстве Советского государства лучших представителей трудящихся и их массовых организаций, важнейшая по своему историческому значению задача была успешно решена. Первый и решающий шаг в создании центрального аппарата управления новой Россией — советских народных комиссариатов был сделан.

[103] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б), стр. 29.
[104] Там же, стр. 171.
[105] См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 151.
[106] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б), стр. 205.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные враги Великой Октябрьской социалистической революции и Советской власти внутри страны и за рубежом, как известно, весьма надеялись на то, что руководимый большевиками рабочий класс России, пришедший в союзе с трудовым крестьянством к власти, не сумеет справиться с организацией своего государственного аппарата.[1] Как указывал в своей работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин, «все направления, от „Речи" до „Новой Жизни" включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, *все* за исключением большевиков...», были согласны «что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени».[2] Даже признавая громадную работу, проведенную Советской властью по слому старой царской государственной машины, не претерпевшей при Временном правительстве принципиальных изменений,[3] газета «Новая жизнь», например, в то же время пыталась доказать временность и непрочность существования Советской власти, заявляя: «Они (большевики, — *М. И.*) умеют разрушать, но не созидать».[4]

Развитие исторических событий, однако, показало совершенно иное и убедительно подтвердило правильность важнейших положений марксистско-ленинской теории о первых шагах социалистической революции в области строительства государства нового

[1] См., например, об этом: Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959, стр. 357—358.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 290.

[3] До 25 октября правительственный и судебный аппарат оставался старым — отмечала в частности «Новая жизнь» и далее: «Ни одна существенная реформа, ни одно важное требование народных масс не было выполнено» («Новая жизнь», № 190, 1 декабря 1917 г.).

[4] «Новая жизнь», № 190, 1 декабря 1917 г.

типа. Вставшая перед большевистской партией сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде гигантской трудности, как указывал В. И. Ленин, задача «внутренней организации»[5] была успешно решена. На месте старой буржуазно-помещичьей государственной машины эксплуатации и угнетения трудящихся, снесенной социалистической революцией, в кратчайшие исторические сроки (в основном уже в январе 1918 г.) был создан принципиально новый аппарат диктатуры пролетариата — советский государственный аппарат. «Это, — говорил В. И. Ленин, выступая впоследствии в 1922 г. на XI съезде РКП(б), — всемирно-историческая победа. ... величайшее историческое изобретение сделано...».[6]

Первые итоги в области строительства Советского государства были, как известно, подведены состоявшимся в Петрограде 10—18 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов, который принял ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», ставшую первым основным законом победившего пролетарского государства. Выступая 11 января на заседании III съезда Советов с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленин, охарактеризовав главные шаги Советской власти по пути ликвидации старой эксплуататорской государственной машины и создания нового советского государственного аппарата, подчеркнул: «Не было ни одной революции, в которой трудящиеся массы не начинали бы делать шаги по этому пути, чтобы создать новую государственную власть. К сожалению, они только начинали, но не могли довести дело до конца, не удалось создать нового типа государственной власти. Мы ее создали — у нас уже осуществлена социалистическая республика Советов».[7] Именно поэтому в своем заключительном слове перед закрытием съезда 18 января В. И. Ленин указал: «Можно сказать с неоспоримым основанием, что третий съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории... Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран».[8]

С того времени, когда в актовом зале Таврического дворца впервые прозвучали эти слова В. И. Ленина, прошло уже почти полвека. Но опыт истории первых шагов Великой Октябрьской социалистической революции по пути строительства в России Советского государства во главе с Рабочим и Крестьянским правительством, руководимым В. И. Лениным Советом Народных Комиссаров, остается вечно живым примером для трудящихся

[5] В. И. Ленин, Поля. собр. соч., т. 36, стр. 6.
[6] Там же, т. 45, стр. 108—109.
[7] Там же, т. 35, стр. 271.
[8] Там же, стр. 286.

всего мира. Как писал В. И. Ленин 14 октября 1921 г. в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», «...мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн».[9]

[9] Там же, т. 44, стр. 148.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ТЕКСТЕ ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА „О ЗЕМЛЕ"

Ленинский декрет «О земле» является важнейшим источником для изучения аграрной программы большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции и советского аграрного законодательства. Вполне понятен поэтому интерес, проявляемый к декрету «О земле» со стороны исследователей — историков [1] и юристов.[2] Совсем недавно, уже после написания настоящего очерка, Е. А. Луцким было опубликовано новое содержательное исследование, в котором подробно рассматривается история издания декрета «О земле» и воспроизведения его текста в последующих советских публикациях.[3] Однако и после выхода в свет этой работы, содержащей ряд интересных и ценных наблюдений и предположений, по признанию ее автора ряд вопросов происхождения и определения подлинного текста декрета по-прежнему остался без ответа.[4] Вниманию читателя предлагается как раз рассмотрение некоторых, все еще остающихся невыясненными, вопросов истории создания и опубликования этого документа, имеющего международное значение.

Главная трудность, которая встает перед исследователем при изучении истории создания декрета «О земле», состоит в полном отсутствии каких-либо рукописных источников его текста. Ни подлинник декрета, ни изготовленные, по-видимому, с него копии, предназначавшиеся для напечатания текста декрета

[1] См., например: Е. А. Луцкий. Борьба вокруг декрета «О земле». ноябрь—декабрь 1917 г. «Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 15—39; И. И. Варжо. К вопросу об источниках по истории советской аграрной политики. 1917—1918 гг. «Проблемы источниковедения», 1956, V, стр. 5—20. Рецензию на этот том и, в частности, на статью И. И. Варжо см.: «История СССР», 1957, № 2, стр. 164—169. См. также работы, указанные в статье В. П. Данилова «Изучение истории советского крестьянства» (в кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, стр. 455—459).

[2] М. О. Малышев. Работа II Всероссийского съезда Советов и его основные акты. «Вестник Ленинградского университета», № 23, сер. экономи., филос. и права, 1956, вып. 4, стр. 121—130; А. И. Королев. Ленинский декрет «О земле». «Вестник Ленинградского университета», № 17, сер. экономи., филос. и права, 1961, вып. 3, стр. 94—107.

[3] Е. А. Луцкий. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях. «Проблемы источниковедения», XI, М., 1963, стр. 3—45.

[4] Там же, стр. 45.

в газетах, а также для передачи его по радио и телеграфу,[5] до нас не дошли. Между тем именно эти документы могли бы неоспоримо засвидетельствовать, каким образом происходило создание текста этого декрета, справедливо названного его автором, В. И. Лениным, законом мировой важности. Нельзя не согласиться в связи с этим со словами М. В. Фофановой, активной участницы революционного движения и хозяйки последней конспиративной квартиры В. И. Ленина: «Как часто приходится испытывать сожаление по поводу того, что так мало сохранилось до наших дней подлинных рукописных материалов, отражающих бурные события Октябрьской революции. Приходится обращаться к комплектам газет, печатным листовкам, воззваниям, плакатам. Правда, это тоже, конечно, подлинные свидетели эпохи, но рукописный материал — совсем другое. Рукопись очень много дает: перед тобой как бы возникает и образ человека, писавшего эти строки».[6]

Единственными сохранившимися источниками текста декрета «О земле» являются его публикации 28 октября (10 ноября) 1917 г. в издававшихся в Петрограде советских официальных газетных изданиях — «Известиях Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства», центральном печатном органе большевистской партии — «Правде» и некоторых других газетах,[7] а также в «Собрании узаконений», в № 1 кото-

[5] Об изготовлении копий с подлинного текста декрета «О земле» пишет в своих воспоминаниях первый управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич, сообщивший о том, что утром 25 октября было решено после провозглашения декрета на Втором съезде Советов «сейчас же переписать его на машинке и тотчас же сдать в набор в наши газеты, чтобы завтра же он был распубликован». И далее: «Как только декрет был принят, я тотчас разослал его по всем петроградским редакциям с нарочными, а в другие города сейчас же по почте и по телеграфу» (В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции, стр. 120). Вскоре после принятия Вторым съездом Советов декрета «О земле» его текст вместе с текстом других первых важнейших советских декретов был передан в эфир петроградскими радиостанциями «Новая Голландия» и Царскосельская. См.: Радиостанция «Новая Голландия» в дни борьбы. (Подписано: «Старый моряк»). «Красный флот», 1927, № 20, стр. 42—43; «Всем, всем, всем. . .». (Запись воспоминаний Н. Р. Дождикова, являвшегося в дни Великого Октября председателем технического комитета Царскосельской радиостанции). «Известия», № 262, 3 ноября 1962 г.; Донесения комиссаров Петроградского ВРК, стр. 57, 61—63; Н. Р. Дождиков. Воспоминания бывшего техника Царскосельской радиостанции о революционных событиях в 1917 г., л. 83; Г. П. Лютер. Воспоминания бывшего телеграфиста СНК о встречах с В. И. Лениным в Смольном и Кремле, л. 2.

[6] М. В. Фофанова. Как рождался декрет «О земле». «Новый мир», 1960, № 4, стр. 146.

[7] См., например: «Рабочий и солдат», № 11, 28 октября 1917 г.; «Деревенская беднота», №№ 15 и 23, 28 октября и 8 ноября 1917 г.; «Солдатская правда», № 63, 28 октября 1917; «Знамя труда», № 57, 29 октября 1917. Текст, помещенный в «Рабочем и солдате» (являвшемся вечерней газетой), вероятно, был набран с того же набора, что и текст «Известий». Перепечаткой текста «Известий» является, по-видимому, текст декрета, опубликованный днем позже в газете «Знамя труда». В основном совпадают с текстом «Известий» и публикации декрета «О земле» в газетах «Деревенская беднота» и «Солдатская правда» (в них опущены подпись председателя СНК В. И. Ленина и дата принятия декрета, а также имеются разночтения в передаче подзаголовка декрета и названия включенного в него II раздела крестьянского наказа о земле).

рого, немного позднее, 1 декабря 1917 г., был перепечатан текст декрета, ранее опубликованный в «Газете».[8]

Этим определяется исключительное значение центральной советской и партийной периодической печати как первоисточника текста декрета «О земле».

Сопоставление первых публикаций декрета «О земле» установило, что в разных изданиях он передан по-разному, хотя и был опубликован в одно и то же время. На это было указано редакцией вышедшего в свет в 1928 г. издания «Второй Всероссийской съезд Советов Р. и С. Д.», которая сочла необходимым отметить некоторое расхождение текстов декрета «О земле», опубликованных в «Известиях» и «Собрании узаконений»: «... 5-й пункт декрета о земле («Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются»), — говорилось в 21-м примечании от редакции издания, — в «Известиях» помещен в конце крестьянского наказа, составленного редакцией «Известий» Всер. Совета Кр. Д. на основании 242 местных крестьянских наказов, перед подписью Ленина»,[9] в то время как в «Собрании узаконений» (а следовательно, и в «Газете») он был помещен сразу после 4-го пункта декрета — перед текстом крестьянского наказа.

В подготовленном С. Н. Валком к печати документальном сборнике «Декреты Октябрьской революции», вышедшем в свет в 1933 г. и явившемся крупным достижением советского источниковедения, было впервые осуществлено критическое издание текстов первых советских декретов, и в том числе текста ленинского декрета «О земле».[10] На основании тщательного исследования всех известных публикаций его текста и имеющихся между ними разночтений в этом сборнике (а также в напечатанном впоследствии в 1957 г. т. I «Декретов Советской власти») декрет «О земле» издан таким образом, что наряду с выделением конечного абзаца («Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются») в особый 5-й пункт (как это имеет место в «Правде», «Газете» и «Собрании узаконений») этот абзац одновременно оставлен в самом конце декрета, после текста крестьянского наказа (как это имеет место в «Известиях»).[11]

Последующие публикации декрета «О земле» не имеют критического характера и являются перепечаткой в одних случаях текста «Собрания узаконений»,[12] а в других — текста четвертого издания собрания сочинений В. И. Ленина.[13] При ближайшем рассмотрении текста декрета, напечатанного

[8] «Известия», № 209, 28 октября 1917 г.; «Газета», №№ 1 и 18, 28 октября и 25 ноября 1917 г.; «Правда», № 171, 28 октября 1917 г.; «Собрание узаконений», № 1, 1 декабря 1917 г., ст. 3. Статья 3 № 1 «Собрания узаконений», в которой помещен текст декрета «О земле», оканчивается прямой ссылкой на «Газету»: «Распубликован в № 1-м „Газеты Временного Рабочего и Крестьянского правительства" от 28 октября 1917 г.».

Издания текста декрета «О земле» последующего времени (в виде листовок и в ведомственных сборниках первых советских декретов и постановлений) не имеют такого значения и могут служить лишь дополнительными источниками. (См.: И. И. Варжо, ук. соч., стр. 10—12).

[9] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 172.

[10] Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 7—14.

[11] См. об этом: там же, стр. 8, сноска 1; Декреты Советской власти, т. I, стр. 18, сноска 1,

[12] Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР (1917—1954). Составители Н. Д. Казанцев и С. И. Туманова. М., 1954, стр. 11—12; Сборник Законодательных актов о земле. Составитель Ерофеев Б. В. (издание второе, исправленное). М., 1962, стр. 4—5 (текст декрета «О земле» приведен в извлечении).

[13] «Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», Сб. документов, под ред. А. Ф. Бутенко и Д. А. Чугаева, составители П. И. Анисимова и Л. И. Терентьева, М., 1957, стр. 409—412; Аграрная политика Советской власти (1917—1918). Документы и материалы. Состави-

на стр. 226—228 т. 26 четвертого издания сочинений В. И. Ленина, выясняется, однако, одно обстоятельство, которое необходимо отметить особо. Дело в том, что этот текст не соответствует точно источнику, на который редакция и составители т. 26 ссылаются, т. е. тексту газеты «Известия». А именно слова «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков», напечатанные в т. 26 в виде особого 5-го пункта декрета, расположенного после 4-го пункта и перед крестьянским наказом, в «Известиях» находятся после этого наказа и являются заключительным абзацем 4-го пункта декрета. Ошибка эта, по-видимому, связана с тем, что в четвертом издании сочинений В. И. Ленина опущено имевшееся во втором и третьем изданиях примечание редакции к приведенному выше тексту, гласившее: «В печатном тексте 5 пункт помещен в конце „Крестьянского наказа о земле“».[14]

В осуществленном в настоящее время ИМЛ при ЦК КПСС издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина эта ошибка в основном исправлена. Указанный выше текст декрета помещен на том месте, где он напечатан в «Известиях». Однако, выделив его в самостоятельный 5-й пункт декрета, редакция и составители т. 35 не сочли нужным оговорить, что в «Известиях» (легенда к опубликованному в томе тексту декрета по-прежнему отсылает читателя к этой газете) этот текст напечатан не в качестве отдельного пункта декрета, а как заключительный абзац всего его текста.[15]

Очевидно, таким образом, что все [16] имеющиеся в различных публикациях декрета «О земле» разночтения относятся к находящемуся после 4-го пункта одному и тому же тексту, который уже в первых публикациях декрета был напечатан в двух разных редакциях:

«4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией „Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов" и опубликованный в номере 88 этих „Известий" (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.)».

«4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией „Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов" и опубликованный в номере 88 этих „Известий" (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется».[17]

тель И. И. Варжо. Ответственный редактор Т. А. Ремизова. М., 1954, стр. 113—115.

[14] См.: В. И. Ленин, Соч., т. 26 (Издание четвертое), стр. 226; и В. И. Ленин, Соч., т. XXII (издание второе, исправленное и дополненное), стр. 21. Необходимо при этом указать на одну неточность приведенного выше примечания редакции т. XXII, состоящую в том, что интересующий нас текст напечатан в «Известиях» после крестьянского наказа не в виде особого пункта под номером 5, а как заключительный абзац в составе 4-го пункта декрета.

[15] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 26.

[16] Имеются в виду разночтения текста, принадлежащего В. И. Ленину. О некоторых вариантах и ошибках при передаче заголовков и текста крестьянского наказа см.: Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 8, 12.

[17] В т. I издания «Декретов Советской власти» сделан обоснованный вывод о том, что «при таком печатании весь дальнейший текст является наказом» («Правда» печатала его даже под чертой); однако на самом деле, кроме

Крестьянский наказ оземле

«Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются».

«Известия».

Крестьянский наказ оземле

«Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов».

«Газета», «Правда» и «Собрание узаконений».

В дополнение к приведенным разночтениям текста декрета «О земле» обратим также внимание на разночтения, не отмеченные почему-то в указанных выше изданиях. А именно: один и тот же текст декрета, являющийся в одних случаях его 5-м пунктом, а в другом случае заключительным абзацем 4-го пункта, передан к тому же в различных газетах по-разному: «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются» (в «Известиях»); «5) Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется» (в «Газете»); «5) Земля рядовых казаков и крестьян не конфискуется» (в «Правде»).

Каким образом все это могло случиться?

Высказывания В. И. Ленина, сведения по истории создания и опубликования декрета «О земле», приведенные в газетах интересующего нас времени и в воспоминаниях очевидцев, и, наконец, некоторые сохранившиеся архивные материалы позволяют попытаться ответить на поставленный выше вопрос.

Составление тезисов по вопросу о земле, равно как и по вопросам о войне и об организации власти, было поручено В. И. Ленину специальным решением Центрального Комитета РСДРП(б) незадолго до начала работы II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, 21 октября.[18] Но, как вспоминала Н. К. Крупская, декрет «О земле» был уже давно со всех сторон продуман В. И. Лениным.[19]

Главное положение аграрной программы большевистской партии в Октябрьской революции — требование немедленной отмены помещичьей собственности на землю и передачи ее крестьянству — было сформулировано В. И. Лениным еще в его знаменитых «Апрельских тезисах», на основе которых была принята резолюция по аграрному вопросу Седьмой (Апрельской) всероссийской конференции РСДРП(б), а также в известном выступлении

крестьянского наказа, здесь имеется еще написанный В. И. Лениным конец четвертого пункта (он начинается со слов: «Все содержащееся»). См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 18. В связи с этим небезынтересно отметить, что газета «Деревенская правда» как раз и допустила ошибку такого рода. В напечатанном в этой газете *9* ноября 1917 г. отдельно от всего декрета «О земле» крестьянском наказе фактически, кроме текста самого наказа, имелся также и ленинский текст, который без какого бы то ни было выделения или оговорки был набран тем же шрифтом, что и текст крестьянского наказа (см.: «Деревенская правда», № 16, 9 ноября 1917 г.).

[18] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 118.

[19] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 318.

наказе» требования крестьян, В. И. Ленин пришел к выводу о необходимости использования этого важного документа при выработке революционного закона о земле в целях укрепления союза рабочего класса и трудящегося крестьянства и обеспечения успеха дела социалистической революции. Обращаясь к крестьянам, В. И. Ленин подчеркивал, что «только в тесном союзе с рабочими вы можете начать осуществлять на деле программу 242-х наказов».[22]

По свидетельству М. В. Фофановой,[23] которая по специальной просьбе В. И. Ленина достала ему 88-номер «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», В. И. Ленин, указывая на помещенный в этой статье текст «Примерного наказа», воскликнул: «Нет, вы только посмотрите, чего хотят мужики: конфискации всей помещичьей земли с живым и мертвым инвентарем без выкупа! А мы вот что сделаем: положим их наказ в основу декрета о земле и посмотрим тогда, как левые эсеры посмеют отказаться».[24] Впоследствии, уже после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, выступая 29 октября на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона, В. И. Ленин вновь подчеркнул, что «в земельном вопросе наша программа взята целиком из крестьянских наказов».[25]

Возглавляя деятельность ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного комитета по руководству подготовкой и проведением Октябрьского вооруженного восстания, В. И. Ленин одновременно с этим продолжал готовить проекты первых важнейших советских декретов, и в том числе проект декрета «О земле». По свидетельству В. П. Милютина, первого народного комиссара земледелия, В. И. Ленин занимался этим и в ночь на 25 октября. «В знаменитую ночь переворота с 24 на 25 октября, когда в первом этаже Смольного в небольшой комнатке составлялся список первого Совета Народных Комиссаров, в эту же ночь вырабатывался и первый основной декрет о земле, — пишет В. П. Милютин. . . — Первый проект декрета о земле был набросан мною и т. Лариным. Но окончательная формулировка и написание проекта декрета о земле принадлежит т. Ленину. Мы были лишены возможности долгого обсуждения, маленькая комната, стол, несколько стульев, входили и

и был помещен в номерах 88 и 89 этой газеты. В номере 88 были опубликованы I—III разделы наказа (I. Общие политические положения. II. О земле. III. Меры переходного времени), в номере 89 — IV—VIII разделы (IV. О земстве. V. Земельные комитеты. VI. Экономические мероприятия. VII. Продовольственное дело. VIII. О войне) (см.: «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», №№ 88 и 89, 19 и 20 августа 1917 г.

[22] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 116.

[23] На квартире старого члена большевистской партии М. В. Фофановой (Выборгская сторона, Сердобольская ул., д. 1/92) В. И. Ленин поселился, нелегально возвратившись в Петроград из Выборга (см.: Владимир Ильич Ленин. Биография, издание второе. М., 1963, стр. 362 и далее; М. В. Фофанова, ук. соч., стр. 144).

[24] М. В. Фофанова, ук. соч., стр. 145. См. об этом также: Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 316. Представляется небезынтересным то обстоятельство, что оказались выделенными (их текст набран иным шрифтом) в опубликованном в «Известиях» тексте именно те положения крестьянского наказа, которыми, по словам М. В. Фофановой, В. И. Ленин был особенно доволен. Между тем текст крестьянского наказа, помещенный в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов», напечатан одним шрифтом, без каких-либо выделений. Следовательно, при подготовке проекта декрета «О земле» В. И. Ленин, по-видимому, как-то подчеркнул ту часть текста §§ 1 и *3* крестьянского наказа, которая впоследствии была напечатана в «Известиях» иным шрифтом (ср.: «Известия, № 209, 28 октября 1917; Декреты Советской власти, т. I, стр. 18 и «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», № 88, 19 августа 1917; М. В. Фофанова, ук. соч., стр. 145).

[25] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 36.

уходили товарищи, сообщавшие о ходе событий — вот обстановка, такая отличная от настоящей».[26] И в дальнейшем, оставаясь в Смольном вплоть до получения ночью 26 октября известия о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства, В. И. Ленин не переставал обдумывать текст декрета «О земле». Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Н. И. Подвойский, который, прибыв в Смольный для сообщения об окончательной победе восстания, застал В. И. Ленина за подготовкой первых декретов новой, рабоче-крестьянской власти — о мире, о земле, о создании Совета Народных комиссаров.[27] Лишь когда не осталось уже никаких сомнений в одержанной победе, В. И. Ленин ушел из Смольного на несколько часов к Бонч-Бруевичам, квартира которых находилась поблизости — на Херсонской улице. Именно здесь, глубокой ночью, В. И. Ленин закончил написание проекта декрета «О земле».[28]

Думается, можно с уверенностью утверждать, что при написании рукописи проекта декрета «О земле» В. И. Ленин не стал переписывать включенный им в состав 4-го пункта декрета текст II раздела «Примерного наказа», напечатанный в 88-м номере газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов». Необходимость включения крестьянского наказа в качестве неотъемлемой части в 4-й пункт декрета со всей очевидностью вытекала из ленинской формулировки этого пункта: «4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией „Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов" и опубликованный в номере 88 этих „Известий" (Петроград, номер 88, 19 августа 1917)».[29] Включением в приведенный выше текст слова «следующий» В. И. Ленин совершенно недвусмысленно указал, что напечатанный в газете текст крестьянского наказа должен следовать именно за данным рукописным текстом.[30] Впоследствии, докладывая на II съезде Советов проект декрета «О земле», В. И. Ленин счел необходимым подчеркнуть, что крестьянский наказ помещен в качестве неотъемлемой части «в одном из пунктов (разрядка наша — *М. И.)* этого декрета». Это подтверждается свидетельством М. В. Фофановой, которая пишет в своих воспоминаниях, что для доклада на II Всероссийском съезде Советов проекта декрета «О земле» В. И. Ленину, помимо его рукописи проекта, понадобился также и известный нам уже номер газеты, по которой и был зачитан текст II раздела «Примерного наказа».[31]

Очевидно, таким образом, что текст проекта декрета «О земле» не содержался весь в одном рукописном документе, а состоял из ленинского автографа

[26] В. П. Милютин. Первые шаги, стр. 29. См. также: М. В. Фофанова, ук. соч., стр. 147.

[27] Н. И. Подвойский. Ленин в 1917 году, стр. 158; См. также: Летопись Великого Октября, стр. 290.

[28] Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 317—318; В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 118; М. В. Фофанова, ук. соч., стр. 147; Владимир Ильич Ленин. Биография, стр. 371; Летопись Великого Октября, стр. 292.

[29] Декреты Советской власти, т. I, стр. 17—18.

[30] Именно поэтому, по-видимому, редакция «Правды» сочла необходимым при публикации текста декрета «О земле» поместить в 4-м его пункте после слов «следующий крестьянский наказ» специальное, набранное иным шрифтом примечание — «(печатаемый ниже. Ред.)» (см.: «Правда», № 171, 28 октября 1917 г.).

[31] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 24. Как свидетельствует М. В. Фофанова, газета была передана В. И. Ленину в момент, когда он уже докладывал съезду проект декрета (М. В. Фофанова, ук. соч., стр. 147). Этот факт нашел также свое отражение в воспоминаниях Н. Н. Суханова, отметившего, что во время чтения В. И. Лениным проекта декрета «О земле» кто-то из толпы, окружавшей трибуну, пришел к нему на помощь (Н. Н. Суханов. Записки о революции. Книга седьмая, стр. 253—254).

и текста столь памятного для М. В. Фофановой 88-го номера газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов»,[32] с имевшимися на нем в разных местах синими карандашными пометками В. И. Ленина. Уже это обстоятельство дает определенное основание для предположения о том, что при изготовлении с текста проекта декрета «О земле» после принятия его II Всероссийским съездом Советов копий для печати, телеграфа и радио содержавшийся в указанной газете текст крестьянского наказа ошибочно мог быть помещен после различных абзацев ленинского автографа.

Имеются, однако, дополнительные сведения, которые позволяют, на наш взгляд, попытаться восстановить дальнейшую историю создания текста декрета «О земле».

Днем 26 октября, накануне заседания II Всероссийского съезда Советов, под председательством В. И. Ленина происходило совещание ЦК РСДРП(б), на котором после отказа представителей левых эсеров от участия в правительстве было решено составить первое Рабочее и Крестьянское правительство из одних большевиков и одновременно был окончательно подготовлен список кандидатов на посты народных комиссаров.[33] В предисловии к т. XV первого издания собрания сочинений В. И. Ленина, вышедшему в свет в 1925 г., указывается, что тогда же в течение дня 26 октября В. И. Ленин предложил Центральному Комитету большевистской партии написанные им проекты декретов о мире и о земле.[34] Достоверность этого сообщения очевидна. Действительно, трудно предположить, что В. И. Ленин не ознакомил с текстами первых важнейших советских декретов Центральный Комитет РСДРП(б), который, как известно, и поручил ему написать тезисы по вопросам о войне, о земле и об организации власти. Вполне вероятным представляется и то, что ряд представителей большевистской фракции II съезда Советов принял участие в этом заседании ЦК РСДРП(б)[35] и, следовательно, в обсуждении проекта декрета «О земле». О состоявшемся днем 26 октября выступлении В. И. Ленина с проектом декрета «О земле» на заседании большевистской фракции II съезда Советов и о развернувшихся после доклада В. И. Ленина оживленных прениях прямо свидетельствуют впервые опубликованные в составе недавно вышедшего в свет сборника «О Владимире Ильиче Ленине» воспоминания, автором которых является Д. М. Соловей.[36] Это подтверждается и сохранившимися в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС воспоминаниями И. Х. Бодякшина «Из недавнего прошлого».[37] В этих воспоминаниях вместе

[32] См.: Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 316.

[33] Владимир Ильич Ленин. Биография, стр. 372; Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 319.

[34] В. Ленин (В. Ульянов), Собр. соч., т. XV, М., 1925, стр. 5.

[35] Активная деятельность фракции большевистской партии в дни подготовки и проведения Второго съезда Советов и, в частности, 26 октября отмечена как в сборнике материалов «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», так и в содержащей более или менее подробный отчет о работе съезда книге «10 дней, которые потрясли мир» Д. Рида, который свидетельствует, что представители большевистской фракции и члены Центрального комитета партии большевиков 26 октября совместно обсуждали стоявшие в повестке дня работы съезда вопросы (см.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. LIV, 163; Джон Рид, ук. соч., стр. 114—115; см. об этом также: «Воля народа», № 156, 28 октября 1917).

[36] Д. М. Соловей. «Выясните, как на местах относятся к лозунгам большевиков». В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963, стр. 270.

[37] И. Х. Бодякшин. «Из недавнего прошлого». ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 552. Воспоминания являются автографом И. Х. Бодякшина, написаны карандашом и чернилами на 15 полулистах в восьмерку (по общей нумерации листов дела это лл. 3—17). В сопроводительном письме от 23 сентября 1922 г. Бодякшин обратился к зав. агитпропом ЦК РКП(б) А. С. Бубнову с просьбой напечатать воспоминания в каком-либо издании. Бубнов направил

с тем приводятся сведения, имеющие немаловажное значение для решения интересующего нас вопроса. Подробно рассказывая о том, как во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде начал и осуществлял свою работу II Всероссийский съезд Советов, И. Х. Бодякшин описывает также и заседание большевистской фракции съезда, на котором обсуждался ленинский проект декрета «О земле» вместе с заключенным в него в качестве неотъемлемой его части II разделом крестьянского наказа. «Я вношу три поправки, — пишет далее Бодякшин, — а) вставить слово „рядовых крестьян", где говорилось „земля крестьян и казаков не конфискуется и не отбирается"; б) выбросить пункт, где говорится о том, что дезертиров лишать земли и в) выбросить пункт об отдаче под суд за растаскивание имущества помещиков крестьян[ами]. . . Владимир Ильич против моих поправок не возражал. Поправки мои приняты». Затем И. Х. Бодякшин рассказывает о своем выступлении на пленуме съезда «против слова дезертиры в наказе», отметив при этом, что вокруг его предложения развернулась полемика, в результате которой было решено вопрос о дезертирах передать для окончательного решения президиуму съезда.[38]

Прежде чем рассматривать приводимые в воспоминаниях И. Х. Бодякшина сведения, предварительно выясним, насколько достоверен этот источник в целом. Сначала о личности автора воспоминаний. Сообщаемые им о себе сведения [39] подтверждаются как печатными,[40] так и архивными материалами.[41] Подтверждаются другими источниками и описываемый И. Х. Бодякшиным факт его выступления на втором пленарном заседании II Всероссийского съезда Советов [42] и приводимые им сведения о последовавших затем выступ-

рукопись Лепешинскому, но последний не счел ее готовой для печати (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. *3,* д. 552, л. 2).

[38] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. *3,* д. 552, лл. 8(10)—9(11).

[39] В предшествовавшие Октябрьской революции дни Иван Харитонович Бодякшин, член партии большевиков, служил младшим офицером 9-й роты 70-го пехотного полка в г. Ржеве (Тверского уезда Московской области), где одновременно был членом горсовета и его исполнительного комитета. И. Х. Бодякшин и Ш. С. Иоффе (тоже большевик) являлись двумя делегатами, направленными от г. Ржева на II Всероссийский съезд Советов. И. Х. Бодякшин активно участвовал в подготовке и работе съезда и в деятельности его большевистской фракции. Впоследствии И. Х. Бодякшин был на партийной и советской работе, участвовал (в качестве гостя) в работе III Всероссийского съезда Советов, был делегатом V, VII и VIII всероссийских съездов Советов (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. *3,* д. 552, лл. 1(3)—15(17)).

[40] См.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 116, 122 (список делегатов II съезда); Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Анкеты большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов, № 274, стр. 334—335.

[41] См.: ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. 22, л. 6; д. 25, л. 19; д. 26, лл. 7, 29 об., 41; д. 27, лл. 2, 9; д. 28, лл. 10, 19.

[42] В помещенном в сборнике «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.» сводном отчете об этом заседания съезда указывается, что после проведения голосования и принятия проекта декрета о земле съезд перешел к рассмотрению и обсуждению поправок по принятому закону. «Прапорщик с места (его фамилия, как и фамилии многих других выступавших на съезде, что было специально оговорено редакцией сборника, осталась невыясненной, — *М. И.)* предлагает вычеркнуть из принятого закона пункт о дезертирах, — говорится в сводном отчете, — так как таких в русской армии не было, а были лишь солдаты, которые в силу обстоятельств должны были покидать фронт для обработки полей. Дезертирами оратор считает тех, кто отказался от воинской повинности, монахов, попов и др.» (см.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 77). Это же выступление подробно описывается Джоном Ридом: «На трибуну поднялся изможденный, оборван-

Аении другого делегата съезда — противника предложения Бодякшина и заявлении от президиума съезда о необходимости специального рассмотрения вопроса о дезертирах.[43] Достоверность воспоминаний И. Х. Бодякшина, таким образом, несомненна.

В данных воспоминаниях И. Х. Бодякшин рассказывает, собственно, о двух своих выступлениях — на заседании большевистской фракции и на пленуме II съезда Советов.[44] Как мы уже убедились выше, приведенные Бодякшиным сведения о последнем из этих выступлений полностью подтверждаются данными других источников. При несомненной достоверности воспоминаний в целом можно, как нам представляется, полагать о достоверности и той части их текста, в которой автор рассказывает о внесении им на заседании большевистской фракции съезда трех поправок к ленинскому проекту декрета «О земле».[45]

Теперь следует, по-видимому, более обстоятельно рассмотреть сведения, сообщаемые Бодякшиным о каждой из предложенных им поправок и одновременно несколько уточнить уже высказанные нами замечания в отношении этих поправок.[46] Прежде всего необходимо отметить две ошибки, имеющиеся в интересующей нас части воспоминаний. Первая из них состоит в неточном изложении того текста декрета, к которому была сделана поправка «б». По словам Бодякшина, он предложил «выбросить пункт, где говорится о том, что дезертиров лишать земли». Между тем отсутствие такого пункта в тексте крестьянского наказа совершенно очевидно. Трудно также предположить, что подобный специальный пункт имелся в тексте, написанном В. И. Лениным. Поэтому вероятнее всего и на заседании большевистской фракции съезда, и на его пленарном заседании И. Х. Бодякшин выступал против одного из положений статьи 8-й крестьянского наказа, в тексте которого дезертиры были приравнены к «порочным членам общины».[47]

Вторая ошибка, допущенная Бодякшиным, заключалась в указании о при-

ный, красноречивый солдат. Он протестовал против той статьи наказа, в которой говорится, что дезертиры лишаются земельного надела. . . Солдат сидел в окопах голый и босый. Кто заставил его дезертировать? Правительство Керенского, которое вы свергли! Под конец ему даже аплодировали» (Джон Рид, ук. соч., стр. 125).

[43] См.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 78; Джон Рид, ук. соч., стр. 125.

[44] Напечатанный в сборнике «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.» текст Джона Рида *о* выступлении И. Х. Бодякшина на съезде, воспроизведенный, по-видимому, по рукописи третьего издания его книги (См.: Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. Перевод с английского А. И. Ромма. Историческая редакция и подбор документов и материалов В. Л. Меллера. М.—Л., 1930, стр. 5, 147—148), имеет некоторые разночтения с текстом книги Д. Рида, изданной в 1959 г. Для нас, в частности, особенно интересным является иная редакция первой фразы указанного текста, которая выглядит следующим образом: «Снова (разрядка наша, — *М. И.)* поднялся на трибуну изможденный, оборванный и красноречивый солдат» (Цит. по кн.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 77). Невольно напрашивается мысль о том, что в данном случае Джон Рид слышал запомнившегося ему «красноречивого солдата» не впервые и, возможно, был свидетелем выступления Бодякшина при обсуждении предложенного В. И. Лениным проекта декрета «О земле» в большевистской фракции съезда.

[45] Достоверность воспоминаний И. Х. Бодякшина подтверждается также и тем, что они были написаны и присланы в Москву для опубликования в 1922 г., т. е. еще при жизни В. И. Ленина.

[46] См.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, стр. 99.

[47] Отмеченное выше положение статьи 8-й крестьянского наказа предусматривало, в случае отсутствия достаточного наличного земельного фонда для

нятии на заседании большевистской фракции всех его трех поправок к проекту декрета «О земле».[48] В действительности же судьба этих поправок оказалась различной. Одна из поправок Бодякшина («б») относилась, как мы уже видели, к крестьянскому наказу, в текст которого (так как он был включен В. И. Лениным в декрет «О земле» в том виде, в каком он был ранее напечатан в газете), естественно, не могли быть уже внесены изменения. Именно необходимость сохранить крестьянский наказ в его неизменном виде имел в виду В. И. Ленин, специально подчеркнувший после чтения проекта декрета: «Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте».[49] Не могла быть принята и другая поправка Бодякшина («в») — об устранении ответственности перед революционным судом и местными Советами за какую бы то ни было порчу конфискуемого помещичьего имущества, так как именно решительные и строгие революционные меры, о которых говорилось в пункте 3-м ленинского проекта, должны были в значительной степени способствовать успешному осуществлению основных положений крестьянского наказа и всего декрета.

Первая же поправка И. Х. Бодякшина («а» — вставка слова «рядовых»), по-видимому, была учтена В. И. Лениным при окончательном редактировании текста проекта декрета «О земле». Внесение данной поправки в текст проекта декрета и послужило, вероятно, причиной того, что при изготовлении после принятия декрета II съездом Советов копий для печати, телеграфа и радио именно этот текст, во-первых, оказался, в трех различных редакциях,[50] а во-вторых, того, что именно по отношению к этому тексту крестьянский наказ в разных случаях был помещен на различных местах.[51]

Окончательное решение рассматривавшегося в настоящем очерке вопроса — дело будущих исследований. В любом случае, однако, приведенные некоторые новые сведения будут, как нам представляется, способствовать дальнейшему успешному изучению истории создания и опубликования ленинского декрета «О земле».

удовлетворения всего местного населения, Переселение избыточной его части и устанавливало следующий порядок переселения: «Желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 26).

[48] Указание это вступает, в частности, в явное противоречие с другими сообщаемыми Бодякшиным сведениями — если все предложенные им поправки были приняты на заседании фракции съезда, то зачем же потребовалось вновь выступать на его пленарном заседании?

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 27.

[50] См. стр. 278 настоящей работы.

[51] См. стр. 279—280 настоящей работы.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ)

Фонды: В. И. Ленин (ф.2); Центральный комитет РСДРП(б) (ф. 17); Совет Народных Комиссаров (ф. 19); Московское областное бюро РСДРП(б) (ф. 60); Истпарт ЦК РКП(б) (ф. 70); Основной фонд (ф. 461).

НАУЧНО-СПРАВОЧНЫЙ КАБИНЕТ СЕКТОРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА ИМЛ ПРИ ЦК КПСС

Фонд воспоминаний о В. И. Ленине.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ ОБКОМЕ КПСС (ЛПА)

Фонды: Петроградский комитет РСДРП(б) (ф.1); Воспоминания отдельных лиц (ф. 4000).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СССР (ЦГАОР)

Фонды: Совет Народных Комиссаров РСФСР (ф. 130); Следственная комиссия Революционного трибунала при Петроградском Совете (ф. 336); Народный комиссариат юстиции (ф. 353); Народный комиссариат труда (ф. 382); Народный комиссариат внутренних дел (ф. 393); Центральный совет фабрично-заводских комитетов (ф. 472); Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (ф. 1'235); Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (ф. 1236); Народный комиссариат по делам национальностей (ф. 1318); Народный комиссариат просвещения (ф. 2306).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР (ЦГАНХ)

Фонды: Народный комиссариат земледелия (ф. 478); Народный комиссариат путей сообщения (ф. 1884); Народный комиссариат продовольствия (ф. 1943); Народный комиссариат финансов (ф. 2281); Высший совет народного хозяйства (ф. 3429); Народный комиссариат почт и телеграфов (ф. 3527).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (ЦГАВМФ)

Фонды: Народный комиссариат по морским делам (ф. 5); Военно-морской революционный комитет (ф. 22).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАОРСС ЛО)

Фонды: Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района Петрограда (ф. 148); Петроградский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (ф. 1000); Исполнительный комитет Петроградского губернского Совета крестьянских депутатов (ф. 1950); Петроградская городская общественная управа (ф. 3217); Петроградский комитет Всероссийского профессионального союза рабочих-металлистов (ф. 4591); Петроградский комитет Всероссийского профессионального союза рабочих текстильной промышленности (ф. 6255); Петроградский губернский совет профессиональных союзов (ф. 6276); Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (ф. 7384).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ГИАЛО)

Фонд Воспитательного общества благородных девиц и Александровского института (ф. 2).

ОТДЕЛ РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР (ОРФ)

Фонды: Н. М. Потапова, Ю. С. Шпунта.

РУКОПИСНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ им, М, Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г., 1957.25.I, 1957.25.II и 1957.25.III.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Смольный в 1917 г. Фото. ГАОРСС ЛО *(стр. 45).*

В. И. Ленин. Январь 1918 г. Петроград. Фото. *(стр. 48—49).*

В. Д. Бонч-Бруевич. Фото. ГАОРСС ЛО (стр. *62—63*).

Красногвардейцы на посту у входа в кабинет В. И. Ленина в Смольном. 1917 г. Фото. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (*стр. 64).*

Н. П. Горбунов. Фото. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (стр. *70—71*).

В. И. Ленин в группе сотрудников аппарата Совета Народных Комиссаров. 1918 г. Фото. ЦПА ИМЛ (стр. *76—77*).

Проект правил о подготовке заседаний Совнаркома. Автограф В. И. Ленина. Не позднее 16 декабря 1917 г. Фото. ЦПА ИМЛ (*стр. 99).*

В. И. Ленин на заседании Совета Народных Комиссаров в Смольном. Январь—февраль 1918 г. Петроград. Слева направо: И. *З.* Штейнберг, И. И. Скворцов-Степанов, Б. Д. Камков, В. Д. Бонч-Бруевич, В. Е. Трутовский, А. Г. Шляпников, П. П. Прошьян, В. И. Ленин, И. В. Сталин, А. М. Коллонтай, П. Е. Дыбенко, Е. К. Кокшарова, Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов, В. И. Невский (?), А. В. Шотман, Г. В. Чичерин. Фото. ЦПА ИМЛ (*стр. 100—101*).

Повестка дня заседания Совета Народных Комиссаров 20 ноября 1917 г. Подлинник с пометками В. И. Ленина. Фото. ЦПА ИМЛ (*стр.* 703).

Ответ Председателя Совета Народных Комиссаров на запросы крестьян о переходе власти к Советам и о задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов. Автограф В. И. Ленина, первый лист. 5 ноября 1917 г. Фото. ЦПА ИМЛ (стр. 725).

Декрет о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа. Проект с правкой В. И. Ленина. Не позднее 6 декабря 1917 г. Фото. ЦПА ИМЛ (стр. 737).

Первая страница «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» (№ 1, 28 октября 1917 г.). Фото. БАН СССР (*стр. 143).*

Здания Министерств иностранных дел (Дворцовая площадь, 6) и финансов (набережная р. Мойки, *43—47*). Фото. ГАОРСС ЛО (стр. 753).

Здание Министерства продовольствия (Аничков дворец). Фото. ГАОРСС ЛО (стр. 763).

Здание Министерства народного просвещения (Чернышева площадь). Фото. ГАОРСС ЛО (стр. 765).

Здание Министерства труда (Мраморный дворец). Фото. ГАОРСС ЛО (стр. 783).

Цирк «Модерн» — место большевистских митингов в 1917 г. в Петрограде. Рисунок худ. А. Ю. Смукрович. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (стр. *188).*

Постановление об увольнении товарища министра финансов В. В. Кузьминского. Подлинник. 11 ноября 1917 г. Фото. ЦПА ИМЛ *(стр. 197).*

Приказ по Министерству почт и телеграфов о порядке решения дел народным комиссаром и коллегией и об упразднении Комиссии служащих. Подлинник. 12 ноября 1917 г. Фото. ЦПА ИМЛ *(стр. 199).*

Г. И. Петровский. Фото. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции. (стр. *202—203*).

Комитет РСДРП(б) Рождественского района Петрограда в 1917 г. 1-й ряд: Е. М. Соловей, В. Н. Мещеряков, М. Н. Скрыпник, В. Д. Бонч-Бруевич; 2-й ряд: Флаксман, Н. А. Скрыпник, А. Е. Аксельрод, Д. М. Соловей. Фото. Музей революции СССР *(стр. 208).*

Записка А. Г. Шлихтеру с предложением немедленно выехать и взять на себя руководство Министерством земледелия. Автограф В. И. Ленина с пометкой А. Г. Шлихтера. Первая половина ноября 1917 г. Фото. Музей революции СССР *(стр. 211).*

А. М. Коллонтай. Фото. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (*стр. 236—237*).

П. И. Стучка. Фото. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (стр. *256—257*).

А. В. Луначарский. Фото. Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции *(стр. 258—259).*

Декрет «О земле», напечатанный 28 октября 1917 г. в «Известиях». Фото. БАН СССР *(стр. 279).*

Декрет «О земле», напечатанный 28 октября 1917 г. в «Правде». Фото. БАН СССР *(стр. 280).*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Абаза 256.
Абрамов 225.
Аванесов В. А. 137, 260.
Авдеев Ю. И. 15.
Авилов-Глебов Н. П. 34, 49, 156, 173, 181, 182, 186, 191, 200, 212.
Авраамов 224.
Агранов Я. Ш. 77, 92, 93.
Адамович Е. Н. 207, 210, 224, 242.
Акимов А. 69.
Аксель Я. 265.
Аксельрод А. Е. 173, 191, 207, 208, 211, 246.
Аксельрод Т. Л. 84, 93, 106, 122.
Алгасов В. А. 56, 257.
Алекса-Ангаретис З. И. 207, 260.
Александров П. П. 80, 87.
Алексеев М. Е. 76, 86, 91—93.
Алексеев Н. Н. 265.
Амосов П. Н. 210, 226, 228.
Ананичев П. 225.
Анисимова П. И. 276.
Анисимова-Слесарева А. Г. 220.
Анкудинова Л. Е. 226.
Антипов Н. К. 207, 226.
Антонов 222.
Антонов 228.
Антонов-Овсеенко В. А. 34, 49, 50, 58, 144, 173.
Апевалов А. И. 114.
Арданский А. И. 235, 236.
Арский Р. (Радзишевский А. Т.) 207, 221.
Артеменко А. Е. 230, 232, 237, 238.
Ахапкин Ю. А. 15, 20, 96, 114, 127, 138.
Ацаркин А. И. 220.

Бадаев А. Е. 154.
Байков М. 241.
Бакаев И. 181.
Бакрылов 224.
Баринов А. С. 14, 15, 19, 20.
Барсуков М. И. 12,162, 210, 230—232, 237.
Беленькая Б. Я. 77, 81, 92, 93.
Белецкая А. 220.
Белостоцкий С. И. 80.
Беляков 225.
Берзин (Винтер) Я. А. 176, 177, 207, 256, 264.
Бобинский С. Я. 234.
Бобчинский 227.
Боголепов Д. П. 33, 34, 54, 105, 106, 122, 136, 162, 168, 207, 208, 210, 211, 246, 247.
Бодякшин И. Х. 283—286.
Болтрукевич А. М. 69, 71, 87, 93.
Болтрукевич Б. 69.
Бондарев 225.
Бондаревская Т. П. 35.
Бонч-Бруевич В. Д. 4, 27, 33, 34, 43, 50, 62, 63, 66, 67, 69—73, 76, 79, 87, 88, 90—93, 95, 96, 98, 136, 139, 140, 172—174, 177, 178, 180, 193—195, 197, 198, 200, 207—211, 214, 215, 217, 221, 223, 225, 226, 228, 230, 231, 233, 235, 236, 239, 246, 248, 250, 253, 257, 258, 262, 266—269.
Бортновский 260.
Брайянт Л. 35, 250.
Бронский (Варшавский) М. Г. 227, 229.
Бубнов А. С. 8, 54, 151, 158, 212, 219, 225, 283.
Бутенко А. Ф. 276.
Бухарцев П. В. 58.
Бухбиндер Н. А. 220, 224, 242.
Быков Г. Д. 35.

Валк С. Н. 109, 114, 133, 144, 276.
Вальцев 202.
Ванаг П. 74.
Варгин Н. Ф. 223

[1] Указатель составлен З. Н. Савельевой.

Варжо И. И. 125, 273, 276, 277.
Варшавский, см. Бронский М. Г.
Васильев А. В. 78.
Васильев М. 69, 92.
Васильев М. И. 244, 263.
Васильевский В. Н. 173.
Вахитов М. 260.
Вахрамеев И. И. 181, 213, 241.
Вегер И. С. 221, 230—232.
Вейнберг Г. Д. 216, 222.
Великанова А. Я. 35.
Величкина (Бонч-Бруевич) В. М. 207, 224, 232.
Венедиктов А. В. 245.
Вербицкий К. Б. 184, 216.
Вердеревский Д. Н. 200.
Веретенников Н. 214.
Верещагин С. С. 225.
Вечеслов М. Г. 232.
Виленсон Э. В. 69, 71, 87, 93.
Вильяме А. Р. 35, 78, 166, 223.
Виноградов В. Д. 236, 261.
Виноградов 225.
Виноградов Н. Д. 259.
Винокуров А. Н. 51, 123, 210, 221, 230—232, 237, 262.
Волков 200.
Вомпе П. 49, 158.
Воровский В. В. 176, 179, 255, 256.
Воронецкая А. А. 12.
Воронцов Е. 69.
Воронцова Н. Н. 87.
Воскресенский А. Н. 254.
Выгодский С. Ю. 16, 19, 223.

Гаврилов И. 225.
Гаврилов М. Г. 159.
Галкин А. В. 225.
Галкин В. 224, 242.
Ганелин Р. Ш. 177.
Ганецкий Я. С. 33, 175, 176.
Генгут Б. С. 75.
Генкина Э. Б. 34.
Герр Е. М. 75.
Гершберг С. В. 16, 226, 244, 262.
Гимпельсон Е. Г. 13, 15, 19, 108.
Гиндин А. М. 16, 86, 87, 154, 180, 195. 208, 211, 266.
Гирс В. К. 241.
Гитина С. М. 63.
Глебов Н. П., см. Авилов—Глебов Н. П.
Глотов С. В. 81. 93.
Голиков Г. Н. 13. 271.
Голинков Д. Л. 215.
Голицына В. В. 70.
Головинский М. В. 232, 237.
Гольцман 256.
Гонасси Э. А. 264,
Горбачев К. 223.
Горбунов Н. П. 26, 27, 33, 56, 62, 63, 65—67, 69—72, 77, 79, 84, 86, 89—92, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 105, 125, 138—140, 142, 146, 147, 177, 178, 203, 231.
Горлова Н. Н. 67, 69, 77.
Городецкий Е. Н. 11, 13—18, 20, 21, 30, 43, 49, 50, 55, 61, 69, 77, 91, 95, 97, 108, 156, 179, 181, 191, 201, 213, 260.
Гринберг З. 224.
Грудский С. Д. 69, 86.
Гулькевич К. Н. 256.
Гуревич С. С. 14, 20.
Гусев К. В. 17, 57, 59.

Давидович 228.
Двойрис З. 17.
Демьянов А. А. 35, 159, 202.
Денисов Н. 144. 145.
Дзержинский Ф. Э. 17, 54, 59 68, 89, 151, 212, 214, 215.
Дижбит А. М. 225.
Диманштейн С. 220, 260.
Дмитриев Н. 48.
Дмитриев П. Д. 69, 72.
Дмитриевский А. М. 264.
Добров П. И. 240.
Дождиков Н. Р. 45, 83, 93, 145, 146, 275.
Долженко 233.
Доливо-Добровольский А. И. 247.
Драбат С. В. 159, 169, 198, 248, 266, 269.
Драбкина Е. Я. 223.
Дрезен А. 240.
Дроздов В. Г. 225.
Дубровина И. В. 14.
Дуков И. И. 80.
Дурденевский В. Н. 8.
Дутов А. И. 101.
Духвинский В. В. 81.
Духвинский (Осипов) И. В. 69, 75, 78, 81, 82.
Духонин Н. Н. 50, 118, 145.
Дыбенко П. Е. 49, 50, 59, 104, 137, 184, 200, 213, 239, 240.

Евдокимов В. П. 240.
Евстафьев 66.
Евтихиев А. Ф. 257.
Егоров 225.
Егоров И. Г. 207, 211, 238, 242, 262.
Екимова В. 68.
Елизаров М. Т. 50, 54, 59, 98, 203, 211, 225.
Елизарова (Ульянова) А. И. 33, 34, 96, 127, 174, 175,

Елистратов 223.
Емельянов 234.
Енукидзе А. С. 8.
Еремеев И. Ф. 65.
Ерофеев Б. В. 276.
Ершов С. А. 203.

Жарновецкий К. С. 207, 242.
Желтышев С. П. 69, 76, 87, 88.
Животов М. Н. 210, 226.
Жиделев Н. А. 225.
Жилунович Д. 260.
Жолнерович И. Ф. 154.
Жужжалов А. 76.
Журнасеков 225.

Загоскина И. В. 15, 20, 96, 114, 127, 138.
Зайцев В. М. 225.
Закс Г. Д. 243, 258.
Залежский В. Н. 182, 207, 210, 211, 244.
Залкинд И. А. 33, 152, 166, 167, 176, 177, 190, 197, 207, 222, 223, 247, 249, 250, 253, 254, 256, 257, 269.
Залуцкий П. А. 203.
Заузолков Ф. 35.
Зевин В. Я. 25.
Зеликман М. Я. 173, 194.
Зиновьев Г. Е. 51.
Зорин Д. Ф. 219, 225.

Иванов А. В. 216.
Иванов М. В. 200, 239, 240, 247.
Игнатьев 200.
Ильин 130, 214.
Ильин-Женевский А. Ф. 69, 72, 239.
Иоффе А. А. 60, 256.
Иоффе Ш. С. 284.
Иткин А. Ю. 67.
Иткина А. М. 236.

Кадлубовский К. Я. 181, 207, 212, 220.
Казанцев Н. Д. 276.
Кайминь Я. 74.
Каледин А. М. 50.
Калинин Г. С. 13—15, 20.
Калинин М. И. 17, 207, 211.
Калинин Ф. И. 223, 224.
Каменев Л. Б. 51, 54, 112, 256.
Канин В. А. 241.
Канторович Б. 152, 222, 223, 254, 257.
Капильцев 225.
Капнист А. П. 200.
Карабчевский Н. П. 35, 164.
Карева М. П. 9, 10, 193.
Карелин В. А. 48, 55, 137.
Карлсон К. И. 142.
Кауфман 259.
Кедров М. С. 175, 212, 238, 239.
Керенский А. Ф. 51, 166. 168, 171, 193, 216.
Кизас А. П. 67, 69, 71, 77, 92, 93.
Ким М. П. 21.
Киселев А. С. 227.
Клеандрова В. М. 15.
Клепецкий 225.
Климов А. 79.
Клопов Э. В. 15, 20, 28, 43, 58, 65, 66, 76, 95, 98, 100, 114, 118, 121.
Кляцкин С. М. 16, 30, 50, 191, 239, 261.
Князев С. П. 35.
Кодацкий И. Ф. 207, 221.
Козловский М. Ю. 212, 219, 257, 258.
Козьмин П. А. 54, 154, 210, 211.
Кокшарова Е. К. 27, 33, 35, 56, 64, 72, 73, 75, 76, 78, 82, 87—90, 92, 93, 96, 101, 121, 174, 175.
Колегаев А. Л. 55, 58, 265.
Коллонтай А. М. 27. 33—35, 50, 55, 59. 61, 63, 65, 79, 98, 100, 154, 156, 162, 164, 187, 193, 200, 207, 210, 219, 236-238, 246, 262.
Колубовский Я. Н. 200.
Кондратьев А. М. 215.
Кондратьев Н. Д. 203.
Константинов А. П. 17, 35.
Коняев А. И. 236, 261.
Копанев Г. И. 35.
Коровин 241.
Королев А. И, 274.
Королев И. Д. 232, 237.
Коросташевский И. Е. 144.
Коротков Б. Л. 78, 80, 81, 88, 93.
Косиор С. В. 61.
Костин Л. 265.
Косюра Н. Г. 69.
Котельников К. Г. 48.
Котлов А. Н. 264.
Крамаров Г. М. 137.
Красиков П. А. 34, 140, 212, 219, 220, 257, 258.
Красникова А. В. 207, 211, 223, 238, 267.
Краснов П. Н. 51. 166, 193, 216.
Кржижановский 242.
Крицман Л. 8.
Кроник Л. Е. 244.
Крупская Н. К. 20. 22 33. 34, 43, 47. 48. 88, 117. 157. 162. 164. 172. 174. 207, 710. 211. 219, 224, 246. 258. 278. 281—283.
Крыленко Н. В (Брам А.) 34. 49. 50, 73, 123. 173.
Ксенофонтов И. К. 214.

Кузьмин Н. Н. 242.
Кузьминский В. В. 196.
Кукель С. А. 200.
Кулагин 174.
Кун Бела 223.
Курский Д. И. 257, 258.
Куглер Н. И. 78.
Кучкин А. 17.

Лавров Р. А. 35.
Лазарев А. В. 118.
Лазимир П. Е. 212.
Лазуркина Д. А. 178, 207, 210, 224.
Лапинский Н. М. 137.
Лапицкий А. Г. 203.
Ларин Ю. (Лурье М. А.) 8, 33, 45, 52, 63, 95, 96, 108, 109, 111, 138, 221, 226, 228, 261, 281.
Лацис (Судрабс) М. Я. 33, 34, 156, 159, 164, 169, 194, 207, 210, 212, 219, 224, 225, 263—265.
Лебедев Н. 248.
Лебедев-Полянский П. И. 191, 211, 219, 223, 224, 258.
Лебедева 246.
Лебит П. Г. 189, 225.
Легран Б. В. 212, 238.
Лемке М. К. 152, 159, 169, 247.
Ленин (Ульянов) В. И. 3—5, 7, 9, 13, 14, 16—18, 20—28, 32—35, 41—43, 45—47, 69, 71—75, 77—83, 86—90, 92—109, 111—114, 116—136, 138, 139, 142, 144, 145, 147, 154, 155, 157, 159, 160, 164, 172, 174—178, 187, 188,190, 193—195, 197, 198, 200, 207—211, 214, 215, 217, 221, 223, 225, 226, 228, 230, 231, 233, 235, 236, 239, 246, 248, 250, 253, 257, 258, 262, 266—273, 275—278, 280—286.
Лепарк 225.
Лепешинский П. Н. 224, 284.
Лепсе И. И. 216.
Лещенко Д. И. 224. 242, 258.
Лещинский Ю. М. 54, 210, 233, 234.
Лившиц С. М. 77.
Литвин А. И. 206.
Литвинов М. М. 255, 256.
Логинов В. Т. 35.
Логинова С. Е. 267.
Лодыгин Б. К. 203.
Ложечников И. К. 80.
Ломов А., см. Оппоков Г. И.
Лондарский М. И. 65.
Лукин 241.
Луначарский А. В. 33. 43, 45. 47—49. 59 101. 121. 122. 127. 129. 131, 154, 156, 157, 164, 186, 187, 193, 194, 207, 210, 211, 219, 220, 223, 224, 242, 243, 258.
Лускарев М. А. 178.
Луцкий Е. А. 265, 274.
Лучкин М. Н. 14, 20, 77, 114.
Любович А. М. 173, 181, 212, 219.
Лютер Г. П. 83, 93, 145, 146, 275.

Майоров И. 265.
Максименко В. Г. 71, 77.
Максимов А. С, 240.
Малевич М. С. 225.
Малиновский П. П. 259.
Малкин Б. Ф. 96, 142, 158, 159, 173.
Малышев М. О. 14, 15, 20, 114, 274.
Малышев С. В. 221.
Мальков П. Д. 68, 74.
Малютин Д. П. 211, 267.
Мамаева К. М. 14, 15, 19.
Манатов Ш. 260.
Маниковский А. А. 202. 238.
Мануильский Д.З. 207, 211, 219, 267.
Маньковский 241.
Маркелов А. Ф. 86, 92, 93.
Маркин Н. Г. 223, 253, 255.
Маркс К. 23.
Маркузе 200.
Марулин Д. Н. 213, 240.
Марушевский В. В 202, 238.
Марьяновский С. Г. 77. 92.
Масленников А. 226, 246.
Махина Ю. Я. 25.
Меллер В. Л. 285.
Мельникова Ф. Е. 73.
Менжинская Л. Р. 207, 211, 224, 258
Менжинский В. Р. 50. 54. 59, 61, 101, 105—107, 122, 146, 152, 154, 173, 191, 194, 195, 210, 236, 266.
Менциковский А. Л. 231. 254.
Механошин К. А. 212, 219, 238.
Мешковский Т. В. 225.
Мещеряков В. Н. 33, 169, 208, 247, 265, 266, 269.
Мещеряков Н. Л. 126—128.
Миллер В. 127.
Милютин В. П. 33. 34. 45—47. 49. 51, 54, 151. 226, 228, 281, 282
Миндлит Е. Н. 237.
Минкин А. Е. 85, 142.
Мирбах Р. Р. 70.
Митирев 222.
Михайлов И. А. 226.
Михайлова Е. А. 93.
Мицкевич С. И. 232.
Мицкевич (Мицкявичюс)-Капсукас В. С. 260.
Мончинский Ф. З. 156, 169. 248. 266. 269.
Мор Т. 23.

Мордвинов Р. Н. 16, 247, 261.
Морозкин И. С. 80, 125.
Морозов Б. М. 13, 15 232.
Москвин И. М. 207, 225.
Муранов М. К. 207, 210, 212.
Мусатов А. К. 194.
Мясников А. Ф. 184.
Мясников В. С. 213.

Назаров С. И. 180, 227.
Налетов Н. И. 80.
Небрат Н. М. 225.
Неверовский Н. М. 240.
Невский В. И. 33, 54, 154, 162, 203 207, 210, 211, 225, 267.
Неймант И. И. 207, 211, 225, 226.
Неклюдов Г. 65.
Нелидов А. А. 16, 17, 232, 257, 267.
Никифорак П. П. 11.
Никифоров П. 69.
Николаев 242.
Николаева Н. 52.
Никулин Я. 216.
Ногин В. П. 49, 51, 96, 228.

Оболенский В. В. (Осинский Н.) 51, 59, 86, 87, 98, 100, 118, 194, 207, 226—229, 244, 245.
Овермэн 250.
Одинцов С. И. 248.
Озеревская Л. Я. 77, 92, 93.
Озолин Я. 214.
Олтяну О. 22.
Ольденбург С. Ф. 78.
ОЛЬМИНСКИЙ М. С. 54, 210.
Оппоков (Ломов) Г. И. 33 34 47 49, 54, 95, 207, 262.
Орджоникизде Г. К. 207, 214.
Орлов Б. П. 16. 267.
Орлов В. С. 15, 20, 75, 76, 82, 96 105, 111, 114.
Орлов Н. 8, 169, 170, 202.

Павлов Д. А. 200, 227.
Падерин А. Н. 221, 228
Панах П. Л. 226.
Пенкайтис В. И. 213, 240.
Песикина Е. И. 12.
Пестковский С. С. 33, 71. 133, 138, 144, 172. 233, 234, 260.
Петерс Я. Х. 33, 159, 173, 214, 215.
Петерсон Я. Х. 74.
Петров 254.
Петров В. С. 14, 23.
Петров Ф. Н. 17. 35.
Петров Ф. Н. 247.
Петровский Г. И. 54. 58, 59. 80, 100—102. 128, 154, 156, 164, 203, 204, 210, 263.
Петряев А. М. 166.
Пильницкий В. М. 226.
Пино Л. М. 75.
Пионтковский С. А. 8, 9, 114.
Плансон К. А. 241.
Погрузов А. Д. 69, 86.
Подвигина Е. П. 20, 75, 82, 114, 125.
Подвойский Н. И. 46, 50, 54, 59, 98, 105, 131, 173, 184, 206, 212 219, 238, 248, 282.
Познер В. М. 211, 224, 258.
Покровский А. Л. 235, 236, 261.
Покровский А. С. 16.
Покровский М. Н. 48.
Поливанов Е. Д. 166, 253.
Половинкин П. 69, 72.
Полухин В. Ф. 240.
Полянский В., см. Лебедев-Полянский П. И.
Портянко А. Е. 235.
Потапов Н. М. 30, 31, 202, 238, 239, 247.
Правдин И. Г. 263.
Прохорова Т. 237.
Прошьян П. П. 55.
Пурин 225.
Путилов А. И. 135.

Рабинович М. 223.
Рабчинский 244.
Радзишевский А. Т., см. Арский Р.
Ральцевич П. 248.
Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 227, 240
РахьяЭ. А. 45, 47.
Рейнштейн Б. 254.
Рейснер М. А. 109, 110, 257.
Ремизова Т. А. 277.
Ривкин Б. 266.
Рид Д. 35, 52, 56. 111. 169. 170, 223, 250. 254, 255, 283-285.
Робинсон Р. 78.
Рогальский И. Б. 224, 243, 258.
Рогов А. Г. 267.
Ромм А. И. 285.
Рудзит 233.
Русанов И. М. 182.
Русинов Г. А. 66.
Руслякова В. Г. 13.
Рыков А. И. 49, 51, 54, 173.

Савельев М. А. 121, 226—228.
Садуль Ж. 78.
Сакс С. Е. 241.
Самойлова К. 52.
Самородкина А. Ф. 81.
Свердлов Я. М. 15—17. 54, 59, 113, 135, 137, 219, 220, 266-268.
Свешников Н. Ф. 221.
Селицкий В. Н. 225.

Семашко Н. А. 101, 128, 229, 262.
Семенов А. 61.
Сенюта Ф. М. 233, 260.
Сергеев 227.
Сергеева Ю. П. 71, 76—78, 81, 91—93.
Серебровскии А. П. 34, 210, 227, 228.
Серебрянский З. Л. 9—11, 185.
Сидякин Ф. 79.
Симак С. О. 69. 71, 87, 93.
Симоненко К. Т. 181.
Симонов П. 256.
Синицын А. 182.
Скарятин Г. Д. 202.
Скворцов-Степанов И. И. 49, 95, 173.
Скибинский Ф. К. 237.
Склянский Э. М. 212, 238.
Скоробогатов 167.
Скороходов Я. А. 220.
Скорынко В. 260.
Скрыпник М. Н. 27, 33, 34, 56, 67, 69, 71-73, 77, 79. 81. 82. 96, 208.
Скрыпник Н. А. 77, 207, 208, 226, 228.
Слуцкая В. 222.
Смирнов 125.
Смирнов А. П. 263. 264.
Смирнов В. М. 207. 226. 228.
Смирнов И. С. 16, 83—86, 142, 258, 260.
Смукрович А. Ю. 188.
Соболев И. И. 83. 146.
Соболев П. Н. 17, 93, 201.
Соколов С. Ф. 65.
Соловей Д. М. 35. 208. 211, 283.
Соловей Е. М. 207. 208, 211, 219.
Соловьев Ю. Я. 167.
СоЛОДКОВ Н. П. 240.
Софинов П. Г. 16. 19, 213, 215.
Софроненко К. А. 17.
Сталин (Джугашвили) И. В. 12. 49, 59, 122. 233, 260.
Сталь Л. 52.
Старк Л- Н- 142.
Гтасова К. Л. 35. 127.
Стендер В. П. 69. 77.
Степанов R. Т. 35.
Стуков 225
Стучка П. И 8 33 50 59 97 110. 116, 129. 133. 156. 162, 167, 169 202, 207. 219, 257, 258.
Суханов Н. Н. 35. 46, 282.

Таргулов Я. Н. 140, 142.
Тарновский К. Н. 245.
Татищев Б. А. 197.
Темкин Я. Г. 227.
Теодорович И. А. 34, 49, 52, 54, 173, 184, 219.
Терентьева Л. М. 276.
Тимофеев Г. 176.
Тимофеева А. 80, 125.
Тирзит А. И. 75, 264.
Тихонова З. Н. 35.
Ткаченко Д. 248, 249.
Токаренко М. 216.
Трохимовский П. М. 247.
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 49, 256.
Трутовский В. Е. 55, 105—107, 263, 264.
Труш М. И. 175, 176, 253, 256, 257.
Туманова С. И. 276.

Угланов Н. 216.
Унгерн-Штернберг 167.
Ундревич В. 9, 193.
Уншлихт И. С. 179, 212, 219, 224, 254.
Урицкий М. С. 76, 98, 112, 152, 166, 179, 212, 219.
Утевский Е. З. 81, 92, 93.
Ушаков А. А. 258.
Ушаков И. А. 14, 15, 20.

Фалеев Н. 247, 265.
Федоров А. 81, 92, 93.
Федоров Г. Ф. 186, 207, 221.
Федоров К. Г. 15, 11, 243.
Федюшин Г. Р. 77, 88, 93.
Фельбах Р. Р. 264.
Феофилактов 265.
Филатьев 202.
Филиппов 227.
Флаксерман Ю. Н. 259.
Флаксман 208.
Флаксман С. М. 257.
Флеер М. 159.
Флеровский И. П. 219, 225.
Фомин А. А. 80.
Фомин В. В. 214.
Фотиева Л. А. 88. 106. 127.
Фофанова М. В. 266, 275, 281—282
Фоайман А. Л. 70, 133, 187.
Френсис Д. Р. 71.

Хабло Е. 223.
Хаин А. 225, 267.
Хеглунг Ц. 78.
Хесин С. С. 12, 213, 241, 242, 261.
Хинканен Е. 69, 71, 87.

Цветков А. К. 100. 238.
Циховский К. Г. 233, 234, 260.
Цыпкин 233.
Цюрупа А. Д. 54, 210, 211, 267.

Чебаевский Ф. В. 30, 164.
Червяков А. 260,

Черкасова М. 52.
Чернышева О. Ф. 52.
Чернявский Н. Н. 200.
Чильбаум К. 78.
Чистяков О. И. 15.
Чичерин Г. В. 54, 175, 210, 222, 254, 257.
Чубаров В. 121.
Чубарь В. Я. 226.
Чубарьян А. О. 59, 177.
Чугаев Д. А. 12, 13, 15, 20, 50, 57, 69, 91, 108, 191, 212, 239, 261, 276.
Чудновский Г. И. 61, 137.

Шаблинский Ф. М. 235, 261.
Шарапов Ю. П. 15.
Шатагин Н. И. 12, 19, 202, 205.
Шахматов А. А. 78.
Шахунова П. А. 67, 69, 77, 93.
Шевников Н. В. 235, 261.
Шелепина 174, 253.
Шепелева Т. В. 25.
Шидловская Т. 248.
Шидловский Г. 248.
Шихонов И. И. 79.
Шишкин А. 79.
Шлихтер А. Г. 33, 34, 54, 59, 72, 73, 98, 156, 164, 170, 171, 174, 178, 193, 202, 203, 207—211, 232, 233, 251, 267.
Шляпников А. Г. 47, 49, 52, 54, 59, 106,107, 129, 156, 164, 182, 190—192, 200, 216, 221, 222, 226—228.
Шмидт В. В. 207, 216, 221, 263.
Шмидт О. Ю. 233.
Шоломович А. П. 211, 225.
Шотман А. В. 88, 207, 211, 244.
Шпунт Ю. С. 31, 170, 171, 203, 233, 266.
Шрейдер А. А. 257, 258.
Штарев А. С. 240.
Штейнберг И. *З.* 55, 57, 58, 89, 100 106, 257, 264.
Штернберг Д. П. 224:
Шувалов М. П. 237.
Шульга С. И. 35, 60, 61.
Шутко К. И. 207, 221.
Шутко Н. Ф. 221, 222.

Щукин С. Е. 214.

Эбергард А. А. 241.
Энгельс Ф. 23.
Эссен Э. Э. 51, 54, 59, 162, 175, 207, 210, 211, 235, 236, 261.

Юров Ю. 266.

Яворский Г. Э. 235.
Яковлев В. В. 173.
Яковлев Я. А. 48.
Яковлева В. Н. 54, 207, 225, 226, 243, 244, 251.
Якубов А. С. 173, 211, 267.
Янковский Я. 85.
Яррос Г. М. 78.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Введение 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начальная история Совета Народных Комиссаров

Глава 1. Создание Совета Народных Комиссаров. Изменения в его составе 41

Глава 2. Образование аппарата Совнаркома. Налаживание его деятельности 60

Глава *3*. Организация работы Советского правительства 95

Глава 4. Первые декреты в Совете Народных Комиссаров 114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Начальная история советских народных комиссариатов

Глава 1. Первые шаги по овладению бывшими министерствами . 151

Глава 2. Создание первоначального аппарата народных комиссариатов в Смольном 172

Глава *3*. Пресечение чиновничьего саботажа. Налаживание деятельности народных комиссариатов в бывших министерствах 193

Глава 4. Первые итоги в организации народных комиссариатов . . 253

Заключение 271

Приложение. О тексте ленинского декрета „О земле". 274

Перечень использованных архивных фондов 287

Список иллюстраций 289

Указатель имен 291

Михаил Павлович Ирошников

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Утверждено к печати
Ученым советом Ленинградского отделения
Института истории АН СССР

Редактор издательства *Е. Г. Гагин*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Л. М. Мамедова*
Корректоры *В. А. Пузиков, Г. И. Шер* и *Н. П. Яковлева*

Сдано в набор 6/I 1966 г. Подписано к печати 22/IV 1966 г. РИСО АН СССР № 11—108В. Формат бумаги 60 X 90 1/16. Бум. л. 9 15/16. Печ. л. 18¾ + 9 вкл. (1 1/8 п. л.) = 19.87 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21,43. Изд. № 2803. Тип. зак. № 699. М.35543. Тираж 2500.

Бумага типографская № 1. *Цена 1 р. 36 к. + переплет 20 к.*

Ленинградское отделение издательства „Наука"
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука". Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12